

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ

ТОМ II

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО
проф. В. Н. ИВАНОВСКОГО, Д. Н. КОРОЛЬКОВА
и Н. С. ТЕРНОВСКОГО

ПОД РЕДАКЦИЕЙ,
С ВВОДНЫМИ СТАТЬЯМИ и ПРИМЕЧАНИЯМИ
проф. А. А. КРАСНОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМПРОСА РСФСР
МОСКВА * 1939

Во второй том «Избранных педагогических сочинений» Я. А. Коменского входят отдельные, наиболее ценные, педагогические сочинения великого чешского педагога, относящиеся к различным периодам его педагогических опытов и творчества. «Предвестник всеобщей мудрости» и «Похвала истинному методу» даны в русском переводе впервые. Большинство других трактатов были известны у нас в переводе с немецких переводов. Здесь же они даны в переводе с латинского оригинала. Каждое из помещаемых здесь произведений Я. А. Коменского является оригинальным педагогическим трактатом и имеет не только историческое значение, но и отвечает на целый ряд педагогических вопросов нашего времени.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Во второй том «Избранных педагогических сочинений» Я. А. Коменского мы включаем произведения, написанные в различные периоды его педагогической деятельности. Сюда входят, во-первых, «Материнская школа» и «Предвестник всеобщей мудрости», относящиеся к первому периоду деятельности Я. А. Коменского, датированному им самим в Амстердамском издании его сочинений 1627—1642 гг. Во-вторых, сюда мы включаем группу небольших по объему, но весьма важных по своему значению педагогических сочинений, относящихся к третьему периоду педагогической и писательской деятельности Коменского. Это небольшая часть произведений мыслителя, выполненная им в период пребывания в Венгрии с 1650 до 1654 г., когда он имел возможность проверить свои педагогические построения на опыте работы в организованной им Сарос-Потожской школе. В эту группу мы включаем следующие трактаты: 1) «О культуре природных дарований», 2) «Пансофическая школа», 3) «Об изгнании косности из школ», 4) «Похвала истинному методу», 5) «О пользе точного наименования вещей», 6) «Правила поведения», 7) «Законы хорошо организованной школы». Строго говоря, эти семь трактатов представляют собой завершённый круг вопросов, посвященных практическому руководству школой.

Наконец, в-третьих, во второй том мы включили небольшой по объему, но исключительно богатый по своему содержанию и значению трактат «Выход из схоластических лабиринтов». Этот трактат написан Коменским уже во время пребывания его в Амстердаме и помещен в IV части Амстердамского издания 1657 г.

Из перечисленных педагогических сочинений Я. А. Коменского, вошедших во второй том нашего издания, впервые в русском переводе появляются «Предвестник всеобщей мудрости» и «Похвала истинному методу». Другие помещаемые здесь произведения были в разное время переведены разными лицами. Однако большинство этих произведений было известно у нас в переводе не с оригинала, а с немецких переводов. С латинского языка в дореволюционное время были переведены только два произведения: «О культуре природных дарований» в переводе Л. Н. Модзалевского и «Законы благоустроенной школы» в переводе под ред. П. Ф. Каптерева. Оба эти произведения, изданные отдельными брошюрами, мало известны нашим читателям классической педагогической литературы и давно уже составляют библиографическую редкость.

Мы даем все включаемые во второй том «Избранных педагогических сочинений» Я. А. Коменского трактаты в переводе с латинского оригинала.

Источником для нашего перевода послужил латинский текст педагогических сочинений Я. А. Коменского в последнем, чехословацком, издании в Брно, в томах: I («Предвестник всеобщей мудрости»), IV («Материнская школа») и IX (педагогические произведения, написанные в Сарос-Потоке). Однако в имеющихся в наших книгохранилищах томах чехословацкого издания не оказалось текста следующих педагогических трактатов: «О культуре природных дарований», «Пансофическая школа» и «Выход из схоластических лабиринтов». Для перевода и редактирования этих произведений мы воспользовались Амстердамским изданием 1657 г., частью в Ленинграде, частью по межбиблиотечному абонементу. Это издание, выполненное, как известно, под непосредственным руководством самого Я. А. Коменского, настолько редко и замечательно во многих отношениях, что мы решили иллюстрировать книгу рядом фотоснимков из этого исключительного исторического памятника педагогической литературы.

На всех педагогических сочинениях Я. А. Коменского, в том числе и на помещаемых нами в этом втором томе, лежит отпечаток эпохи, когда имело место, по выражению Фридриха Энгельса, «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности» как необходимое следствие того, «что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя». (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, ГИЗ, 1930, стр. 128.) Советский читатель, однако, легко отбросит в сочинениях Я. А. Коменского эту пройденную уже стадию исторически обусловленной религиозно-церковной оболочки в его педагогических построениях и откроет в публикуемых произведениях неиссякаемый источник передовых педагогических идей, исключительно плодотворных по своему практическому значению не только для своего времени, но и для нашего.

При составлении Указателя имен, при сличении текстов, а также и в других работах по подготовке к печати этого тома большую помощь оказали редактору Е. И. Красновская и Н. К. Григорьева, которым пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность.

Москва, 3 марта 1939 г.

Проф. А. А. Краснозский

Проф. А. А. КРАСНОВСКИЙ

«МАТЕРИНСКАЯ ШКОЛА» Я. А. КОМЕНСКОГО.

«Материнская школа» принадлежит к числу первых педагогических трактатов Я. А. Коменского. Это произведение раскрывает идеи автора в области дошкольного воспитания.

Первоначально это произведение было написано в 1628 г. на родном для автора чешском языке и предназначалось преимущественно для соотечественников Коменского.

Успехи шведских войск во время Тридцатилетней войны в борьбе с реакционными императорами-католиками Габсбургской династии окрыляли чехов надеждой на скорое освобождение их несчастной, выжженной и опустошенной родины.

Под влиянием этих надежд и возникал вопрос, как помочь несчастной, разграбленной стране снова встать на ноги, восстановить свое некогда блестящее хозяйство, укрепить общественный строй и создать благоприятные условия для мирной культурной жизни.

Сам жестоко пострадавший от войны (он лишился жены, детей и библиотеки), лишенный права проживать на родине и обреченный на скитания Я. А. Коменский упорно работал над собой. Знакомство с лучшей философской и педагогической литературой своего времени, традиции культурного трудового народа с его радикально-протестантским вероисповеданием навели Коменского на мысль искать путей восстановления культурной жизни своей родины в хорошо продуманной системе образования. Эти свои мысли Коменский и развернул сначала в написанной по-чешски «Великой Дидактике», а затем и в «Материнской школе».

Предназначая это произведение для родителей, Коменский стремится внести рациональную постановку воспитания в каждую семью, захватить разумным воспитанием детей с момента их появления на свет. Таким образом он рассчитывал предохранить детей еще до школы от всяких противодействующих, вредных или ненужных влияний, засоряющих детскую душу, калечащих здоровье детей и затрудняющих последующее их нормальное развитие под влиянием школы и школьного обучения.

Начинается трактат (I глава) раскрытием той мысли, что дети являются великим, дорогим сокровищем для родителей и для отечества, что детям принадлежит будущее. Обосновывая свою мысль в принятой в его время форме ссылок на тексты из так называемого «священного»

писания, Коменский в то же время приводит яркий пример уважения к детям со стороны известного ученого эпохи Возрождения Филиппа Меланхтона. Последний, как говорит предание, здороваясь в школе с детьми, называл их пасторами, профессорами, судьями, учеными, докторами и т. п., подчеркивая этим ту цель, ради которой учащиеся направлены в школу, и ту будущую деятельность, которую несомненно придется выполнять значительному числу учащихся. Вслед за античными мудрецами Коменский ставит заботу родителей о воспитании детей бесконечно выше, чем заботу об обеспечении детей материальными благами, и намечает три области воспитательных забот родителей о детях: веру и страх божий, нравы и добродетели, знание языков и различных искусств (II глава). Далее Коменский развивает (III глава) ту мысль, что все эти знания и навыки детьми могут быть усвоены не иначе, как путем тщательного, систематического воспитания—в семье родителями, а в школах с помощью специально привлекаемых к делу учителей. При этом школы он рассматривает как места радостного труда и разумного досуга учащихся. В IV главе Коменский дает классификацию знаний и навыков, осуществляемых в процессе воспитания. Это, во-первых, как в то время полагалось, благочестие, во-вторых, нравы и добродетели (умеренность, чистота и опрятность, почтительность к старшим, послушание, правдивость, справедливость, любовь к благотворительности и к труду, умение молчать, терпение, предупредительность и услужливость по отношению к старшим, деликатность в манерах и поведении, скромность). Третью группу результатов воспитания Коменский называет то «полезными науками» (IV, 4), то «свободными искусствами» (IV, 8). Эти знания, или искусства, Коменский делит на три разряда: знание, действие и речь. К знаниям Коменский относит знания в области: 1) естествоведения, 2) оптики, 3) астрономии, 4) географии, 5) хронологии (имеются в виду основы и элементы определения продолжительности времени и его деления на определенные отрезки—час, день, неделя, зима, лето и т. п.), 6) истории (имеется в виду распределение и описание событий во временной последовательности), 7) хозяйства, 8) политики. К искусствам деятельности Коменский относит следующие виды деятельности ума, языка и рук: диалектику (умение отвечать на вопросы), арифметику, геометрию, музыку (умение петь), ремесла (умение рубить, колоть, связывать, развязывать, сваливать в кучу и т. п.). К искусствам речи Коменский относит грамматику, риторику (жесты и образные выражения) и поэтику (знание поэтических произведений).

Главы V—X Коменский посвящает главным образом раскрытию методических приемов, с помощью которых возможно развивать знания и навыки в различные возрастные моменты детей до 6 лет.

V глава трактует о развитии здоровья и силы у детей. Здесь Коменский уделяет особое внимание доказательству необходимости для матерей самим кормить детей грудью. VI глава посвящена раскрытию посильных для дошкольников объема, содержания и методики передачи детям знаний. В VII главе Коменский излагает элементарные занятия и игры детей, с помощью которых они усваивают перечисленные виды деятельности. VIII глава посвящена методике развития речи детей. IX глава посвящена раскрытию роли примера,

J. A. COMENII Opera Didactica Omnia

OPERA DIDACTICA OMNIA.

Variis hucusque occasionibus scripta,
diversisque locis edita: nunc autem non
tantum in unum, ut finalis sit, collecta, sed
& ultimo consilio in Syllectam unam me-
chanice constitutam, re-
dacta.

AMSTERDAMI
Impensis D. LAURENTII DE GEER.

Paradoxis
CHRISTOPHORUS GYCKELIUS, & GABRIEL A. ROY.
Anno M. DC. LVII.

URBI EMINENTISSIMAE AMSTERDAMO.

Emporio Orbis celeberrimo,

Enique

SAPIENTISSIMO SENATUI.

Optam Proferitatem:

Титульный лист Собрания педагогических сочинений Я. А. Коменского в Амстердамском издании 1657 г.:

«Я. А. Коменского Собрание педагогических сочинений, написанных до сего времени по различным поводам и изданных в различных местах, теперь же не только сведенных вместе воедино, но и отредактированных на основе совершенного опыта в единой механически сконструированной системе.

Амстердам. Изданием Д. Лаврентия Геера, напечатано Христофор Кунрадус и Габриель а Рой. В год 1657».

Посвящение г. Амстердаму и его сенату, помещенное на обороте титульного листа Амстердамского издания Собрания педагогических сочинений Я. А. Коменского. В переводе на русский язык оно гласит:

«Преславному городу Амстердаму, многолюднейшему рынку мира, и его мудрейшему сенату пожелавше всеяческого процветания».

разумного наставления, упражнения и умеренной дисциплины для упражнения в правственности и добродетели, X глава — упражнению в благочестии.

Обуянная в XI главе вопрос о том, «как долго следует удерживать детей в материнской школе», Коменский предупреждает родителей о последствиях преждевременного, скороспелого развития детей и перевода их в школу, а также об опасностях бездельной, праздной жизни детей до школы, и говорит об индивидуальных особенностях развития детей. Во всяком случае, шестилетний возраст он считает нормальным для перехода детей в школу. Коменский заканчивает свой трактат по дошкольному воспитанию в семье рядом серьезных советов о том, чтобы родители разумно подготавливали в детях любовь и интерес к школе, уважение к учителям и стремление к хорошим результатам обучения в школе, а не запугивали бы их школой.

После античного греческого мыслителя Платона (428 — 347 гг. до н. э.) Коменский дает первую развернутую систему дошкольного воспитания, поставленную в теснейшую связь со всей системой воспитания. Своей системой Коменский охватывает физическое, моральное и интеллектуальное развитие ребенка дошкольного возраста и поучает родителей и воспитателей тому, как поставить это развитие в соответствие с развивающимися, крепнущими силами и духовными природными задатками детей.

Обычно бесформенный, несистематический опыт ребенка в приобретении познаний о мире Коменский упорядочивает и подводит под рубрики строго научных и практических знаний (физика, оптика, астрономия, география, история и т. п.). Таким образом, Коменский показывает читателям, как уже в раннем детстве закладываются элементы и основы тех научных и практических познаний, которые представляют собой исключительную ценность и для последующих ступеней образования, вплоть до самой высшей. Нужно ли говорить, что эта идея Коменского пробуждала и пробуждает уважение к детскому опыту, и ко многому обязывает родителей и воспитателей, в подавляющем большинстве случаев и до сего времени не понимающих всего серьезного значения первых детских опытов по приобретению познаний о мире и навыков действия в нем и поведения в обществе.

В 1828 г. немецкий философ Краузе дал углубленный очерк сочинений Коменского в целом, который привлек внимание Фребеля к вопросу о дошкольном воспитании. Надо полагать, что это сочинение и вдохновило Фребеля в его идеи организации и системы занятий в детских садах¹.

У Коменского то и дело появляются богословские тенденции к воспитанию благочестия и религиозности и богословские доказательства защищаемых им положений. В этом сказывается характер и стиль эпохи. По существу же в религиозно-церковной оболочке Коменский нередко преподносит читателю здоровые, чисто светские идеи и заботы о физическом благополучии детей, о развитии у них совершенно точных, ясных знаний о реальном мире, навыков разумного, гуманного поведения в общественной среде.

Надеждам Коменского на скорое восстановление самостоятельности Чехии не суждено было сбыться. Война с Габсбургами затягивалась. И первые издания «Материнской школы» появились в 30-х годах XVII в. на немецком языке: в 1633 г. в польском городе Лешно и в 1634 г. в городе Лейпциге под заглавием «*Informatorium Mutterschul*» (обычно это заглавие переводят «Устав материнской школы»). Коменский сам редактировал перевод этого сочинения на немецкий язык. В 1636 г. появилось издание этого сочинения на польском языке в городе Торне². Во время пребывания Коменского в Англии в 1641 г.

¹ См. А. Heyberger, Jean Amos Comenius (Komenský). Sa vie et son oeuvre d'éducateur, Paris, 1928, p. 13.

² См. сообщения об этом самого Коменского в Opera didactica omnia, pars I, p. 197.

сочинение было опубликовано в Лондоне на английском языке под заглавием «School of infancy» («Школа раннего детского возраста»).

На латинском языке при жизни Коменского это сочинение под названием *Schola infantiae sive de provida iuventutis primo sexennio educatione* («Школа раннего детского возраста, или о предусмотрительном воспитании юношества в первые шесть лет») было опубликовано в Собрании педагогических сочинений Коменского (*Opera didactica omnia*, pars I, p. 198 — 249) в Амстердаме в 1657 г.

Новый интерес к «Материнской школе» возникает только со второй половины XIX века), когда в европейских странах дошкольное воспитание поставлено было на путь практического осуществления в формах общественного воспитания.

В 1841 г. Евг. Пуркине открыл в городе Лешно рукопись этого сочинения на чешском языке вместе с рукописью «Великой Дидактики» с пометками самого автора. Эта рукопись составляет достояние Национального музея в Праге. Первое издание рукописи на чешском языке появилось в Праге только в 1858 г. благодаря стараниям Гиндели (*Gindely*).

С тех пор в XIX в. появились многочисленные издания переводов этого произведения на немецком и чешском языках, четыре перевода на английском, один на кроатском, один на шведском и один на итальянском языках¹.

Имевшиеся до сих пор у нас переводы этого сочинения сделаны либо с немецкого, либо с чешского текстов:

1) Я. А. Коменский, Материнская школа, перевод М. В. Воскресенской, изд. ред. «Образование», СПб 1892 — по немецкому переводу J. Beeger'a и J. Leutbecher'a в серии *Richters Pädagogische Bibliothek*.

2) Перевод Адольфа и Любомудрова (изд. Тихомирова, 2-е изд. М. 1911) тоже с немецкого (источник не указан).

3) Перевод Ф. В. Ржиги (Нижний-Новгород 1893), под названием Я. А. Коменский, Устав материнской школы — сделан с чешского подлинника под заглавием «*Informatorium Skoly materske*».

Наш перевод сделан с латинского текста по последнему, чешскому, изданию Полного собрания сочинений Я. А. Коменского, в котором даны параллельно идущие латинский, чешский и немецкий тексты. См. *Veskerých Spisu Jana Amosa Komenského Svazek IV*, подготовленный к изданию D-р Jan. V. Novák. V Brně, 1913, p. 456 — 617. В оглавлении к первой части Амстердамского издания педагогических сочинений Коменского, в 1657 г., это сочинение называется «*Schola materni gremii sive de provida iuventutis primo sexennio educatione*, (что в переводе на русский язык должно звучать так: «Школа материнского лона, или о заботливом воспитании юношества в первые шесть лет»). Но в начале текста в Амстердамском издании, а вслед за ним и в последнем чешском издании это сочинение озаглавливается так: «*Schola infantiae, sive de provida iuventutis primo sexennio educatione*». Поэтому, следуя точному смыслу, нужно было бы озаглавить это сочинение необычным у нас названием «Школа детского возраста, или о заботливом воспитании юношества в первые шесть лет».

¹ См. A. Heyberger, Jean Amos Comenius (Komensky) Sa vie et son oeuvre d'éducateur, Paris 1928, p. 246.

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ
МАТЕРИНСКАЯ ШКОЛА,
или
*о заботливом воспитании юношества
в первые шесть лет*¹.

По свидетельству бога (Ис. 28, 8 — 9) нужно особенно блюсти род человеческий в колибели. Предупреждать испорченность легче, чем исправлять ее; мало того, совершенно испорченное исправить невозможно. Отсюда правило: Все зависит от начала. А также: Каково начало, таково и все.

(Отсюда слова Христа: Пусть дети приходят ко мне и не препятствуйте им: ведь таковых есть царствие божие (Марк, 10, 14).

А Соломон говорит: юноша, наставленный в своей жизни, даже состарившись не отступит от нее. Цицерон: Основа всего государства состоит в правильном воспитании юношества².

*Благочестивым христианским родителям, воспитателям,
опекунам, наконец, всем, на кого падает какая-либо часть попечения
о детях, привет!*

После того как я решил напомнить всем вам, возлюбленные, о вашей обязанности, представляется необходимым предпослать три следующих положения.

I. Какие драгоценные сокровища дарует бог тем, кому он вверяет залог к жизни.

II. С какою целью он дает это. И к каким целям нужно направлять корабль воспитания.

III. Юношество до такой степени нуждается в хорошем воспитании, что, лишившись его, должно было бы погибнуть.

¹ Подчиняясь традиции, мы сохраняем установившееся в русской педагогической литературе не совсем точное заглавие — «Материнская школа»

В оглавлении Амстердамского издания 1657 г. это произведение названо «Schola materni gremii», т. е. «школа материнского лона», а в тексте — «Schola infantiae sive de provida juventutis primo sexennio educatione». Это же название удерживается за данным произведением и в последнем издании Полного собрания сочинений Коменского в Брно. При точном переводе на русский язык следовало бы озаглавить это сочинение так: «Школа детского возраста, или о заботливом воспитании юношества в первые шесть лет».

² В Амстердамском издании этот эпиграф из Цицерона не приводится.

J. A. COMENII
DIDACTICORUM
OPERUM

Parti Prima.

Ea continens, quæ de sanctiore Ju-
ventutis Educatione, melioreque Scho-
larum statu, ab Anno 1627 usque ad 1642 scripta
sunt: cum breviter memoratis Occasionibus
quibus ea sunt veniant, subsequen-
tes tractatuum cen-
sus.

Quoniam syllabarum sequenti ostendit pagina.

Титульный лист первой части
Собрания педагогических сочи-
нений. Я. А. Коменского в
Амстердамском издании 1657 г.
В переводе на русский язык
гласит:

«Я. А. Коменского

ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Часть первая

Она заключает в себе [сочинения], о
более возвышенном воспитании юно-
шества и о более совершенном состоя-
нии школ, которые были написаны
о 1627 г. по 1642 г., с краткими на-
поминаниями о поводах, по которым
эти [сочинения] возникли и о после-
дующих оценках ученых.

Состав этих сочинений показывает
следующая страница».

В вишнетке надпись гласит:

«Пусть все свободно течет.

Прочь насилье.».

Comprehensa hic sunt.

- I. DE primis Occasionibus, quibus huc studiorum delapsus
fuit Author, brevissima relatio.
- II. Didactica Methodus, Omnes omnia docendi artificia
exhibens.
- III. Scholæ rationem primum: sive de provida Juventutis pri-
mo sexennio Educatione.
- IV. Scholæ Vernacula Delectatio.
- V. Janus Latina Lingua primus edita.
- VI. Vestibulum ei præfationem.
- VII. Præfatio Templi Latinitatis, Davidis Vechmeti & cur
opus non præcessit.
- VIII. De Germaniæ Latini studii quadrupartito Diffinitio Didacti-
ca, ad Vratislavienses.
- IX. Præfatio Panosophiæ.
- X. Vaporum de eo Confusio, quibus ulteriorum in hoc
genere molinum occasiones dant.
- XI. Panosophicorum Constantium Dilucidatio.

Перечень сочинений, вошедших
в первую часть Амстердамского
издания Собрания сочинений

Я. А. Коменского в 1657 г.:

I. Кратчайшее сообщение о первых
поводах, вследствие которых автор при-
шел к этим занятиям.

II. Великая Дидактика, заключающая
в себе искусство учить всех всему.

III. Школа материнского лона, или о
заботливом воспитании юношества в
первые шесть лет.

IV. Очерк школы родного языка.

V. Дверь латинского языка, впервые
изданная.

VI. Пристроенный к ней вестибюль.

VII. Предварительное оформление
храма латыни Давида Вехнера и
почему это сочинение не имело успеха.

VIII. Дидактическая диссертация о
четырехступенном изучении латинской
речи.

IX. Предвестник пансофии.

X. Различные оценки его, давшие по-
воды к дальнейшей усердной работе.

XI. Освещение пансофических опытов.

Выставив эти три положения, я приступаю к своему началу.

Под твоим руководством, Отец, от которого именуется всякое рождение на земле и на небе, я по порядку изложу нужное вам искусство воспитания в применении к первому нежному возрасту.

ГЛАВА 13.

Так как дети являются драгоценнейшим даром Божиим и ни с чем не сравнимым сокровищем, то к ним нужно относиться с величайшей заботливостью.

1. Что дети бесценное сокровище, об этом свидетельствует дух Божий устами Давида (Псалм., 127, 3, 5) так: «Вот наследие господа — сыновья, и плод чрева есть дар; как стрелы в руке, так юные сыновья. Счастлив муж, который наполнил ими свой колчан; не посрамится». Ты слышишь, какими счастливыми называет он тех, кому бог дарует детей?

2. Это видно и из того, что, желая засвидетельствовать свою высшую любовь к нам, бог называет нас «сыновьями», как будто не зная более славного имени.

3. Чрезвычайно сильно восстает он против обычая приносить детей в жертву Молоху (Левит, 20, 2; Иерем., 32, 35). Заслуживает величайшего внимания, что даже о детях идолопоклонников бог говорит, что они рождены ему (Иезек., 23, 37), давая этим понять, что дети рождаются не для нас, но для самого бога, и что к ним, как к детям Божиим, нужно относиться с величайшей заботливостью.

4. Поэтому у пророка Малахии дети называются «семенем Божиим» (Малах., 2, 17), откуда возникает потомство бога (Деян., 17, 29).

5. По этой причине вечный сын Божий, явившийся во плоти, не только пожелал воспринять на себя природу детей, но и считал за величайшее удовольствие и наслаждение принимать детей в свои объятия как любимых маленьких братьев и сестер, ласкать их, целовать и благословлять (Марк, 10, 16).

6. И не только это. Он с угрозою воспрещал служить для детей хотя бы малейшим соблазном и повелевал блюсти их, как самого себя, предсказывая горе тому, кто соблазнит одного из малых сих (Матф., 18, 5 — 6).

7. Если бы кто-либо пожелал основательно обсудить, почему бог так любит маленьких детей и так строго предписывает нам попечение о них, тот найдет для этого много причин. Во-первых, если тебе теперь дети представляются не заслуживающими внимания, то смотри не на то, каковы они теперь, а на то, каковы они должны быть по начертанию Божию. Ты увидишь в них не только происшедших от нас

¹ Вся первая и, частично, вторая главы дают яркое представление о религиозно-христианском направлении мышления Коменского в раскрытии его взглядов на природу детей и их назначение. Это объясняется тем, что в эпоху Коменского имело место «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности». «Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было... необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, М. 1930 г., стр. 128).

обитателей мира и обладателей вселенной, заместителей бога среди творений, но и наравне с нами соучастников Христу, царских жрецов, избранный народ, спутников ангелов, судей дьяволов, утешение небес, укаса ада, наследников небес во все века веков. Что можно придумать более возвышенного?

8. Блаженной памяти Филипп Меланхтон, войдя некогда в тривиальную¹ школу (*triviale scholam*) и взглянув на толпу учеников, обратился к ним с такою речью:

«Приветствую вас, почтенные господа пасторы, доктора, лиценциаты, суперинтенденты². Привет вам, знаменитейшие, мудрейшие, славнейшие, ученейшие господа консулы, преторы, судьи, префекты, канцлеры, секретари, магистры, профессора» и пр. Когда некоторые из присутствующих встретили это смехом, он отвечал: «Я не шучу, а говорю серьезно. Ведь я вижу детей не такими, какие они теперь, но я имею в виду ту цель, для которой нам дают их на воспитание (*formandi*), и я уверен, что из их числа выйдет несколько таких мужей, хотя среди них, быть может, применано и несколько высевок и мякины». Смело сказал это мудрейший муж! Так почему нам с равной уверенностью не провозгласить обо всех детях христиан те славные слова, которые только что были сказаны, если истолкователь вечных тайн божиих, Христос, предвозвестил нам, что таковых есть царствие божие (Марк, 10, 14).

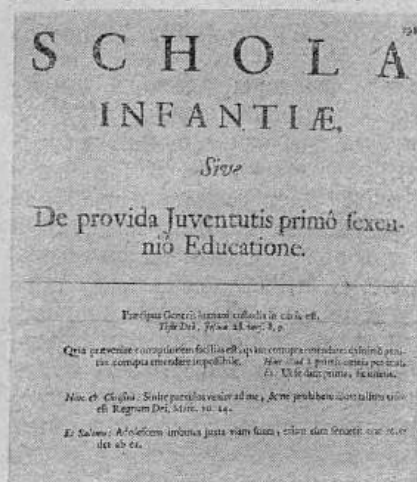
9. Но если бы мы поразмыслили даже над настоящим положением, то и то очевидно, почему дети, неоцененное благо (в глазах бога), должны быть такими и для родителей. Прежде всего потому, что они являются еще неоскверненным, а следовательно и невинным, образом Божиим (Иона, 4, 11). Ибо, за исключением одного только первородного греха, они еще пока не осквернились никаким преступным делом, не умея различать добра от зла, правой руки от левой. Что бог обращает внимание на это, достаточно видно из известных слов к Ионе и из других мест.

10. Во-вторых, они суть чистейшее, дорого купленное владение Христа, так как Христос, который пришел найти то, что прежде погибло, называется Спасителем всех, кроме тех, кто за свое неверие

¹ Термин «тривиальный» происходит от латинских слов *tres* (три) и *via* (дорога, путь). Тривиальными школами древние римляне называли простонародные школы для первоначального образования. В эпоху Меланхтона в XVI в. были еще неизвестны так называемые народные школы на родном языке учащихся, и по традиции от древних римлян школы начального образования также носили название «тривиальных». Эта традиция поддерживалась и тем обстоятельством, что в зависимости от квалификации учителей эти школы иногда перерастали в школы для изучения трех (*tres*) путей (*via*), ведущих к образованию: грамматики (латинского языка), риторики (умения писать и говорить на латинском языке) и диалектики (умения приводить доказательства и вести споры). Грамматика, риторика и диалектика, взятые вместе, назывались науками тривиума.

² Доктор — третья ученая степень, от латинского слова *doseo* — учу, следовавшая после первых двух — бакалавра и магистра. Лиценциат (от латинского *licet* — дозволено) — ученое звание, обозначавшее право окончившего учебное заведение занимать должность преподавателя или какую-либо должность в церковном и светском управлении. Суперинтендент — название должности по церковному управлению округом или областью.

и пераскайность исключает себя от участия в этой заслуге. Итак, за детьми, которые еще не отрицают Христа, остается право приобретенного спасения и царство небесное. Они суть те из людей, которые куплены, чтобы быть первенцами богу и Агнцу, не осквернившись с женщинами (т. е. не запятанные греховными пожеланиями), но следуют они за Агнцем, куда бы он ни пошел (Апок., 14, 4), а чтобы они следовали за ним постоянно, ими нужно руководить посредством святого воспитания.

Заглавный лист «Школы младенческого возраста» в первой части Амстердамского издания сочинений Я. А. Коменского 1657 г. Перевод этого заглавия и эпиграфов к нему см. стр. 10 нашего перевода.

влеченные и не что иное, как попираемый ногами прах, лишь немного более обработанный и очищенный, а дети — живые образы живого бога.

13. Во-вторых, золото и серебро суть вещи внешние, произведенные одним словом повеления божия, а дети — это то создание, о творении которого святейшая троица образовала особый совет и которое создал бог своими перстами.

14. В-третьих, золото и серебро — вещи ненадежные и скоропроходящие, а дети — бессмертное наследие. Ибо хотя многие из детей умирают, однако они не обращаются в ничто и не погибают, а только переходят из смертной оболочки в бессмертное царство. Поэтому бог возвратил Иову¹ все его богатство и все, что он имел, вдвойне по сравнению с тем, что отнял у него прежде; лишь детей он дал столько, сколько он имел раньше (именно семь сыновей и три дочери); однако и это также было вдвойне, так как первые не погибли, но были ранее направлены к богу.

15. В-четвертых, золото и серебро происходят из земного праха, дети — из самой нашей субстанции. Следовательно, они часть нашей

11. Наконец, бог обнимает детей с величайшей любовью потому, что они, по свидетельству Писания (Псалм., 8, 3), являются особным орудием божественной славы: Из уст младенцев и грудных детей ты совершил хвалу ради врагов твоих, чтобы разрушить врага и мстителя. Каким образом через детей возрастает слава божия, — это мы недостаточно постигаем нашим разумом; бог, исследователь всего, знает это и понимает,

12. Что для родителей дети должны быть милее и дороже, чем золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, это можно заключить из взаимного сравнения тех и других даров божиих. Именно: во-первых, золото, серебро и другие такого рода предметы суть вещи неодуше-

¹ По библейскому рассказу Иов подвергался со стороны бога проверке в твердости веры. Мужественно перенес все многочисленные страдания, в том числе и лишение детей, Иов был вознагражден богом.

субстанции, и их следует нам любить не меньше, чем самих себя. Поэтому в природу всех животных бог вложил такую любовь к своим детям, что иногда за их спасение они готовы пожертвовать своею собственною жизнью. Если кто-либо такую любовь перенес бы на золото и серебро, то на суде самого бога был бы осужден за идолопоклонство.

16. В-пятых, золото и серебро переходят от одного к другому, как бы не принадлежа никому, а являясь общими всем, а дети, по божеской воле, являются для родителей таким неотъемлемым достоянием, что нет никого в мире, кто мог бы лишить кого-либо этого права, отнять у него это достояние. Ведь это владение исходит с небес и является неотъемлемым наследством.

17. В-шестых, хотя золото и серебро—также дары божии, однако такие дары, которым бог с небес не обещал охраны ангелов; мало того, большею частью сюда вмешивается сатана, чтобы этими средствами, точно петлями и силками, воспользоваться для уловления неосторожных, увлекая их, точно цепями, к алчности, гордости и расточительности. А забота о малых детях, по свидетельству самого господина (Матф., 18, 10), всегда вверяется ангельскому попечению. Итак, у кого в его доме есть дети, тот может быть уверенным, что в его доме присутствуют ангелы; всякий, кто обнимает руками маленьких детей, пусть не сомневается, что обнимает ангелов. Всякий, кто покоится окруженный почной темнотой с ребенком, может питать твердую надежду, что он вместе с детьми охраняется ангелами, чтобы не имел доступа дух тьмы. Как это значительно!

18. В-седьмых, серебро, золото и все внешнее не привлекают к нам любви божией и не защищают нас от божьего гнева, как дети. Ибо, любя детей, бог из-за них иногда щадит родителей, как показывает пример пиневитян. Так как там было много детей, то бог пощадил самих родителей, чтобы они не были поглощены землей (Иона, 4, 11).

19. В-восьмых, человеческая жизнь, по словам господина (Лука, 12, 15), состоит не в изобилии средств, так как если бог отнимает свое благословение, то пища не питает, лекарство не излечивает, одежда не греет (Второз., 8, 21¹, Премудр., 16, 12 и 26), но с детьми и из-за них всегда бывает благословение, так что не бывает недостатка для их пропитания. Ибо если бог дарует пищу детям воронов, просящих у него, то каким образом он не имел бы попечения о детях людей, о своем образе? Итак, разумно сказал д-р Лютер: «Не мы питаем наших детей, а они нас, потому что из-за них, невинных, бог посылает необходимое, а мы, старые грешники, разделяем с ними трапезу».

20. Наконец, серебро, золото, драгоценные камни не могут научить нас ничему иному, чему учат другие творения, а именно,—божественной мудрости, могуществу, благости. А дети нам даются как зеркало скромности, приветливости, доброты, согласия и других христианских добродетелей, так как сам господь изрекает: Если вы не обратитесь и не станете, как дети, то не войдете в царство небесное (Матф., 18, 3). Итак, если бог хочет, чтобы этих детей мы имели учителями, то, по справедливости, мы думаем, что мы должны о них заботиться.

¹ В тексте ошибочно стоит 21 вместо 3.

Для каких целей бог дает детей и к чему следует стремиться при их воспитании.

1. Если бы кому-либо пришло на мысль, почему божественному могуществу не угодно было сразу создать эти небесные жемчужины в определенном числе, сколько их оно пожелало иметь в вечность как ангелов, — тот не найдет иной причины, что бог так высоко ставит людей, что делает их как бы своими помощниками в размножении творений. Но не для того чтобы в этом люди получали только наслаждение, но чтобы прилагали старание к правильному их воспитанию, т. е. направляли их к цели вечности.

2. Люди приучают вола к пахоте, собаку к охоте, коня к верховой езде и к перевозке тяжестей, потому что они созданы для таких целей и их нельзя приспособить для других целей. Человек — более высокое создание, чем все эти животные, должен быть приведен к самым высоким целям, чтобы своими добродетелями как можно более соответствовать богу, образ которого он носит. Тело, конечно, как взятое из земли, есть земля, принадлежит земле и снова должно обратиться в землю. А душа, которую вдохнул бог, — от бога, должна остаться в боге, подняться к богу.

3. Поэтому родители не достаточно исполняют свой долг, если научают своих детей есть, пить, ходить, говорить, украшаться одеждой. Ибо все это служит только для тела, которое не есть человек, а служит хижиной для человека. Хозяин этой хижины (разумная душа) обитает внутри; о нем и следует заботиться больше, чем о внешней этой оболочке. Следовательно, умно осмелел П л у т а р х тех родителей, которые желают своим детям красоты, богатства, почестей и направляют детей к этим внешним благам, совершенно не заботясь об украшении [их] души добродетелями и благочестием. О таких родителях он сказал, что они держат сапог в большем почете, чем ногу. И фиванский языческий философ К р а т е с сильно жалуется на безумие таких родителей в следующих выражениях, передаваемых поэтом: «Если бы мне [сказал он] позволено было кричать в различных местах, я назвал бы безумными всех вас, порочных людей, которых чрезмерно увлекает злополучное богатство. Вы собираете детям богатства, а сердце их не питаете никаким учением и не согреваете искусством».

4. Итак, преимущественное попечение должно иметь о душе, как о главной части человека, чтобы она могла выйти из тела как можно лучше украшенной. А о теле нужно заботиться для того, чтобы оно стало жилищем, пригодным и достойным бессмертной души. Правильно же развитым умом следует считать тот ум, который действительно освещен блеском божественной мудрости, чтобы человек, признавая в самом себе величие божественного образа, охранял и соблюдал в себе это превосходство.

5. Есть две стороны истинной небесной мудрости (к которой человек должен стремиться и которую у него должно развивать). Первая — ясное, истинное познание бога и всех его чудных дел. Вторая — умение осторожно и разумно управлять самим собою и всеми внешними

и внутренними своими действиями, касающимися настоящей и будущей жизни.

6. Прежде всего, конечно, по отношению к будущей жизни, так как это — жизнь в собственном смысле: для нее нет ни смерти, ни смертности; тогда как настоящая жизнь есть не столько жизнь, сколько путь к жизни. Поэтому кто в этой жизни достиг того, чтобы верою и благочестием подготовить себя к будущей жизни, о том следует думать, что он здесь сделал совершенно достаточно.

7. Тем не менее, так как бог, весьма многим даруя долголетие, ставляет со всем сталкиваться, встречаться с различными случайностями и дает удобные возможности мудро поступать, то вообще родителям нужно заботиться о том, чтобы, кроме упражнения в вере и благочестии, давать своим детям возможность приобретать изящные культурные навыки и обучаться свободным искусствам и всему, необходимому для жизни. Благодаря этому, наконец, дети могли бы, выросши, стать мужами, мудро управлять своими делами и к каким бы обязанностям жизни — церковным или политическим — бог их ни восхотел призвать — выполнять их и, таким образом, проведя настоящую жизнь честно и разумно, с большой радостью переселиться на небеса.

8. Словом, должна быть твердо установлена тройкая цель воспитания юношества: 1. Вера и благочестие. 2. Добрые нравы. 3. Знание языков и наук. И все это в том самом порядке, в котором предлагается здесь, а не наоборот. Прежде всего нужно приучать детей к благочестию, затем — к добрым нравам или добродетелям, наконец — к более полезным наукам. Чем более, однако, они могут сделать успеха в этом последнем, тем лучше.

9. У кого в своем доме дети предаются этим трем упражнениям, у того — рай, где сеются, орошаются, зеленеют и дают небесные растения; у того — храм святого духа, в котором он создает и совершенствует сосуды милосердия, орудия славы, как в живом образе бога, все более и более блистали лучи его могущества, мудрости и благости; как счастливы в таком раю родители.

ГЛАВА III.

Юношество неизбежно нуждается в воспитании и в правильном обучении.

1. Однако никто не должен думать, что юношество само по себе и без усиленного труда может быть воспитано [в благочестивых добродетелях и в науках]. Если прививок, из которого должно вырасти дерево, требует, чтобы его привили, посадили, поливали, обнесли изгородью и дали ему подпорки; если материал для деревянной статуи необходимо срубить, расколоть, обскоблить, вырезать, отполировать и окрасить в различные цвета; если коня, быка, осла, мула нужно приучить к тому, чтобы они могли служить человеку; мало того, если сам человек нуждается в упражнениях, чтобы привыкнуть к еде, питью, беганью, разговору, к хватанию рукой, к работе; — каким же образом, спрашиваю я, кому-нибудь само собою может достаться обладание более высокими и более удаленными от внешних чувств качествами веры,

добродетели, мудрости и знания? Как это показано в VI главе «Дидактики», это совершенно невозможно.

2. Именно поэтому бог возложил на родителей обязанность с величайшей старательностью внедрять в самый нежный ум и искусно внушать ему все, относящееся к познанию бога и страху божью, и говорить об этом детям, дома ли они, или гуляют по дороге, ложатся спать или встают (Второз., 6, 7).

3. Также и Соломон вместе с Иисусом, сыном Сираха, везде в своих книгах напоминают о том, чтобы юношество получало наставление в мудрости и не так быстро освобождалось от наставлений. Усмотрев необходимость того же самого, Давид, будучи уже царем, не стыдился представить себя в качестве учителя и воспитателя юношества. Приступите, дети,—говорит он,—выслушайте меня, страху божью научу вас (Псалм., 342), а апостол Павел увещевает родителей воспитывать своих детей в учении и наказании господнем (Ефес., 6, 4).

4. Но так как часто родители или не способны воспитывать детей, или, вследствие занятости служебными или семейными делами, не имеют времени на это, а другие даже относятся к этому с пренебрежением, то, по мудрому и спасительному решению, издревле было установлено, чтобы в каждом государстве образование юношества, вместе с правом наказания, поручалось мужам мудрым, благочестивым и почтенным.

5. Их зовут педагогами, магистрами, наставниками и учителями, а места, назначенные для таких занятий,—коллегиями, гимназиями, школами¹ (т. е. местами отдыха или литературных развлечений); этим названием указывается на то, что дело обучения и ученья само по себе и по своей природе приятно и сладко и представляет собой чистую игру и забаву для духа.

6. Однако в последующие времена обучение уклонилось безмерно далеко от первоначального своего приятного характера, так что школы стали для молодежи не местом игры и наслаждения, на что указывало их название, а местом тяжелой работы и мучения, особенно в некоторых случаях, когда юношество вверялось людям глухим, совершенно чуждым благочестия и мудрости божией, от безделья ослабевшим, низким, подававшим самый дурной пример, продававшим себя за деньги в качестве учителей и наставников. Они учили юношество не вере, благочестию и добрым правам, но суеверию, нечестию и дурной нравственности. Будучи совершенно незнакомы с настоящим методом и желая все вдолбить силою, они страшно мучили учеников. Об этом напоминают известные старые пословицы: «Очевидно, что он на спине вынес жестокую порку», «часто его по-

¹ Слово гимназия происходит от греческого слова γυμνάσιον—упражняюсь (предполагается упражнения в развитии физических сил) в том смысле, в каком у нас теперь принято говорить о гимнастических развлечениях и упражнениях с элементами состязания. А русское слово «школа», как и латинское schola, происходит от греческого слова σχολή, что означало отдых, но не бездеятельный отдых, а отдых в смысле развлечения. Поэтому древние римляне греческий термин «школа» передавали латинским словом ludus, что означало игру в смысле наших подвижных игр. Следовательно, опять-таки это понятие включает развлечение, соединенное с элементами не только простого общения с другими людьми, но и состязания.

роли», — так как иное обучение, без свирепых розг и жестоких побоев, было неизвестно.

7. Хотя наши предшественники вместе с церковной реформой кое-что из этого исправили, однако бог нечто сохранил и до нашего времени, чтобы к своей славе и нашему утешению исправить это более легким, сжатым, основательным преподаванием. Об этом см. главу XII нашей «Дидактики».

8. Теперь с божиею помощью мы приступаем к изложению формы, или идеи, этого воспитания, подлежащего применению преимущественно в первое шестилетие жизни в материнской школе.

ГЛАВА IV¹.

В каких занятиях постепенно должны упражняться дети с самого рождения, чтобы на шестом году своей жизни они оказались усвоившими эти упражнения.

1. Кто не знает того, что сучья многолетнего дерева сохраняют то самое взаимное расположение друг к другу, по которому они должны были образовываться с самого возникновения. Ведь иначе не могло и быть. Кто мог бы надеяться, что у животного также разовьются когда-либо впоследствии все его члены, если оно не получило зародыша их при первом своем образовании? Кто мог бы исправить какое-либо животное, если оно появится на свет хромым, слепым, неполным или увечным. Следовательно и человек с первого образования тела и души должен быть создан таким, каким он должен быть в течение всей жизни.

2. Правда, богу было бы легко обратить закоренелого порочного человека в честного и сделать иным. Однако по природе обыкновенно бывает так, что каким что-либо стало образовываться с самого начала, таким остается до конца и в старости приносит те же самые плоды, семена которых получило в молодости. С этим согласна и известная поговорка: Занятия молодости — наслаждение старости.

3. Поэтому родители не должны возлагать обучение своих детей на преподавателей школ и служителей церкви (так как невозможно уже выросшее кривое дерево сделать прямым и лес, повсюду усеянный терновыми кустами, превратить в огород). Они сами должны изучить способы обращения со своими сокровищами, согласно с их ценностью, чтобы под их собственным руководством дети возрастали в мудрости и любви у бога и людей.

4. И так как мы сказали, что всякий, кто хочет жить на пользу богу и людям, должен быть воспитан в благочестии, добрых нравах и полезных науках, то основания этих трех условий родители должны за-

¹ IV глава представляет собой центральную часть трактата Коменского. В ней идеи дошкольного воспитания рассматриваются в свете общих задач, характера и содержания образования. Отбросив, как непригодные для нас, его богословские рассуждения о задачах и характере воспитания благочестия, мы находим в этой главе систематизированную школу качеств морального поведения (§ 7) и систему знаний, умений и речи (§ 8 — 12), в своей идее и в распределении по отдельным учебным дисциплинам связанных с дальнейшим образованием детей в школьном возрасте вплоть до полного завершения образования.

кладывать в первом возрасте детей. Насколько это должно развиваться в этом первом шестилетии, нужно показать в отдельности.

5. Истинное и спасительное благочестие состоит в следующих трех требованиях:

I. Наше сердце, будучи всегда и везде обращено к богу, должно искать его во всех делах.

II. Идя по стопам божественного провидения, оно всегда и везде должно относиться к богу со страхом, любовью и послушанием.

III. Поэтому, всегда и везде помня о боге, обращаясь к богу и соединяясь с богом, оно должно наслаждаться миром, радостью и утешениями.

6. Это есть истинное благочестие, приносящее человеку рай божественного наслаждения; его основы можно внедрить ребенку в пределах шести лет настолько, чтобы он знал, [1], что бог существует и, [2] везде присутствуя, взирает на всех нас; [3] тем, кто за ним следует, дарует пищу, питье, одежду и все; [4] людей строптивых и безправственных наказывает смертью; [5] его следует бояться и всегда призывать и любить, как отца, [6] нужно исполнять все то, что он повелевает; [7] если мы будем добрыми и честными, он примет нас на небо и пр. В этих пределах, говорю я, ребенка к шести годам жизни должно довести в благочестивых упражнениях.

7. А что касается правов и добрых качеств, то дети должны отличаться следующими:

[1] Умеренностью: их нужно научить есть и пить сообразно с требованием природы, не объедаться и не переполняться пищей и питьем сверх необходимости.

[2] Опрятностью, чтобы они научились соблюдать приличие при еде, в одежде и в попечении о теле.

[3] Почтительностью к старшим, чтобы они научились относиться с уважением к их действиям, словам и взглядам.

[4] Предупредительностью, чтобы они по знаку и слову старших готовы были немедленно выполнить все.

[5] Крайне необходимо, чтобы они научились говорить правду, чтобы все их речи были по учению Христа: что есть, — то есть, чего нет, — того нет. Пусть же никогда не приучают их лгать и говорить не то, что есть, серьезно или в шутку.

[6] Также нужно приучать их к справедливости, чтобы они не касались ничего чужого, не трогали, не брали тайно, не прятали и не причиняли кому-либо вреда.

[7] Нужно также внушать им благотворительность, быть приятными для других, чтобы они были щедрыми, а не скупыми и не завистливыми.

[8] Чрезвычайно полезно приучать их к труду, чтобы они привыкли избегать ленивого досуга.

[9] Их нужно приучать не только говорить, но и молчать, где это необходимо: во время молитвы, или когда говорят другие.

[10] Нужно приучать их к терпению, чтобы они не думали, что все должно являться к ним по их мановению; с раннего возраста постепенно они должны приучаться обуздывать страсти.

[11] Так как деликатность (гуманность) и готовность служить старшим являются особенным украшением юношества, то будет уместным, чтобы и к этому также приучались они с детства.

[12] Пусть они научатся также тому, что развивает изящество манер, чтобы к каждому проявлять деликатность, уметь приветствовать, подавать руку, наклонять колено, благодарить за одолжение и пр.

[13] А чтобы здесь не оказалось некоторого легкомыслия или грубости, они должны вместе с тем приучаться держать себя с достоинством, во всем вести себя сдержанно и скромно. Обладая такими качествами, мальчик легко, по примеру Христа, приобретет себе расположение у бога и у людей.

8. Что касается свободных искусств, то они делятся на три разряда. Ведь мы учимся одно — знать, другое — делать, третье — говорить, или лучше — всему (знать, действовать, говорить¹), кроме дурного.

9. В первые шесть лет ребенок начнет познавать следующее:

[1] Относительно природных явлений в том, что касается физики², он узнает названия стихий: огня, воздуха, воды, земли, и научится называть дождь, снег, свинец, лед, железо, и др. К этому он присоединит названия деревьев и некоторых более известных и более часто встречающихся трав и цветов: фиалки, карнофиллы, розы, также различия животных, что такое птица, животное, конь, корова и пр., наконец, как называются внешние части тела, для какой цели они предназначены: уши — чтобы слушать, ноги — чтобы бегать и пр.

[2] Из оптики им будет достаточно знать, что такое тьма, что такое свет и различия некоторых более употребительных цветов, а также их названия.

[3] В астрономии — различать Солнце, Луну и звезды.

[4] В географии — место, где он родился и где он живет, деревню, город, крепость или замок. Что такое поле, что такое гора, луг, лес, река и пр.

[5] Ребенок наметит первые линии хронологии, если узнает, что такое час, день, неделя, месяц, год, что такое весна, лето и пр.

[6] Началом истории будет, если он может запомнить, что произошло вчера, сегодня, в прошлом году, два или три года назад; правда, это было бы по-детски и воспоминание об этом было бы слабым и как бы туманным.

[7] Из экономики (хозяйства) ребенок должен узнать, кто относится к составу семьи и кто нет.

[8] Из политики — узнать какого-либо в государстве консула (бюргермейстера), сенатора (члена совета) или судью (фогта). Равным

¹ Знать (*sapere*), делать (*agere*), говорить (*loqui*) — излюбленное трехчастное деление Коменским наук и искусств по их образовательно-воспитательным результатам. В этом делении заключается основа педагогических позиций Коменского. Он признает ценным только такое образование и воспитание, которое дает результат в виде обогащения человека знаниями, соединяющимися с умением действовать и со способностью передавать и объяснять другим свои знания и умение действовать.

² Термин *физика* (от греческого слова *τά φυσικά* — естественное, природное) в эпоху Коменского применяется ко всем наукам о природе, а не только к физике в нашем смысле слова. Это объясняется состоянием естественных наук того времени, еще не дифференцированных так, как они успели дифференцироваться к нашему времени. Поэтому в данном месте термин «физика» следовало бы передать нашим термином «естествознание».

образом узнать о том, что граждане иногда собираются на совещания и пр.

10. Что касается деятельности, то некоторые вещи относятся к действию искусства, касаются ума и языка, например, диалектика, арифметика, геометрия, музыка; некоторые — к действию руки, например, ручные труды и физические упражнения.

[1] Начала диалектики в первые шесть лет могут быть усвоены лишь настолько, чтобы ребенок понимал, что такое вопрос, что такое ответ, и научился на предложенный вопрос отвечать прямо, а не так, чтобы на вопрос о чесноке рассказывал о луке.

[2] Основами арифметики будет, если ребенок будет знать, что такое много или что такое мало, и будет уметь считать до 20 или до 60 и будет понимать, что такое число четное или нечетное, а также, что 3 более 2; 3 и 1 = 4 и пр.

[3] Из геометрии он узнает, что значит малое или большое, короткое или длинное, узкое или широкое, тонкое или толстое. Также, что называется четверть, локоть, сажень.

[4] Музыкальные умения детей будут состоять в том, чтобы спеть на память какой-нибудь стихок из псалмов или гимнов.

[5] Началом какого-либо ремесла или труда будет, если дети научатся тому, что им так свойственно: рубить, колоть, сечь, строить, располагать, связывать, развязывать, сваливать в кучу, разваливать.

11. Что касается языка, то он развивается грамматикой, риторикой и поэтикой.

[1] Грамматика для первых шести лет будет состоять в том, чтобы ребенок мог называть столько вещей, сколько их знает, хотя бы он мог выразить это пока и с ошибками, но ясно и отчетливо, чтобы его можно было понять.

[2] Риторика детей будет состоять в том, чтобы пользоваться естественными жестами, а также в том, чтобы подражать тропам и фигурам, которые они слышат.

[3] Начало поэтики будет заключаться в том, чтобы заучить наизусть несколько стихов или рифм.

12. Далее, нужно обратить внимание на то, как в отдельных этих знаниях и навыках нужно с детьми идти вперед, не распределяя материала с полной точностью по годам или месяцам (как будет впоследствии в других школах), и именно по следующим причинам:

[1] Не все родители могут соблюдать в своем доме такого рода порядок, как это бывает в общественных школах, где никакие исключительные дела не будут нарушать порядка работы.

[2] В этом первом детском возрасте не все дети обладают одинаковыми способностями: некоторые дети начинают говорить на первом, а некоторые — только на втором или даже на третьем году.

13. Итак, вообще я покажу, каким образом в первые шесть лет нужно давать образование детям: [1] в понимании вещей, [2] в физических трудах и в ловкости, [3] в искусстве речи, [4] в правах и добродетелях, [5] в благочестии; [6] так как основой всего этого является жизнь и крепкое здоровье, то прежде всего будет указано, каким образом, при тщательном попечении родителей, можно сохранить детей здоровыми и невредимыми.

Каким образом должно развивать у детей здоровье и силу.

1. Кто-то¹ сказал, что должно молить богов о том, чтобы в здоровом теле был здоровый дух. Нужно, однако, не только молиться, но и трудиться, ибо бог обещает благословение не праздным людям, а трудолюбивым. Так как дети трудиться еще не могут и не умеют изливать мольбы к богу, то за них должны это делать родители, стараясь питать и воспитывать (во славу Божию) тех, кого они произвели на свет.

2. Но прежде всего, так как обучать детей можно только в том случае, если они будут живы и здоровы (ведь с больным и хилыми не достигнешь никакого успеха), то первая забота родителей оберегать здоровье детей. Это обязанность преимущественно матерей, а потому необходимо здесь к ним и обратиться с советами.

3. Лишь только мать заметит, что бог, творец всего, начал в ее утробе творить ребенка, с этого момента она будет предаваться благочестию более, чем прежде, обращаясь с горячими ежедневными молитвами к богу, чтобы он дал ей произвести в совершенстве развитым и здоровым на свет то, что она носит под сердцем².

4. Далее женщины должны заботиться о себе, чтобы как-нибудь не повредить своему ребенку. Поэтому [1] они должны соблюдать воздержание и умеренность, чтобы объедением и опьянением или несвоевременным постом, очищениями, кровопусканиями, простудами и пр. не изнурять себя и не подрывать своих сил или чтобы не губить и не ослаблять своего ребенка. Итак, женщинам нужно избегать всякого излишества, пока они будут беременны. [2] Они не должны слишком сильно поскальзываться, спотыкаться, на что-либо наталкиваться, обо что-либо ударяться или даже неосторожно ступать, так как весьма легко всем этим повредить слабого и еще не окрепшего во чреве ребенка. [3] Беременной женщине необходимо строго воздерживаться от всяких волнений, чтобы не предаваться внезапному страху, не слишком сердиться, не мучиться, не терзаться и пр. Ведь, если она не будет этого остерегаться, у нее должен родиться робкий, раздражительный, беспокойный, печальный ребенок. И что еще хуже, вследствие внезапного страха и чрезмерной раздражительности, зародыш может родиться мертвым или, самое меньшее, быть слабого здоровья. [4] Что касается внешних действий, то беременная должна следить за тем, чтобы не ослаблять себя излишним сном, вялостью и бездельем, но в выполнении работ она должна быть бодрой, при возможно большей быстроте и веселости. Ведь какою она бывает тогда сама, такого характера она родит и ребенка и пр. Об остальном дадут советы опытные врачи, повивальные бабки и почтенные матери.

5. Когда уже ребенок родился на свет, обмыв и очистив его самым тщательным образом и завернув нежное и слабенькое существо сверху

¹ У Ювенала, X, 356. Примечание Ф. В. Ржиги (см. «Устав материнской школы» Иоанна Амоса Коменского («Informatorium Skoly materske 1628; Нижний-Новгород 1893., стр. 28).

² Далее Коменский приводит «форму молитвы для беременных женщин». Так как эта молитва не представляет никакого интереса для выяснения педагогических взглядов Коменского, то мы ее опускаем.

теплыми и мягкими согревающими покрывами, родители тотчас должны позаботиться о соответствующем для него питании. При этом особенно должно обратить внимание на то, чтобы мать сама была кормилицей и не отталкивала от себя своего ребенка и не прекращала теперь того питания, которым она начала кормить свое дитя в своей утробе. Но, увы! Напротив того, какой вредный и заслуживающий порицания обычай утвердился, что некоторые матери (преимущественно из сословия знатных), наскучив тем, чтобы кормить своего ребенка, поручают это делать чужим женщинам. Сама сущность дела заставляет здесь открыть весь позор этого и показать, как осторожно нужно поступать в этом деле. Ведь чем более глубокие корни пустил этот обычай и чем шире он распространился, тем менее можно обходиться его молчанием именно здесь, где мы предположили показать с самых оснований правильно поставленный добрый порядок.

6. Итак, я заявляю, что это жестокое отчуждение детей от их матерей и питание их чужим молоком кормилиц (если только не вызывается это каким-либо неизбежным случаем или слабостью матерей) прежде всего противно богу и природе, во-вторых, вредно для детей, в-третьих, губительно для самих матерей, в четвертых, совершенно не заслуживает уважения и достойно сильнейшего порицания.

7. Что такое кормление ребенка совершенно противоречит природе, ясно видно из того что в ней не встречается ничего подобного даже среди диких зверей. Волчица, медведица, львица, пантера и остальные подобные дикие животные кормят своих детенышей собственными соками. Итак, ужели матери человеческого рода будут более жестокими, чем все эти звери? Я спрашиваю, не то ли же самое разумеет бог в Плаче Иеремии (гл. 4, ст. 3): «Драконы обнажили сосцы, кормили своих детенышей; дочь моего народа жестока, как страус в пустыне»? Каким образом, спрашиваю я, будет согласоваться с природою, если матери отталкивают от себя собственную кровь, собственную плоть? У родного твоего ребенка, которого в течение стольких месяцев ты носила под сердцем, кормила твоею кровью, отнимать молоко? И притом то, которое бог дал на пользу не матерей, а детей? Ведь эти источники молока появляются наружу только в том случае, если является на свет ребенок. Для кого же они появляются, если не для нового пришельца? Итак, ниспровергают божественный порядок все, кто переносит вещь куда угодно, а не по ее назначению.

8. Во-вторых, гораздо полезнее для здоровья ребенка сосать грудь матери, чем кормилицы, так как уже во чреве зародыши привыкли к питанию материнской кровью. И дети подошли бы ближе к качествам и достоинствам своих родителей, чем это обычно бывает, по свидетельству ежедневного наблюдения. Выдающийся философ Фаворин свидетельствует, что как оплодотворяющее семя скрытой силой может создать тело и душу по примеру своего образца, так подобным свойством обладает и молоко. Это он доказывает на примере ягнят и козлят, заявляя, что ягнята, вскормленные козым молоком, имеют шерсть гораздо более жесткую по сравнению с теми, которые выкормлены материнским молоком, а с другой стороны, козлы, питавшиеся молоком овец, дают шерсть гораздо более мягкую. Кто, кроме слепого, не сделал бы отсюда заключения, что дети с чужим молоком впитывают также чужие нравы, а не нравы своих родителей. Если супруги не

позволяют, чтобы их огород засеивался чужим семенем, почему они позволяют, чтобы их посев орошался чужим дождем? Если отец сообщил своему ребенку свою природу, почему мать отказывает ему в своей? Зачем они, для того чтобы вскормить своего ребенка, прибегают к третьему лицу? Но бог соединил двух только людей как совершенно достаточных для произведения потомства; почему мы не подчиняемся воле божией?

9. Если, однако, кому-либо в этом должно сделать уступку, то можно будет уступить преимущественно в двух случаях. Во-первых, если мать ребенка страдает какою-либо заразной болезнью, то для сохранения крепости детского здоровья, чтобы дитя не заразилось чем-либо, его можно будет вверить другой кормилице. Затем, если бы мать отличалась дурными моральными качествами, которые могли бы помешать ребенку усвоить добрые качества, и в то же время была бы возможность иметь благочестивую, с хорошим нравом кормилицу, то я не возражал бы, чтобы вверить ребенка этой последней для усвоения ребенком лучших качеств души. Но никоим образом нельзя извинить, если в настоящее время даже самые почтенные, самые знатные и благочестивые матери поручают своих детей немедленно после рождения негодным, бесчестным, безбожным женщинам, и иногда даже гораздо более слабого здоровья, чем сами. Ведь таким образом дорогое дитя отдается в жертву вернейшей заразе, физической и духовной. И, конечно, в этом случае родителям нечего удивляться, если их дети оказываются по своим нравам и действиям в жизни совершенно непохожими на них и не идут по их стопам. Ведь по известному латинскому меткому выражению *cum lacte imbitur nequitia* — порок всасывается с молоком.

10. В-третьих, когда изнеженные матери боятся, чтобы в процессе забот о детях не утратить чего-либо из своих удобств или изыщества формы, то часто вместе со здоровьем они теряют не только покой, красоту, но даже жизнь, потому что, имея молоко, они не прибегают к своим детям, как к своим врачам, которые обыкновенно освобождают матерей от чрезвычайно многих, даже скрытых болезней и излишних соков. Вышеназванный философ показал это довольно подробно. Поэтому Плутарх счел пущим написать отдельную книгу и напомнить матерям об их обязанности, к которой они призываются богом и природою. А Авл Геллий пишет, что недостойны имени матери те, которые отказываются делать то, что повелевают бог и природа. За это он грозит им даже несчастьями всякого рода.

11. Наконец, не соответствует материнскому достоинству отказывать в груди собственным детям. *Didacus Apolephthes* называет таких не матерями, а мачехами. Весьма многие, говорит он, предпочитают обнимать хоть щенка, чем носить у себя на груди своего сына, и многие скорее стыдятся носить на руках своего ребенка, чем собаку или лесную мышь. Какое животное, спрашиваю я, настолько дико, чтобы доверять своих детей чужим? Напротив того, есть род животных, у которых самый спорит с самкой о том, кому из них ухаживать за потомством. Также птицы, хотя иногда выводят шесть или больше птиц и бог не наградил их сосцами, чтобы кормить своих детей, однако не покидают их, но с возможной заботой питают и кормят.

12. А какое зло получается из того, если детей кормит не мать, но наемная кормилица, я это поясню тремя примерами трех римских императоров.

По свидетельству Лампридия, во всю свою жизнь Ти́т был подвержен болезням потому, что у него была большая кормилица. К а л и г у л а был дикий зверь в человеческом виде; причину этого приписывали не родителям, а кормилице, грудью которой он питался; она, кроме того, что была злая и безбожная, кормила его грудью, обыкновенно намазывая ее кровью. Откуда он стал настолько свирепым, что не только охотно проливал человеческую кровь, но даже лизал языком кровь, оставшуюся на мече, никогда не чувствуя удовлетворения своей кровожадности. Он осмелился пожелать, чтобы у всех людей была только одна шея, которую можно было бы перерубить одним ударом. Цезарь Ти́б е р и й был предан пьянству: его кормилица не только сама была любительницей вина и пьяницей, но и приучала с детства его к супу с вином.

13. Отсюда уже можно видеть, что весьма многое не только в отношении тела и здоровья, но также и в отношении души и нравственности зависит от того, какую кто имел кормилицу. Ведь если кормилица страдает какой-либо явной или скрытой болезнью, то и ребенок также является к ней склонным. Если она будет распутной, лживой, грязнухой, пьяницей, раздражительной, то от ребенка нечего ждать чего-либо другого; семена всех этих пороков он будет всасывать с молоком (Didacus Apolephtes, III, стр. 72 и сл.).

14. Но достаточно об этом при данных условиях. Благочестивые, разумные и пекущиеся о здоровье своих детей родители сами будут знать, как нужно пользоваться этим указанием.

15. Затем вместе с молоком постепенно детей можно приучать к другой пище; разумно, однако, начинать с такой пищи, которая более близка к естественной. Эта пища должна быть мягкой, сладкой, легко перевариваемой. Приучать маленьких детей к лекарствам (как у некоторых в обычае) крайне вредно. Во-первых, лекарства являются препятствием для естественного пищеварения в желудке и, следовательно, мешают росту. Лекарство и пища противоположны друг другу: пища дает телу кровь и жизненные соки и увеличивает их, а лекарство противодействует им, удаляет и изгоняет их. Кроме того, принимаемое сверх необходимости лекарство входит в природную привычку и теряет свою силу, а потому в необходимых случаях не дает никаких последствий, так как природа к нему привыкла. Мало того, отсюда следует (что важнее), что дети, привыкшие к лекарствам в нежном возрасте, никогда не достигают полного развития силы крепкого здоровья, их силы слабы, они становятся больными, бледными, слабыми, страдают нарывами, ускоряют свой конец и преждевременно умирают.

16. Поэтому, возлюбленные родители, если вы желаете быть мудрыми, не давайте вашим детям без необходимости лекарства, как яда, точно так же в питье и пище — горячего и острого, так как есть блюда переперченные или чрезмерно соленные. Кто кормит детей такого рода блюдами и поит такими напитками, тот делает нечто подобное неразумному садовнику, который, желая, чтобы дерево быстро выросло и расцвело, посыпает корень известью, чтобы согреть его.

Конечно, верно, что это растение быстрее будет расти и пустит почки, но быстрее начнет засыхать и вянуть и в середине своего роста совершенно погибнет. Ты сомневаешься в этом? Сделай опыт и узнаешь, насколько это полезно для детей. Детям и остальным созданиям в нежном возрасте бог назначил и определил в пищу молоко; итак, их нужно питать им. А как только их можно будет отнять от груди, их нужно питать подобною же пищей, приготавливая ее, однако, в умеренном количестве, а именно — хлебом, маслом, кашами, какими-либо овощами, водою и легкими фруктовыми напитками; так они будут расти, как травка у текущей воды; нужно лишь доставлять им умеренный сон, частые игры, легкие движения и в благочестивых молитвах (что особенно нужно соблюдать) поручать их благополучие и здоровье богу.

17. Поэтому спартанцы, умнейшие из всех народов, которые когда-либо жили на земле, особенно заботясь о правильном воспитании юношества, государственными законами строго запретили молодым людям до двадцати лет пить вино. Если таким образом юношеству воспрещено было употребление вина, то, что, можно думать, сказали бы они теперь о приводящем в безумие, недавно изобретенном на погибель человеческого рода напитке, т. е. водке, которая теперь одинаково губит и юношей и старцев? Конечно, теперь время научиться с большей осмотрительностью торговать этим напитком и не губить и не убивать, по крайней мере, малолетних детей.

18. И вообще за здоровьем детей нужно следить с величайшей тщательностью, так как их небольшое тело хрупко, кости мягки, кровеносные сосуды слабы, ни один член еще не развился вполне и совершенно. Итак, пужна разумная предосторожность в том, как ребенка взять на руки, приподнять, носить, положить, спеленать, качать в колыбели, чтобы по неосторожности не повредить ему, как бы он не упал из рук, не ушибся, а оттуда как бы не лишился зрения или слуха, не стал хромым или увечным. Ребенок — более дорогое сокровище, чем золото, но он более хрупок, чем стекло, легко может подвергнуться сотрясению и быть искалеченным, а происходящий отсюда вред непоправим.

19. А когда дети начнут сидеть, стоять, бегать, то, чтобы при этом они не ударились обо что-либо, нужны маленькие кресла, повязки на коленях, колясочки; всегда нужно начинать с самого маленького. В некоторых местах есть обыкновение повязывать голову детей шапочкой, наподобие подушки набитой ватой, чтобы, упав, дети не так легко могли повредить голову. Эта предохранительная мера может быть применена и к другим частям тела. От холода и простуды их будут защищать соответствующая одежда и теплое жилище. Говоря кратко, нужно заботиться о том, чтобы слабое здоровье детей не потерпело ущерба от ушибов или чрезмерного жара и холода, от обилия пищи или питья или от голода и жажды, но чтобы во всем имела место умеренность.

20. Будет также полезным соблюдать умеренный образ жизни, а именно: несколько раз в день нужно ребенку ложиться спать и снова вставать, несколько раз его кормить или развлекать игрой, так как это весьма полезно для здоровья и является основой порядка в будущем. Хотя это кому-нибудь может показаться смешным, однако действи-

тельно детей можно приучить к довольно приличному и приятному порядку; это доказывают примеры.

21. И так как наша жизнь — огонь, а огонь немедленно гаснет, если не будет иметь притока воздуха и постоянного движения, то дети, по необходимости, должны иметь свои ежедневные упражнения и движения. И для этой нужды детей изобретены раскачивание в колыбели, перенесение с места на место, катание в колясочках (пока они сами не будут в состоянии двигаться и бегать). А когда ребенок, несколько подросши, начинает владеть ногами, можно ему позволить бегать и выполнять то или другое дело. Чем больше ребенок что-либо делает, бегаёт, играет, тем лучше он спит, тем легче варит его желудок, тем быстрее он растёт, тем он становится сильнее физически и духовно, только нужно следить за тем, чтобы он не ушибся где-нибудь. Поэтому также для беганья и для упражнения нужно найти безопасное место для детей и показать такой способ упражнения, который был бы безвредным, и привлекать кормилиц и нянек для охраны здоровья детей.

22. Наконец, так как по народной пословице: веселое настроение — половина здоровья, мало того, по Сираху, веселье сердца есть сама жизнь человека (гл. 30, ст. 23), все родители должны стремиться к тому, чтобы у детей не было недостатка в развлечениях. Например, на первом году настроение у них поднимается движением колыбели, движением рук, пением, шелканием трещотки, пошением по двору или по саду, или даже поцелуями, объятиями, лишь бы все это происходило осмотнительно. На втором, третьем, четвертом и так далее году это происходит благодаря приятной с ними или между ними игре, беганью в разные стороны, преследованию, слушанию музыки и каким угодно приятным зрелищам, рисованию и т. д. И чтобы сказать вкратце, ребенку ни в каком случае не нужно отказывать в том, что ему угодно и приятно; мало того, если к тому, что приятно для зрения, слуха и других чувств, будет замечен какой-либо интерес, то это будет укреплять тело и дух. Не следует допускать только того, что противно благочестию и добрым нравам. Подробно об этом в другом месте.

ГЛАВА VI

Каким образом нужно упражнять детей в понимании вещей.

1. Когда я был юнейшим сыном моего отца (говорит мудрейший из людей Соломон (Притчи, 4, ст. 4) и единственным у моей матери, то, указывая, что начало всего есть премудрость, отец учил меня, что нужно искать разума и приобретать его всем достоянием. Итак, было бы делом родительской мудрости не только заботиться о том, чтобы их дети были живы или чтобы у них было накоплено как можно более богатства, но и из всех сил стремиться к тому, чтобы ум их наполнить мудростью. Ведь мудрость дороже драгоценных камней и жемчужин, и все, к чему люди стремятся, нельзя сравнивать с мудростью. Долголетие в правой ее руке, а богатство и слава — в левой. Пути ее — пути прекрасные и все дороги ее — мирные. Дерево жизни у тех, кто ею овладеет, и счастливы те, кто ее удержит. Слова самого святого духа (Притчи, 3, ст. 15).

2. Но обдумайте, родители, когда нужно начинать с детьми эти упражнения в мудрости. Соломон говорит, что он получил наставления от своего отца еще в раннем детстве. И хотя он был единственным ребенком у матери, однако она не препятствовала его образованию. Равным образом и нашим детям еще в младенческом возрасте можно дать понимание природных и других явлений. Но каким образом? Конечно, насколько позволяет их нежный возраст, т. е. сообразно с их развитием. Это я покажу на примере.

3. Физическая жизнь у только что родившихся детей заключается в том, чтобы есть, пить, спать, переваривать пищу, расти. Но это не затрагивает их интеллекта. *Только на втором или на третьем году они начинают понимать*, что такое папа, что такое мама, пища или питье и пр. И скоро они станут понимать, что мы называем водою, что огнем, что ветром, что холодом, что жаром, что коровой, что собачкой, а также и некоторые общие различия естественных вещей. Это viuшат им няньки, обнимая их своими руками, нося кругом и говоря: «Вот лошадь, вот птица, кошка и т. д.». На четвертом, пятом, шестом году жизни они могут делать все больше и больше успехи в понимании тех же самых вещей, так что они будут знать, что такое камень, песок, грязь, дерево, сук, лист, цветок и пр. Могут также узнать некоторые плоды: грушу, яблоко, вишню, виноград и пр. Также они могут называть по имени внешние члены своего тела и знать вообще их действия. В этом деле могут часто с ними заниматься отец, мать или нянька, и, показывая то или другое, называть, предлагая им это самое высказывать, отвечая на вопросы: Что это? — Ухо. Что ты им делаешь? — Слушаю. А это что? — Глаз. Для какой цели? — Чтобы видеть. Как это называется? — Нога. На что она? — Чтобы ходить и пр.

4. *Основой оптики* будет восприятие, созерцание того, что естественно для детей: ведь свет — первое, что можно видеть, и он привлекает к себе глаза. Однако должно следить за детьми и не позволять им пристально смотреть на слишком сильный свет и на блеск, которые притупляют остроту зрения, особенно вначале, чтобы не было ослаблено или испорчено зрение, которое только что укрепляется. Нужно позволять им смотреть на умеренный свет и на все, что блещет спокойно, а особенно на зеленый свет. На второй и третий год упражнением в оптике будет предложение детям рассматривать что-нибудь раскрашенное и цветное, показывать красоты небесного свода, деревьев, цветков, текущей воды, повязывать их руки и вешать на шею кораллы, надевать на них красивые одежды и пр., так как все это дети рассматривают с удовольствием. Мало того, острота зрения и мысли развивается, если дети смотрят в зеркало. На четвертом году и в следующие годы область зрения нужно расширять еще больше, так как иногда можно выводить детей из дома: в огород, поле и пр. или к реке, чтобы они рассматривали животных, деревья, травы, цветы, текущую воду, движение мельничных колес и тому подобное, что доставляет удовольствие их глазам. Далее, приятно видеть рисунки в книгах, картины на стенах и пр. Итак, не следует детей от них отстранять, а скорее нужно умышленно вводить их во все это.

5. *Начала астрономии* дети могут получить на втором или, в крайнем случае, на третьем году, смотря на небо и устанавливая различие

между солнцем, луною и звездами. На четвертом и на пятом году они будут в состоянии наблюдать, что солнце и луна восходят и заходят; луна иногда бывает полная, иногда наполовину, а иногда серпом: на это можно и должно также указывать. На шестом году можно будет, пожалуй, им сообщить, что зимой дни самые короткие, а ночи самые длинные, напротив, летом день — длинный, а ночь — короткая и пр.

6. *Начала географии* получают место к концу первого года, когда дети начнут различать свою колыбель и лоно матери. На втором и на третьем году их география будет состоять в том, чтобы знать ту комнату, в которой они живут, и пр. Они должны различать, когда нужно есть, ложиться спать или идти гулять, где нужно искать света или тепла. На третьем году они увеличат свои знания по географии, если будут различать и запоминать названия не только своей комнаты, но и сеней, кухни, спальни, того, что на дворе, в конюшне, огороде, в доме и вокруг него. На четвертом году, гуляя, они узнают дорогу по улице к рынку, к соседу, к дяде, бабушке, тетке, к своему воспитателю. А на пятом и на шестом году они должны все это крепко запомнить и понять, что такое город, деревня, поле, сад, лес, река и пр.

7. Их нужно также учить различать время, а именно — что одно есть день, а другое — ночь, а также, что такое утро, вечер, полдень, полночь, также — сколько раз в день нужно есть, спать, молиться. *Это будут первые зачатки хронологии.* Далее они узнают, что неделя имеет семь дней и какой день за каким следует; шесть дней — будни, а седьмой день — праздник; в праздники нужно быть свободным от работ вне дома и нужно посещать храм и присутствовать при богослужении. А трижды в году празднуются торжественные праздники: Рождество Христово — зимою, Пасха — весною, Пятидесятница — летом; осенью собирается виноград и пр. Хотя они сами по себе научатся это замечать и запоминать, однако ничто не мешает подетски с ними об этом переговорить при соответствующих случаях.

8. С *историей* и рассказами о минувшем нужно знакомить детей, как только они начнут говорить, и притом сначала путем детских маленьких вопросов: Кто тебе это дал? Где ты был вчера? Где ты был в среду? Пусть ребенок отвечает: У деда, у бабушки, у тетки и пр. Какой подарок ты оттуда принес? Что обещал дать тебе твой крестный отец? и пр. Иное из этого само задержится в памяти, нужно лишь наблюдать (так как детская память начинает собирать себе сокровища), чтобы она собирала только доброе и полезное для достижения добродетелей и страха божия, а что противно этому, то не должно попадаться ни зрению, ни слуху.

9. *Экономические познания* (т. е. понимание управления домашним хозяйством) будут начинаться на первом и следующих годах, когда дети начинают узнавать мать, отца и няньку, а затем будут узнавать также и других в доме. На третьем году они поймут, что отец и мать в доме распоряжаются, а остальные подчиняются. На четвертом и пятом году они должны приучаться к бережливости; они должны различать свои одежды, предназначенные для праздничных дней и для будней, и первые беречь, не пачкать, не рвать, не пачкать о землю. Отсюда они легко поймут, для какой цели служат сундуки, шкапы, кладовые, подвалы, замки и ключи, а именно, чтобы не каждому был доступ куда угодно. Что касается остальной необходимой домашней утвари,

то или они сами, смотря на нее, поймут для чего она предназначена, или узнают от родителей, от нянек, от старших братьев или сестер и из домашнего разговора. В этих целях особенно полезно давать детям для игры деревянные или оловянные лошадки, коров, овечек, колясочки, горшечки, столы, стулья, кружки, кастрюльки; они будут служить не только для игры, но и для содействия пониманию вещей. Ведь это и означает учить маленьких детей жизни (Притчи, 22, ст. 6), т. е. постепенно открывать им глаза на эти маленькие вещи, чтобы они не остались слепыми в больших.

10. *Политические познания* детей в первые годы могут быть весьма незначительны. В самом деле, хотя они слышат, что упоминаются слова: господин, начальник, консул, претор, или судья, но так как они не знакомы с тем, что эти лица делают, да если бы даже присутствовали в местах исполнения общественных обязанностей, то все-таки не поняли бы сущности политической работы, — не следует и ознакомлять их с этой работой. Все это можно будет изменить, если они приучатся к элементам политического разговора, понемногу постигая (о чем мы упомянем ниже, говоря о развитии нравственности), кому они сами должны повиноваться, кого должны почитать и уважать, чтобы их обращение с отцом, с матерью и с домашними было разумным. Например, если кто-либо их зовет, они должны откликнуться, встать и выслушать, чего от них хотят. На вопросы, хотя бы это была шутка, должны отвечать деликатно. Ведь по отношению к этому нежному возрасту мы охотно позволяем себе ласково, шутливо болтать с детьми для развития их рассудка. Итак, нужно их учить и наставлять, чтобы они понимали, что говорится в шутку или серьезно, а также, чтобы они знали, когда на шутку должно отвечать шуткой и, с другой стороны, чтобы они вели себя серьезно, когда говорят серьезно. Без всякого затруднения они научатся понимать это по выражению лица и жестов, будет ли кто-либо приказывать что-либо, или говорить в шутку или серьезно. Если только воспитатели сумеют понять детский характер, они не должны шутить с детьми в какое угодно время, а тем более среди серьезного (например во время молитвы или внушений, или уговаривания), а также, прибегая к шутке, не должны наморщивать бровей, гневаться на детей или награждать их побоями. В подобных случаях дети теряются, не зная, как понимать то или другое. Кто желает, чтобы ребенок стал разумным, должен вести себя с ним разумно, а не делать его сперва глупым или совершенно неразвитым, не понимающим, что происходит.

11. Сильно также развивается ум детей и их понимание баснями о животных и другими, искусно сочиненными рассказами. Такого рода маленькие рассказы дети охотно слушают и легко их запоминают. И так как в такие искусно составленные басни большей частью вкладывается какая-либо нравственная идея, то их должно предлагать детям с двойной целью, а именно, чтобы это было занимательно для ума и чтобы постепенно внедрялось в них то, что некогда должно принести им пользу.

12. Вот что мы хотели сказать о том, как разумно развивать в детях понимание вещей. Прибавлю одно. Хотя няньки и родители во всем этом могли бы принести детям немало пользы, однако еще более полезны тут детьми, сверстники, все равно — рассказывает ли что-либо один другому, или играет с ним. Одинаковый детский

возраст, одинаковые успехи, нравы и привычки более способствуют взаимному развитию, так как глубиною изобретательности один другого не превосходит. Между ними нет никакого стремления к господству одного над другим, никакого принуждения, никакого страха, но одинаковая любовь, искренность, свободные о каждом деле вопросы и ответы. Когда мы возвращаемся среди детей, всегда этого нам, старшим, нехватает, а этот недостаток является препятствием.

13. Итак, никто не будет сомневаться в том, что ребенок будет развивать ребенка более, чем мог бы это сделать кто-либо другой. И поэтому следует не только позволять, но даже принимать меры к тому, чтобы дети ежедневно посещали компании детей и вместе с ними играли на улицах или бегали. Нужно избегать только одного, чтобы дети не входили в испорченные сообщества, которые должны принести больше зла, чем пользы. Осторожные родители, заметив, что по соседству есть такое сообщество, легко предупредят эту опасность и не позволят пачкать этой грязью своих детей.

ГЛАВА VII

Каким образом нужно приучать детей к деятельной жизни и постоянным занятиям.

1. Дети охотно всегда чем-нибудь занимаются, так как их живая кровь не может оставаться в покое. Это весьма полезно, а потому не только не следует этому мешать, но нужно принимать меры к тому, чтобы всегда у них было что делать. Пусть они будут теми муравьями, которые всегда заняты: что-нибудь катают, несут, тащат, складывают, перекладывают; нужно только помогать детям, чтобы все, что происходит, происходило разумно, и, играя с ними, указывать им даже формы всех игр (ведь заниматься серьезным они еще не могут). Рассказывают, что когда-то проходивший юноша, еще холостой, заметил, что афинский полководец *Фемистокл* на длинной песчаной площадке играет со своим сыном в лошадки. Когда Фемистокл заметил, что юноша удивляется тому, что столь знаменитый муж ведет себя столь по-детски, он просил его не рассказывать кому-либо об этом ранее, чем сам не будет иметь сына. Этим он давал понять, что, сделавшись сам отцом, он лучше поймет чувство родителей по отношению к детям и перестанет смущаться тем, что теперь считает ребячеством.

2. Так как дети стремятся подражать всему, что видят в других, то им нужно позволять это, за исключением тех случаев, когда они хотят пользоваться вещами, которыми они могут нанести себе вред или что-либо испортить, как, например, ножами, топорами, стеклом и т. п. Где это окажется подходящим, вместо настоящих вещей для пользования детей нужно иметь готовые игрушечные вещи: оловянные ножи, деревянные мечи, плуги, коляски, салазки, мельницы, домики и т. п.; всегда играя с ними, дети будут развивать в теле здоровье, в уме — живость, а во всех членах — подвижность. Охотно строят они домики и выводят стены из глины, опилок, дерева, камней; здесь сказывается дар строительства. Словом, во что бы ни захотели дети играть (лишь бы это не было вредным), им нужно помогать, а не мешать. Ведь им больше нечем заниматься, а безделье вредно для души и для тела.

3. Идя последовательно год за годом, в первом году достаточно достиг-

нуть механического умения, если дети научатся открывать рот для пищи, держать прямо голову, поворачивать глаза, брать что-либо рукою, сидеть, стоять и пр. Все это будет скорее делом природы, чем упражнения.

4. На втором и третьем году механические навыки будут более широкими. В это время дети начинают понимать, что значит бегать, прыгать, различным образом поворачиваться, играть с чем-либо, зажигать, снова гасить, переливать воду, переносить что-либо с места на место, класть, поднимать, расстилать, ставить, вращать, свертывать, разворачивать, сгибать, выпрямлять, ломать, колоть и пр.; все это нужно разрешать детям; больше того, при удобном случае, показывать им.

5. Четвертый, пятый и шестой годы будут и должны быть полны ручного труда и всяких строительных работ. Нехорошим признаком является слишком спокойное состояние ребенка во время сидения и ходьбы. Если ребенок всегда бегает или всегда что-либо делает, это служит верным доказательством здорового тела и живого ума. Поэтому, как было сказано, за что бы ребенок ни взялся, не только не нужно ему мешать, но скорее нужно помогать, с тем чтобы все, что делается, делалось разумно и подготовляло дорогу к дальнейшим серьезным трудам.

6. Также в рисовании и в письме нужно заставить детей упражняться в материнской школе на четвертом или на пятом году жизни, по мере того как можно будет заметить или пробудить склонность к этому, предложив им мел (более бедным — уголь, с тем чтобы они по желанию ставили точки, проводили линии, крюки, кресты, круги. В виде игры или для развлечения можно будет понемногу показывать также способ, как это делать. Таким образом, они приучатся на будущее время держать мел и писать буквы и узнают, что такое точка или линия; впоследствии это чрезвычайно облегчит труд преподавателя.

7. Диалектика здесь может быть только натуральная и добытая опытом. Как ведут себя те, кто живет вместе с детьми — разумно или неразумно, так приучаются жить и дети.

8. Основы арифметики можно заложить только на третьем году, когда дети начнут считать сначала до пяти, а впоследствии до десяти или, по крайней мере, начнут ясно выговаривать эти числа, хотя бы вначале они и не понимали, что это значит. Потом они сами могли бы заметить, для какой цели служит этот счет. Если на четвертом, на пятом, на шестом году они научатся считать по порядку до двадцати и быстро различать, что семь больше пяти, пятнадцать больше тринадцати, то этого будет достаточно. Какое число четное и какое нечетное, они без всякого труда поймут из игры, которую мы называем «чет-нечет». Упражнять в арифметике далее будет бесполезно и даже вредно. Ведь ничто с таким трудом не воспринимается нашим умом, как число.

9. Основы геометрии они будут в состоянии усвоить на втором году, различая что мы называем большим и что малым; впоследствии они легко поймут, что такое короткое, длинное, широкое, узкое. На четвертом году они поймут различия некоторых фигур, например что мы называем кругом, что линией, что крестом. Наконец, они узнают названия более употребительных мер, например дюйм, четверть, пядь,

локоть, шаг, фунт, квадрат и пр. Если что-либо станет им более известным, само собою, они сами попытаются измерять, взвешивать и сопоставлять одно с другим.

10. Музыка для нас—дело наиболее естественное. Как только мы являемся на свет, мы тотчас исполняем райскую песнь, которая напоминает нам о нашем падении: А! а! Э! э! Жалобы, говорю я, и плач — первая наша музыка, удержать от которой детей невозможно, а если бы даже и было возможно, то было бы вредно, так как плач приносит пользу здоровью. Ведь пока пет остальных упражнений и движений, грудь и остальные внутренние органы таким способом освобождаются от того, что для них излишне. На втором году детям начинает доставлять удовольствие также и посторонняя музыка, т. е. пение, треск, игра на музыкальных инструментах. Итак, понемногу в этом детям нужно идти навстречу, чтобы их слух и сердце услаждались созвучием и гармонией.

11. На третьем году в ежедневный обиход детей должна войти церковная музыка—перед обедом или после обеда, в начале или в конце молитв; все это происходит в присутствии детей, и они должны привыкнуть быть внимательными и соответствующим образом себя вести. Будет полезно также брать детей с собой на богослужение, когда все в церкви поют. Не невозможно, чтобы на четвертом году некоторые пели сами; запоздалых не следует принуждать, но нужно им давать в руки свирель, бубен, детский струнный инструмент, чтобы свистя, звеня, треща, они приучали слух к восприятию различных звуков или даже подражали им. Будет своевременно на пятом году открывать свои уста для гимнов и прославления бога и пользоваться своим голосом во славу своего Творца.

Здесь приведены более легкие стишки некоторых песен, которые приняты у нас утром и вечером, до еды и после еды, в начале и в конце молитв; каждый народ может подражать им на своем языке¹.

12. Распевая это вместе с детьми и как бы играя с ними, родители и няньки совершенно без всякого труда могут внедрить эти песенки в их ум, так как память детей стала уже гораздо обширнее и восприимчивее, чем была раньше, а благодаря ритмам и мелодии воспринимает больше, легче и приятнее. Но чем больше песен дети запомнят, тем приятнее будет это им самим и умножится слава божия из уст младенцев. Благословен тот дом, где раздаются голоса такой музыки Давида!

ГЛАВА VIII.

Каким образом нужно искусно упражнять детей в употреблении языка.

1. Две особенности решительно отличают человека от животных: разум и речь; разум нужен человеку для самого себя, а речь — ради ближнего. Поэтому нужно прилагать одинаковую заботу к тому и

¹ Ни в Амстердамском, ни в Брюнском изданиях не дано никаких конкретных примеров такого рода стихов. Между тем в переводах с немецкого (см. перевод Адольфа и Любомудрова, М. 1911, и Воскресенской, СПб 1892), в особенности в переводе Адольфа, и Любомудрова почти 4 страницы занято стишками, лишенными какой бы то ни было художественности и доступности детям.

другому, чтобы и ум, и язык были у человека как можно более развиты и усовершенствованы. Прибавим теперь кое-что относительно образования языка, а именно, какое нужно положить начало изучению грамматики, риторики и поэтики, когда и каким образом.

2. У некоторых детей начала грамматики начинают сказываться с шести месяцев, но, обычно, в конце первого года, когда в их языке начинают формироваться некоторые звуки или даже слоги: *а, е, и, ба, ма, та* и пр. Но на следующий год это обыкновенно проявляется полнее, когда дети пытаются произносить целые слова. В это время обычно им предлагают произносить некоторые легкие слова: *тетя, мама, папа*, и — так и необходимо поступать, ибо сама природа приказывает начинать с более легкого, так как детскому, впервые упражняющемуся языку трудно произносить так, как произносим мы, взрослые: *отец, мать, пища, питье* и пр.

3. Однако, как только язык у детей начинает действовать лучше, вредно позволять им говорить картаво. Иначе, когда дело дойдет до изучения более важного, они вынуждены будут, наконец, говорить правильно и отучиваться от того, чему ранее научились неверно. Почему же мать, сестра, нянька не занимаются с детьми, которые уже свободно начинают говорить, и во время игр и развлечений не научат их произносить хорошо и отчетливо буквы, слоги и целые слова (однако сперва более короткие) или отдельные буквы или слоги? На этом году жизни им и нужна только такая грамматика. Эти упражнения могут продолжаться до третьего года; иногда это необходимо вследствие медленного развития некоторых детей.

4. На четвертом, пятом, шестом году вместе с пониманием окружающего речь детей будет обогащаться; только не следует пренебрегать упражнениями, чтобы они привыкли называть своим именем все, что видят дома и чем занимаются. Поэтому нужно часто ставить вопросы: что это такое? что ты делаешь? как это называется? при этом всегда нужно обращать внимание на то, чтобы они произносили слова отчетливо. Требовать большего здесь нет необходимости, разве только не мешало бы помогать им, примешивая шутки. Например, кто лучше и скорее произнесет какое-либо длинное слово, вроде Таратануара, Навуходоносор, константинопольцы и пр.

5. Риторика также начинается в первом году и притом с последней своей части, с жестов. До тех пор, пока разум этого юного возраста и язык скрываются в глубоких недрах, мы имеем обыкновение вводить детей в познание нас самих и в познание вещей известными жестами и внешними действиями, а именно, когда мы их поднимаем, кладем спать, показываем им что-нибудь или улыбаемся, то посредством всего этого мы показываем, чтобы они со своей стороны посмотрели на нас, засмеялись, протянули руки, взяли то, что мы им даем. Так и мы учимся понимать друг друга скорее при помощи жестов, чем при помощи речи; таким же образом нужно поступать и с глухими. Ребенок может, говоря я, тотчас, на первом и на втором году, научиться настолько, чтобы понимать, что значит веселое и печальное лицо, что значит угроза пальцем, что значит утвердительный или отрицательный кивок головой, а это и есть основа риторического действия.

6. Приблизительно на третьем году дети начнут по жестам понимать фигуральные выражения и подражать, иногда спрашивая, иногда выра-

жая удивление, иногда умалчивая, когда что-либо рассказывают. Из учения о тропах они могут понять не много, пока занимаются тем, чтобы понять собственное значение слов. Однако же, если на пятом или на шестом году они услышат что-либо такое от своих сверстников или от нянек, они также это усвоят. Нечего беспокоиться о том, чтобы в этом возрасте они это поняли или знали, так как они будут иметь еще достаточно времени для этих высоких (изукрашенных) слов. Я стремлюсь только к тому, чтобы показать, что корни всех наук и искусств в каком угодно ребенке (хотя бы мы обыкновенно этого не замечали) растут уже в нежном возрасте, и на этих основаниях строить все вполне возможно и нетрудно, лишь бы только с разумным существом мы действовали разумно.

7. Приблизительно то же самое нужно сказать о поэзии, которая связывает речь ритмами и метрами, а именно, что ее основы вытекают из начал речи: как только ребенок начинает понимать слова, то вместе с тем начинает любить также созвучие и рифмы. Поэтому, когда ребенок, упав или где-нибудь ударившись, плачет, няньки утешают его примерно такими или подобными ритмами: «Мой мальчик, мой красавчик, где ты бегал? Что принес оттуда? Если бы дитя спокойно сидело, не вернулось бы с шишкой». Это до того нравится детям, что они не только легко умолкают, но даже смеются. Обыкновенно также, хлопая у них рука об руку, поют следующее или тому подобное: «О, мой ребенок, мой мальчик, спи прекрасно, сомни прекрасные, ты, глазки, ни о чем не заботься».

8. Было бы хорошо, если бы на третьем и на четвертом году количество такого рода рифмованных песенок увеличилось. Пусть няни, играя, напевают их детям не только для того, чтобы отвлечь их от плача, но также и для того, чтобы они сохранились в их памяти и с течением времени могли быть полезными; например: на четвертом, пятом и шестом году дети расширяют знание поэзии, запоминая религиозные стихи. Об этом я напомним ниже (глава X) среди упражнений в благочестии. Хотя бы дети теперь и не понимали, что такое ритм или стих, однако они учатся на опыте замечать некоторое различие между размеренной речью и прозой. Мало того, когда в свое время то же самое будет разъясняться в школах, им будет приятно сознавать, что они ранее уже узнали нечто подобное и теперь понимают лучше. Итак, детская поэзия состоит в том, чтобы, зная несколько ритмов или стишков, дети могли понять, что такое ритм или поэзия, и что такое простая речь. Этого достаточно о развитии способности речи и о том, как далеко и по каким ступеням нужно развивать ее у шестилетнего ребенка.

ГЛАВА IX.

Каким образом нужно упражнять детей в нравственности и добродетелях.

1. В IV главе я изложил, каковы те внешние достоинства, которые должно с первых лет развивать у юношества. Теперь я укажу, как благоразумно и удобно это следует производить. Если бы кто-либо спросил, каким образом в столь нежном возрасте можно приучить детей к этим серьезным вещам, я отвечу: молодые деревца легче заставить расти так или иначе, чем взрослое дерево; таким же образом гораздо скорее можно направлять ко всему доброму юношество в

первые годы его жизни, чем впоследствии, пользуясь при этом только законными средствами. Они следующие:

- 1) Постоянный образец добродетелей.
- 2) Своевременное и разумное наставление и упражнение.
- 3) Умеренная дисциплина.

2. Необходимо постоянно показывать детям хороший пример, так как (как мы это достаточно показали в «Великой Дидактике») бог даровал детям как бы свойство обезьян, а именно страсть подражать всему тому, что на их глазах делают другие. Так, хотя бы ты ребенку никогда ничего не предписывал делать, только бы на глазах его что-либо говорил или делал, ты увидишь, что, подражая, он попытается делать то же; это подтверждается постоянным опытом. Поэтому в том доме, где есть дети, нужна величайшая осмотрительность, чтобы не произошло чего-либо, противного добродетели, но чтобы все соблюдали бы умеренность, опрятность, уважение, взаимное послушание, правдивость и пр. Если это будет происходить постоянно, то, несомненно, не нужны будут многие слова для наставления, ни побои для принуждения. Но так как часто сами взрослые делают ошибки, то не удивительно, что и дети также подражают тому, что видят у других, да и вообще свойственно начинать с ошибок, и наша природа сама по себе склонна ко злу.

3. Однако к этому нужно будет присоединять своевременные и разумные наставления. Уместно будет учить детей словами тогда, когда мы видим, что примеры действуют на них недостаточно, или когда, желая подражать примеру других, они делают это недостаточно умело. Здесь-то и будет полезно дать им наставление, чтобы они вели себя так или иначе: Вот, смотри, как делаю я, как делает отец или мать. Брось это! Стыдись! Ты не будешь прекрасным юношей, если будешь вести себя таким образом. Так поступают нищие, деревенщина, свинопасы и т. п. — Прибегать к слишком длинным увещаниям или говорить длинные речи — еще не время, да и ни к чему не приведет.

4. Иногда нужно также наказание, чтобы дети более обращали внимания на примеры добродетелей и на увещания. Есть две ступени наказания. Первая ступень — прикрикнуть на мальчика, если он в чем-либо ведет себя неприлично. Однако это нужно делать разумно, чтобы он не был потрясен и чтобы в то же время, он почувствовал страх и следил за собой. Иногда могут последовать за этим более сильное порицание и обращение к его совести с последующим увещанием и угрозой, чтобы он этого более не допускал. Если увидишь исправление, то будет полезно немедленно или немного после снова его похвалить. Ведь разумной похвалой и порицанием достигается многое не только у детей, но даже у взрослых. Если эта первая ступень наказания останется недействительной, тогда последует другая — наказывать розгами или побить рукой с той целью, чтобы ребенок опомнился и более следил бы за своим поведением.

5. Здесь я не могу воздержаться от того, чтобы не выразить сурового порицания обезьяньей или ослиной любви со стороны некоторых родителей по отношению к детям. Закрывая на все глаза, такие родители позволяют детям расти без всякой дисциплины и без всякого наказания. В таких случаях детям разрешается совершать какой-угодно

негодный поступок, бегать туда и сюда, кричать, вопить, без причины плакать, грубо отвечать старшим, приходиться в гнев, показывать язык, позволять себе какое-угодно своеволие, — все это родители терпят и извиняют. «Ребенок!» говорят они. «Не нужно его раздражать. Он еще этого не понимает». Но ты сам — глухой ребенок! Если ты замечаешь у ребенка недостаток понимания, то почему не пробуждаешь его? Ведь не для того он рожден, чтобы остаться телянком или осленком, но чтобы стать разумным существом. Или ты не знаешь, что глупость связана с сердцем юноши, но что она изгоняется оттуда, как говорит Писание, железом наказания? (Притчи, 25, ст. 15). Почему ты предпочитаешь, чтобы он оставался при своей естественной глупости, а не был избавлен от нее с помощью своевременного святого и спасительного наказания? Не думай, что ребенок не понимает. Если он понимает, что значит предаваться своеволию и гневу, беситься, злиться, надувать губы, бранить другого и пр., то, конечно, он поймет также, что такое розга и для чего она служит. Не у ребенка нехватает здравого смысла, но у тебя, глухой человек: ты не понимаешь и не желаешь понять, что будет служить на пользу и отраду и тебе, и твоему ребенку. Ведь почему большая часть детей впоследствии становится неуступчивыми по отношению к родителям и всячески их огорчают, если не потому, что не привыкли их уважать.

6. Совершенно правильно сказано: кто будет расти без дисциплины, состарится без добродетелей. Ибо должно исполниться Писание, которое утверждает, что розга и наказание приносят мудрость, а своевольный ребенок стыдом покрывает свою мать (Притчи, 29, ст. 15). Поэтому-то там же божественная мудрость поучает (ст. 17): Наказывай твоего сына, и он успокоит тебя и даст наслаждение душе твоей. Если родители не повинуются этому совету, то получают от детей своих не наслаждение и покой, а позор, укоризну, огорчение и беспокойство. Часто приходится слышать от родителей такие жалобы: у меня плохие и безнравственные дети: один — безбожник, другой — расточитель, а тот — человек безрассудный. И что удивительного, мой друг; если ты жнешь то, что посеял? Ты посеял в их сердца своеволие и хочешь собрать плоды дисциплины? Это было бы похоже на чудо: дикое дерево не может приносить плоды привитого. Пока деревцо было нежным, нужно было приложить старание, чтобы оно было привито, согнуто или выпрямлено, а не выросло бы так уродливо. Но так как весьма многие пренебрегают дисциплиной, то нет ничего удивительного, что молодежь везде вырастает своевольной, дикой, безбожной, что бог на это гневается, а благочестивые люди огорчаются. Разумно, конечно, сказал кто-то из мудрецов, что ребенок пугается в розге, хотя бы казался ангелом. Разве сам Илий не вел благочестивой жизни? Разве не давал благочестивых увещаний своим сыновьям (I Царств, 2, ст. 2)? Но так как он не прибегал к строгим наказаниям, то судьба его была печальна: своей слабостью он навлек на себя величайшую скорбь, на свой дом — божий гнев, на весь свой род — истребление (I Царств, 2, ст. 29 и пр. и 3, ст. 13, 14). Весьма верно д-р Гейлер¹ (знаменитый Страсбургский проповедник два века тому назад) такого рода роди-

¹ D. Geylerus (1445 — 1510) — немецкий проповедник. Отличался меткими сатирическими выражениями.

телей изобразил в следующей картине: дети рвут свои собственные волосы, режут себя ножами, а отец сидит с завязанными глазами.

7. До сих пор были общие соображения. Теперь о вышеуказанных добродетелях я буду говорить отдельно: как дети могут совершенствоваться в них прилично, разумно и легко.

8. Первое место должны занимать умеренность и воздержание, так как это основа здоровья и жизни и мать всех остальных добродетелей. К этому дети привыкнут, если им будут давать столько пищи, питья и позволять столько спать, сколько требует природа. Ведь остальные животные, следующие указаниям одной только природы, более воздержанны, чем мы. Таким образом, дети должны есть, пить, спать только в то время, когда их побуждает к этому природа, именно, когда очевидно, что у них есть чувство голода, жажды и потребность сна. Кормить их, поить и укладывать спать, мало того, пичкать их и переполнять пищей или заставлять спать помимо их желания было бы безумием. Достаточно, если им давать все согласно с требованиями природы. Нужно обращать внимание на то, чтобы аппетит не возбуждался искусственно каким-нибудь тонкими кушаньями или лакомствами. Ведь это смазные повозки, на которых возят больше, чем необходимо, это приманки, ведущие к обжорству. Правда, иногда несколько не мешает предложить детям что-либо более вкусное, однако давать пищу, состоящую только из лакомств, чрезвычайно вредно как для здоровья (об этом в V главе), так и для добрых нравов.

9. Основы чистоты можно будет закладывать немедленно на первом же году жизни, ухаживая за ребенком с возможно большей опрятностью. Как это должно происходить—няньки, если они не лишены смысла, это знают. На втором, третьем и следующих годах полезно учить детей, чтобы они прилично брали пищу, не пачкали жиром пальцев, не пятали себя разбрызганной пищей, не издавали во время еды звуков (издавая по-свиному звук губами), не высовывали языка и пр. Пить дети должны без лизания, облизывания и неприличного обрызгивания себя. В одежде нужно требовать всевозможной чистоты, чтобы они не волачили одежды по земле, не пачкали и не пятали ее умышленно. Детям это свойственно еще по недостатку у них ума, а родители по какой-то глупости на все это смотрят сквозь пальцы.

10. Дети легко привыкнут почитать старших, если узнают, что старшие очень о них заботятся и внимательны к ним. Итак, если часто будешь обращаться к ребенку, будешь его обличать и наказывать, не беспокойся, он будет питать к тебе уважение. А если детям будешь позволять все, как обыкновенно делают родители, чрезмерно любящие детей, то совершенно несомненно, что дети будут жить в своеволии и упрямстве. Любить детей—дело природы, а скрывать свою любовь—дело благоразумия. Вполне верно, говорит Сирах, что необезженный конь окажется упрямым, а избалованный сын обречен будет на гибель. Ласкай сына и утешит тебя, играй с ним и опечалит тебя. Не смейся с ним, чтобы не пришлось тебе печалиться за него и, наконец, стиснуть зубы твои (Сирах, 30, ст. 8, 9, 10). Итак, лучше держать детей в строгости и в страхе, чем открывать им глубину своей любви и тем самым открывать им дверь к своеволию и непослушанию. Хорошо также давать и другим право порицать детей, так, чтобы, где бы они ни были (а не только на виду у родителей), они привыкали сдерживать себя

и таким образом воспитывать в сердце своем скромность и уважение ко всем людям. Поэтому неосмотрительно и совершенно неразумно поступают те, кто никому не позволяет даже искоса посмотреть на своих детей. А если кто сказал бы что-нибудь или сделал замечание, родители начинают за них вступаться даже в присутствии самих детей. Благодаря этому горячая кровь, точно оседлав коня, дает полную свободу своеволию и заносчивости. Итак, этого нужно остерегаться.

11. Нужно с величайшим усилием доводить юношество до действительного послушания. Если оно научится собственную волю сдерживать, а чужую исполнять, то на будущее время это послужит основой величайших добродетелей. Нежному растению мы не позволяем расти по своей воле, но привязываем к колышку, чтобы, будучи привязано, легче поднимало свою верхнюю часть и набирало силы. Отсюда совершенно правильно было сказано Теренцием: «Все мы от своеволия становимся хуже». Итак, всякий раз, как отец или мать скажут ребенку: Не трогай этого, сиди, дай ножик, дай то или другое и пр., нужно приучать детей к тому, чтобы они тотчас исполняли то, что им приказывают. А если они пожелают проявить упрямство, то его легко можно будет сломить окриком или разумным наказанием.

12. О персах мы читаем, что в воспитании детей они с величайшим старанием стремились приучить их к воздержанию и правдивости. И не без основания, так как лживость и лицемерие делают человека ненавистным для бога и людей. Ложь есть порок рабов, и все люди должны питать к нему отвращение, говорит Плутарх. О боге Писание свидетельствует, что ложные уста ему омерзение (Притчи, 12, ст. 22). Итак, следует требовать от детей, чтобы они не отрицали сделанного, если допустили какую-либо порчу, но скромно сознались и, с другой стороны, не говорили того, чего не было. Поэтому Платон воспрещает в присутствии детей читать сказки и вымышленные басни, а желает вести детей сразу к серьезному. А потому я не знаю, как можно оправдать то, что некоторые имеют обыкновение делать: они учат детей за сделанный проступок перекладывать вину на других, и если дети сумеют это сделать, то учителя обращают это в шутку и забаву. Но кому от этого величайший вред, как не ребенку? Если он приучится подменять ложь шуткой, то он научиться лгать.

13. Враг справедливости — стремление к обладанию чужими вещами — пока еще не заражает этого нежного возраста, если его не портят няньки или те, кто имеет попечение о детях. Это происходит в том случае, если в присутствии детей один уносит вещи у другого и скрывает их или тайком сберегает себе пищу, или покушается на чужое. Происходит ли это в шутку, или серьезно, дети, однако, видя это, приучаются подражать, и в этом также они самые настоящие обезьяны; ведь что бы они ни видели, это к ним пристает, и они делают то же самое. Итак няньки или те, кто занят возле детей, в их присутствии должны вести себя с величайшей осторожностью.

14. Радухию и благотворительности (по отношению к другим) в эти первые годы дети будут в состоянии научиться постепенно, если будут видеть, как родителями раздается милостыня среди бедных, или если им самим прикажут отнести ее, или если иногда им подскажут уделить другим что-либо из того, что они имеют. Когда они это сделают, их нужно будет за это похвалить.

15. Наши предки имели обыкновение говорить, что праздность — подушка сатаны. И совершенно верно. Ведь кого сатана найдет незанятым трудами, того он займет сам сперва дурною мыслию, а затем также и позорными делами. Итак, благоразумно уже с нежного возраста не оставлять человека праздным, но вообще занимать его постоянными трудами, так как таким образом заграждается дорога злейшему искушению. Я разумею, конечно, труды, которые не превышают сил ребенка, хотя они не что иное, как игра (как это и должно быть). Лучше играть, чем быть в праздности, ибо во время игры ум все-таки чем-либо напряженно занят и часто даже изощряется. Таким образом, без всякого затруднения дети весьма легко могут упражняться в подготовке к деятельной жизни, так как сама природа заставляет их что-либо делать. Об этом сказано выше (глава VII).

16. Пока дети учатся говорить, до тех пор им нужно предоставить свободу говорить и возможно больше болтать. Но, после того как они научились говорить, будет весьма полезным научить их также молчать. Мы желали бы, чтобы они были не немymi статуями, а разумными созданиями. Кто думает, говорит П л у т а р х, что молчание — дело ничтожное, тот неразумен. Началом великой мудрости является возможность разумно пользоваться молчанием. Молчание никому, конечно, не повредило, но весьма многим повредило то, что они говорили. Вреда могло бы и не быть, однако, так как то и другое — говорить и молчать — является основой и украшением всего нашего разговора во всю жизнь, то они должны быть соединяемы немедленно, чтобы сразу мы приобрета-ли себе возможность пользоваться тем и другим. Итак, родители должны приучать детей к молчанию во время молитвы и богослужения (как дома, так и в церкви); никакое беганье, крик, шум не должны быть им позволяемы в это время. Также должны они научиться молча выслушивать какие-либо приказания отца или матери. Другой стороной молчания будет обдуманная речь, чтобы, прежде чем говорить или отвечать на вопросы, дети подумали, что и как им разумно сказать. Ибо говорить все, что подвернется на язык, глупо, и неподходит это тем, из кого мы желаем сделать разумные существа. Однако, как я всегда подчеркиваю, — насколько позволяет возраст; на это разумные родители должны обращать серьезное внимание.

17. Качество терпения даже ребенок может отчасти приобрести, если не будет излишней изнеженности и чрезмерной снисходительности. У некоторых уже на первом и на втором году начинают обнаруживаться порочные дурные наклонности: самым лучшим будет вырвать это тотчас при самом появлении, как чертополох. Например, какой-нибудь упрямый ребенок криком и плачем стремится добиться того, что пришло ему в голову. Другой свой гнев, злость, жажду мести проявляет, кусаясь, ударяя ногами, царапаясь и другими способами. Такие аффекты не являются естественными, а представляют собой только вырастающие плевелы, а потому родители и няни должны относиться к ним с большой рассудительностью и подавлять их также в самом корне. В первом раннем возрасте это легче и гораздо полезнее сделать, чем впоследствии, когда злость пустит глубокие корни. Напрасно говорят (как это обычно у некоторых): «он — ребенок, не понимает». Выше уже было указано, что такие люди сами лишены разума. Справедливо, однако, что бесполезные травы мы не сразу можем вырвать, как только

они начинают вырастать из земли, так как мы еще не можем правильно распознать диких трав от посеянных и не можем выдернуть их рукой. Однако верно и то, что не следует ждать, пока они подрастут, потому что впоследствии крапива будет жечь сильнее, чертополох будет больше колоть, а полевые плоды или другие полезные травы будут заглушены и погибнут. А когда этот терновник, пустивший уже крепкие корни, вырывается силою, то часто подрываются корни и растущего рядом посева. Итак, как только ты заметишь плевелы, крапиву и терновник, тотчас вырывай. Тем успешнее будут произрастать настоящие посевы. Если ты видишь, что ребенок хочет сверх необходимости лакомиться и объедаться медом, сахаром и какими угодно фруктами, ты будь разумнее его и не позволяй этого; уведи его, займи чем-либо другим, на его плач не обращай внимания; достаточно наплакавшись, перестанет и отучится от этого на будущее время с большой для себя пользой. Равным образом, если он пожелает вести себя дерзко и нагло, не жалей его, крикни на него, накажи его физически, убери от него то, из-за чего он плачет. Таким образом, он, наконец, поймет, что нужно подчиняться твоей воле, а не стремиться к тому, что его манит. Для такого воспитательного приема двухлетний ребенок достаточно созрел; нужна, однако, осмотрительность, чтобы ребенка не раздражить и не вызвать у него гнева. Ибо в этом случае ты сам открыл бы ему дорогу для пренебрежения твоими увещаниями и твоими наказаниями.

18. Чтобы приучать детей к работе и услужливости, нужно весьма мало труда, так как, можно сказать, они сами по себе хватаются за все, только бы им не мешали и лишь бы их научили, как это должно делать благоразумно. Итак, отец или мать пусть постоянно поручают детям исполнять то, что они могли бы исполнить сами или через слугу: «Мой мальчик, подай мне это сюда. Подними это, положи это на скамейку. Поди, — позови Ваню. Скажи Аннушке притти ко мне. Дай этому нищему четверть унций. Сходи к бабушке, пожелай ей от моего имени доброго дня и скажи, что я спрашиваю, как ее здоровье, а с возвращением поспеши» и пр.; все —сообразно с силами возраста. Кроме того, следует упражнять детей в быстроте и подвижности (расторопности), так, чтобы, когда им что-либо поручается, они, оставив игры и все остальное, исполняли это как можно быстрее. Этой готовности подчиняться старшим дети должны научиться с самого юного возраста, и затем она будет служить им великим украшением.

19. Что касается вежливости (*modus civilitatis*), то родители могут обучить ей детей настолько, насколько сами в состоянии быть вежливыми; итак, нет необходимости здесь в специальном указании. Милым будет тот ребенок, который как в отношении к своим родителям, так и в отношении к другим ведет себя почтительно и приветливо; у некоторых это как бы прирожденное, другие должны в этом упражняться, и этим не следует пренебрегать.

20. Наконец, чтобы эта приветливость и ласковость не была неразумной, ее нужно умерять скромностью и серьезностью. Когда осел, о котором рассказывает басня, видя, что собачка ласкается к своему хозяину хвостом и вскакивает к нему на грудь, попытался сделать то же самое, то вместо благодарности получил удары палкой (так как эта ласка неподходила к нему как к ослу). Эту басню можно рассказать детям, чтобы и сами они помнили, что кому идет.

21. А чтобы они знали, что прилично и что неприлично, их нужно приучать к известным жестам и движениям: как следует правильно сидеть, как вставать, как прилично ходить, не кривляясь, не шатаясь, не раскачиваясь; как они должны просить, если им что-либо нужно, как благодарить, когда им дают, как приветствовать, если кого-либо встречают, как сгибать колени и протягивать правую руку, если с ними заговаривают старшие, как им снимать шляпу, держать спокойно руки, и пр., и многое другое, что касается добрых и хороших нравов и привычек. В другом месте об этом будет сказано подробнее. Здесь было необходимо только коснуться кое чего.

ГЛАВА X.

Как нужно упражнять детей в благочестии¹.

1. «Не радуйся сыновьям нечестивым, если они умножаются, и не гордись ими, если нет в них страха божия. Ибо лучше умереть, не имея детей, чем оставить детей нечестивых», говорит мудрый Сирах (16, ст. 1 и 10). Итак, прежде всего родители должны заботиться о том, чтобы привить своим детям истинное, а не притворное, внутреннее, а не внешнее благочестие; без него наука и какие угодно утонченные права больше принесли бы вреда, чем пользы; точно так же как тем более губельны, чем острее, нож, меч, топор в руке безумца.

2. На первом и на втором году жизни, вследствие слишком нежного возраста детей и при слишком глубоко скрытом пользовании разумом, можно здесь достигнуть весьма немногого, кроме того, что бог совершает через природу и сокровенную свою благодать. Однако вообще нужно положить основы нашего долга к детям также и в области благочестия, чтобы повсюду, насколько это от нас зависит, мы содействовали богу и природе. Мы не можем научить благочестию только что родившихся детей, однако, пребывая в благочестии сами вместо них, мы можем заложить также и в них основы благочестия молитвами и святым крещением, поручая их Христу-искупителю и испрашивая им тайного учителя — святого духа.

3. Итак, как только родители заметят, что бог желает их наградить плодом чрева, они должны в самых пламенных молитвах испрашивать у бога благословение и освящение для этого своего потомства. По свидетельству Писания, кто должен быть святым, тот уже от чрева матери избирается и освящается (Иерем, 1, ст. 5; Псалм, 22, ст. 11; Иисус Навин, 49, ст. 7). Такого рода молитвы беременная мать вместе с отцом ежедневно, непрерывно, все время беременности должна проводить благочестиво и свято, чтобы дитя уже под ее сердцем получило основы страха божия (относящаяся сюда молитва беременной матери находится в V главе: «Всемогущий боже...» и пр.).

4. Но, после того как бог позволит видеть свой дар, вышедший на свет из тьмы, родители должны (как учит один благочестивый богослов) в честь божьей руки, которая здесь как бы явилась в новом творении,

¹ X глава для советского читателя представляет только исторический интерес. Она показывает, какая непонятная и трудная для детей и вместе с тем неблагоприятная задача падала на родителей и воспитателей в те времена, когда господствовала в мировоззрении людей религия и церковь.

приветствовать этого нового гостя в мир поделуем. Ведь священна исповедь известной святой матери Маккавеев: мы не знаем, каким образом в чреве нашем зачинаются дети и не мы даем им душу, не мы создаем жизнь или члены тела, но творец мира создает человеческий род (Макк., 7, ст. 22).

5. Если они увидят плод чрева живым, здоровым и со всеми членами, то тотчас принесут смиренное благодарение всещедрому подателю и горячо будут молить его, чтобы затем через своих святых ангелов он сохранил его от всякой опасности и даровал небесное благословение для счастливого воспитания.

6. Затем родители позаботятся о том, чтобы дар божий обратно воздать богу крещением и пламенной мольбой, чтобы милосердный бог удостоил спасти свое создание во Христе и запечатлеть свою любовь, даровав ему залог спасения — святого духа. Свято также они пообещают, что, если бог дарует младенцу жизнь и здоровье, они отвлекут его от всякой мирской суеты и плотских соблазнов и благочестиво воспитают его во славу Божию. Так, Анна, посвящая богу своего сына, в самых горячих молитвах до зачатия, после зачатия и после рождения вымолила ему благословение, ибо божественное милосердие не легко отталкивает от себя то, что ему посвящается смиренно и горячо. Напротив того, если даже благочестивые родители делают это нерадиво, бог не дает им безправственных детей, чтобы было совершенно очевидно, что это дается даром и есть только дар божий.

7. Действительное участие детей в делах благочестия может начаться на втором году, когда разум начинает раскрываться, точно цветок, и делать различие между вещами. Тогда быстро начинает действовать их язык, и они пытаются произносить слова членораздельно, а их ноги крепнут и дети начинают бегать. Итак, тогда уже будет хороший, удобный случай начинать также благочестивые упражнения, однако понемногу и постепенно. Каким образом это должно происходить, я укажу.

8. Во-первых, когда старшие дети молятся и поют перед обедом и после обеда, нужно следить за тем, чтобы маленькие дети приучались молчать и сидеть спокойно или сложить руки и так стоять со сложенными руками. К этому они привыкнут легко, лишь бы только остальные показывали им постоянно добрый пример и некоторое время держали их сложенные руки.

9. Во-вторых, для того, чтобы из их уст также исходила хвала богу, нужно приучать их преклонять колени, складывать руки, смотреть вверх и читать коротенькие молитвы. Во-первых, такую молитву: «Боже отче, помилуй меня ради сына твоего, господя нашего Иисуса Христа. Аминь». Когда в течение одного или двух месяцев дети это запомнят, они станут разучивать молитву господню, но не сразу всю. Первое прошение вместе со вступлением — в течение недели, читая это каждый день утром и вечером раз или дважды (Ведь что иное будет делать нянька? Также полезно, чтобы развивающийся мальчик всякий раз, когда он просит пищи, научился ранее произносить свою коротенькую молитву). А когда мальчик твердо будет произносить и хорошо запомнит это первое прошение, нужно присоединить второе прошение и также повторять его в течение двух недель. Затем нужно присоединить третье прошение и так далее до конца.

Таким образом, ребенок легче запомнит молитву господнюю, чем если бы в обычном порядке читать ее сразу всю; в таком случае ему пришлось бы учить ее два или три года и он не запомнил бы ее правильно.

10. В-третьих, иногда можно ребенку показать пальцем на небо: «там бог, который все создал, от которого мы имеем пищу, питье и одежду». Затем, чтобы он понял, почему, молясь, мы смотрим на небо, можно будет прибавить следующую молитву: «О, мой боже, дай мне сердце, боящееся тебя, повинующееся отцу и матери и во всем тебе угодное. Ниспосли мне твоего святого духа, который бы меня научил и просветил во имя Иисуса Христа, возлюбленного твоего сына. Аминь».

11. Затем нужно взять христианский символ веры, чтобы ребенок до конца третьего года (более отсталые—в конце четвертого) вполне его усвоил. Это не будет трудно, если читать его ежедневно утром и вечером, даже более, перед обедом и после обеда, а именно в первый месяц — только первый член, во второй месяц — второй вместе с первым, в третий месяц — третий вместе со вторым и первым и т. д. А пока усваивается новый член, его можно также повторять, помимо молитвы, до тех пор, пока ребенок не усвоит хорошо его слов. Затем можно дозволить, чтобы, по окончании молитвы на коленях, символ веры они читали стоя, чтобы таким образом они привыкли молитву отделять от того, что не молитва.

12. Здесь уже также будет своевременным при всяком случае говорить о боге, чтобы, слыша частые упоминания о боге, дети привыкли беспрестанно почитать его, поклоняться ему и любить его. В этом нужно ими руководить согласно с их развитием. Например, показав им на небо, нужно сказать: там обитает бог; указав на солнце, — вот нам светит бог; когда гремит гром, — вот бог грозит нечестивым и пр. Можно также обещать им, что, если они усердно будут молиться, слушаться отца и матери, бог пошлет им прекрасную одежду, а в противном случае он их убьет. А если им будет дана какая-либо новая одежда или шубка, или что-либо подобное, что им нравится, нужно говорить, что это дает им бог. Когда они отдают последний долг покойнику или участвуют в похоронах, то, показывая им зарываемое в гробу тело или убитое животное, нужно сказать, что бог убил умерших, так как они были злыми, и все с тою целью, чтобы постоянная память о боге внедрилась в их ум.

13. Если кому-нибудь показалось детским то, что здесь написано, то нужно сказать: да, это — детское, ведь дело здесь идет о детях, с которыми действовать иначе, чем по-детски, нельзя. Сам бог даже с нами, взрослыми, в своем слове и в этой жизни говорит не иначе, как с детьми; ведь на самом деле мы—дети, понимающие вещи божественные и небесные не такими, каковы они сами, но согласно с нашим неразумием (1 Кор., 13, ст. 11). И, однако, бог снисходит к нашей слабости, почему же нам не снисойти к слабости наших детей.

14. Когда дети выучат символ веры, постепенно им нужно сообщить десять заповедей в том же порядке, который, как мы указали, нужно соблюдать относительно молитвы и символа веры, т. е. нужно предлагать для заучивания не все десять заповедей сразу (это притупляло бы ум и ослабляло бы память), но по частям. Например, первую заповедь нужно повторять ежедневно в течение всей недели — утром, после

обеда и вечером. Затем, прибавив вторую заповедь, нужно повторять ее в течение двух или трех недель (так как она несколько длиннее), четвертую — две или три недели; пятую — две недели. Шестая, седьмая, восьмая, девятая заповеди должны быть взяты вместе также в течение двух недель. Наконец, когда мы присоединяем десятую заповедь, все десять заповедей нужно ежедневно ясно повторять при отдельных молитвах. Теперь пусть читает молитвы сам ребенок, в присутствии, однако, отца или матери, или няньки, или назначенного для этого лица, с целью следить за тем, чтобы ребенок не ошибся, а при колебании поправлять его. Однако не меньшее внимание должно уделять его поведению, не позволяя ему оглядываться туда и сюда, вертеться в разные стороны, размахивать руками, чтобы вообще ребенок привык к молитве. Для этой цели детей нужно наставлять, убеждать, принуждать наказанием или громким обращением к ним, иногда розгой или лишением завтрака. Итак, нужно предупреждать их перед молитвами или даже во время молитвы. Если, тем не менее, они совершат проступок, то их нужно наказывать или тотчас во время молитвы, или по окончании молитвы, чтобы они заметили, за что это; однако это должно делать разумно, чтобы ребенок не начал тяготиться молитвою, а скорее ее полюбил.

15. На пятом году к упражнению в благочестии нужно присоединить молитву вечернюю. Например: «Благодарю тебя, мой небесный отец, во имя Иисуса Христа, возлюбленного твоего сына, что в этот день милостиво сохранил меня твоим щедрым милосердием. молю тебя отпустить мне все мои грехи, которые я неправедно совершил. Благоклонно сохрани меня в эту ночь твоею милостию, так как в твои руки я вверяю себя и мое тело и душу и все. Да пребудет со мною твой святой ангел, дабы диавол не восприим над мною никакой власти. Аминь», «Отче наш» и т. д.

16. Когда дети выучат эту молитву, следует перейти к изучению утренней молитвы, которая может быть такова: «Благодарю тебя, мой небесный отец, во имя Иисуса Христа, твоего возлюбленного сына, что в эту ночь сохранил меня от всех зол. Молю тебя, чтобы ты сохранил меня также в этот день от греха и всяких бедствий, чтобы были тебе угодными все мои дела и даже вся моя жизнь, так как в твои руки я вверяю себя и свое тело и душу и все. Твой святой ангел да будет со мною, дабы дьявол не обрел никакой власти над мною. Аминь», «Отче наш» и пр.

17. Без всякого сомнения путем ежедневного прочтения дети выучат молитвы о благословении стола и благодарности после трапезы. Поэтому на пятом и на шестом году с детьми нужно петь некоторые стишки, как об этом сказано в VII главе по поводу музыки.

18. А для того чтобы коренящееся в сердце благочестие не чувствовало препятствий, хорошо будет также и крайне необходимо в этом возрасте противодействовать дурным случайностям, а именно, со всем старанием нужно следить за тем, чтобы ничего безбожного, нечистого, оскверняющего ум не могло попасться им на глаза или достигнуть их слуха. Как справедливым является, по свидетельству Соломона (Притчи, 18, ст. 17), тот, кто первым приходит на суд, и, как говорят люди, сведущие в праве, то, что не принадлежит никому, есть собственность первого завладевшего, так неизменно верно и то, что

первые впечатления нашего духа держатся наиболее прочно, и что первое (будь то хорошее или дурное), что внедряется в юном возрасте, то залегает чрезвычайно глубоко и не может быть вытеснено во всю последующую жизнь.

19. На суде может, конечно, обвиняемый защитить свое дело, когда, лучше ознакомив с ним судью, подрывает основание обвинения (изменив его окраску); ведь судья, зрелый по своему возрасту и по своему суждению, произносит приговор в пользу той стороны, которая докажет свое дело лучше, явится ли она первой или второй, а другую судья отпускает ни с чем. Но ум этого юного возраста, который только что развивается, представляет подобие воска, пока он мягкий. Какую печать ты на нем ни оттиснешь, желая чтобы изображение затвердело вместе с воском, то самое он и удерживает, и иное изображение оттиснется на нем с трудом и с применением силы, да и то оттиснется лишь грубо. Но и тут большая разница. Чтобы изгладить первое изображение на воске, можно растопить воск огнем, но никоим образом нельзя в мозгу изгладить то, что он раз воспринял. Нельзя выдумать, говорю я, никакого искусства и никакого способа, чтобы человек мог изгладить то, что запечатлелось однажды, даже если бы он сам желал, не говоря уже о том, если бы кто-либо приказал ему это сделать. Следовательно, весьма остроумно Фемистокл скорее желал себе искусства забвения, чем запоминания, так как природная сила нашей памяти легко удерживает то, что она только воспримет, и лишь с трудом позволяет это взять у себя.

20. Итак, родители (если им дорого благо их детей) всего более должны заботиться о том, чтобы, наставляя детей всему доброму, устранять их от соприкосновения со всем злым; они и сами должны вести себя благочестиво и непорочно и побуждать к тому же своих слуг и всех домашних. Иначе, возглашает Христос: Горе тому, кто соблазняет единого от малых сих (Матф., 18). А у Ювенала, хотя и язычника, мы находим слова: «Величайшее подобает уважение к мальчику; если ты хочешь совершить что-либо постыдное, не упускай из виду лет мальчика, пусть ребенок помешает тебе, если ты хочешь совершить грех».

ГЛАВА XI.

Как долго следует держать детей в материнской школе.

1. Как маленькие растения, выросшие из своих семян, пересаживают в огород, чтобы они лучше росли и приносили плоды, так и детей, воспитанных под покровом матери, укрепившихся умственно и физически, для лучшего роста нужно передавать на попечение учителей. Ведь перенесенное в другое место деревцо всегда вырастает выше и огородный плод всегда вкуснее полевого. Но когда и как это нужно делать? Отпускать детей из материнского крова и передавать преподавателям ранее шестилетнего возраста я не советовал бы по следующим причинам.

2. Во-первых, слишком юный возраст требует для себя больше заботы, чем сколько мог бы дать ему преподаватель, имеющий на своем попечении массу детей. Итак, лучше пока им оставаться под родным кровом матери.

3. Затем безопаснее, чтобы мозг основательно окреп, ранее чем он начнет работать, а у ребенка на пятом или на шестом году едва лишь заканчивается все образование черепа и мозг становится твердым. Итак, для этого возраста достаточно того, что предлагается ему для понимания при домашнем обучении, само собой, незаметно и как бы путем игры.

4. Кроме того, было бы совершенно бесполезным, если бы мы действовали иначе. Если взять для прививки сучок еще слабый, он будет расти слабо и медленно, а если он более крепок, то сильнее и быстрее. Молодая лошадь, слишком рано запряженная в повозку, становится слабей, но, если дать ей достаточно времени, чтобы подрасти, будет вести лучше и вознаградит за данную отсрочку.

5. И, наконец, не так велика отсрочка ждать до шестого или начала седьмого года, если приняты меры (как мы указали), чтобы дома не было недостатка в том, в чем дети могли бы укрепляться в эти первые годы своей жизни. Если ребенок вышеуказанным способом уже начал приобретать навыки в благочестии и добрых нравах (особенно в почтительности, послушании и повиновении по отношению к старшим), а также и мудрости, быстром выполнении дела, в отчетливом произношении слов,—то не будет слишком поздно, если он поступит учиться в школу на шестом году.

6. Напротив того, я не хотел бы советовать задерживать ребенка дома долее шести лет, так как в этот срок легко можно закончить то, что (по вышеуказанному пути) нужно было выучить дома. И если затем тотчас не отдать ребенка в настоящую школу, несомненно, он привыкнет к бесполезному досугу и снова одичает. Мало того, нужно опасаться, чтобы вследствие этого ненужного досуга к нему не привился тот или иной порок, который потом, точно вредные плевелы, с трудом можно было бы вырвать. Итак, самое лучшее продолжать то, что раз было начато.

7. Однако этого не следует понимать безусловно, как будто переход в школу непременно должен происходить только после исполнения шести лет. Сообразно со способностями ребенка этот срок можно или продлить или сократить на полгода или даже на целый год. Ведь некоторые деревья приносят плоды даже весною, другие — летом, иные — осенью. Но ранние цветы, однако, опадают быстрее, как мы видим, а поздние лучше созревают. Подобным образом скороспелый плод годен сегодня, а далее не может храниться, а поздний плод может лежать дольше.

8. И хотя некоторые дети (ранее шести, пяти и даже до четырех лет) желали бы высоко летать, однако будет хорошо скорее сдерживать, чем позволять им это, а, тем более, побуждать их к этому. Иначе тот, кто прежде времени желает быть доктором, едва будет бакалавром¹, а иногда даже окажется глупцом; так и виноградная ветвь

¹ Бакалавр — низшая, первая, степень учености, присваивавшаяся обычно окончившим так называемый артистический факультет (факультет семи свободных наук—по-латыни *ars, artis* — наука, искусство, отсюда и название этого факультета «артистический»), служивший необходимой подготовительной ступенью (как у нас школа-десятилетка или рабочий факультет) к учебным занятиям на каждом из старших факультетов — богословского, юридического и медицинского.

которая вначале роскошно растет и в большом числе приносит виноград, будет подниматься вверх, однако ослабит корень и будет недолговечна. Есть, напротив того, дети более отсталые, с которыми едва ли можно будет что-либо начать на седьмом или на восьмом году. Поэтому наш совет, который мы здесь даем, нужно относить к детям со средними способностями (которых всегда бывает большее число). Если у кого-либо будет более способный или более тупой ребенок, тому можно будет посоветоваться с преподавателями или начальниками школы.

9. Признаки, по которым можно сделать заключение о способности детей посещать общественные школы:

1) Если ребенок знает то, что ему следует знать в материнской школе.

2) Если в нем будут замечены внимание и размышление по поводу предлагаемых вопросов и известная способность суждения.

3) Если у него обнаружится сверх того некоторое стремление к более высокому образованию.

ГЛАВА XII.

Каким образом родители должны готовить своих детей к школе.

1. Все человеческие дела, если ими заниматься с пользой, требуют осмотрительности и доликой подготовки. На это указывает Сирах (18; ст. 18), требуя подготовки ранее молитвы, ранее суда и ранее произнесения какого-либо слова, хотя бы вопрос казался особенно ясным (Гл. 33, ст. 4). И естественно, во всяком случае, чтобы создание, владеющее разумом, ничего не делало без обдумывания и суждения, но все делало разумно и осмотрительно, наперед обдумывая, почему это делать и какое должно или может быть следствие, если он поступит так или иначе. Итак, родители должны отдавать своих детей для образования в школу обдуманно, и прежде всего сами должны подумать, что предстоит здесь делать, и открыть глаза детям, чтобы они поразмыслили о том же самом.

2. Итак, неразумно поступают те родители, которые без всякой подготовки ведут своих детей в школы, точно телят на бойню или скотину в стадо: пусть потом школьный учитель мучится с ними, терзает их, как хочет. Но еще более безумны те, кто сделали из учителя пугало, а из школы застенки и все-таки ведут туда детей. Это происходит в том случае, если родители или прислуга в присутствии детей неосторожно болтают о школьных наказаниях, о строгости учителей, о том, что большие дети не будут играть, и тому подобное. «Пошлю тебя в школу, — говорят, — успокоишься, выпорют тебя, подожди только» и пр. Этим способом в детях развивается не кротость, но еще большее одичание, отчаяние и рабский страх по отношению к родителям и учителям.

3. Итак, разумные и благочестивые родители, воспитатели и попечители будут поступать так. Во-первых, когда приближается время посылать детей в школу, они будут ободрять их, точно наступает ярмарка или собрание винограда, говоря, что они пойдут в школу вместе с другими детьми и вместе с ними будут учиться и будут играть. Может также отец или мать пообещать ребенку прекрасные одежды,

изящную шляпу, красивую дощечку для письма, книжку и что-либо подобное, а иногда и показать то, что уже приготовлено для ребенка (ко дню отправления в школу). Однако давать этого не будут (чтобы дети все более и более воспламенялись желанием), но будут только обещать, что дадут. Об этом будут говорить такими и следующими словами: «Ну, дорогой сын, усердно молись, чтобы поскорее наступило то время, будь благочестивым и послушным» и пр.

4. Хорошо будет также разъяснять детям, какое это прекрасное дело посещать школу и учиться. Ведь из таких детей выходят важные люди, начальники, директора, проповедники слова божия, сенаторы и пр., все выдающиеся, славные, богатые и мудрые люди, к которым остальные должны относиться с почтением. Таким образом, гораздо лучше посещать школу, чем дома пропадать от безделья или бегать по улицам, или изучать ремесло и пр. Затем учение не есть труд, но забава с книгами и пером, и гораздо приятнее сахара. А чтобы они заранее до некоторой степени познакомились с этими занятиями, не мешая дать им в руки мел, которым бы они могли рисовать на скамейках, на столе или на данной доске проводить линии, рисовать, что только хотят: чашки, кресты, круги, звездочки, лошадей, деревья и пр., передают ли они это верно, или нет, — неважно, лишь бы только они получали от этого удовольствие. Невозможно, чтобы это оставалось без результата: ведь они таким образом легче будут привыкать чертить буквы и различать их, и вообще не следует упускать из виду ничего, что сверх того можно придумать для возбуждения в детях любви к школе.

5. Кроме того, родители должны будут внедрить детям любовь и доверие к будущим преподавателям. Этого одним способом достигнуть нельзя. Иногда нужно дружелюбно упоминать об учителе, называя его дядей по отцу или по матери, крестным отцом, соседом и вообще расхваливая его ученость и мудрость, его любезность и доброту, указывая, что он человек выдающийся, многое знает, ласков к детям и их любит. И хотя и правда, что некоторых он наказывает, но только безнравственных и непослушных, кто заслуживает того, чтобы все его наказывали, а послушных он не наказывает никогда. При всем этом он показывает, каким образом что-либо нужно писать или читать и пр. Говоря с детьми так и каким-нибудь иным подобным образом, по-детски, родители должны устранить у детей всякий страх перед школой. Затем также нужно спрашивать: будешь ли ты послушен? Если ребенок скажет, что он будет послушен, ему нужно сказать: итак, знай наверно, что учитель тебя полюбит. А чтобы у ребенка завязалось какое-либо знакомство с его будущим учителем и чтобы он правильно понял сказанное ему и укрепился в этой надежде, мать или отец иногда (отправив его одного или со служанкой) могут послать учителю какой-нибудь подарок. Тогда учитель (помня о своем долге) ласково с ним поговорит, покажет ему что-нибудь, чего тот не видел (книжку, рисунок, какой-нибудь музыкальный или математический инструмент и то, что ребенку может доставить удовольствие). Иногда также учитель что-либо подарит ребенку: дощечку для письма, флакончик чернил, маленькую монету, сахар, какой-нибудь фрукт или что-либо подобное. А чтобы учителю не было от этого ущерба, родители (ради которых это происходит) могут и должны это как-ни-

будь возместить или вперед что-либо послать. Таким образом, ребенок будет относиться к школе и к учителям бодро и с расположением, особенно если у него будет проявляться благородная натура. Здесь уже половину дела сделает тот, кто так хорошо начнет; ведь сама школа будет для него только забава, и дети будут делать успехи с радостью.

6. Так как, однако, всякая мудрость от господа и пребывает с ним от века (Сирах 1, 19), а он и руководитель к мудрости, и исправитель мудрости и в его руках мы и наши речи, равно промысл и знание (Премудр., 7, ст. 15), то сама необходимость требует, чтобы родители снова в благочестивых молитвах вверяли своих детей богу, прося, чтобы он благословил их школьные работы и сделал из них сосуды благодати, а если то будет угодно его милосердию, то и орудия своей славы. Так Анна с молитвами поручала своего сына, Самуила, жрецу Илию, так Давид поручал Соломона пророку Нафану; так мать чешского мученика, учителя Гуса, ведя его в чужую страну, несколько раз во время пути, падая с ним на колени, изливала молитвы. Церковь знает, что бог услышал и благословил ее. Ведь каким образом бог мог бы отвергнуть то, что ему с плачем и слезами посвящается всем сердцем и пламенно (сперва во чреве матери, после — в крещении и снова теперь при поступлении в школу)? Каким образом не принял бы он столь святой жертвы? Это невозможно¹.

¹ Далее Коменский приводит текст молитвы, который мы опускаем как не представляющий никакого интереса.

Проф. А. А. КРАСНОВСКИЙ.

«ПРЕДВЕСТНИК ВСЕОБЩЕЙ МУДРОСТИ» Я. А. КОМЕНСКОГО.

«Предвестник всеобщей мудрости» является одним из тех произведений Я. А. Коменского, благодаря которому его имя и идеи стали известными передовым кругам всей Западной Европы. Сам Коменский настолько высоко ценил свои труды по пансофии, что все свои работы по методике преподавания латинского языка (грамматики, словари и т. п.) по сравнению с пансофией считал «пустяками». Осуществлению идей, изложенных в «Предвестнике всеобщей мудрости», Коменский сам и по совету друзей стремился посвятить всю остальную часть своей жизни.

К этому труду Коменский приступил уже тогда, когда была готова его «Великая Дидактика» на чешском языке, еще, однако, не опубликованная в печати, когда он уже приобрел международную известность своими опубликованными работами: «Открытой дверью языков» (*Latina linguarum reserata*) и «Физикой». Окрыленный успехом этих книг, Коменский задумал составить «Дверь вещей», или «Врата истинной мудрости»¹

Задачу этой своей работы сам Коменский в «Предвестнике всеобщей мудрости» формулирует так: «При помощи научных занятий мы должны приближаться ко всеобщему познанию вещей, к «пансофии», т. е. к полной, все в себе заключающей и во всех частях согласной с самой собою мудрости: не должно остаться неизученным ничто — ни явное, ни сокровенное, над чем человеческий дух... не выполнил бы того, что он должен выполнить» (§ 7).

Эта задача для познания не нова. Лучшим выразителем ее был в свое время греческий философ Аристотель (384 — 322 гг. до н. э.). На протяжении всего средневековья построение всеобщего познания вещей выливалось в уродливую схоластическую форму построения так называемых «энциклопедий». В связи с упадком науки и образования средневековые «энциклопедии» представляли собой сборники отдельных, не систематизированных определений различных объектов познания, с большей или меньшей точностью списанных у античных авторов или еще с меньшим успехом самостоятельно выработанных средневековыми писателями на основе отрывочного их знакомства с античной литературой. Из таких «энциклопедий» известны: Марциана Капеллы в V веке, Кассиодора и Исихора в VI веке, Рабана Мавра в IX веке.

¹ См. Предисловие к изданию «Предвестника всеобщей мудрости» в *Opera didactica omnia*, pars I, p. 403.

В эпоху Коменского в связи с ростом науки и возрождением подлинной античной литературы попытки построения энциклопедий приобрели новый стимул, новые источники и новое значение по сравнению с такими же попытками раннего средневековья.

Коменскому была известна такая попытка его университетского учителя в Герборне А. Л. С т е д а¹. Непосредственно перед началом своей работы по пансофии Коменский ознакомился с подобным же произведением под названием *Pansophiae, sive paedia philosophica* (Пансофия, или философское воспитание) профессора Ростокинского университета Л. О р е н б е р г а. Но особенно сильное и увлекательное значение для Коменского имела идея Бэкона В е р у л а м с к о г о, развитая им в сочинениях под общим заголовком «*Magna instauratio scientiarum*» (Великое восстановление наук), в частности в сочинениях «*De dignitate et augmentis scientiarum*» (О достоинстве и росте наук) и «*Novum organum*» (Новый органон).

Коменского увлекают успехи наук и искусств его времени. Присоединяясь к мнению, что в его «век» науки «процвели так, как никогда раньше», что его век есть «век науки», он примыкает к той точке зрения, «что может заблестать надежда на еще больший свет» (§ 3.).

На протяжении всего «Предвестника всеобщей мудрости» Коменский неоднократно обращается к Бэкону Веруламскому, этому, по выражению Карла Маркса, «истинному родоначальнику английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени». В одних случаях он называет «поразительным» (*mirabilis*) его «Органон» и считает «безошибочным» открытый Бэконом «способ исследования подлинной природы вещей» (§ 47); в другом случае он видит в «открытой славным В е р у л а м и е м искусной индукции» «поистине» «путь для проникновения в тайны природы» (§ 63). В третьем месте Коменский ссылается на авторитет В е р у л а м и я в раскрытии основного порока формаль-

Из Обращения к читателям и начало текста «Предвестника пансофии» в Амстердамском издании Собрания сочинений Я. А. Коменского в 1657 г.

¹ Ioannis Henr. Alstedii Omnium scientiarum Encyclopaedia. Herborn 1629. К числу таких же, известных Коменскому энциклопедий относятся: «*Bartholomaei Keckermani Systema logicae, rethoricae, theologiae, ethicae, politicae, oeconomicae, physicae, astronomiae, geographiae, opticae, geometriae, prudentiae, ecclesiasticae*. 1610». (См. примечание № 47 на стр. 351 IX тома издания сочинений Коменского в Брно.)

ной ходячей логики. Наконец, следует отметить, что Коменский среди своих предшественников называет Бэкона Веруламского вместе с Фомой Кампанеллой «славными восстановителями философии» (*philosophiae restauratores gloriosi*) (§ 97).

Таким образом, не подлежит сомнению, что по своим основным установкам Коменский примыкает к наиболее передовому, прогрессивному научно-философскому течению своего времени.

Идея пансофии у Коменского непосредственно примыкает к его дидактическим взглядам. Целью этой работы он ставит «новым начертанием универсального, истинного и основательного образования» «побудить» к улучшению чего-либо из теперешнего устройства учебного дела».

А основное, чего нехватало учебному делу в эпоху Коменского, заключалось, по неоднократным разъяснениям Коменского, в полной неопределенности как задач образования, так и в особенности объема и содержания образовательного материала, а в связи с этим — и правильного метода преподавания. Эта неопределенность шла еще с раннего средневековья. В эпоху Коменского она усилилась растерянностью перед богатством и разнообразием нового образовательного материала, развернутого перед культурным человечеством эпохой возрождения наук и искусств. Перед культурным человечеством со всей ясностью открыты были совершенно неизвестные в эпоху раннего средневековья три новых мира: мир истории, мир природы, мир человеческой личности. Они говорили о себе в восстанавливаемых памятниках античного искусства и греко-римской изящной исторической и философской литературы, в открытии огромной части света с своеобразиями и богатствами девственной природы, в установленной астрономами новой картине небесных светил и всего мира; они вызвали восторг и удивление музыкальной звучностью лирической песни и творческой изобретательностью в произведениях новой техники и в новых философских трактатах.

И все это богатство и разнообразие трех миров шло мимо школы, не находя для себя никакого отражения в образовательном материале даже самых лучших учебных заведений.

Однако для того чтобы сделать эти достижения если не предметом изучения в школе, то хотя бы только легко обозримыми, нужно было привести их в какую-то систему. Труды Коменского по пансофии как раз и были направлены на то, чтобы систематизировать все достижения культурной жизни и научной мысли его времени. При этом Коменский исходил из совершенно правильной мысли, что «венци..., как и самый мир,... состоят из немногих элементов и их немногих различий в формах, и все изобретения искусства могут быть сведены к определенным родам и определенным сочетаниям» (§ 99).

На службу этой идее Коменский хочет поставить и метод учебных занятий. Он разделяет с передовыми умами своей эпохи стремление «довести метод занятий до такого совершенства, чтобы при помощи его можно было постепенно и с наименьшим трудом внушить умам все, достойное звания людей», т. е. отыскать «способ быстро обучать всех всему» (§ 5). В успешном осуществлении этих поисков Коменский находит основание к тому, чтобы признать свою эпоху давно ожидаемым, блестящим «Золотым веком».

Гносеологические и методологические принципы у Коменского для пансофии те же, что и в других его педагогических сочинениях: «чувство, разум и божественное откровение» (§ 27). Следует, однако, заметить, что к «божественному откровению» Коменский предлагает прибегать только в тех случаях, когда первые два принципа (чувство и разум) оказываются бессильными постигнуть какие-либо явления (§ 29). И решающую роль Коменский приписывает все-таки чувству. Чтобы преодолеть разнородности мнений, произвольные толкования вещей и «внешние о них свидетельства» авторитетов, Коменский предлагает обращаться к свидетельству самих вещей, как они отражаются в наших чувствах, так как «сами вещи не могут запечатлеваться в чувствах иначе, чем так, как они есть» (§ 29).

В поисках полной достоверности, правильности и соответствия теорий действительному миру Коменский не падит и самих «догматов». «Они, — пишет Коменский о догматах, — могут создаваться и разрушаться, так как они придуманы не в соответствии с неизменной нормой вещей, а согласно неворотливому правилу того или иного мозга» (§ 28).

Коменский предполагает дать в «Пансофии» расположение материала, аналогичное с расположением материала в математике. «Как у математиков из доказанной теоремы выводится научное положение, а из доказанной проблемы вытекает следствие, так и из предписаний пансофии должно безошибочно следовать познание и действие» (§ 92).

Соблюдение такой строгой последовательности материала «Пансофии» дает в результате и огромные дидактические результаты. «Философия, построенная таким образом, — пишет Коменский, — будет: 1) легкой для усвоения, ибо в ней одно будет вытекать из другого; 2) истинность ее будет прочной, так как все последующее будет основываться на предыдущем; 3) она будет чрезвычайно полезна в применении, так как в ней отлично раскроются основания всего мыслимого» (§ 89).

Пансофию Коменский предназначает «для всего человеческого рода», для всех людей без различия сословий, возраста, пола, языка, «ибо все, рожденные людьми, должны быть направляемы к одной и той же цели — к славе божией и своему собственному блаженству, и из этого нельзя исключить никого: ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, ни старика, ни знатного, ни плебей, ни ремесленника, ни селянина» (§ 122). По этим соображениям Коменский предлагает, чтобы мудрость, или пансофия, преподавалась не только в школах и не только на латинском языке, мало доступном широким слоям населения, но и на собственном языке каждого народа (§ 123). Отсюда Коменский изменяет и самое название сочинения. Вместо первоначального задуманного заглавия *Janua...* («Дверь» мудрости), он склоняется назвать его словом *Porta...* — «Врата» мудрости. В дверь проходят поодиночке, а через ворота люди могут входить «целыми толпами».

На протяжении всей работы Коменский много говорит о боге и о религии. Конечно, он был человеком верующим, — к тому же и папистом одной из реформированных церквей. Однако, несмотря на это, он дает целый ряд новых, прогрессивных мыслей; таков его горячий призыв к изучению природы, его соображения о чувственном восприятии и о практике как критерии истины (см. в настоящем

сочинении § 115), его широкий демократизм, исходящий, правда, из идеи равенства всех людей как созданий божиих и потому требующий равенства в образовании. Из этого демократизма Коменский выводит требование писать и давать всем научное знание на родном языке каждого (см. последние параграфы этого сочинения) и т. д. И это делает Коменского одним из борцов за лучшие идеалы, общие трудовому человечеству всех веков.

Работы Коменского по пансофии находились еще в самой начальной стадии, когда, вопреки всяким предположениям Коменского, в силу сложившихся обстоятельств, они оказались опубликованными в печати. Произошло это следующим образом.

Два молодых человека из общины «чешских братьев» в Лешно были посланы для довершения научного образования в Англию и были там представлены известному в то время просвещенному коммерсанту-меченату Самуилу Гартлибу.

При приеме этих молодых людей Гартлиб спросил у них, чем занимается Коменский и каково его общее положение. Студенты ответили, что Коменский намерен писать «Пансофию», а живет, как и все изгнанники, бедно. Гартлиб устроил студентов в Оксфордский университет, а Коменскому послал теплое письмо и некоторую сумму денег. Коменский письменно поблагодарил Гартлиба, и между ними завязалась переписка. По предложению Гартлиба, Коменский послал ему детализированный набросок своей работы по Пансофии, к которому он присоединил оглавление «Великой Дидактики». В течение нескольких месяцев Коменский напрасно ожидал ответа от Гартлиба и уже решил было, что его письмо и материалы затеряны или что Гартлиб не придает никакого значения посланным работам. Как вдруг он получил пакет с книгой из Дании. Велико было изумление Коменского, когда, вскрыв большой пакет, он нашел в нем том книги, озаглавленный *Conatium Comenianorum Praeludia ex Bibliotheca S. H. Porta sapientiae reserata, sive Pansophiae christianae Seminarium*. (Введение к опытам Коменского из библиотеки С. Г.¹ Открытые врата мудрости, или Семинариум христианской Пансофии). В предисловии, написанном Гартлибом, сообщалось, что это сочинение издано в Оксфорде с одобрения университетского канцлера. В письме к Коменскому Гартлиб извинялся за поспешность издания и объяснял это техническими соображениями, сообщал также, что соображения Коменского направлены на одобрение ученых всех других европейских стран и представителей различных религиозных сект с целью возбудить интерес и найти покровителей (меченатов) для реализации этого проекта. Больше того, так как одному человеку невозможно выполнить такую задачу, Гартлиб полагал бы необходимым подобрать в качестве помощников Коменскому 6 — 8 ученых, которые могли бы посвятить себя чисто научной работе и систематизации уже достигнутых знаний. Наконец, так как одно поколение не в силах осуществить весь план работы, Гартлиб предлагал, по идее Бэкона, основать коллегия для универсального изучения достижений наук и искусств.

Посылая свою рукопись, Коменский не имел в виду опубликование ее в печати. Но при создавшихся условиях ему ничего не оста-

¹ Самуила Гартлиба.

валось делать, так как книга была уже в руках читателей. Благодаря тому же Гартлибу эта книга через два года, в 1639 г., вышла вторым изданием под названием «Pansophiae Prodromus» (Предвестник всеобщей мудрости). Скоро книга была издана также в Париже, Лейдене, и в 1642 г. появился ее перевод на английский язык.

Книга привлекла внимание всей просвещенной Европы. «Каждый угол Европы,—писал Гартлибу профессор математики в Гамбурге Ж. А. Т а с с,—горит желанием изучать пансофию или лучшую дидактику. Если бы Коменский не имел ничего более, то и того было бы достаточно, что он дал такой толчок умам»¹.

Идея пансофии Коменского оказалась и в поле зрения крупнейшего из философов того времени Декарта. Ознакомившись с «Pansophiae Prodromus» и оценивая эту работу, Декарт признает, что Коменский является «человеком сильного ума и большой идеи и, сверх того, обнаруживает благородную ревность к общественному благу». Он полагает, что «Коменский мог бы разрешить проблему, которую он изложил лучше, чем кто-либо другой; только образцы, которые он представил, не достаточны, чтобы подать большую надежду». Декарт сомневается, чтобы в одной только книге можно было изложить все знания в целом и не одобряет, что автор хотел бы «соединить религию и истины Откровения с знаниями, которые добываются естественным разумом, и что он изображает какую-то универсальную науку, к которой склонны были бы и которую были бы в состоянии усвоить юные школьники в возрасте до 24 лет». По его мнению, «не следует применять священное писание для той цели, для которой бог не предназначил его, следовательно, не нужно злоупотреблять им». Он заканчивает свое письмо, однако, предположением, что «автор не намерен ни пользоваться библией в этом смысле, ни смешивать священные предметы с обычными; во всем остальном его намерения обнаруживают столько хорошего, что если даже ему чего-либо еще недостает, он не лишается права на высокое уважение»².

В 1641 г. Коменский был приглашен в Англию. Это приглашение состоялось по распоряжению парламента. Представление об этом в парламент было сделано в самых хвалебных выражениях по адресу Коменского, какие только были свойственны XVII в. Вместе с Коменским был приглашен Ж а н Д ю р и из Лейдена, работавший над вопросами мира среди реформационных церквей. В представлении в парламент было сказано: «Оба они великие труженики на пользу истины и мира, зарекомендовавшие себя своей ученостью, благочестием и честностью: Коменский начертал прекрасный план и подготовил основания для возведения здания человеческой и божественной истины, для того чтобы облегчить человечеству в целом достижение истинного познания полезных вещей; что касается Дюри, то его неоценимая работа, направленная в пользу мира реформационных церквей, получила одобрение выдающихся богословов»³. Вместе с тем английский парламент принял постановление об организации ученой коллегии для разработки Пансофии под руководством Коменского и при участии ученых других стран. Но в это время в Англии

¹ См. А. Нейбергер, Comenius. Paris 1928, p. 53 — 55.

² Там же, стр. 56.

³ Там же, стр. 60.

разгоралась гражданская война, и вопросы культуры были отодвинуты на второй план.

Ожидая исхода политических событий в Англии, Коменский получил весьма любезное приглашение от Л ю д в и г а Г е е р а перебраться в Швецию, чтобы целиком отдаться научной работе. Английские друзья советовали ему принять приглашение, однако с тем, чтобы при изменившихся политических обстоятельствах он вернулся в Англию.

Заслуживают упоминания напутствия, с которыми отправляли Коменского в Швецию его английские друзья. Как об этом пишет сам Коменский, эти напутствия сводились к следующему: «во-первых, не отвлекаться от пансофических занятий какими-либо второстепенными занятиями; во-вторых, не терять времени на чтение, но заниматься самостоятельными исследованиями; они ожидали от него нового анализа, а не компиляций, как бы блестящи они ни были»; наконец, они требовали от него «вести исследования одному... не искать сотрудников и не передавать им дела до возвращения в Англию».

Планы самого Коменского и его друзей оказались, однако, неосуществленными. Дальнейшие обстоятельства жизни Коменского сложились так, что он мог заниматься Пансофией только урывками среди работ филологического и педагогического характера. Да и то, что индивидуально было подготовлено Коменским по Пансофии, безвозвратно погибло в числе многих других неопубликованных рукописей в огне военного разгрома поляками города Лешно в 1656 г. Таким образом, опубликовываемый нами предварительный очерк «Пансофии» является единственным источником для раскрытия идей Коменского в этой области.

Кроме упомянутых выше изданий, «Предвестник всеобщей мудрости» был опубликован при жизни Коменского в Амстердамском издании его педагогических сочинений (См. *Opera didactica omnia*, pars I, p. 403 — 454).

На чешском языке, в переводе З у б е к а с латинского, это сочинение было издано в Праге в 1879 г.

Немецкий перевод см. в *Richters Pädagogische Bibliothek*, B. XI. *Comenius Werke*, II, Leipzig 1892.

На русском языке это сочинение появляется впервые. Для нашего перевода мы воспользовались последним изданием этого сочинения на латинском языке. См. том I. *Veškerych Spisuo Jana Amosa Komenškého*, под ред. d-r Jos. Reber'a и d-r Jan. K. Novák'a, V Brně 1914.

ДОСТОПОЧТЕННОГО, СЛАВНЕЙШЕГО МУЖА
ИОАННА АМОСА КОМЕНСКОГО

ПРЕДВЕСТНИК ВСЕОБЩЕЙ МУДРОСТИ

(Pansophiae Prodromus),

*в котором основательно, ясно и изящно доказываются
необходимость, возможность и польза этого удивитель-
ного и совершенно несравненного труда.*

(Издано в Лондоне в 1639 году.)

1) Экклез. 5, ст. 18: В большом деле, как и в малом, не следует ничего упускать из виду.

2) Цицерон, Письмо к Атту (из Фокс);

Οὐδὲν ὕλοκαταρον ἢ πᾶν εἰδέναι

(Нет ничего приятнее, чем знать все).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ В Opera didactica omnia, 1, p. 403.

Человеколюбивейшие читатели!

Если стих поэта «*excitat auditor studium laudataque virtus crescit*» (т. е. «слушатель стимулирует занятия [наукой] и добродетель, получившая похвалу, возрастает»), — если этот стих справедлив, то он должен был бы оправдаться и в применении ко мне: так много столь лестных одобрительных отзывов (за выполненное мною, по-моему, не столь уж большое дело) должны были придать мне стремление сделать что-нибудь более крупное и лучшее. Поэтому я стал размышлять, не следует ли мне попытаться создать что-либо для более действительного (*realioris*) образования и для внедрения мудрости, что-либо, сведенное к некоторой гармонии. Из этого вышло желание составить «Дверь вещей», или «Врата мудрости», которые служили бы юношеству к тому, чтобы оно, научившись при помощи «Двери языков» различать вещи с внешней стороны, привыкло бы затем усматривать их внутренние свойства и обращать внимание на то, чем является каждая вещь по своей сущности. Я стал надеяться, что если бы такое изучение охватило все (включая в себя все необходимое для знания и действия, для уверенности и надежды), то могла бы составиться некоторая прекраснейшая Энциклопедия (или «Пансофиола»), которая оказалась бы очень пригодной. Когда через некоторых моравских студентов, отправившихся в Англию, узнали о моем плане, превос-

ходный муж Самуил Гартлибий попросил меня развить мои соображения в некоторого рода очерк будущего труда. И я сообщил ему нижеследующую «Прелюдию пансофии», в которой коротко и ясно доказываю необходимость, возможность и легкую исполнимость (если за дело примутся по определенному плану) всеобщей мудрости.

Всем любителям мудрости, света и истины привет и благословение от Христа — источника мудрости, света и истины.

**Похвала
мудрости.**

1. Что мудрость (которая, по Аристотелю, есть знание многих и удивительных вещей, по Цицерону — познание вещей божественных и человеческих и тех причин, от которых они зависят, и наконец, по Соломону — научающий всему мастер всех вещей), что мудрость с древнейших времен была прославляема великими похвалами, — это не может остаться неизвестным для тех, кто стремится к ее изучению. Она, как говорит мудрейший из смертных, ценнее всех богатств вместе взятых, с ней нельзя сравнить ничего, к чему люди стремятся. В ее правой руке долгота дней, а в левой — богатство и слава. Пути ее прекрасны, и все тропинки ее миротворны. Древо жизни принадлежит тем, кто ею занимается, и блаженны владеющие ею (Притчи, 3, 15). Цицерон говорит: «Роду смертных не дано и не будет дано никакого более высокого блага». Гораций пишет так: «Ad summum sapiens uno minor est Jove: dives, liber, honoratus, pulcher, rex denique regum», т. е. «Мудрец, в конце концов, уступает только одному Зевсу: он богат, свободен; он пользуется уважением, он прекрасен; наконец, он царь царей».

**Почему мудрость
так ценят.**

2. Если ты спросишь, почему так ценят одну эту добродетель, то тебе ответят так: Сенека говорит, что без изучения мудрости никто не может жить не только хорошо, но даже и сносно. Цицерон считал, что мудрость есть мать всех искусств, — она научает нас прежде всего богопочитанию, потом человеческому праву, коренящемуся в общежитии человеческого рода, а также скромности и величию духа; она отгоняет от ума, а также и от глаз туман, и мы начинаем видеть все — высшее и низшее, первое, последнее и стоящее посредине. Наконец, она есть медицина духа. А Соломон прибавляет, что мудрость укрепляет мудрого больше, чем десяток князей (Экклес., 7, 29), что она есть сокровище, всегда имеющееся в распоряжении людей, и кто ею пользуется, тот заключает дружбу с богом при помощи даров, получаемых посредством образования. И бог любит только тех, кто обитает с мудростью (Премудр., 7, 14, 28).

**Изучение
мудрости.**

3. Поэтому правильно самые выдающиеся из людей во все века, отложив заботу о вещах преходящих — о богатстве, об удовольствиях, о почестях, — направляли свои мысли, желания и занятия на то, чтобы, отдаваясь созерцанию вещей, понять их, поскольку это доступно уму, и этим способом подчинить себе мир. Такого рода люди представляют собой среди остальной толпы смертных то самое, чем является сам дар мудрости среди других, данных смертным благ; это блестящие драгоценные камни, светила во мраке мира, разгоняющие темноту. Поэтому надо

с благодарностью признать дело божественного милосердия, — что бог не только открыл нам зрелище своей мудрости, природу и Писание, но и научил нас в своем Откровении созерцать это при помощи приспособлений (*instrumentis*) и собирать свет мудрости.

Мы обязаны божественной милости также и тем, что научные занятия (*litterarum studia*), которые помогают этому изучению мудрости и благодаря которым мудрость от других людей переходит к нам, что эти занятия сохранились до нашего времени и даже в наш век процвели так, как никогда раньше. Поэтому не без основания наш век восхваляют как век науки (*eruditionis*) и считают, что может заблестать надежда на еще больший свет.

**Мудрость
приходит
с зрелыми
годами.**

4. Поэтому с миром должно необходимо случиться то же, что происходит и с человеком: мудрость приходит к нему только в его зрелых годах. Да по природе вещей иначе и быть не может, так как мудрость приобретается опытами над многими вещами; а такие опыты необходимо требуют и продолжительного времени, и разнообразия случаев. Чем больше человек живет, тем с большим количеством вещей он имеет дело и тем больше увеличивается его опыт, а через опыт — и его мудрость; согласно Сираху: «Муж, опытный во многом, будет иметь и большое понимание». То же говорит и поэт: «Опыт через разнообразную практику создал искусство»¹.

**Надежда на
более блестящую
мудрость.**

5. Итак, в наше время мы получаем познания от такого количества показаний опыта, какого не имела в распространении никакая прежняя эпоха; почему же нам не иметь несколько более высокого уровня понимания? Не только благодаря типографскому искусству (которое бог не без тайного смысла приберег для последних времен) вышущено в свет и стало известным все мудрое, что думали древние и что ранее было неизвестным, но и сами современные люди — под влиянием новых обстоятельств — стали прокладывать новые пути; и мудрость удивительно обогатилась и обогащается со дня на день разнообразными опытами, как это предсказал бог относительно последних времен мира (Дан., 12, 4). У всех народов появилось такое стремление открывать школы, какого не запомнит история какой бы то ни было из прежних эпох. Благодаря этому на всех языках и у всех народов стало появляться так много книг, что они стали попадать в руки крестьянам, женщинам, у которых до этого не было к тому возможности, так как книги покупались лишь образованными и состоятельными людьми. Теперь же у некоторых появляется стремление довести метод занятий до такого совершенства, чтобы при помощи его можно было постепенно и с наименьшим трудом внушить умам все достойное познания людей. Если это произойдет (на что я надеюсь) и если будет найдено искомое, т. е. способ быстро обучать всех всему, то я не вижу, что помешает нам приветствовать и с благодарностью признать наступление предсказанного и давно ожидаемого уже блестящего «золотого века».

¹ М а н и л и й, *Astronom.*, 1, 61. (Примеч. в Брюнском изд. 1914 г., I, стр. 330).

**Что еще
желательно
для успеха
мудрости.**

6. Однако, как кажется, для достижения цели желательно еще нечто, имеющее большое значение: а именно, чтобы, подобно тому как приплыли к весьма полезному приспособлению для более легкого изучения языков (опубликованному недавно в «Двери языков»), — чтобы подобным же образом придумали «Дверь самих вещей», т. е. некоторый способ для легкого усвоения умом всего содержания искусств и наук. Об этом я серьезно размышлял, так как я хочу возможно лучше помочь людям в их делах; и прежде всего я докажу, что это более чем необходимо. Потом я рассмотрю способ осуществления столь важного начинания и, наконец, объясню, по какому случаю и с каким успехом я предпринял это столь необычное дело.

**Мудрость —
является
целью изучения
наук (Hitterarii
studii)**

7. Прежде всего я считаю несомненным, что то изучение наук, которым в настоящее время везде занимается юношество, должно быть культурой умов для достижения мудрости: вне этой цели оно может быть только суетою сует. Решим ли мы, что к науке надо стремиться для знания в смысле удовлетворения любопытства, или же для забавы ума, или для того, чтобы быть оцененным (замеченным) и выдвинутым, или для выгоды и достижения внешних благ, — во всех этих случаях мы будем поступать пелепо, будем ставить на место столь высокого, божественного дара — вещи низменные и преходящие. Поэтому решим, что надо искать мудрости. А так как мудрость называется творцом (*artifex*) всего, так как она учит всему (Премудр., 7, 21), то очевидно, что при помощи научных занятий мы должны приближаться ко всеобщему познанию вещей, к «пансофии» (*пансофия*), т. е. к полной, все в себе заключающей и во всех частях согласной с самой собою мудрости: не должно остаться неизученным ничто — ни явное, ни сокровенное (Премудр., 7, 21), над чем человеческий дух, отражение (образ) всемогущего бога, не выполнил бы того, что он должен выполнить.

Во-вторых, так как мудрость дает, как говорится, юношам разум и науку (Притчи, 1, 4) и так как ее пути суть пути удовольствия (Притч. 3, 17), то очевидно, что изучение мудрости должно происходить без трудностей и терний, должно быть гладким, удобным, доступным для всех, настоящим наслаждением.

В-третьих, так как путь мудрости называется блистающим светом (Притчи, 4, 18), отсюда следует, что он должен быть свободен от мрака заблуждений.

В-четвертых, сказано, что мудрость дает человеку понимание его пути (Притчи, 4, 18) и всего, что он делает (Второз., 29, 9), откуда следует, что изучение мудрости должно готовить умы ко всему, что случается в жизни, как в деятельности, так и в испытывании (жизненных ударов).

Наконец, говорится (Притчи, 3, 13), что мудрость делает людей блаженными, подводя к богу, источнику вечного блаженства. Поэтому изучение ее должно создавать стимулы к исканию бога, указывать пути для его нахождения и готовить узы любви к тому, чтобы его теснейшим образом обнять. Иначе все будет бесполезно. И если мы, в конце концов, не достигнем этой цели, то лучше нам ничего не знать и даже вовсе не родиться.

**Обычные
(vulgata)
занятия
науками не
соответствуют
своей цели.**

8. Посмотрим же, выдерживает ли критику этот столь обычный вид занятий, чтобы можно было легче под-
нять вопрос об улучшении их, если мы найдем что-
нибудь, чего можно пожелать.

То образование, которым теперь кичатся школы, и которое они предлагают, представляет собой нечто расточительное, если его сопоставить с краткостью быстро текущей жизни; оно требует больших усилий от средних умов; в смысле охвата материала оно слишком узко, и в отношении тонкости и основательности истинного познания вещей — во многих отношениях несовершенно и недостаточно; в нем многое спорно. Более разумные люди уже отметили, что оно недостаточно отвечает своей цели, так как оно редко приходит на помощь серьезным жизненным задачам и по большей части заканчивается только предположениями (*opiniones*), спорами и туманными неясностями (*funios*), и, раньше чем перейти к исследованию средств исцеления, мы должны показать, что все это мы говорим не для вида, не для формы, но что все это именно так в действительности. Изучение мудрости, как оно поставлено сейчас и как оно практикуется в школах, не соответствует

1) нашей жизни в отношении затрат времени, согласно положению: «Искусство требует времени, а жизнь коротка» (*Ars longa, vita brevis est*);

2) силам нашего ума — в отношении трудности;

3) самим вещам, ввиду того что в нем [изучении] много ошибочного;

4) жизненному применению, вследствие того что то, что в нем сообщается, почти чуждо делам, как они происходят в обычной жизни;

5) самому богу — в силу того, что все недостаточно подчиняется стремлению к вечности.

1. О растрате времени.

9. Относительно растраты времени первое соображение я заимствую из всеобщего убеждения. Кто не повторяет гиппократовского выражения: «жизнь коротка, а искусство требует времени» (*ὁ μὲν βίος βραχύς, ἡ δὲ τέχνη μακρά*). Второе мое основание — огромное количество книг, в которых описаны вещи. Боже милосердный! какие огромные томы написаны по всем почти вопросам! Если бы их собрать вместе, то получила бы такая громада, что только на их перелистывание нужны были бы тысячи лет. Третье: само дело показывает, что теории разрослись превыше меры способностей [ума]; причем среди стольких ученых, которыми полон мир, можно найти едва лишь одного на сто или одного на тысячу, который отведал бы универсального образования и мог бы разумно сообщить что-нибудь обо всем, что имеет место в деяниях божьих, а также и в делах человеческих. «Пансофы» и «всеведцы» встречаются столь редко, что даже и люди много знающие (*πολυμάται*) и полигисторы считаются за чудо.

Одностороннее образование.

Отсюда эта обычная односторонность (*frustillatio*) образования, когда люди выбирают себе ту или другую отрасль искусства или науки, а с остальным не знакомятся вовсе. Можно найти богословов, которые едва удостоивают бросить взор на философию; а также и философов, совершенно не уважающих богословие; юристы по большей части вовсе не интересуются естествознанием, а медики, в свою очередь, пренебрегают

вопросами права и справедливости. Каждая отрасль знания отмежевала себе особое царство, не считаясь с общими, достоверными и неизблемыми основаниями и законами, равно связующими все. Но даже и в самой философии один выбирает себе одно, другой — другое. Одни хотят быть физиками, оставаясь невеждами в математике; другие — наоборот. Некоторые хотят быть философами морали, ничего не смысля в естествознании; хотят заниматься логикой, красноречием, поэзией людей, совершенно не имеющие сведений в реальных науках. Кто не знает, что дело обстоит именно так. И кто не замечает того, что такое разделение искусств, наук и специальностей исходит из предположения, что уму одного человека невозможно в достаточной степени охватить все. Как будто бы бог создал человека, господина вещей, до такой степени несоответствующим вещам! Я не говорю этим нелепости, будто один человек может быть выдающимся во всем; однако я убежден в том, что при нужде он может узнать все, а быть выдающимся специалистом в своей области может и должен каждый, даже средний ум.

II. О трудности.

10. А вот мои доказательства трудности изучения (ибо не легко усвоить даже и ту частицу образования, которою каждый хочет овладеть). Во-первых, эти публичные споры и распри — не такие, какие имеют место между юношами, изучающими «искусства», а такие, какие завязываются между мужьями, обучающими наукам. Затем — сами школы, полные крика, побоев, рубцов от ударов. Конечно, священное писание рекомендует нам мудрость и изучение мудрости в качестве отрады и радости. И, повидимому, древние так это и понимали, так как они обычно называли образовательные учреждения «научными играми» (*ludos litterarios*) и «школами» (*δολή* значит «покой», или «отдых»). И что может быть более чудовищным, чем то, что, как мы видим, «школы» превратились в места мучений (*χολαί*), а «игры» — в крестные муки! Я спрашиваю: от чего это могло произойти, если не от тягостей и трудностей процесса учения? вследствие этого же не только учение требует большого труда, но и большая часть обучающихся, получив к нему отвращение, страстно стремятся вон из школ, как из толчейных мельниц¹, чтобы никогда не возвращаться к научным занятиям, тернии которых они испытали, тогда как они должны были бы быть садом, местом для прогулок и общей утехой человеческого рода. Наконец, можно и на практике изучать то же. Ведь действительно, кто не знает того, что какой-либо язык легче изучить на практике, вращаясь среди людей, чем изучая его в течение нескольких лет в школе? Почти то же самое надо сказать и относительно понимания вещей.

III. Об обманчивости истины, заключающейся в разрозненных знаниях

11. Мудрейшие из людей давно уже отмечали, что истина находится в трудном положении; они жаловались на то, что она глубоко скрыта, жаловались до такой степени, что некоторые решались утверждать, что ничего нельзя знать наверняка и без ошибки.

И справедливость этого положения подтвердили своим примером те самые люди, которые осмеивали это как безумие, приписывая себе достоверное знание вещей. Что бы ни стал

¹ Работа на ручных мельницах (толчение зерен) была самой тяжелой из домашних работ. — *Прим. переводчика.*

утверждать кто-либо из философов, то вскоре разрушал кто-нибудь другой; путанице и по сей день нет конца. Всякий научный вопрос полон разногласий, противоречий, споров. Разве же это не свидетельство того, что истина везде шатка? Правильно этот самый аргумент привел И о с и ф¹ в сочинении против А п и н о н а, сказав, что мудрость евреев истинна, а мудрость греков пуста, так как первая всегда оставалась единой, а вторая дробилась на секты [и школы]. Ибо истина может быть только единой и простой; заблуждение же может иметь тысячу видов. Если еще и в наше время в богословии и философии появляется столько школ и самым упорным образом защищаются совершенно различные между собой мнения о вещах, то что это, как не самое достоверное свидетельство о том, что и сейчас покрыто еще глубоким мраком неведения то, «знанием», чего гордится наш век. При этом мы предполагаем, что никто из «знающих» людей не ошибается добровольно, не противится свету, как говорит Иов (24, 19). Наконец, свидетельством являются и все выходящие в свет в столь большом количестве книги, которые суть не что иное, как искры, высекаемые столкновением умов и рассыпающиеся во все стороны, причем каждая надеется, что она зажжет пламя. Однако до сих пор еще не зажглись истинные факелы, и эта постоянная тьма разногласий и сомнений еще не показывает восхода сияющего солнца истины.

IV. О малой пользе для жизненных дел. 12. У нас есть свидетельства видных мужей о том, что наука в том виде, в каком они обычно преподаются, недостаточно приспособлены к потребностям повседневной (communis) жизни. Философия, говорит один знаменитый писатель², обращена [лицом] к школам, и нет человека, который обратил бы ее к потребностям жизни; она устрашает своими хитросплетениями и занимается только завязыванием и развязыванием узлов, сделанных ею же самою. Она предлагает человеку хлеб из камня, который ломает зубы и утомляет умы колючими пустяками. А вот что говорит другой автор: изучение философии представляет собой в настоящее время не что иное, как трудное и quasi-занятое ничегонеделание; оно приносит мало пользы: это верчение белки в колесе, при котором люди постоянно бросаются головой вниз, не двигаясь в то же время с места. То же самое делаем и мы, когда философствуем; много трудясь, мы мало чему научаемся, да и это немногое делает нас не лучше, а часто хуже. Об этом совершенно правильно говорит опыт. Люди образованные не только редко превосходят необразованных в стремлении к добродетелям (которые являются основой гражданского общения), но даже по большей части оказываются ниже их в отношении пригодности к задачам жизни. Я говорю не только об одних грамматических буквоедах: относительно большинства стремящихся ввысь философов и и богословов справедливо, что, хотя в своих отвлеченных умозрениях они кажутся себе орлами, в делах жизненных и обществен-

¹ Иосиф Флавий (Contra Apionem, кн. II). (Примечание в Брюнском издании 1914 г., 1, р. 335.)

² Повидимому, Людовик Вивес, в кн. III «О причинах извращения наук» (De causis corruptarum artium). (Примечание в Брюнском издании 1914 г.)

ных они не более, как кроты. Отсюда и вышла поговорка: «Хороший схоластик — плохой политик». Между тем, школа должна была бы быть преддверием жизни.

[Метафизика]. 13. Беру, в частности, метафизику. Известно, какими похвалами превозносится до небес изучение ее как самого прочного основания и самого блестящего завершения мудрости. И, если мы правильно оцениваем вещи, это так и есть. Однако, так как эта царица наук устрашает такими шипами и закутана в такой мрак, что лишь немногие усваивают эти тонкости, да и те, кто усваивает, совершенно игнорируют ее применение к наукам более низшего порядка, то получается, что она остается только в своих собственных пределах и не приносит никакой пользы для человеческих дел, кроме мгновенного удовольствия, которое она доставляет своим адентам. Поэтому же, далее, некоторые от нее отрекаются совершенно и изгоняют ее не только из философского обихода (как, например, сторонники П е т р а Р а м у с а), но даже и из академий, как бесполезный аппарат бесплоднейшей суетности. И о а н н А н г е л и й В е р д е н х а г е н свидетельствует, что шведский король, славной памяти Г у с т а в - А д о л ь ф (который, как показывают его подвиги, был рожден для дел, а не для пустяков), государственным эдиктом изгнал из своего царства всякие занятия метафизикой: ни один книгопродавец под страхом конфискации не имел права ввозить такие книги; никто из подданных не смел их читать, чтобы государство не поддавалось чарам нового варварства и чтобы для ведения дел были не пустые спорщики и толкователи, а деловые люди.

Логика и риторика. 14. Изучение логики и риторики должно было бы ближе подойти к потребностям жизни, так как эти науки провозглашают своей специальностью изложение правил мышления и ораторского искусства (этими двумя видами связывания обнимается все, что мыслится о вещах). Однако, само дело неопровержимо свидетельствует, что отзыв А к о н т и я¹ совершенно справедлив. Он говорит: диалектиков везде множество; но если ты посмотришь на их сочинения и споры, то ты найдешь только диалектиков. Посмотри на множество людей, хорошо обученных предписаниям риторики; и хотя бы их речь была соответствующей [делу], красивой, изящной, обильной, однако для ее убедительности ты пожелаешь в ней больше силы и твердости. Таковы же отзывы и об остальных искусствах и науках: мы занимаемся ими больше, чем требуется для хорошего отправления житейских дел.

О многочисленных отклонениях от высшей цели — от бога. 15. Наконец, нужны ли свидетельства о том, что наши научные занятия не организованы так, чтобы они вели нас прямым и безошибочным путем к нашей конечной цели — к богу? Согласно всем свидетельствам очевидно, что в наших академиях много безбожия, роскоши, тщеславия, расточительности, ссор и всяческого своеволия. Далее, и само учение, какое там преподается, — увы! для многих является не чем иным, как основанием лукавства, инструментом для совершения в течение всей своей жизни несправедливостей,

¹ Iacobi Acontii Epistola ad Ioh. Wolfium Tigurinum De ratione edendorum librorum. (Примечание в Брюнском издании 1914 г., 1, p. 337).

так что относительно большого числа наших ученых справедливо то, на что жалуется бог: «Они мудры на то, чтобы делать зло; делать же доброе они не умеют» (Иерем., 14, 22). И таких людей мудрость вводит [к нам]. Сюда относятся слова бога, что избрано не много мудрых, так как мудрость мира сего есть безумие перед богом (1 Кор., 1). На нас же не оказывает влияния этот голос божий; мы спокойно изучаем языческую мудрость и не стремимся к иной мудрости. В самом деле, та мудрость, к которой до сих пор призывают нас школы, почерпнута из язычества и заражена змеиным ядом. Она только принимает вид той науки о добре и зле, к которой она относится надменно, а не заботится о любви, которая творит. И так как в силу наследственной извращенности мы всегда более готовы извинять, чем исправлять наши проступки, то сверх того получается, что мы льстим себе, стараясь оправдывать испорченность своей природы, думая, что мы не можем измениться, потому что мы испорчены. Как будто бы не должен был быть противоядием для этой испорченности страх божий, который бог столько раз объявлял началом и концом мудрости.

Резюме.

16. Итак, обычно практикуемые научные занятия:

1) дают бесконечную работу;

2) рассеивают ум своей чрезвычайной запутанностью;

3) являются постоянной школой заблуждений;

4) представляют собою помеху в житейских делах,

5) наконец, что всего более печально, дают многообразные поводы к тому, чтобы уклоняться от бога.

О средствах против этого.

17. Об этом столь бедственном состоянии наук и занима-

ющихся ими ученых уже давно жалели некоторые лучшие люди; они старались отыскивать различные средства против этих болезней. Одни советовали отбросить всю античную мудрость, заимствованную от язычников; другие настаивали на том, чтобы сделать отбор и использовать искусства и философию лишь в очень небольших размерах; некоторые хотели предпринять реформу и переработку всех наук, притом то так, то иначе. И конечно, более чем необходимо, чтобы помогали советом или помощью все, кто может быть полезен. Прежде всего известно, что не такое пустячное дело знать то, что сообщают ходячие (*vulgares*) науки и что стоит столько и столь больших трудов; если надо затратить труд, то он должен принести более обильные плоды. Затем, нам надо защищать себя и науки от порицаний необразованной толпы. Те, кого предпочитают ей, называя их людьми образованными, вовсе не превосходят ее знанием вещей, благопристойностью нравов, благочестивым рвением; она [толпа] часто замечает, что эти люди только подражают примеру более простых, и либо поднимает их на смех, либо начинает высказывать презрение к научным занятиям. И наконец, нужно, чтобы мы не навлекли на себя гнева бога, который, послав нам с неба дар мудрости, хочет восстановить в нас свой образ, чтобы мы не навлекли гнев тем, что стали бы употреблять столь божественный дар не для его прославления.

Отыскание причин столь большого зла.

18. Однако, так как излечение болезни наступает от того, что мы узнали ее причину, мы должны посмотреть, не можем ли мы с уверенностью проникнуть до корней того большого зла, от которого страдает дело

науки, и открыть их, чтобы оттуда был более надежный переход к

средствам исправления. Поэтому я скажу, каковы, по моему мнению, причины отдельных, уже перечисленных нами зол; а вместе с тем и объясню, что им надо противопоставить в качестве противоядия.

**Излишняя
затрата
времени имеет
три причины.**

**1. Слишком
большую
примесь не
необходимого.**

19. Излишняя затрата времени на научные занятия, как они обычно происходят, возникает, повидимому, от трех причин. Во-первых, от небрежности в различении необходимого. Происходит то, на что жаловался С е н е к а: что мы не знаем необходимого потому, что изучаем не необходимое. Так это и есть.

Если из [программ] наших занятий исключить то, что менее необходимо, то у нас было бы в распоряжении, по меньшей мере, вдвое больше времени и мы затрачивали бы вдвое меньше труда.

**[Что не
обходимо]**

Не необходимым надо считать: во-первых, все, что можно не знать без ущерба для образования; такова большая часть тех пустяков, которые заимствованы у язычников: например, имена богов с их лживыми историями и тому подобными баснями. Затем все, на что затрачиваются силы ума без всякой заметной пользы, каково большинство грамматических правил, которыми мучат умы детей, тратя на них целые годы, и прочие вещи такого же сорта, которые не будут иметь никакого применения вне школы. Наконец, все хитросплетения вещей и слов не вылуцивают зерна, а лишь держат его закрытым. И такого рода вещами наполнено большинство школьных книжек, которые поэтому мешают и развлекают юношество вещами по большей части бесполезными и не необходимыми. И удивительно ли, что так редко встречаются люди, получившие более основательное образование?

Средством против этого будет то, чтобы в состав образования вошли только вещи и слова совершенно несомненные и имеющие лишь вполне обоснованное применение. Ибо, засеяв одной мерой чистого ячменя югер поля, мы соберем такую же жатву, как если бы разбросали по десяти югерам десять мер мякины, смешанной с ячменем, затратив на это в десять раз больше труда.

**2. Беспорядоч-
ность изучаемого
материала.**

20. Во-вторых, изучение наук является каким-то безвыходным лабиринтом, в котором большинство бесцельно блуждает среди хаотического разнообразия вещей, среди какого-то океана, в котором легче утонуть, чем его исчерпать. Это делает изучение неотчетливым, так как изучаемое не приведено в достаточно прочный и очевидный порядок. Поэтому необходимо, собрав разбросанное, сжать его в малом объеме.

Средством против этого недостатка будет, если все, подлежащее изучению — крупное и мелкое, — мы расположим в столь наглядном порядке, чтобы приступающие к изучению имели бы его перед собой так же отчетливо, как свои пальцы, и уже на основании начала могли предусмотреть и середину и конец; — если они будут уверены в том, что весь океан образования они проплывут на том же самом корабле, на который они теперь всходят, вплоть до достижения желаемого совершенства.

**3. Излишнее
стремление
мелочам.**

21. В-третьих, изучение наук делается необычайно растянутым от стремления некоторых ко всяким мелочам; им нет конца и меры как в отношении вещей, так и в отношении слов. Поэтому те, кто предается описанию отдель-

ных вещей в какой бы то ни было отрасли наук и искусств и привыкает много над этим трудиться или получать от этого наслаждение, те находят, конечно, достаточно приятное занятие для своего ума, но неизбежно испытывают задержку в понимании всеобщей мудрости. Наполнив свой ум теми или иными частностями известного рода, они едва находят в нем место для всего остального.

Средством против этого будет составление по правилам искусства книжки, в которой был бы дан правильный анализ всего, что существует и о чем можно мыслить, и все сводилось бы к своим настоящим родам и видам, — и притом так, чтобы все, что надо сказать о той или другой вещи, было бы сказано вместе с тем и сразу также обо всем, о чем это может быть сказано. Таким образом, можно надеяться, что все будет и короче, и основательнее, так как ум при помощи этих немногих правил сможет освободиться от бесчисленных преград; сможет своей собственной силой подойти ко всему и во все проникнуть. Правильно говорит Сенека: «Нужно [для мудрости] небольшое количество предписаний, — нужны предписания действительные; нужно только посеять семена: хотя они и малы, но, если они попадут в удобное место, они раскроют свои силы и из ничтожества вырастут в очень большие вещи».

Трудность научных занятий имеет три причины:

1. Рабский способ постановки занятия.

22. Я считаю, что причиной того, что путь занятий кажется трудным и негладким, является то, что, во-первых, им не предшествует должная подготовка к усвоению изучаемого и не примешивается в достаточной степени к полезному приятное, для того чтобы приманить людей: как и с чем кто приходил, так он и допускался к занятиям. С учащимися обходились не так, как обычно обходятся на пиру с гостями — гуманно и радостно, — а так, как обходятся на тяжелой работе с рабами: с криком, насилием, побоями. Ведь кулаки и палки, розги и плети были в школах самым обычным блюдом и ежедневным десертом. И что удивительного, если людей от этого тошнило и они ничего не понимали? Ведь, действительно, ничто с такой легкостью не становится трудным, как если оно выполняется против воли. Как же могли бы быть легкими занятия науками, которые проходили в состоянии дрожи и трепета? Так не обучают ни одному механическому искусству. Строгость необходимо наводит страх; страх столь же неизбежно приводит в смятение ум, так что человек не понимает, где он находится; а если он более или менее слабого здоровья, то испытывает некоторое головокружение. Поэтому, для того чтобы овладеть умами, приманить и ободрить их, нужно искусство. Искусство это состоит частью в гуманности обучающихся, частью в разумности метода — для того чтобы изучение наук стало приманкой для умов и начало казаться простой забавой.

2. Способ объяснения вещей.

23. Во-вторых, значительная часть трудностей зависит от того, что учащиеся изучают вещи не посредством личного рассматривания их, а при помощи рассказа о них, содержащего в себе неясности. Эти рассказы с трудом впечатлевают в уме образы вещей и плохо удерживаются в памяти, так что либо снова из нее исчезают, либо различным образом смешиваются между собой.

Средством против этого будет представлять все на личное рассматривание и на чувственное восприятие (видимое — на восприятие зрением, объекты вкуса — на восприятие вкусом, осязаемое — на восприятие осязанием и т. д.). Я легче и прочнее запомню образ слона после однократного восприятия его самого (или, по крайней мере, его изображения), чем если мне десять раз расскажут о нем, так как:

Медленно дух возбуждается тем, что воспринято слухом;
Быстро познание того, что верно зрят¹.

3. Все еще
имеющееся
несовершенство
метода.

24. Третьей и важнейшей трудностью является тот метод, каким обычно передаются науки и искусства, — метод, недостаточно согласованный ни с вещами, ни с человеческим умом. Все кричат, конечно, о том, что

надо переходить в порядке природы, т. е., — от предыдущего к последующему, от общего к частностям, наконец, от известного к неизвестному; но что есть на самом деле? Мы не видим ничего подобного: *бстера пртера* («последующее, ранее предыдущего») в действительности затемняет все искусства и науки (если исключить математику). Ибо, если бы книги, которые мы имеем, постепенно переводили ум от известного к неизвестному непрерывным поступательным движением, то читатели, стремящиеся к науке, пришли бы ко всему неизвестному столь же верно, как мог бы человек взобраться на любую самую высокую скалу, если бы в ней были сделаны ступеньки. Так как этого нет и никто не воспринимает того, о чем говорят эти книги (кроме разве людей особенно способных, которые в состоянии своим личным остроумием проникнуть в положение вещей и подняться своей собственной силой, или тех, кому то же самое устно разъясняется и так и этак и кто начинает видеть кое-что как бы сквозь туман), то это является несомненным доказательством того, что тут уму приходится идти не последовательными ступенями, не по ровному пути, что его тащат по кочкам, ямам, пещерам и расселинам.

Средством против этого будет такое построение наук и искусств, при котором везде начинали бы с наиболее известного и затем медленно и постепенно подвигались к менее известному. Тогда первые основные положения будут бросать свет на вторые, вторые — на третьи, третьи — на четвертые и так далее до конца — подобно тому как в цепи одно звено захватывает другое и тянет его. И это одно, как мы думаем, даст нам достойное вознаграждение за труд, если мы сможем настоящим сочинением показать, как это надо сделать.

Тройкая
причина того,
что истина во
всей литерату-
ре страдает.

25. Для того факта, что истина не проникает весь обиход наук, можно с полным основанием указать тройкую причину.

А именно: I — разногласия между науками,

II — недостаточную внутреннюю связь метода с самими вещами,

III — частью небрежность, частью неуместную пышность выражений и стиля.

¹ Цитата из Горация (Epist., II, 3, ст. 180 — 181):

Segnius irritant animos demissa per aures,
Quam quae sunt oculis subjecta fidelibus.

26. Итак, во-первых, я по совести свидетельствую, что в книгах, какие мне довелось видеть, я до сих пор не заметил ничего, в достаточной степени отвечающего величию и достоинству вещей, ничего, что исчерпывало бы всю их совокупность, хотя бы это были книги по пансофии, энциклопедии, сборники вызывающих удивление искусств (*artis mirabilis*), или под какими бы названиями они не предпочли появляться. Гораздо меньше видел я, чтобы весь аппарат человеческого ума строился на основании неизблемых принципов и на вечной истине, так чтобы все — от начала до конца — было внутренне связано, без всякого нарушения непрерывности истины. Ибо до сих пор никто еще, может быть, не ставил дела так, чтобы, установив и взаимно уравновесив во всех отношениях всеобщие принципы вещей, он со всех сторон (*quaquaversus*) окружил бы растекающееся многообразие вещей некоторыми гранями разумных оснований. Между тем, благодаря всеобщей и соразмеренной гармонии между всею вещами, этим открылась бы сама собой скрытая и тем не менее неизменная и непобедимая истина вещей. Я говорю, что, по видимому, никто до сих пор еще не исследовал того, каким образом посредством самых всеобщих принципов познания и правильного выведения из них следствий вплоть до последних заключений можно открыть некоторый всеобщий путь для познания истины вещей. Себе воспевают [хвалу] метафизики; себе аплодируют физики; себе создают хороводы астрономы; себе сочиняют законы этики; себе вымышляют пьедесталы политики; себе устраивают триумфы математики; для себя царствуют богословы. В отдельных специальностях и науках почти все создают себе особые принципы, на основании которых строят и защищают свои воззрения, ставят ни во что то, что другие выводят из своих предположений.

Однако, таким образом, оказывается невозможным отыскать во всем разлитую и везде стремящуюся к соединению истину. Поэтому, пока люди обращают внимание только на самих себя и на свои фантазии, результат так же не бывает свободным от несогласованностей, как если бы в музыкальном хоре каждый стал петь сам по себе, не обращая внимания на общий всем ритм. Или кто-нибудь думает, что может существовать хорошо устроенное государство там, где каждый живет не по общим законам, а по своему произволу? Разве мы не видим, что ветви дерева могут жить только при том условии, что все они одинаково тянут сок из общего им ствола общими всем корнями. И разве ветви мудрости можно оторвать одну от другой, сохраняя невредимой их жизнь, т. е. истину? Никто не должен быть физиком, не будучи в то же время и метафизиком; или этиком, не будучи ранее физиком (конечно, обладающим знанием человеческой природы); или логиком, не будучи знакомым с реальными науками; или богословом, юристом, медиком, не ставши ранее философом; или оратором и поэтом, не будучи в то же время всем этим? Света, рук, правил лишает себя тот, кто устраняет от себя что-нибудь из познаваемого. Конечно, астрономы, например, никогда не осмелились бы ввести и защищать столь противоречивые и чуждые гипотезы, если бы свои предположения они черпали из общей основы истины; не было бы и других столь недостоверных и обманчивых [воззрений]. Все это передается так, что почти никто не строит чего-либо, чего бы другой не разрушал или не замыслил разрушить.

Ведь философия Платона казалась действительно изящной и божественной; и однако, какие пустые умозрения вывела из нее школа перипатетиков?

Философия Аристотеля казалась самой себе достаточно изящной; и однако как порицали ее христианские философы за то, что она никоим образом не соответствует во всем ни божественному писанию, ни истине вещей! Астрономы со своими сферами, эксцентриками и эпициклами в течение стольких веков были довольны самими собой, однако Коперник опроверг их. Коперник достойным одобрения способом построил свою новую астрономию на основах оптики, — однако так, что его построений не допускают никоим образом физические принципы непоколебимой истины. Гильберт, увлекшись умозрениями относительно магнита, хотел вывести из них всю философию, однако с очевиднейшим нарушением физических принципов. Вряд ли и Кампанелла может торжествовать победу, восстановив в естествознании принципы античного философа Парменида. Исключение составляет только одна оптическая труба Галилео Галилея. Что же еще можно привести?¹

Конечно, если бы все выводили свои воззрения из общих и тождественных для всех принципов, то мыслители не встречали бы сопротивления со стороны слушателей и не утрачивали бы самой истины, которая по большей части исчезает при споре.

И пока излагаются вещи бесполезные (не вытекающие из всеобщего основания), они не могут не казаться темными и двусмысленными и не возбуждать сомнений и недоумений в умах слушающих.

Далее, для того чтобы заставить с ними согласиться, отовсюду поспешно нахватывают принципы, недостаточно известные, не согласованные одни с другими, не содержащие в себе несомненной истины, подверженные различным ограничениям и исключениям (таково большинство положений ходячей философии и богословия).

И что может отсюда получиться, кроме тягостных противоречий и споров: тошно слушать такие колебания и разногласия относительно вещей, которые сами по себе ясны.

Лекарство
от этого.

27. Поэтому дело должно быть поставлено иначе: надо позаботиться о том, чтобы приходящая при ясном свете истина вещей смогла избежать пробелов, колебаний и противоречий и преодолеть все ошибки. Однако мы думаем, что это может случиться

¹ Сочражения Коменского о теориях астрономов и философов не ясны и неотчетливы (что значит, например, его мысль, что построения Коперника никоим образом не допускаются физическими принципами?). Вообще, мысли Коменского о методологии наук показывают, что он принадлежал к тому периоду в развитии науки, когда эти вопросы еще не были ясны философам. Собственные воззрения Коменского окрашены платонизмом; он настаивает на важности общих понятий и положений, не учитывая роли эксперимента, с одной стороны, и исходных «ясных и отчетливых понятий» механического характера, которыми был так силен Декарт. Вообще из *Pansophiae Prodomus* видно, что во время написания этого сочинения Коменский не знал трудов Декарта. Вряд ли основателем и приговором Коменского о Гильберте... По вопросам научной методологии Коменский ограничивается общими рассуждениями; но он не может указать конкретно тех методов, какими должна строиться наука: «сведение всего к своим настоящим родам и видам» и тому подобные выражения Коменского могут дать, в лучшем случае, классификации, но не научные законы природы.

только в том случае, если лучи истины, рассеянные во всем, соединятся воедино — так, чтобы выявилась одна и та же симметрия во всем чувственном, умственном, а также и в божественно-откровенном.

И ее может открыть только приведение в единство принципов познания (которые могут быть только тройственными: чувство, разум и божественное откровение) и консолидация их до непоколебимой силы: этим могут быть сняты разногласия относительно вещей. Ибо после обнаружения основания вещей необходимо откроется либо ошибка той или другой из спорящих сторон, либо основание различия наук, которое, конечно, в различных отношениях правильно чувствует и та, и другая сторона (может быть, и говорит, хотя бы отдельные точки зрения не понимали одна другую, ввиду того что не было воспринято основание). И конечно, или этим путем могут быть изгнаны ошибки, различными способами овладевающие умами смертных, и мышление сможет быть поставлено в ясном свете, или же никаким иным. Ибо после восхода ясного солнца истины должен, кроме того, исчезнуть дым бесконечного числа мнений и, наконец, должен быть разгромлен с божией помощью и сам туман атеизма.

2. Неустойчивость методов.

28. В качестве второй причины колебаний истины я назвал неустойчивость методов. Она состоит в том, что писатели вообще не прилепляются к самим вещам, для того чтобы, не изменяя, передать их вполне так, как они существуют сами по себе, а насильственно приводят вещи к некоторому фиктивному и ими самими придуманному согласию и тысячею способов запутывают их. Это не что иное, как искажение образов вещей в уме и изменение их природной формы. И тогда что же может появиться вместо вещей, как не чудовища? Далее, несомненно, что вообще не может быть метода, параллельного вещам, если все вещи не приведены в уме в такую гармонию, какою они связываются между собой вне ума. До настоящего времени придумано по произволу много философий, которые были снова опровергнуты другими. Подобным же образом надо смотреть и на догматы или на системы богословия: они могут создаваться и разрушаться, так как они придуманы не в соответствии с неизменной нормой вещей, а согласно неповоротливому правилу того или иного мозга.

Лекарство.

29. Поэтому пусть погибнут все неясные, придуманные до сих пор и имеющие быть придуманными впредь по произволу умов методы, чтобы когда-нибудь, наконец, все вещи стали излагаться по единому, соответствующему им порядку. И мы докажем, что нам надо искать христианской философии (или, скорее, пансофии), в которой все восходило бы от неизблемых принципов к неизблемой истине и было бы согласовано между собой при помощи постоянной гармонии, — чтобы это создание ума было столь же связно, как связна сама мировая машина. Как вся совокупность вещей управляется не нашим произволом, а неизменно протекает по своим законам, так и ее зеркало — пансофия — пусть излагается методом, от которого нельзя отступить, хотя бы кто-либо и страдал страстью к изменениям. А это будет достигнуто, если все будет излагаться демонстративно, с доказательствами, через причины и их ближайшие следствия. Однако для этого совершенно необходимо учить о вещах и изучать их не на основании внешних о них свидетельств, а на основании самих вещей. Свидетельства авторитетов могут как прикрашивать вещи, так

и объяснять их: во всяком случае они приковывают внимание изучающего к наименее важному и отвлекают его от вещей к самим себе; сами же вещи не могут напечатлеться на чувствах иначе, чем так, как они есть. Там, где ощущений недостаточно, надо применять разум, действующий по определенным нормам, так чтобы он не мог ошибаться. И, наконец, там, где и разум бессилен, должно притти на помощь божественное откровение. Эти три познавательных принципа должны быть положены в основу пансофии, чтобы затем можно было не считать за изречение оракула всего, что выйдет из уст или из-под пера кого-либо из философов и богословов, — чтобы, сняв очки, мы смотрели на самые вещи и тщательно исследовали, что именно они собой представляют. Даже великие люди кое о чем мыслили довольно легкомысленно; а их почитатели ввели в обычай преклоняться перед такими воззрениями. Это легко показать на многих примерах; но я воздержусь от этого в надежде, что пред лицом света истины окажется очевидным бесконечное число случаев такого рода.

3. Небрежность речи и болтливость. 30. Третий предрассудок, вредящий истине, это, как я сказал, небрежность речи или излишняя болтливость. Он состоит в том, что для объяснения вещей применяются слова, фразы, выражения неподходящие, в переносном смысле, гиперболические, приблизительные, — особенно когда поэты или ораторы, или даже философы и богословы, находящиеся под влиянием поэтического или ораторского стиля, либо преувеличивая, либо преуменьшая, применяют к вещам по своему обыкновению краски и оттенки, благодаря которым вещи принимают вид, отличный от их природного. И что же это, как не прикрасы? Ведь истина вещей хочет, чтобы ее созерцали в ее чистом свете, без привходящей окраски. Небрежность же речи состоит в том, что применяются темные слова и выражения, а также в том, что некоторые термины остаются непонятыми (таковы, например, для латинян и для остальных из нас термины греческие), или, наконец, в том, что недостаточно верные формулировки выставляются в качестве норм истины. Такими промахами (стыдно сказать, но это чистая правда!) кишат сочинения философов и богословов.

Резюме. 31. Итак, я утверждаю, что причиной, производящей и сохраняющей ошибки в изучении наук, является, как я сказал, разного рода бесполезности в составе изучаемого, различные его извращения и различные промахи в выражении истины. Кто же, конечно, может познать вещи, как они есть, если они представляются отрывочно, не в своем порядке, не в своем виде? Ведь когда игнорируется соразмерность в каком угодно частном предмете, заблуждение становится чрезвычайно легким. Когда вещи не рассмотрены в их порядке, совершенно очевидно, что везде окажется лабиринт. Более чем вероятно, что когда вещь появляется не в своей окраске, она обманывает очи. Отсюда почти бесконечные ошибки относительно бесконечного числа вещей; отсюда этот производящий такую путаницу и вызывающий отвращение хаос книг, который едва в состоянии выносить мир. Отсюда в столь просвещенный век (таким названием люди у нас тешатся) такая бедность светом; как Тантал, будучи в воде, жаждал воды, так и мы в эпоху «просвещения» жаждем света, будучи окружены книгами, жаждем книг и среди людей образованных ищем

образования. Я обхожу молчанием еще довольно частую виновницу ошибок, а именно страсть к созданию партий и сект. Ведь недаром Гален сказал, что те, кто примыкает к той или другой секте, делаются глухими и слепыми; они не только не слышат и не видят того, что легко слышат и видят остальные, но и не хотят изучать истину и противятся тем, кто таковую преподают, — совершенно так же, как пьяные лапы гонят от себя кулаками и ногами хирурга, приготавливающегося приложить лекарство к их ранам.

**Почему
схоластическое
обучение не
подготавливает
достаточно
к жизненной
деятельности**

32. Если занятия словесными науками не подготавливают достаточно к делам жизни, то виной этому является укоренившаяся в школах привычка, или, скорее, болезнь, в силу которой в юношеские годы ум обременяют грамматическими, риторическими и логическими пустяками, а реальное обучение, которое должно просветить и подготовить ум к практической деятельности, откладывается до перехода в высшую школу под тем предлогом, чтобы, обладая более зрелым суждением и получив соответствующее развитие (*jam par*), ум мог разбираться в реальных вещах более успешно. Но обычно бывает так, что, истощив пыл первой молодости, каждый спешит скорее к цели своего обучения (*ad facultatem suam*), забыв о необходимой предварительной подготовке. Больше того, все почти богословы, юристы (*politici*), медики, в великом своем заблуждении *scientes volentes*¹ перепрыгивают изучение метафизики, физики и математики как некую лишнюю для себя помеху, тогда как основательность суждения никогда не приобретается без основательного образования.

В противовес этому молодежи нужно уже заранее преподносить все, что ей встретится в жизни, и посредством серьезных упражнений готовить ее к еще более серьезному. Как нельзя сделаться мастером, не упражняясь в мастерстве, писцом — не упражняясь в письме, состязателем (*disputator*) — не упражняясь в состязании, так и дети могут стать [настоящими] людьми не иначе, как через обращение с тем, с чем имеют дело люди; так, чтобы в жизни им ничего не могло бы встретиться такого, чего бы они уже не видели наперед в изображении, в чем бы они не упражнялись в школе. Более того, вся философия должна быть построена таким образом, чтобы быть живым изображением вещей и незаметно располагать души к жизненным делам.

**и не приближает
к богу..**

33. И что удивительного в том, что словесная школа не приближает своих питомцев и к богу. Еще не оставила она языческого нечестия, безрассудно отвращаясь от дел божиих и даже самого бога и славу нетленного сменяя на призраки вещей тленных. Вот почему апостол и говорит, что языческие философы истощились в своих размышлениях и, думая стать мудрецами, сделались глупцами, и бог отдал их во власть их собственных нечистых влечений, ибо служили они творению больше, чем Творцу, благословенному во веки (Римл., 1, 21 — 24). Но ей богу, разве и теперь, дело обстоит иначе? Вольшинство мудрецов наших, так же, как и те, мудртвуют без бога. Не от него они черпают и не к нему направляют свою мудрость, но черпают ее от

¹ То-есть сознательно и добровольно.

творений и направляют к творениям же. Возносятся они в делах своих, забывая о боге; только себя самих и прочих тлен почитают, только себе и ему служат. Себя назвал бог альфой и омегой, началом и концом всех вещей, из него же, им же и в нем же вся суть. Но кто из него (т. е. из страха его) черпает свою мудрость? Кто им (т. е. под водительством его слова и его духа) стремится познать мудрость? Кто в нем (т. е. и себя и все свои дела посвящая его славе) хочет вместить свою мудрость? Закрывают на все это свои глаза многие.

От себя самих мы начинаем, сами по себе продвигаемся вперед, сами для себя являемся целью. Крыленные собственной самоуверенностью, мы начинаем, на собственные силы опираемся, собственным светом руководимся, собственной выгоды и славы добиваемся, и так мы от себя самих к себе же возвращаемся, увлекаемые мирской суетой, пока и сами не истощимся до конца. Таков скорбный путь всякой плоти, на блуждание по которому неизбежно обречены и самые мудрые, как только они отходят от бога.

Противоядие. 34. Средство против этого — по всей пансофии таким образом разбросать семена истинного познания и страха божия, чтобы, куда ни обратится человек, всюду бы он видел, что ничто не бывает без бога. Даже более того христианскую эту пансофию так надо составить, чтобы она была не чем иным, как непресланным побуждением к богоисканию повсюду, не чем иным, как точным руководством к нахождению всюду искомого бога; не чем иным, как верным образом почитания найденного бога. Пусть благодаря этому она будет как бы священной лестницей к восхождению через все видимые вещи к невидимой вершине всего, высочайшему божьему величеству (в сиянии которого все низшее представляется нам не более как отблеском сего истинного света), к конечному успокоению в нем, как в неподвижном центре покоя и в цели всех желаний, к погружению для вечного блаженства в этот источник жизни, из которого исходят истоки радостей.

Если мы этого (а равно и того, о чем говорилось выше) не достигнем, тщетны будут все наши усилия, бесцельно само наше существование, бессмысленно все то, что мы делаем. Попрежнему «мудрецы» будут блуждать по своим лабиринтам, попрежнему школы будут катать свои сизифовы камни¹, попрежнему будет кружиться мир в [своей] безумной пляске.

Делателю дела словесного не-обходима уси-ленная помощь. 35. И так как дело это очень важное, от которого зависят и слава божия, и благополучие человеческого рода, то со всем жаром душевным призовем бога, дабы, умиловшись над нами, отверз он темные очи наши, да во свете его узрим свет. Ибо Христос не только сказал: «Просите и дастся вам», но также: «Ищите и обряцете, стучите и отверзется вам (Матф., 7, 7). С мольбами и воздыханиями неослабно потщимся, да совлечем с вещей одевающую их пелену и на-

¹ По мифологическим сказаниям древних греков, Сизиф, царь Эфиры, названной впоследствии Коринфом, за разбой и измену был осужден в подземном царстве на бесцельный мучительный труд, который заключался во вкатывании в гору камня, который снова скатывался с горы.

ставим людей в ясном свете видеть всюду великие дела божии, коими они окружены.

На чем
основывает
автор свою
уверенность,
когда он на
этом настаи-
вает?

На том, что
пришло время
создания храма
пресветлого
мудрости.

36. Выступая как человек, вносящий новый светильник или хотя бы искорку огня, чтобы возжечь этот светильник, я меньше всего рассчитываю на собственные силы, но в глубочайшем смирении полагаюсь на милость Божию и небесную помощь, коей не оставлены будут наши усилия во славу его и на благо многих. Богу, видящему сокровенное сердца моего, ведомо: не гордость ума, но побуждения совести движут мною, и где я только могу принести какую-либо пользу, там я готов это сделать, чтобы хоть поощрить этим тех, кто может сделать больше.

А больше сделать по прошествии столь долгого времени теперь уже и можно, и должно.

Материал
для него
уже собран.

37. Внемли, читатель: это множество научных исследований, достижений в области искусств, раскрытых тайн, идейных столкновений, изданных в свет плодов ночных бдений по всем почти возможным вопросам, — что это все собою, спрашивается, представляет, как не образовательный материал, добытый в различных лесах и каменоломнях всего мира, обработанный различным образом и различными мастерами и снесенный в различные груды, но еще продолжающий находиться в разбросанном состоянии. Остается лишь приложить руку к тому, чтобы придать этим грудам искусную и надлежащую форму, т. е. выстроить некий всеобщий, украшенный светом истины и гармонией храм мудрости, который по справедливости можно было бы воспеть словами **Лукреция**:

Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно
Светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно:
Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду,
Как они бродят и путь, заблуждаясь, жизненный ищут¹

или описать по Соломону: Премудрость воздвигла себе дом и высекала для него семь столбов, заколола жертву, растворила вино, приготовила трапезу и разослала слуг своих, чтобы объявить на собраниях и высоких местах города: Придите, вкусите от моего хлеба и от вина, которое я растворила для вас. Оставьте детское неразумие и живите, и ходите по путям премудрости (Притчи, 9, 1—6). Если к построению этой базилики истинной мудрости не приступят пасаидители мудрости, они уподобятся неискусному строителю, вечно воздвигающему некое сооружение и никогда его не завершающему. Приходится даже бояться за словесное учение, как бы не обрушилось оно от собственной тяжести, как бы не было оно смыто неудержимым потоком авторов, если этому потоку не будет противопоставлено никаких плотин.

План этого
храма лишь сам
бог может нам
преподать.

38. Но здесь требуется такое строительное искусство, которого напрасно было бы ожидать от человека, ибо дом, достойный мудрости, и построить может только сама мудрость. Где же находится мудрость? И где место разумению? (Иов, 28, 12). Единый бог

¹ Лукреций, О природе вещей, II, 7 — перевод. Ф. А. Петровского, М. 1937

разумеет путь ее и познал место ее. Проникает взор его до концов земли (mundi), и все, что под солнцем, видит он. Дает он силу ветрам и размеряет потоки вод. Закон он полагает дождям и путь — бурям ревущим. Он один видит и излагает ее, ибо он приготовил ее и исследовал ее (Иов, 28, 23—27).

И Моисей не мог построить божией скинии, пока не получил указаний от бога. Воззри, сказал бог, и сделай по образцу, который был показан тебе на горе (Исход, 25, 40). Слава тебе, боже, показавший нам и образец для построения храма мудрости, Пансофии,—дела твои и слово твое, дабы, подобно тому как дела и слова твои суть истинный и живой образ, так и все, что мы делаем, могло бы быть истинным и живым отражением дел твоих и слов.

**А разве
ничего
подобного до
сих пор не
возникало?**

39. Да простят мне ученейшие мужи, о трудах коих решаюсь высказываться. Все виденные мною до сих пор «энциклопедии»¹, даже наиболее по своему построению удачные, больше напоминают цепь искусно подобранных звеньев, чем художественно составленный из колесиков и могущий самостоятельно двигаться автомат; больше похожи на тщательно выложенный штабель леса, чем на дерево, растущее из собственного корня, развивающееся своей природной силой в ветви и листья и приносящее плоды. Мы же жаждем живых корней наук и искусств, живого дерева их, живых плодов. «Пансофией» я и называю то, что могло бы служить живым отражением мира,—отражением, где все было бы одно с другим связано, друг друга поддерживало, было бы друг для друга плодотворно. Таким образом хотелось бы нам составить Пансофию в виде такой книги, которая представляла бы собой:

1. Целостный краткий курс всеобщего образования.

2. Яркий светоч для человеческого ума.

3. Твердое мерило истины.

4. Верную картину жизненных дел и занятий.

**Пансофия
все должна
привести
к числу,
мере и весу.**

5. Блаженную лестницу к самому богу.

40. Чтобы иначе выразить мое заветное стремление, я думаю составить нечто такое, в чем, подобно тому как бог все расположил по числу, мере и весу (Премудр., 11, 25),

1) было бы перечислено по порядку все, что когда-либо существовало и существует, дабы ничто не ускользнуло от познания,

2) было бы измерено и наглядно представлено отношение всех вещей как к целому, так и друг к другу;

3) наконец, все было бы взвешено и с очевидностью доказано, дабы знать точную истину о всех вещах.

Первое послужит к тому, чтобы знание стало всеобъемлющим, к чему мы стремимся в первую очередь.

Второе — к тому, чтобы оно стало ясным и отчетливым, и этого мы страстно добиваемся.

Третье — к тому чтобы оно стало истинным и прочным, чего мы всего больше жаждем.

¹ См. здесь мою вводную статью к «Предвестнику всеобщей мудрости», стр. 53. А. К.

41. Такую книгу, повторяю, хочу я составить, которая заменяла бы собой все сокровищницы всеобщего образования. В ней не должно быть пропущено ничего существенного, и чтение этой книги само по себе должно наполнять умы мудростью. Все это благодаря тому, что вещи представлены в ней в непрерывной, ясной и четкой взаимозависимости, все выводится из своих собственных корней, из своего собственного существа, и каждая вещь оказывается тою самою, как она названа, и представляется именно так, как она есть на самом деле. Ибо все [в этой книге] обусловлено самой неизменной и внутренней связанной истинной сущностью вещей. Все это, однако, — в скажем виде, ибо предназначено служить для краткой и быстро текущей жизни. Все — в доступной форме, ибо должно вносить в умы свет, а не потемки. И все — в его внутренней целостности и обоснованности, через непрерывную причинно-следственную связь, поскольку мы нуждаемся в твердо установленной истине, а не в надуманных мнениях. Все доступные познанию вещи (относятся ли они к естествознанию, к морали, к искусствам, к богословию или к метафизике) должны преподноситься с такой же точностью и достоверностью, как в математических доказательствах, чтобы не оставалось никакого места сомнению. Таким образом, не только будет с очевидной ясностью и [совершенно] безошибочно постигнуто все существующее, но, сверх того, откроется источник и для дальнейших бесконечных размышлений, соображений и открытий.

Насколько
важно было бы
составить
такую пансофиче-
скую книгу.

42. О, как это было бы желательно! Насколько в лучшем положении были бы тогда человеческие дела. Ведь, книги — это инструмент пасажения мудрости, а подлинно хороший, т. е. во всех отношениях совершенно правильный, инструмент в руке мастера не дает возможности ошибиться. Поэтому если бы для научения и изучения всеобщей мудрости существовал такой инструмент, какой я описал, то не только учащаяся молодежь могла бы получить настоящее образование (что, по словам Меланхтона, имеет больше значения, чем завоевание Трои), но и для всех, рожденных людьми, был бы открыт удобный путь к познанию всеобщей основы вещей, для разумного созерцания творений божиих и распоряжения своими собственными делами. Мрак заблуждений легко уступил бы тогда столь ясному свету, и среди людей, занявшихся настоящим делом и по испытанным путям устремившихся к серьезным целям, прекратились бы споры, войны, раздоры, от которых сейчас так страдает мир. Столкновения, ведь, вызываются взаимными досаждениями, досаждения — раздражением, раздражение — различием устремлений, различие же устремлений — различным настроением воли и душ, а различное настроение — произвольным и беспорядочным блужданием среди мира. А будет найдена в нем настоящая дорога (которая может быть только одна, ибо сущность истины — в единстве и простоте), — и исчезнут распутия, т. е. поводы ко [всем] расхождениям, спорам и заблуждениям.

43. И по милосердию божью, заживут язвы [на теле] школ, церквей и государств и, с воиставлением мира в христианском мире, не только всякий христианский род процветет в любви к истинной мудрости и благочестию, но, быть может, тем же светом просветятся и

будут приведены в христианскую веру (открытым для них по божественному определению путем истины) даже и неверные. И узрим, наконец, предреченное некогда в пророчестве: наполнится земля познанием господа, как море наполнено водой (Ис., II, 9), и будет господь царем всей земли, будет тогда господь единый, и имя его одно (Зах. 14, 9). Откроется путь к Сиону столь прямой, что и неразумные не смогут заблудиться (Ис., 35, 8). И будет построен (как другим пророком предсказано) в последние дни, на вершине горы, дом господень великий, и стекутся к нему народы, и поспешат многие племена, говоря: приидите, взыдем на гору господню, да научимся путям его. И перекуют (продолжает слово божие) мечи свои на орала и копья свои на серпы; не подымет более народ меча на другой народ и войны вести разучатся (Михей, 4, 1).

**Можно ли
на это
надеяться?**

44. Но можно ли на это надеяться? Конечно, да, если только будет создано это всеобщее руководство для человеческого ума, при посредстве которого умы людские могли бы, при ясном свете, по непрерывному ряду ступеней подняться, не отступаясь, от основания вещей до самых их вершин. Через это соделаемся мы зрителями театра премудрости божней, и не смогут тогда души человеческие не исполниться радостью и веселием и не воззвать друг к другу: приидите, взыдем на гору господню, да научимся путям его.

**Основания
этой надежды.**

**1. Все [на свете]
подвластно
человеку.**

45. В возможности же создания такого руководства (т. е. совершенного пансофического метода) убеждает нас следующее: Прежде всего, известно, что сколь ни бесчисленными представляются вещи по своему множеству, сколь ни несоизмеримыми по своей различной величине, сколь ни таинственными по сокрытой в глубине своей истинной сущности,—все они ниже человека, все они подчинены его уму. Ибо все вещи созданы ради человека, но ниже его по достоинству. Отчего же ему, последней вершине творений, чистейшему образу своего создателя, соединяющему в себе одном все, что есть наиболее совершенного во всех других созданиях, не может быть свойственно познавать до конца и самого себя и все прочее? Ведь, если поставил бог человека свидетелем своей мудрости, наверное, не мог он не сделать его достаточно на то способным. Так это было бы в том только случае, если бы бог создал вещи несоразмерно уму или ум несоразмерно вещам. Но лишь одно есть действительно слишком великое, величие чего не исследимо (Псалм., 144, 3). Остальное же все сотворено по числу, мере и весу (Премудр., 11, 21, Ис., 40, 12), и нужно поэтому все исчислять, измерять и взвешивать, пока глазам нашим не откроется всеобщая гармония.

**2. Вложенное
в сердца
желание.**

46. Во-вторых, бог все сотворил хорошим, говорит священное писание. Но—все в свое время (Экклез., 3, 11), т. е. постепенно. Так неужели напрасно вложил он в человеческие сердца желание мира, желание познать то, что бог сам делает, от начала до конца? (Там же.) Да, напрасно, если бы это желание не достигало своей цели. Но не свойственно высшей мудрости делать что-либо напрасно.

47. В-третьих, мы уже имеем громадный запас созданных по сие время столь великим трудом и тщанием книжных памятников (*monumenta librorum*). Неужели все они ничего не стоят? Но я уже показал, что это невозможно, — невозможно благодаря верховному покровителю всех вещей, который ничему не позволяет совершаться напрасно, даже заблуждениям. Пусть, следовательно, люди грезили и заблуждались во многих вещах, — однако бог, как вечное и неизменное основание истины, не может не устроить все это к тому, чтобы самые заблуждения с необходимостью служили бы постепенному раскрытию и укреплению истины. Между тем, многое уже, как известно, прекрасно открыто: так почему же нельзя надеяться, что то же будет и с остальным? Ведь, это не мало, что Эвклид, Архимед¹ и другие довели понимание количества до такой ясности, что при помощи числа, меры и веса можно прямо чудеса делать. Это не мало, что медики, герметики² с помощью химии научились отделять от природных веществ их качества и добираться до их голой сущности. Это не мало, что В е р у л а м и й в своем паразитическом «Органоне» открыл безошибочный способ исследования подлинной природы вещей.

А Ю н г и й С а к с³, который постарался довести в настоящее время логическое искусство до такого совершенства, чтобы можно было устанавливать справедливость тех или иных предложений и вскрывать ложность софистических доказательств с такой же аподиктической достоверностью, с какою выводится любая проблема Э в к л и д а. Приводить ли другие [примеры]? Как клином выбивается клин, так одно открытие подталкивается другим в наше, столь обильное талантами, время. Так следует ли отчаиваться в возможности такого открытия из открытий, благодаря которому все, что только ни было добыто столькими умами, стало бы достоянием всего человеческого рода и каждого человека в отдельности? И не только стало бы общим достоянием все, что только добыто истинного, но и вместо всех (других) способов самого добывания истины утвердился бы один. О, как это было бы прекрасно!

¹ Э в к л и д. *Στοιχεῖα* (Элементы), кн. XIII, *Δεδόμενα*, *Φαινόμενα*. — А р х и м е д, *Περὶ σφαιρῶν καὶ κυλίνδρων κινήσεων μέτρων, περὶ ἐπιπέδων ἰσορροπιῶν, περὶ χυμώσεων καὶ φαινομένων*, *περὶ ἔκκων* и т. д. (Примечание Брюннского издания т. I, 1915 г., стр. 355.)

² Алхимики.

³ И о а х и м Ю н г и й С а к с, родился в Любеке, принадлежал к крупнейшим писателям своего времени. Его главные произведения посвящены логике и метафизике. Кроме того, он излагал (*vykládal*) сочинения Аристотеля. Коменский имеет в виду его произведение «*Logica Hamburgensis*» (Гамбургская логика). Коменский считал Юнгия за совершеннейшего знатока своей специальности. Работы его не встретили, однако, признания современников, и в 1639 г. Коменский написал Гартлибу: «Прочел я недавно в твоём письме о том, что г. Юнгий своими прекрасными логическими открытиями снискал себе так мало успеха в Ростоке и Гамбурге, что не только философы, но и богословы, как осы, набросились на этого достойного мужа (чем он был так потрясён, что едва согласился на опубликование своей работы при своей жизни), прочел — и подивился глупости человеческой, которая и себе самой, и всем современникам препятствует в каком бы то ни было успехе и в дьявольском ослеплении и ненависти стремится заглушить даже самые лучшие начинания». (Из примечания к § 47 Брюннского издания т. I, 1915 г., стр. 355.)

4. Все
светочи были бы
заменены одним.

48. Ведь, если до сих пор для каждой отдельной вещи были свои инструменты, чтобы ее вскрывать, свои правила, как с ней обращаться, свои весы, чтобы ее взвешивать, то чего бы только мы не достигли, если бы все инструменты объединялись в один инструмент, все правила — в одно правило, все весы — в одни весы? Чем больше свечей, тем больше и света. Нужно лишь найти способ, как все светочи соединить в один светоч, т. е. как все эти различные и, можно сказать, бесчисленные открытия, познания, соображения могли бы быть сведены к единой, непрерывной, вечной и неизменной форме открытий, познаний и соображений. Найдя этот способ, мы и будем иметь то, что нам требуется.

Отчего же его не найти? Ведь у нас есть уже позади и немалые «леса» вещей познанных, и достаточно яркий светоч, с которым мы можем достигнуть и остального. Так направим же наши усилия, сверх этого, к последней цели всех вещей и всего пути. Ибо если доступно дальнейшее, то доступно и самое основное. Одна лишь вечность, к коей мы предназначены, может поставить предел нашему уму. Но то, что находится во времени, все это лежит в пределах досягаемости нашего разума, лишь бы только были достигнуты корни, т. е. вечные, постоянные, неизменные основания вещей, сообразно с которыми все существует и делается.

5. Обетование
божие с
последних
времен.

49. Есть у нас и прямо выраженное обетование с последних времен: будет, что многие пройдут, и умножится знание (Дан., 12, 4). И, во всяком случае, многие уже прошли и исследовали (в наше время — больше, чем когда-либо) так или иначе небо и землю, моря и острова, все царство природы и книги божественного откровения. Что же [теперь] остается, как не [ждать] исполнения второй части пророчества.

Обеуждение
способа
составления
пансофической
книги.

50. Но перейдем, наконец, к самой сути дела, к тому способу, каким это столь желаемое дело может быть осуществлено. Достаточно это явствует, конечно, из того, что было уже сказано как о причинах развала словесного учения, так и о противодействующих этому средствах. Однако не мешает выразить это еще более определенно.

Три необходи-
мые вещи.

51. Я полагаю, что достигнуть всестороннего познания вещей, овладения ими и использования их можно не иначе, как только через посредство нового и всестороннего.

1. Пересмотра всех сокровищ и описей их;

2. Сопоставления описей с вещами, чтобы убедиться, таковы ли вещи (на самом деле), как показано в нашем перечне или списке;

3. Нового всеобщего перераспределения того, что окажется налицо, с целью его нового и всестороннего использования.

Пересмотр всего, что когда-либо существовало, 52. Пересмотр всех сокровищ преследует ту цель, чтобы установить, какое же наследство мы имеем, и с чем вообще людям приходится иметь дело. Более чем верно, что люди не знают своего добра; не понимают того, что ведь они обладатели мира, владыки тварей, соучастники бога в самой вечности. Оттого, что лишь немногие это знают, верят в это и в этом убеждены, и происходит, что люди в большинстве случаев занимаются делами пустыми и вредными и, в конце концов, как недостойные, ис-

ключаются из наследования. Вот почему подобает христианам хорошенько взвесить слова апостола: мир ли, жизнь ли, смерть ли, настоящее ли, будущее ли — все ваше, вы же — христовы, а Христос — божий (1 Кор., 3, 22).

а также авторов, которые писали о каких бы то ни было предметах. 53. Неспроста сказал я, что вместе с вещами нужно пересмотреть и их описи. Ученые труды наши до такой степени обширны и разнообразны, что редко кто помнит их хотя бы по названиям, не говоря уже о том, чтобы знать каждый из них в отдельности и чего они от нас требуют. Нужно их описать для людей, подобно закону [божью], ясно и прямо (Второз., 27, 8). И так как они должны быть описаны тщательно, то надо проследить, чтобы ничего не было пропущено. Нужно поэтому использовать все ранее кем-либо составленные обзоры, всеобщие и специальные, древние и новые. Хотя их чрезвычайно много, однако предпринять труд по созданию синопсиса всего написанного совершенно необходимо, даже если бы их было еще больше. Но некоторые замечательные памятники, в том числе книги Соломона Премудрого о растениях и животных, уже погибли. Поскольку искать их уже напрасно, нужно захватить по крайней мере те, которые имеются налицо, и в первую очередь — самую священную книгу божью, библию, которая есть не что иное, как комментарий самого бога на все то, что дал он нам в этой жизни и хранит для будущей. Но так как она говорит лишь о боге или, чаще всего, о душе, то не следует обходить и тех книг, которые трактуют о материях более низких, книг, составленных философами, медиками, юристами, механиками, изобретателями всевозможных вещей, историками, космографами, чтобы из всех отдельных наук образовалась, наконец, единая всеобъемлющая наука наук и искусство искусств, т. е. Пансофия.

Но с какой целью?

54. Я здесь имею в виду не то, чтобы собрать в этой книге различные мнения всех писателей о вещах, как это делают те, которые измеряют степень образованности большой начитанностью, чтобы иметь возможность приводить о вещах различные мнения различных авторов, или, набрав такого рода лоскутьев и издав их вместо книг, приобрести таким путем известность. И дело не в простом сопоставлении между собой различных мнений, как это делают те, которые процеживают различные вопросы *pro et contra*¹ и наполняют томы опровержением негодных им мнений. Но я хочу, собрав в этом пансофическом труде всех тех, кто только писал о благочестии, о нравственности, о науках и искусствах, будь то христиан или магометан, иудей или язычник и к какой бы он ни принадлежал секте — пифагореец, академик², перипатетик³, стоик, эссеи⁴, грек, римлянин — древний или новый, доктор или раввин, какая бы то ни была церковь, синод, собрание, — всех их допустить и выслушать, что каждый из них даст хорошего.

¹ За и против.

² Последователь Платона.

³ Последователь Аристотеля.

⁴ Эссеи — религиозная секта в древней иудейской религии.

Почему здесь должны быть допущены все авторы?

1. Речь идет о деле, общем для всех.

2. Сам бог не делает между ними разницы.

3. Бог распределил дары свои различным образом.

Но, подобно тому как ни одна страна не производит всего, но что-нибудь производит каждая, так и бог отдельные искры своего света распределил между человеческими умами по разным временам и народам. Дух веет, где хочет, сказал Христос, говоря о святом духе и его действии. И нет недостатка в примерах, показывающих, что и вне церковной ограды дух мудрости осенял многих и многих, как, например, Иова, Элифаза, Элиу¹, Меркурия Трисмегиста, Сократа, Эпиктета, Цицерона. Поэтому решительно никем нельзя пренебрегать (случается, ведь, и огороднику слово ксести молвить), особенно в таких вещах, которые можно исследовать с помощью естественного света разума. Очень верно Верулабий сравнивает различные мнения людей о природе вещей с различными толкованиями на один и тот же текст, — толкованиями, из которых одно может оказаться лучшим в одном отношении, другое — в другом и каждое помогает заметить что-либо новое. Не найдется, стало быть, ни одной настолько плохой книги, в которой нельзя было бы обнаружить хоть что-нибудь хорошее; если не что-либо другое, то, во всяком случае, хотя бы повод для исправления какой-нибудь ошибки.

4. Истину легче найти, собрав различные мнения воедино.

Вот почему и заблуждения надо принимать во внимание, поскольку имеешь дело с разумными созданиями, с людьми. Таким образом, из собранных вместе [различных] рассуждений легче вскрывается обман, правдоподобие уступает место подлинной правде, тень уступает место свету.

5. Никого не следует осуждать, предварительно его не выслушав.

55. Я на этом настаиваю вот почему:

1. То, что мы создаем, является сокровищницей всеобщей мудрости, которою род человеческий должен владеть сообща. Поэтому и справедливо, чтобы в ней были представлены все умы, все народы, секты, эпохи.

2. Все мы, посланные в мир, восседаем в общем театре мудрости божией; нам же, христианам, по праву светит еще, сверх того, и свет божественного откровения.

Но почему бы не было позволительно и всякому иному, хотя бы и незначительнейшему человеку, если он что-либо, по его мнению, увидит замечательного, скромно возвысив руку и голос, возвестить об этом остальным?

3. Было бы неправдоподобно, если бы все было предоставлено в какую-нибудь эпоху кому-нибудь одному или немногим, а остальные не получили бы ничего.

Но, подобно тому как ни одна страна не производит всего, но что-нибудь производит каждая, так и бог отдельные искры своего света распределил между человеческими умами по разным временам и народам. Дух веет, где хочет, сказал Христос, говоря о святом духе и его действии. И нет недостатка в примерах, показывающих, что и вне церковной ограды дух мудрости осенял многих и многих, как, например, Иова, Элифаза, Элиу¹, Меркурия Трисмегиста, Сократа, Эпиктета, Цицерона. Поэтому решительно никем нельзя пренебрегать (случается, ведь, и огороднику слово ксести молвить), особенно в таких вещах, которые можно исследовать с помощью естественного света разума. Очень верно Верулабий сравнивает различные мнения людей о природе вещей с различными толкованиями на один и тот же текст, — толкованиями, из которых одно может оказаться лучшим в одном отношении, другое — в другом и каждое помогает заметить что-либо новое. Не найдется, стало быть, ни одной настолько плохой книги, в которой нельзя было бы обнаружить хоть что-нибудь хорошее; если не что-либо другое, то, во всяком случае, хотя бы повод для исправления какой-нибудь ошибки.

66. Известно, что никто не заблуждается по доброй воле (ибо с какой целью он желал бы этого?), но всякий заблуждается, будучи увлечен чем-либо, похожим на истину: посему и в заблуждениях заключается [известный] смысл. Вот почему и заблуждения надо принимать во внимание, поскольку имеешь дело с разумными созданиями, с людьми. Таким образом, из собранных вместе [различных] рассуждений легче вскрывается обман, правдоподобие уступает место подлинной правде, тень уступает место свету.

Если кого-либо осуждают, не выслушав, — пусть даже осуждают справедливо, — правосудие все же терпит ущерб, потому что дело могло обстоять не так, как оно было представлено на суде; поэтому нужно, по возможности, стараться узнать все до конца. Не говоря уже

¹ Элифаз и Элиу — собеседники Иова, — по библии (см. Кн. Иова, гл. 2, 11 и гл. 32, 2).

о случаях крайнего раздражения, бывает, что из предвзятого мнения или подозрения человек к человеку относится с таким предубеждением, что даже не хочет выслушать его доводов. Разве это не то же самое, что сказать брату своему «рака»¹?

6. Даже заблуждения могут приносить пользу.

Пускай тот или другой [человек] погрешает в чем-либо, пускай он даже в чем-либо глубоко заблуждается; кто не знает, что чужая ошибка может послужить предостережением мудрому, чтобы не сделать ошибки самому. И строителям пансофии чужие заблуждения, даже самые поводы к заблуждениям, могут дать много полезного ко все большему и большему усовершенствованию создаваемой ими пансофии.

7. Когда-нибудь должны быть прекращены все раздоры, а это может быть достигнуто только через приведение их к гармонии.

Мы все желаем, чтобы люди избавились когда-либо от распрей, чтобы прекратились расколы и взаимная вражда между людьми. Но они не прекратятся, пока будут существовать подозрения, которые люди питают друг к другу. А подозрения не исчезнут, пока люди все вместе и каждый в отдельности не будут окончательно удовлетворены в отношении всех вопросов и сомнений, как своих собственных, так и чужих. А удовлетвориться они не могут до тех пор, пока не будут выслушаны мнения всех и каждого, пока они не будут спокойно сопоставлены и возведены к одним и тем же законам ясной и непререкаемой истины, которые будут ими обоюдно установлены.

8. Пример древнего народа божьего.

57. Наконец, достойно замечания то обстоятельство, что при построении священной скинии Моисеевой и храма Соломонова израильтяне собрали и передали строителям не только собственные сокровища, но и добычу, отнятую у врагов народа божьего — египтян, филистимлян и аммонитян. Ибо и золото собиралось отовсюду, приносились и драгоценные камни, происходившие не из Святой земли, привозились и кедровые деревья, срубленные на Ливанских горах — все это во славу бога израилева и ради блеска дома его. Таким же образом и при возобновлении этого храма Зоровавелем внушил бог царю Киру не только предоставить для этой цели собственную свою царскую сокровищницу, но повелеть и подданным своим во всех подвластных ему царствах помогать израильтянам, чем какая страна богата: и серебром, и золотом, и съестными припасами, и скотом (I кн. Ездры, 1, 1—4). Почему же бы и строителям храма премудрости не пускать в дело все, что только найдется драгоценного и блестящего, откуда бы оно ни происходило? Даже гаваоняне, хотя и преданные проклятию, были использованы для рубки деревьев и доставки их к дому бога нашего (Иисус Навин, 9, 23). Так оно выходит, так оно и должно быть.

Апология автора.

58. А что до сих пор я, повидимому, держался иного мнения, проявлял непримиримость и внушал другим ненависть к Аристотелю и ко [всему этому] языческому сброду, то, да, я не отрицаю, что, следуя примеру тех, кто вместе с Неемией возревновал о юношах израильских, на стогнах иерусалимских состоявшихся, говоря не по-иудейски, а по-азотски (Неем., 13, 24), я жало-

¹ «Рака» (евр.) — пустой человек. Такое название своего ближнего Христос признает преступлением, подсудным верховному судилищу (см. Матф., 5, 22).

вался на то, что в наших школах языческая мудрость и красноречие преобладают над христианской наукой, а это во всяком случае возмутительно. И в тысячу раз лучше было бы, чтобы сгинула вся эта непотребная нечистота языческой мудрости, чем чтобы ею соблазнены были души, которые Христос хочет исполнить духом своим. Но сейчас речь идет не о преобладании язычества или о его погибельном смешении с христианством. Так как вся земля приносит дары свои царю вселенной, Христу, и как всякий поток, берущий свое начало от этого источника, возвращается к нему, оставив позади всякую нечистоту, — то да приступят язычники и арабы и пусть принесут ко украшению дома бога нашего, что могут, в особенности — потому, что пансофия рассматривает не только нашу коренную задачу — спасение души, но и житейские дела. А ими-то язычники преимущественно и занимались. Тут-то они и не могли не подметить кое-что полезное; и было бы напрасным предрассудком и легкомыслием это отвергать. Итак, допустим и их, но с тем условием, что если они измыслили, написали или открыли что-нибудь истинное и разумное, — все это будет обращено на пользу общую, а если что-либо из сказанного или сделанного ими окажется неудачным, идущим против истины и благочестия, то пусть заставят их замолчать, дабы не вечно нечестие препиралось с благочестием, заблуждение — с истиной, мрак — со светом.

При пересмотре писателей должно быть соблюдаемо беспристрастие и осторожность.

59. Но здесь потребно будет беспристрастие и осмотрительность, чтобы в суждении не осудить кого-либо зря. Ибо случается, что мы приписываем другим ложные взгляды, которых они не разделяют, — приписываем потому, что, увлеченные предубеждением или страстью, мы извращаем мнение этих писателей. Каждый является лучшим истолкователем

своих собственных слов. В передаче же чужих мнений даже сам прославленный Аристотель, говорят, не был непогрешим. Доказывая свое учение и опровергая древних философов, он так извращал их, что поневоле их взгляды казались очень странными; в действительности же, быть может, они не так уже расходились ни с истиной, ни с воззрениями Аристотеля. Если же дело обстоит таким образом (а ослабить человека ничего не стоит), то составителям пансофии следует быть весьма осмотрительными. Ведь здесь дело не в победе какой-нибудь одной партии над другой, а в достижении всеобщей гармонии; и, конечно, нужно всячески стараться посредством нахождения истины, лежащей посередине, приводить между собою в согласие враждебные мнения, о чем еще будет речь дальше.

Насколько необходимо сопоставление написанного с действительностью

60. Это — насчет пересмотра вещей и описи их. Но необходимо еще, как я сказал, сделать сопоставление и выяснить, все ли описано, что существует в действительности, все ли существует, что описано, и так-ли оно на самом деле, как оно описано. Ведь, если действительность и ее описание не совпадают

точно друг с другом, это сбивает ум с толку и вовлекает его в заблуждения. Более, чем верно, что и в наших «перечнях» (что особенно свойственно некоторым направлениям, склонным принимать грезы и

призраки за явь) имеется слишком много такого, чего нет в действительности; и, наоборот, в сокровищницах бога и природы есть многие вещи, еще не отмеченные нами, и, наконец, весьма многое не таково, как толкуют наши книги. Вот почему совершенно необходимо все толкования сравнить с действительностью. Только тогда, и отнюдь не раньше, когда мы это сделаем, выявятся и смогут быть восполнены, устранены и исправлены все пробелы, излишества и неправоильности [в наших знаниях].

и насколько оно затруднительно, 61. Но кому из смертных по силам эта работа, принимая во внимание как бесконечную численность, так и бесконечное разнообразие вещей естественных, сверхъестественных, моральных, художественных. Если люди, до сих пор занимавшиеся исследованием вещей, даже в отдельных отраслях так много находили запутанных узлов, что у весьма многих пыл их разрешался в жалобах и на невообразимую сложность природы, и на не поддающееся исследованию переплетение причин, и на всюду встречающуюся непримиримую вражду противоположностей, и на крайнюю недостаточность человеческого ума для преодоления всех этих трудностей,—то что будет, если кто-либо захочет распутывать с самого начала все эти узлы, взятые в целом.

но при наличии надежных способов — не безнадежно. 62. Но нечего падать духом. Где сила не берет, возьмем умением. Исследователи выяснили до сих пор так мало вещей, потому что они пробивались вперед, рассчитывая почти исключительно лишь на силу ума и непосредственное прилежание. Между тем голой рукой, так же как и предоставленным самому себе умом, многого не достигнешь, а при наличии соответствующих инструментов и пособий дело выйдет и легче, и вернее.

Все дело в способе. Стало быть, нужен лишь способ, применяя который к вещам и к учениям о вещах, можно было бы удобно отличать необходимое от не необходимого, полезное от бесполезного, истинное от ложного.

Философский метод Веруламия.

63. Таким способом исследования природы является, по видимому, открытая славным Веруламинем искусная индукция, которая поистине заключает в себе путь для проникновения в тайны природы¹.

Однако, поскольку она требует непрерывного труда многих людей и поколений (*saeculorum*), и чем она сложнее, тем сомнительнее кажется ее результат, — многие отнеслись к этому славному открытию с пренебрежением, как к чему-то бесполезному. Нам же при построении пансофии эта индукция мало поможет, потому что она (как я уже сказал) рассчитана лишь на раскрытие тайн природы, а у нас речь идет о действительности в целом. Следовательно, мы нуждаемся в каком-то совершенно другом способе, который, быть может, и удостоит явить нам—ищущим, бог милосердный. Кто прячется, чтобы его искали, для того и заставляет себя искать, чтобы быть найденным (Притчи, 25, 7; Ис., 5, 15). Не допустит бог, чтобы поиски твои

¹ Имеется в виду *Novum Organum sive iudicia vera de interpretatione naturae libri II.* (Примечание Брюннского издания т. I, 1915 г., стр. 363).

остались бесплодными (пишет Блаженный Фульгенций к Мониму) ¹, — бог, который вдохновил тебя на них, ибо непреложно его верное обещание: просите и дастся вам, ищите и обряцете, стучите и отверзется вам.

**Общие черты
метода
всеобщего
согласования
для построения
пансофии.**

64. Приступая к изложению того, что господь бог наш открыл и дал увидеть нам — просящим, ищущим и стучащимся, умоляю и заклинаю отнестись к этому с должным вниманием, чтобы иметь возможность обсудить это разумно. В кратких чертах я обрисую сейчас весь этот вопрос.

I. Три вещи составляют все содержание нашей человеческой науки, если хотите, — всеведения: познание бога, познание природы, познание искусства.

Под «искусством» следует понимать все, что относится к человеческой деятельности, размышлениям, речам и трудам. Под «природой» — все то, что возникает и образуется самопроизвольно благодаря силе, вложенной в самые вещи. Под «богом» — его могущество и мудрость, как они благостью [божией] выявляются в словах его и делах от века и доселе. Кто знает эту троицу, тот все знает, ибо из этого тройкого рода вещей состоит все в мире.

65. II. В познании указанных трех вещей необходимо добиваться совершенства. Нельзя считать достаточным кое-что знать о боге, кое-что о природе, кое-что об искусстве (что доступно и невеждам, и даже совершенным глупцам); все, что может быть понято, мы должны понимать вполне и совершенно точно.

66. III. Совершенное познание вещей — это из верное познание. Ибо, если наше знание не обладает истинностью, то оно принимает мираж за действительность и превращается в насмешку над знанием.

67. IV. Знание обладает истинностью тогда, когда вещи познаются такими, каковы они суть в действительности. Ибо если они познаются иначе, чем существуют, то это будет не познание, а заблуждение.

68. V. Вещи познаются так, как они существуют в действительности, в том случае, когда они познаются так, как они возникли.

Ведь всякая вещь такова, какою она сделана; если же не такова, какою она сделана, значит, это просто уродство.

69. VI. Всякая вещь создана сообразно своей идее, т. е. по определенному плану (*ad certam quandam*), благодаря которому она смогла стать тем, что она есть.

Ибо если что-либо не могло бы осуществиться, то и не осуществляется, и если что-либо не могло бы стать таким, то оно таким и не становится. Идеей называется, следовательно, то то², та возможность, в силу которой вещь есть то, что она есть.

70. VII. Следовательно, все, что только ни совершается, осуществляется сообразно идеям, будь то дела божии, дела природы или дела искусства.

¹ Fulgentii episcopi Ruspensis, ad Monimum, libri III, l. I, c. I — «О двояком предопределении божьим добрых к славе, злых к наказанию», § 3. (Примечание Брюннского издания, т. I, стр. 363.)

² Родительный падеж определенного члена в греческом языке выражает отношение предмета к его целевому назначению.

Так как идея есть определенный план или разум вещи, то нельзя себе и представить, чтобы бог, который сам есть разум всякого разума, мог что-либо сделать без идеи, т. е. без определенного плана. Подобным образом и природа, производящая хорошо устроенные вещи, и соперник природы, искусство, не могут ничего создавать без плана.

71. VIII. *Искусство заимствует идеи своих созданий от природы, природа — от бога, бог — от самого себя.*

Первое — общеизвестно, о чем свидетельствуют пословицы: искусство бессильно без природы; искусство — соперник природы; искусство подражает природе; искусство — дитя природы. Но не с меньшим основанием можно сказать и так: природа бессильна без бога; природа — соперник бога; природа — дитя бога; природа подражает богу. Бог же никому не подражает, кроме самого себя; не может иначе и не хочет. Не может потому, что в своей вечности ничего не имеет, кроме самого себя; откуда бы он, следовательно, мог еще почерпнуть начало или форму своих творений? Не хочет — потому, что будучи всеблагим, он не может ничего желать, кроме того, что само является наибольшим благом — единым, вечным и совершенным — а таким благом и является только он сам. Скажут, бог по произволу измыслил идеи творимых им вещей. Но с какой же, позвольте узнать, целью? Если бог и сейчас не делает ничего напрасного через природу, то зачем бы он стал делать это вначале? Зачем, имея в себе совершеннейший образец всякого совершенства, стал бы он выдумывать что-то иное? Дабы не проявлять всего своего величия? Но именно его-то он и хотел сделать очевидным (Римл., 1, 20). Дабы отступлением от самого себя показать всю глубину своей премудрости? Но это лишь умалило бы полноту славы его, указывая на то, что есть и вне его нечто совершенное: а это невозможно. Итак, несомненно, что как творения, так и идеи творений не могли возникнуть ниоткуда, кроме как из сего источника. И если среди творений мы наблюдаем, что всякий делатель стремится уподобить предмет своего дела самому себе, то почему должны мы отрицать это в Создателе, от которого они его заимствуют? Особенно, если иметь в виду, что у бога не может быть никакой иной цели своих творений, кроме самого себя. Итак, несомненным остается, что бог ниоткуда не черпал ни целей, ни живущей силы, ни формы для своих творений; только само вещество, в котором собственно и заключается отличие твари от Творца, создал он из ничего ¹.

72. IX. *Замышляя мир, бог замыслил, следовательно, самого себя, так что вообще творения пропорциональны творцу.*

Ибо то, что образуется, необходимо должно соответствовать своему образцу, что не мешает наличию в этом соответствии известных ступеней, наличию в нем большей или меньшей очевидности. Так, сын божий называется подобным отцу или отражением отца (Евр., 1, 3), и даже человек назван образом божьим (Быт., 1, 26; 1 Кор., 11, 6), да и все остальное не чему иному уподобляет Писание, как некоему образу божью, когда оно говорит, что невидимые свойства божии после сотворения мира стали видимыми (Римл., 1, 20) и что в величии

¹ Коменский следует здесь известной четырехчленной классификации причин вещей, введенной Аристотелем: *causa finalis* (цель), *causa formalis* (форма), *causa materialis* (вещество).

видимого и сотворенного яснее может познаваться Творец (Премудр., 13,5). Оттого-то и произошло, что язычники называли природу не только дочерью божией, но и самим богом. Что такое природа, говорит С е н е к а, как не бог и не божественный разум, которым проникнут мир как в своем целом, так и в своих частях ¹.

73. X. *И так как все причастно идеям божественного разума, то одно всегда причастно другому и все друг другу взаимно соответствует.*

Ибо две вещи, совпадающие с некоей третьей, совпадают и между собой.

74. XI. *Все вещи тождественны друг с другом по своему основанию и различаются между собою лишь формою, так как в боге они существуют, как в своем архетипе (прообразе), в природе — как в своем эктипе (отображении), в искусстве — как в своем антитипе (противообразе).*

Это подобно единой форме у печати. Сначала она возникает в уме того, кто ее делает или заказывает. Затем она вырезывается на металле; наконец, отпечатывается на воске. Будучи тройной, она все же едина, так как из первой образуется вторая, из второй — третья, каждая последующая по образцу предыдущей. Так и идеи, возникающие в разуме божием, налагают свой отпечаток на творения, творения же, способные разумно действовать, — на создаваемые ими вещи.

75. XII. *Основание всех вещей, как в их создании, так и в их познании, есть гармония.*

Что такое гармония.

Гармонией музыканты называют приятное созвучие нескольких тонов. Такое же согласное звучание представляют собой вечные исключительные свойства божества, сотворенные свойства природы, свойства, выраженные художником в искусстве. Как те, так и другие и третьи гармоничны как сами по себе, так и в отношении друг к другу, ибо природа есть образ гармонии божественной, а искусство — образ природы.

Для нее необходимы три условия.

76. XIII. *Первым условием гармонии является, чтобы не было никакой разногласицы.*

Музыкальная гармония слагается из самых различных и даже противоположных тонов, и, однако, противоположность эта приводится к согласию. Так и весь мир состоит из противоположностей (ибо без противоположностей не было бы ни истины, ни порядка, ни самого бытия мира). Так в Писании многое кажется друг другу противоречащим. Однако все это в нашем духе приводится и должно приводиться к согласию для образования всеобщей гармонии. Как в божеских, так и в наших человеческих делах, мнениях и словах все должно объединиться всеобщим согласием, а всякое кажущееся разногласие — исчезнуть. Но так как этой тайны люди не понимают, то философы хватают из природы, богословы — из Писания, одни — одно, другие — другое, и сталкивают природу с природой, Писание с Писанием, извлекают из всего этого противоположные выводы и возбуждают споры и пререкания. Все это неизбежно должно исчезнуть, как только явится свет всеобщей гармонии. Ибо истина всегда совпадает сама с собой.

¹ Seneca, De benef. I, IV, с. 7 (примечание Брюнского издания 1914 г., т. I, стр. 366).

77. XIV. *Второе требование гармонии, чтобы не было чего-либо несозвучного.*

В вещах естественных и в произведениях искусства, очевидно, все гармонично. В животном, в дереве, в музыкальном инструменте, в корабле, в колеснице, в книге, в доме и т. д. все части пропорциональны как со своим целым, так и между собою. Что же касается вещей божественных, то могут усомниться в том, приходят ли они в какую-нибудь пропорциональность с вещами естественными и с произведениями искусства. Ведь кто-нибудь может думать, что у божественного величия нет ничего общего с сотворенными вещами. Но надо знать, что все, что есть в копии, необходимо должно быть, и притом в превосходной степени, и в архетипе: река имеет в себе нечто от своего источника, тень — от тела, копия — от оригинала. Затем, если произведения природы таковы, что нельзя даже придумать для них лучших форм (что признает Гален в VI кн. в гл. I), и если одна природа не может меняться и преобразовываться в другую (о чем свидетельствует Тертуллиан, гл. 29), то чем является природа, как не живым образом того, в ком все изначально в высшей степени превосходно, неизменно и не подлежит превращению? Наконец, сам бог в Писании приписывает себе уши, очи, уста, руки, ноги, сердце, лицо, спину. а также называет себя огнем, скалой, крепостью, якорем. С какою целью делает он это, если все эти слова не могут изобразить ничего в боге? А если могут, то не что иное, как то, что есть на самом деле, так как слово божие есть норма истины. Мы знаем, что это сказано фигурально (ибо кто захочет впасть в безумие антропоморфизма?); однако никто не отрицает того, что в основе этих фигуральных выражений (метафор и парабол) есть некоторая пропорциональность или тождество, так как, прежде чем высказать их, нужно, чтобы такое тождество существовало. Поэтому, как искусственное соответствует естественному некоторой пропорциональностью, так и естественное — божественному.

78. XV. *Третье свойство гармонии состоит в том, что хотя бы разнообразие звуков и мелодий было бесконечным, однако оно возникает из немногих начал и определенных видов различий.*

Все различия гармонии, сколько бы их ни придумали и сколько бы ни могли придумать, возникают из семи тонов и трех созвучий. Все тела, сколько бы их ни было в мире, образуются из очень небольшого количества элементов и из нескольких качественных различий. Также и во всем остальном: множественность и разнообразие есть не что иное, как разнообразное повторение сходного. Например, хотя дерево имеет тысячи тысяч листьев, однако все они одной и той же формы, цвета и качества. И сколько бы ни было во всем мире деревьев одной и той же породы, все они одинаковы, одинаково действуют и сами претерпевают одинаковые воздействия. Точно так же и деревья различных пород имеют некоторые общие основания своего бытия.

Основы бытия 79. XVI. Поэтому, раз будут изучены основания вещей и виды различия между ними, будет изучено **суть наилуч-** все. Так, тот, кто в музыке изучил основание тонов **шие основы** и ритмов, умеет петь и сочинять всякие мелодии. **познания.**

И даже придуман способ, благодаря которому органисты на основании одного «баса», так называемого «генерал-баса», могут петь

все мелодии, так что не может получиться никакой дисгармонии, хотя бы симфония состояла из сотни голосов. Таким же образом, кто изучил общие основы произведений искусства, вещей естественных и сверхъестественных, тот сможет различать и производить бесконечное их количество. Например, кто узнал, что такое прекрасное в себе или каким требованиям удовлетворяет понятие красоты, тот без всякого учителя будет знать, что такое прекрасный ангел, прекрасная душа, прекрасное тело, прекрасный цвет, прекрасная речь, прекрасные нравы и т. д. И обратно,—то, что не будет согласоваться с этой идеей, не покажется ему прекрасным. О, как удобен этот путь к познанию многого, состоящий в том, чтобы иметь открытыми источники вещей.

**Идеи вещей
должны быть
отвлекаемы от
конкретного.**

80. XVII. Эти общие основания вещей должны быть отвлекаемы от вещей при помощи некоторой индукции; их надо считать нормами вещей. Например, в чем состоят формы¹ красоты, добра, совершенства, пользы, порядка, жизни, ощущения, — этого надо искать во всем, что прекрасно, что благо, совершенно, — при помощи разумного выделения того, что не относится к сущности красоты, добра, совершенства и т. д., — пока не останется сама чистая форма. Ибо все, что существует, имеет некоторое определенное основание, в силу которого оно существует. Поэтому все существующее необходимо сходится в некотором общем способе существования: живое — в способе жизни, ощущающее — в способе ощущения, прекрасное — в некотором определенном способе существования, в силу которого оно называется прекрасным и т. д. В таких общих и как бы внешних основаниях вещей (идеях), если они тщательно отвлекаются от всего, из чего состоит вся совокупность вещей, будет состоять как общий ключ к пониманию вещей, так и норма для действий, удивительный указатель новых изобретений и, наконец, надежный лидийский камень² для распознавания мнений, словом, некоторый богатый источник прекраснейших размышлений³.

**Идеи
отвлекаются
преимущественно от
естественных
вещей.**

81. XVIII. Эти нормы истины должны отвлекаться от тех вещей, которые существуют так, что иначе они не могут существовать, и с которыми каждому удобно производить где угодно эксперименты, — т. е. от естественных вещей, вещей природы.

Вещи божественные сами по себе неисследуемы: они познаются только постольку, поскольку они отражаются природой или же открываются словом божьим. Искусство, поскольку в нем есть разум или достоверность, заимствует их от природы и часто говорит вздор. Поэтому, тем поприщем, на котором мы охотимся

¹ Термин «форма» равносителен термину «идея»; таким образом, Коменский здесь стоит на позициях платоновского идеализма.

² *Lydus lapis* — у Плиния, «Hist. natur.», XXXIII, 126 (43) (Примечание Брюинского издания 1914 г. Svazek I, стр. 369).

³ Соображения Коменского относительно идей, или общих оснований вещей, и их роли в познании не особенно отчетливы: под термином «идеи», или «нормы», или «формы», предписания и т. п., он объединяет и определения (например математические), и то, что называют реальными законами природы. Вообще для него было еще неясно различие между математическими и естественно-научными положениями.

за идеями вещей, является преимущественно природа (конечно, при помощи слова божия, т. е. Писания). Природа является самым истинным отображением дел божих, указывающим, что и с какою целью бог сделал, делает и будет делать. Из этих двух источников — природы и Писания — должны быть построены те нормы для основания пансофии, с помощью которых все — и самое великое, и самое малое, и высшее, и низшее, первое и последнее, видимое и невидимое, сотворенное и несотворенное — должно быть приведено в единую истинную, везде себе и вещам соответствующую гармонию (или, скорее, пангармонию), лучше которой ничего не может быть.

**Каков должен
быть метод
построения
пансофии.**

82. Сказанное касается новой нормы размышления о всех вещах; теперь о новой форме их расположения. Ибо мы считаем, что в пансофии необходимо должен применяться самый совершенный метод, а именно такой, который так связывает умы с вещами, что они ставят себе целью познание до конца и больше чувствуют плоды основательного знания, чем трудности его изучения. Это будет так, если:

**1. Всеобщие
подразделения
более правильны.**

всякой путаницы.

**2. Уничтожить
все двусмысленные
определения.**

84. II. Надо обращать внимание на значение выражений (особенно более общих, употребляющихся в отношении ко всем частным случаям), чтобы в них не оставалось ничего непонятного, чтобы они были свободны от омонимов, так как из этого могут происходить впоследствии разногласия и споры. Это достигается тщательным определением вещей, — таким, какое обычно предпосылают своим доказательствам математики.

**3. Положения
будут излагать
всю природу
вещи.**

**4. Все предписания
должны быть
хата παντός, хата
αὐτοῦ, хата πάντων,
прото (всеобщими,
самодовлеющими).**

85. III. К делениям и определениям должны присоединяться положения, или теоремы, и правила со своими доказательствами.

86. IV. И все это (подразделения, определения, правила, т. е. все, что обозначается общим названием «предписаний» должно быть: 1) ясным, 2) имеющим только не подлежащее сомнению применение, 3) истинным само по себе, всегда и везде. Эти три требования с полным правом были до сих пор выставляемы в большинстве философских и богословских сочинений как желательные. Ибо многое излагается спутанно, многое не имеет вовсе никакого применения (или очень малое), кое-что справедливо только в зависимости от случайных условий. Например, теорема метафизики: субстанция не может иметь в себе больше или меньше [признаков] — неверна, а если бы и была верна, то не имела бы никакого применения. Действительно, муж — в большей мере человек, чем зародыш; орел — более птица, чем летучая мышь; солнце — в большей степени светило, чем луна. И разве не праздное дело говорить, что всякая свинья есть свинья, всякая лошадь есть лошадь? Разве кто-либо это отрицает? Кому нужно это навязывать? Предписания же пансофии содержат только положения серьезной науки.

**5. Общие
теоремы должны
быть чистыми
аксиомами.**

87.V. Общие предписания пансофии должны быть реальными и практическими аксиомами, т. е. такими положениями, которые заслуживают доверия сами по себе, которых не надо доказывать при помощи более «первых» положений, а надо только иллюстрировать примерами так, чтобы всякий человеческий ум немедленно признал их за норму истины, как только воспримет их. И такие понятия, напечатленные нашему духу божеством, такие факелы ума, бросающие свет на все частности, должны быть ключом к деятельности. Надо только всячески остерегаться, чтобы не допустить в качестве аксиомы чего-либо, что не является таковой на самом деле. Ведь недаром Бэкон Веруламский, Стрезо и другие жалуются на то, что ходячие логические правила утверждают и отрицают неосновательно, так что лишь редко они служат для доказательства, по большей же части — только для оспаривания (при помощи исключения, ограничения, приведения примеров, опровержений, т. е. вообще посредством споров).

**Частное
служит только
доказатель-
ством.**

новые члены

88. VI. Все частное во всей пансофии не должно привносить ничего нового; оно должно быть только специальным расширением предшествующих ему общностей, как мы это видим в дереве, в росте животного: у дерева и животного не вырастают ежегодно новые члены или ветви, а лишь развиваются дальше прежние.

**Применение
пансофии.**

89. Философия, построенная таким образом, будет: 1) легкой для усвоения, ибо в ней одно будет вытекать из другого; 2) истинность ее будет прочной, так как все последующее будет основываться на предыдущем; 3) она будет чрезвычайно полезна в применении, так как в ней отлично раскроются основания всего мыслимого. И действительно, такое изложение всеобъемлющей науки будет не только рассадником [знания], но некоторым образом будет и оплодотворять его, заставляя все глубоко укореняться, чтобы изучающие не только поддавались увещаниям, но и принуждались к согласию посредством доказательств. Это именно и делает образование прочным.

**Все должно
быть
аподиктическим.**

90. Никто из математиков не говорит: «по Пифагору трижды три будет девять», или «Эвклид выделяет три вида непрерывных величин: линию, поверхность и тело». Все геометры согласны в том, что в треугольнике три угла равны двум прямым, однако кто так нескладно твердил бы такие положения, ссылаясь на авторитеты, того бы осмеяли: в геометрии прямо доказывается, что положение правильно и что иначе быть не может, хотя бы не было никогда ни Пифагора, ни Эвклида. Точно так же и в метафизике, физике, этике, политике должно быть стыдом приводить авторитеты там, где дело может решаться рациональными основаниями.

**Все должно
быть строго
упорядочено.**

91. Таким методом мы стремимся также и к тому, чтобы вся работа над пансофией могла совершаться без повторения чего бы то ни было и чтобы эта краткость (все сочинение должно быть чрезвычайно сжатым изложением вещей) не вызывала неясности, так как при последовательном движении вперед дальнейшее освещается уже ранее изученным. Так войдет в обиход и при составлении книг применение правила

военного построения: что никакое место не защищает само себя, а защищается другим,—если все преподаваемое будет получать свет и силу от того, что стало известным раньше.

К идеям надо прибавить свидетельства бога и чувств. 92. В важнейших вопросах надо присоединять авторитет Писания как свидетельства уст божьих; а также и свидетельства чувств при помощи опыта так как для разума истинность вещи подкрепляется экспериментом. Как у математиков из доказанной теоремы выводится научное положение, а из доказанной проблемы вытекает следствие, так из предписаний пансофии должно безошибочно следовать познание и действие.

Если чего нельзя доказать, то это надо высказать проблематически.

93. VII. Если какого-либо положения нельзя довести до демонстративной достоверности, а между тем оно полезно, то его надо отнести к числу вопросов, требующих обсуждения, или надо выставить его проблематически, указав основание, говорящее за то и за другое решение, — для того чтобы всем можно было судить, за какую альтернативу говорят больше обстоятельства дела, а также и для того, чтобы другим людям остался случай решать когда-нибудь такие проблемы и отыскивать в таких вопросах непогрешимую очевидность истины. Ибо бог обычно сообщает людям свет свой постепенно, а где идут с постепенностью, там естественно постепенно же продвинуться далее. При этом то, что было сообщено в научной форме, хотя бы по количеству оно было невелико, для применения будет иметь большое значение. Ибо лучше владеть немногим, но достоверно, в полной мере и правильно, чем носиться мыслью по безбрежности: это последнее дает лишь смутное и основанное на предположениях знание, первое же сообщает неизменные и твердые познания.

Похвала этому методу.

94. Между этой книгой пансофии (если она будет составлена) и теми книгами, какими пользуемся мы сейчас, было бы такое же различие, какое есть между музыкальным инструментом, совершенно приспособленным для полной гармонии, с одной стороны, и несовершенным, во многих отношениях испорченным в своих важнейших частях, с там и здесь поломанными, разноголосящими дудками—с другой. Или какое есть различие между тщательно составленной партитурой, при одном взгляде на которую органист или игрок на кифаре легко может сыграть любую мелодию, и теми нотами голосов симфоний, которыми можно пользоваться только нескольким лицам и которые не всегда и не везде согласуются друг с другом.

Почему автор касается этого

95. Часто думая о том, как велико будет применение этой книги для изучения мудрости, я молю бога и не перестаю просить его, чтобы он пробуждал героические умы, трудами которых мог бы быть зажжен столь великий свет миру. И так как он дал мне быть в числе тех, кто признает несовершенство человеческих дел и серьезно желает их улучшения, то я и счел для себя не чуждым испробовать, не прольет ли через меня некоторый новый свет божественная благодать (ибо веяние небесное веет, где оно захочет), или, по крайней мере, не смогу ли я дать толчок другим,

которым божественное провидение дало больше уместных сил, образования и досуга к тому, чтобы сделать в этом отношении больше, чем могу сделать я. И кто вменит мне в вину, что я сильно хочу быть полезным христианскому юношеству как через самого себя, так и через других? Вообще мне следовало бояться того, как бы столь необходимое дело не осталось в области только обещаний, если бы публике не было сообщено ничего, кроме пожеланий. Поэтому я сделал то, на что бог дал мне силы, чтобы и меня лучше поняли, когда я дам образец, и чтобы другие, кого побудит к этому бог, имели пример для облегчения им подражания.

и с какой целью он это рассказывает.

96. Я думаю также, что не следует обойти молчанием и того, по какому случаю я осмелился приступить к столь важному делу, как и в каком порядке я его осуществлял и, наконец, с каким, по моему

суждению, успехом. Все это я делал только потому, что я считаю необходимым раньше представить на справедливый суд все, что я предложил. Насколько я в этом успел, об этом будет свидетельствовать сама наша книжка по пансофии; под ее влиянием само собою сложится мнение у правильно судящих людей.

Более глубокое объяснение повода для составления этой книги.

97. Идет уже двадцатый год с того времени, как я почувствовал впервые стремление искать средств для облегчения трудностей научных занятий, — и это под влиянием моей несчастной судьбы, которая, увы, отняла у меня почти все годы моей юности. Будучи ребенком-сиротой, без отца и без матери, я, по небрежности опекунов, был до такой степени заброшен, что только на шестнадцатом

году жизни смог ознакомиться с элементами латинского языка. Однако, по благости божией, это естественное ознакомление зажгло во мне такую жажду, что с того времени я никогда не переставал работать и стремиться восполнить ущерб, причиненный мне в детстве, восполнить не только по отношению ко мне самому, но и по отношению к другим. Меня печалило то, что людям (особенно моим согражданам) было скучно изучать науку. Поэтому я много думал над тем, каким образом не только побудить множество людей к тому, чтобы они полюбили научные занятия, но и указать, на какие средства и чьими трудами можно открыть школы, в которых юношество получало бы хорошее образование по более легкому методу. Однако так как вскоре (на 24-м году жизни) я был посвящен в служители церкви и так как божественная заповедь: «Сие твори» была перед моими очами, то мне пришлось отложить в сторону мои заботы о школьном деле. Однако когда через пять лет после этого я, с божьего позволения, был вместе с другими изгнан и, живя в изгнании и вернувшись на пепелище школьной работы, стал читать различных авторов, то я наткнулся на целый ряд таких, которые в это самое время начали трудиться над улучшением методов научных занятий, а именно: на Ратихия, Гельвика, Рення, Риттера, Глаумия, Цецилия и, в первую голову, на Иоанна Валентина Андреэ¹, человека пылкой души и выдающегося (defaecatae) ума, а также на Кампанеллу и Веруламию, знаменитых восстановителей философии.

¹ См. «Великая Дидактика», «Привет читателям», § 9—10

Из этого чтения я вынес большие надежды на то, что столько различных искр сольются, наконец, в целое пламя. При этом я не мог удержаться, чтобы не заметить кое-где и некоторых недостатков и пробелов. И, опираясь на прочные основания, я старался придумать, что можно было бы сделать и что не допускало бы колебаний. И после многих размышлений, приведя все к незыблемым законам и нормам природы, я написал «Великую Дидактику», излагающую способ легко и основательно учить всех.

«Дверь языков»
послужила
поводом для
составления
«Двери вещей».

98. Когда я поработал над компендиумом правил для изучения языков и представил его публике для рассмотрения под названием «Открытой двери языков», он был принят с исключительным и единодушным одобрением со стороны людей ученых и был рекомендован в качестве верного и подлинного средства изучения языков. Это дало мне новый повод попытаться составить также «Дверь самих вещей», или, если хотите, «ключ» к человеческому уму, раскрывающий всеобщим образом чувства для познания всего.

Если бы этот труд удался, я считал бы, что им можно добиться достижений в такой же степени более важных, в какой правильное мышление выше способности просто болтать латинские слова.

С какой
надеждой.

99. Не было недостатка в людях, которые сомневались в возможности составить такую «Дверь» (или «ключ»), ибо я сообщил о своем плане друзьям. Меня же одушевляло стремление ко всеобщей и постоянной гармонии вещей: все, что люди могут познать, допускало сведение к некоторым конечным по числу, но бесконечным по применению правилам. Я рассуждал так. Если язык, этот главный истолкователь духа, при своем бесконечном богатстве, может быть так проанализирован, что допускает выражение всех важнейших понятий конечным числом звуков, то почему неясные понятия нашего ума нельзя таким же образом привести в соответствие с группировкой самих вещей? Ибо, хотя вещи вне ума кажутся чем-то безграничным, тем не менее они, как и сам мир, суть изумительное создание божие; они состоят из немногих элементов и из немногих различий в формах, и все изобретения искусства могут быть сведены к определенным родам и определенным сочетаниям. А так как вещи, понятия о вещах и изображения этих понятий (слова) параллельны между собой, то я и думал, что эти самые основные элементы могут быть одинаково переданы как при помощи вещей, так и при помощи понятий и слов. Мне приходило также в голову, что химиками изобретены сущности (или духи) вещей, настолько свободные от избытка материи, что в малой капле их может заключаться огромная сила минеральных веществ, которая окажет в составе лекарств больше действия, чем они смогли бы оказать всей своей массой. И (думалось мне) неужели нельзя придумать что-либо, посредством чего предписания мудрости, рассеянные по столь обширным просторам наук и даже как бы бесконечно разбросанные вне своей области, можно было бы некоторым образом объединить и, концентрировать? Не надо отчаиваться, всякое отчаяние есть оскорбление бога, который обещал помочь просящим, ищущим, стучащимся в двери. Поэтому я и решил, что создание некоторого универсального рассадника образования возможно.

В «Двери вещей» намерение автора осуществлено.

100. Поэтому я, во имя божие, начал составлять такую ткань вещей, соблюдая и здесь тот же метод, каким я пользовался при составлении «Двери языков». И прежде всего я поставил целью — так же, как там латинские слова, — так здесь все достойные человеческого познания вещи собрать вместе как бы в некоторую сокровищницу. Во-вторых, я старался все приводить только один раз, — не считая выводов, а также тех случаев, когда без упоминания о чем-нибудь нельзя разъяснить что-либо другое. В-третьих, все должно было приводиться не иначе, как на своем месте и в собственном смысле, т. е. в самом естественном порядке вещей и в самом ясном смысле выражений, так, чтобы здесь давалось все значительное, что содержится в совокупности вещей мира и во всех книгах и библиотеках, — и все это в кратком и ясном изложении. Если бы я достиг того, чтобы при помощи этой нашей «Двери» удалось подготовить переход к вещам и к пониманию всех книг — без помощи наставника, то я получил бы право на часть той похвалы, какую Тимотею Брайт наделяет изобретателей краткости и наглядности. Из всех, говорит он, частей философии, в каких трудилась любители истины и те, кто изучали высшие вопросы (*rerum optima rerum*), нет ни одной, которая была бы полезнее для жизни или питала бы дух более благородным удовольствием, чем та, при помощи которой другие знания приводятся к краткому и ясному виду. Поэтому надо приветствовать благодарной памятью труды тех, кто прилагали старание к тому, чтобы учащиеся освободились как от скуки многословия, так и от терний и лабиринтов трудностей (о физике Скрибония, гл. I).

Более возвышенная забота. 101. В этом только и состояло мое намерение, когда я начал этот труд: коротко и ясно охватить все.

Однако по воле божией случилось так, что во время работы над этим сочинением у меня явилась более высокая мысль и забота — собрать от самых оснований все более истинное, лучшее и наиболее подходящее для нас, христиан, в смысле использования в этой и в будущей жизни. Я уже говорил подробно о том, что такое намерение было необходимо. И для того, чтобы это сочинение было «Дверью» не только в [чтение] авторов, но и еще более в самую совокупность вещей, я внес туда все, что мне показалось выдающимся как в божественных и человеческих делах, так и в книгах, — не в смысле суеверного и мало полезного трудолюбивого составления каталогов, а скорее в виде раскрытия истинных оснований всего и объяснения в главных чертах главных моментов, из которых легко складывался бы смысл остального. Поэтому здесь содержится и кое-что новое, не только уже найденное, но и подлежащее нахождению, такое, чего, быть может, нет нигде в другом месте. И новый и более полный порядок вещей часто приводил меня к тому, к чему, повидимому, не приходил до сих пор еще никто другой.

Эта «Дверь вещей» есть также и дверь в божественные писания

102. Для того, чтобы «Дверь» была одновременно и дверью в божественные писания, я старался: 1) Все догматы священного кодекса божия относить к пророкам пансофии — каждую в своем месте, а все истории иллюстрировать примерами, чтобы юношество узнавало отсюда все те данные нам великие и драгоценные

обетования, благодаря которым мы делаемся причастными божественной природе (2 Петр., 1, 4), и чтобы оно имело впоследствии опору не только без вреда для себя знакомиться со светскими писателями, но и охрану против искушений всей жизни. 2) Самые темные выражения из Писания я старался так цитировать в соответствующих местах, чтобы цитирование, сделанное в надлежащем месте, бросало свет на излагаемое и служило вместо комментария. 3) Я старался в разных местах так пользоваться фразами и мудрыми выражениями Писания, чтобы юности осваивались как с содержанием, так и со стилем духа святого, и чтобы в самой библии им не могло встретиться ничего, не известного им ранее.

кафоллического богословия. 103. При этом мы преподносили не то или другое богословие — так, как оно имеет место у отдельных вероисповеданий, — но всеобщую и кафоллическую истину, — не спускаясь к тому, в чем имеется возможность опасного, двойственного истолкования или где нельзя показать выхода в несомненное. Ибо, по нашему мнению, правильное кое-чего не знать, чем знать ошибочно, как указывает апостол (Филипп., 3, 15, 16). Я надеюсь, что при помощи всеобщего исследования принципов я достиг того, чтобы для такого рода опасного двусмыслия, а отсюда — и заблуждения, не оставалось почти никакого повода, что разумный читатель легко заметит после того как будет устранена большая часть поводов к ошибкам. Подобно тому как человек, прямо и без компромисса присоединившийся к одному из двух противоречивых высказываний (что бывает в Писании даже при чисто буквальном его истолковании), не может не считаться с противоположным высказыванием, а часто — и находится под сильным влиянием последнего, так не могут не исчезнуть без огромной для человека радости бывшие ранее трудности, путаница и смущение, раз открыт средний смысл и обе крайности приведены в согласие. Тогда отлично соединяется воедино то, что было истинного в каждой отдельной части, а то, что примешивалось там или здесь ложного, — исчезает. Это мы выше назвали единственным путем приведения в гармонию всякой истины и уничтожения разногласий в мире.

Метод этой книги. 104. В отношении порядка передачи наук мы надеемся, что с божией помощью дали образец правильного метода, рассекающего вещи так, как они есть и образуются, и ставящего их перед глазами. Ибо я убежден, что нами открыты в метафизике совершенно правильные общие положения, идя через которые к отдельному, можно достичь самым ясным образом некоторых элементарнейших оснований как вещей, так и понятий и выражений, так что можно будет составить новый правильный и до сих пор еще не виданный анализ всех вещей.

В чем состоит пансофическая метафизика. 105. Метафизика эта не будет отличаться какой бы то ни было запутанной утонченностью — такой, чтобы ее могли усвоить только острые и уже опытные в изучении вещей умы. Она будет ясной и до такой степени доступной каждому здравому уму, что даже восьмилетние дети смогут овладеть всей этой метафизикой, а при ее помощи — и всеми элементарными науками и искусствами, без всякого труда, напротив, с большим наслаждением. Все основные положения наук мы

изложили в виде афоризмов (или аксиом) — истинных, как я надеюсь, не пустых, а основательных, не имеющих исключений, таких, что их не надо защищать доступными прободению щитами ограничивающих положений, так как они непоколебимо стоят сами благодаря свету всеобщности и силе истины.

Как из этого
выводится
остальное.

106. И из этих очевидных самих по себе истин мы ничего не приводим без основания, предполагая что бы то ни было другое, как бы из милости добываясь заранее согласия. Нет, мы все наперед доказываем, т. е. стараемся вывести непрерывно, — исходя из первых принципов метафизики, — одно из другого, вплоть до последних и мельчайших различий вещей. И притом с такой очевидностью, с какой обычно доказываются положения математические, — так что надо дать веру как последним, так и первым из них — в силу последовательности и полной непрерывности доказательства истины. В книгах, излагающих только прежде найденное, этого нельзя было провести в достаточной мере потому, что в них не приводились причины вещей. Мы же обходимся с человеческим умом так, как обычно обращаются с молодыми лошадьми их укротители: они сначала применяют более мягкие удила — такие, которые скорее приятны этим животным, чем мучат их, и заставляют их бежать по ровным и приятным для бега местам быстрее, чем по круговым извилинам.

Трихотомические¹
деления.

107. Это особенно имеет место в нашем методе в такой удивительной степени в силу того, что все важнейшие представления вещей совершаются в нем при помощи трихотомий. При этом я утверждаю, что я искал этого не тенденциозно, не в силу какого-либо суеверия; эти трихотомии сами собою представлялись мне [коренящимися] в некоторых важных, имеющих большое значение обстоятельствах, в первых атрибутах вещей (едином, истинном, добром), — так что я иногда останавливался в изумлении, пораженный новизною дела. Я начинал, исходя из примеров в какой-либо одной отрасли, — и видел, что то же самое имеет место и везде. Поэтому я не осмеливался противиться истине вещей, представляющейся по большей части в виде тройственной тайны; напротив, я скорее был рад схватить такую гармонию священной триничности. И я с наслаждением прослеживал ее в остальном, нигде (я в этом твердо уверен) не насилую вещей, которые как бы самопроизвольно располагались таким образом. Я считал, что это принесет пользу еще и учащимся; а именно: во-первых, в качестве пособия для запоминания — память любит разграничения как при нахождении нового, так и при запоминании; во-вторых, для понимания самих вещей: оно по большей части отлично открывается природой вещей. В этом я резюмирую мнения всех, кто будет оценивать дело благочестиво, внимательно, в страхе божием; причем я уверен, что в этом выражается не суетность фантазии, а истина самих вещей. Таким образом, пансофия, открывая эти тройственные христианские тайны, служит вечному триединому Ягове², единому всеильному, мудрому и благому и вечно посвящена поклонению ему.

¹ «Трихотомией» называется логический прием деления понятий и классификации их по трем признакам или в три группы.

² Древнееврейское название бога — Йегова, или Ягова.

**Аналогия с
названием
«пансофия».**

108. И пусть никого не оскорбляет слово «пансофия». Мы знаем единого «Пансофа», — единого мудрого бога (Римл., 16, 27). Мы же говорим о человеческой пансофии, т. е. о значении того, что бог хочет, чтобы мы знали. Что сокрыто от нас, то находится у господина бога; то же, что он открыл, он открыл нам и сынам нашим. (Второз., 29, 29). И мы убеждаем смертных, чтобы они не игнорировали этого из-за тщеславной неблагодарности.

**Почему
пансофия
называется
«христианской».**

109. Во Христе скрыты все сокровища мудрости и науки (Колосс., 2, 3); мы же объясняем здесь преимущественно тайны Христовы, для того чтобы люди признали, что ими руководит его дух, и поняли, как через посредство его и вечной мудрости и силы божией, было все сотворено и все происходит, пока не настанет конец, когда он передаст отцу царство и всю власть и все могущество (1 Кор., 1, 24). Почему же нам не быть гордыми тем, что мы вместе с Христом передаем истинное и спасительное знание всех вещей? Пользоваться пансофией прилично именно нам, христианам, а не кому-либо другому, так как вне христианства пансофии нет и быть не может. Еще Августин некогда утверждал, что только христианство есть истинная философия (в 3-й книге, «Против академиков», гл. 19). И действительно, вне божественной церкви нет Откровения, а без Откровения чувства человека не проникают за пределы настоящей жизни, эта же жизнь ограничена столь узкими пределами, что, рождаясь, мы уже умираем и конец ее тесно связан с началом... Чем же выдающимся может быть мудрость, собранная одними чувствами и лишь немного выходящим за пределы чувств умом, — мудрость, в течение нескольких дней тешащая нас теми или другими разукрашенными наслаждениями, а потом отпускающая нас с пустыми руками? Поэтому мудр тот, кто мудр для вечности. И пусть вместе с тем наши предшествующие слова научат возможно мудрее проводить настоящую жизнь. Отлично сказал в высшей степени озаренный муж: только одни христиане знают, потому что они говорят от бога; остальные же болтают вздор, так как говорят от себя.

110. Прибавлю, что пансофия есть правильный путь к святому незнанию: она одна может научить нас тому, что вся наша наука есть не что иное, как тень, если ее сравнить с блеском той светлой мудрости, каковая есть в боге.

**Тройное
обоснование
названия
«пансофия».**

111. Пансофию, или всеобщую мудрость, надо изучать так, как мы рекомендуем и пытаемся испытывать, т. е. в трех отношениях: во-первых, в отношении к самим вещам, против пренебрежения которыми мы предостерегаем, доказывая, что силы человеческого ума надо развивать для покорения всего существующего; во-вторых, в отношении наук, которые, по нашему убеждению, представляют собой не разрозненные знания, а единую науку, обнимающую все. В-третьих, в отношении тех, для пользы которых создается наука, а именно: для пользы всех тех, кто называет себя «христианами». Соответственно этому можно надеяться и на тройную пользу от этого сочинения, а именно: для людей образованных, для юношества в школах и для всей массы христиан.

**Почему надо
говорить
о «Двери
в Пансофию».**

112. Однако, мы предприняли написать не «Пансофию», а «Дверь в пансофию», так как мы прослеживаем не все и не во всех отношениях (это было бы бесконечной задачей, далеко выходящей за пределы сил одного человека), а лишь главные и основные черты всего. Высшей целью богослова является (и должно являться) — указывать людям путь к тому, чтобы проникнуть сквозь все видимое и внешнее к невидимому и вечному. И кто будет иметь право поставить мне в вину, если я сделаю для этой цели не особенно много и кое-что не вполне отчетливо! Почти вся наука юристов посвящена тяжбам из-за земных и преходящих вещей, т. е. из-за мелочей и пустяков. И повидимому, они сами признают, что их не касается более возвышенная мудрость. Ибо Б е з о л ь д — мудрейший правовед нашего времени, пишет (в конце своего рассуждения о совокупности всех наук) следующее: «Я позволил бы себе определить «полиматию» (знание многого) как знание, состоящее из высших отраслей и из некоторой высшей мудрости занимающей всего более из богословия, много из медицины и мало что из юриспруденции».

**Почему так
трактует
это богослов**

113. Поэтому я не оправдываюсь в том, что я, богослов, пытаюсь указать пробелы такого рода полиматии (или, точнее говоря, «памматии», — всезнания). Скорее я горжусь тем, что я получил от господина моего благодать явиться хоть каким-нибудь органом для прославления его милосердия. Евангелие, данное Иисусом Христом, для меня священно и дороже самой жизни. И я не хочу ничего и не стремлюсь ни к чему, кроме как к тому, чтобы быть верным истолкователем его тайн. Господь сказал Петру не только: «паси овец моих», но и «паси агнцев моих» (Иоанн, 21, 15). Поэтому я знаю, что для меня всего более подходящим будет содействовать богословам в том, чтобы они серьезно заботились о возвращении как тех, так и других на плодородные пастбища в горах Израиля, где они покоились бы на зеленющих травах и паслись бы на тучных кормах (Иезекииль, 34, 13), особенно после рассеяния божьего стада (если оно когда-либо случится из-за нападения зверей), — чтобы овцы и агнцы божии как можно скорее собрались опять вместе. Поэтому я с пророком благословляю господина, который напоминает мне, что я тот, кто слушает и познает.

**Необработанность
стиля.**

114. Я не буду извиняться за необработанность стиля. Я не мог, да и не хотел шекотать слух. Этого в мире и без меня более чем достаточно. Для дела важнее, чтобы умы образовывались для чистой и простой мудрости, а это произойдет легче, если вещи будут представлены в обнаженном виде, без прикрас и отделки. Поэтому я только стараюсь выразить смысл, черпая с полным основанием вместе с П л и н и е м надежду, что разум хороших и ученых людей поставит пользу и поддержку выше правящей приятности, что они предпочтут краткое и сжатое изложение сущности дела качествам стиля.

**Требования
автора:**

1. Чтобы его читали без предубеждения. 115. Я больше всего прошу и заклинаю, чтобы никто не произносил обо мне поспешного суждения, не рассмотрев дела. И я боюсь этого не напрасно: я знаю, как легко и с какой надменностью некоторые, ослепленные великими именами древних, отвергают все

новое как совершенно фантастическое, не считая даже достойным его выслушать и увидеть. Но им следовало бы помнить изречение Соломона: «Кто отвечает, не выслушав, показывает себя глупым и бестолковым» (Притчи, 18, 13). Я прошу не того, чтобы люди услужливо давали мне одобрение в деле неизученном, а чтобы они посмотрели, бросает ли предлагаемое ясный свет на вещи, дает ли, как обещает, бесспорные перлы истины. Я, по крайней мере, совершенно убежден свидетельством самих вещей в том, что это так. Однако так как мышление смертных робко и наши предвидения недостоверны (Премудр., 9, 14), то я охотно приглашаю к рассмотрению всех, кого бог наделил живым умом и острым суждением, так, чтобы они могли вникнуть в кратко изложенные всеобщие истины относительно вещей. Таких людей я хочу просить, во-первых, чтобы они, сняв очки предвзятых мнений, рассмотрели свободным умом и в чистом свете это зрелище вселенной, судя о вещах не согласно ранее слышанному, а сообразно с самими вещами, как мы их видим и осязаем. Если они не станут их наблюдать, то они обманут не вещи, а самих себя — подобно тому как тот, кто смотрит сквозь окрашенное стекло, окрашивает [ошибочно] не вещи, а свои зрительные образы. Поэтому надо остерегаться обращать больше внимания на свои мнения, чем на истинность вещей. Я надеюсь, что для всех благоразумных людей будет большим удовольствием, если мы, полагаясь на способности (*privilegium*), которыми мы все одинаково одарены, будем рассматривать вещи свободно, без посредников и будем изучать не мнения о вещах, а обратимся к рассматриванию, ощущиванию самих вещей, к их выделянию, к овладению ими. И пусть никто не заподозрит, что мы хотим отвергнуть чужие мнения для того, чтобы дать место нашим. Нам чуждо такое тщеславие. Мы не делаем и не будем делать ничего другого, кроме того, чтобы из [тройного] списка божия (из природы, Писания и совести) просто переписывать в наши таблицы вещи настоящего и будущего века — так, как они проносятся. Если мы сделаем это недостаточно хорошо, то это будет с нашей стороны вина, но не обман. Мы слишком слабы для того, чтобы стараться создавать учеников себе, и достаточно смелы для того, чтобы подготавливать таковых природе, богу (и своей совести).

Почему мы не приводим авторитетов 116. С этой целью мы сделали новый обзор (*anatomiam*) мира, чтобы тех, кто ищет не мнений, а истины, можно было перевести от человеческих книг к книгам божественным. И это не потому, чтобы мы презрительно относились ко всяким авторитетам, но потому, что мы считаем справедливым, чтобы они отошли в сторону на то время, пока мы углубляемся в сами вещи, — так как мы знаем, что авторитеты применяются во вред свободе суждения. В первой и во второй книгах нашей «Пансофии» мы цитируем кое-что из философов, чтобы установить основы пансофии, однако не как таковые, а в умах тех, кто, имея предвзятые мнения, должен быть их лишен, должен начать пользоваться, в качестве советчиков, теми авторами, которыми до сих пор пользовался в качестве руководителей. Мы крайне редко и лишь в важных вопросах цитируем других авторов, которые уже раньше отметили ту же истину, какую излагаем

мы, — притом не в качестве судей, а в качестве свидетелей, от которых необходимо исходить, — для того, чтобы разумные суждения всех людей совпали с тем, что вытекает из основания истины.

2. Надо читать
сплошь, а не
отрывками.

117. Во-вторых, я прошу, чтобы о наших воззрениях составляли обоснованное суждение, изучив в них все от начала до конца. Если кто-нибудь не понял, из какой основы все возникает и каким образом все связано, то напрасно он будет пытаться судить об отдельных вещах, рассматриваемых с этой точки зрения, так как бессистемное расположение вещей легко причиняет трудности даже в легких случаях. Всякий сможет взойти на самую высокую башню и сойти с нее, если он идет по ступенькам.

Значение
постепенности
градации

Но уничтожьте несколько ступенек, и тотчас он либо не сможет двинуться вперед, либо окажется в пропасти. Или если живописец начинает рисовать чье-либо изображение, то никто не может быть настолько опрометчивым, чтобы решиться перечеркнуть его рисунок, хотя бы, быть может, по первому взгляду он ему и не понравился. Нет, ибо он выжидает, пока изображение не будет закончено, и только тогда решает, соответствует ли рисунок оригиналу. Так же и о комедии не следует судить по одной сцене, по одному акту, а тем более — по одному пассажу, так как в них может быть что-либо, что покажется запутанным и нелепым. Искусство автора видно по тому, как он разрешает весь конфликт.

3. Я прошу,
чтобы те, кто
могут, восполнили
наши недостатки.

118. Наконец, я прошу, чтобы образованные читатели, помня о моем намерении, не позволили мне отойти от моей цели, — все равно, будет ли правильно или неправильно то, что я предложил; а именно, чтобы это дело служило успехам нашего века. Либо я ничего не понимаю, либо то, что я предлагаю, сможет многим открыть глаза, научить их лучше мыслить об изучении наук (*litterarum studiis*), а через это — и о школах, о церкви, о государстве и о всем роде смертных. Кто первый постарается использовать перед людьми образованными это мое сочинение, имеющее целью побудить новым начертанием универсального, истинного и основательного образования к улучшению чего-либо из теперешнего устройства учебного дела, тот пусть ободрится духом. Во всяком случае, мы правильно поставили цель, к которой должны быть направлены старания всех смертных (если они не хотят исчезнуть навеки). Мы расположили в ясном порядке средства, ведущие к этой цели, и открыли безошибочный способ использования этих средств. И, наконец, на материале всего познаваемого мы даем образец того, как все знания сходятся в едином знании. А если где есть у меня промахи — потому ли, что я недостаточно выполнял поставленные мною задачи, или потому, что я недостаточно точно ориентировался в намеченных мною рубриках — я не считаю нужным просить в этом извинения: я надеюсь легко получить снисхождение у разумных и понимающих дело людей — ввиду огромного количества затронутых вопросов, не посильного для одного человека, и тончайших различий между вещами, легко укрывающихся от остроты одного ума.

Один человек
не может
сделать всего.

119. И это особенно потому, что до сих пор не было видано, чтобы ум одного человека что-либо изобрел и довел до полного совершенства. Ведь либо я, маленький человек, возьму на себя то, в чем, как я вижу, отказано всем, либо от меня одного будут требовать того, чего никогда не требовали ни от кого. Для сил и заслуг одного человека (если можно говорить о том, в чем надо признать единственно славу божью) достаточно дать начало для дела, которое может быть потом завершено. И это завершение надо предоставить трудам других людей, дух которых захочет возбудить бог, как некогда он возбудил их к построению вещественного храма в своем святом граде Иерусалиме.

Увещание
к людям
образованным
относительно
серьезного
изучения
пансофии.

120. Чтобы побудить их, бог велел пророкам обратиться к ним с увещанием. Народ говорил: еще не пришло время строить дом божий... Как будто настало уже время вам жить в домах разукрашенных (*laqueatis*), а дому божьему пребывать заброшенным? И так говорит господь воинств: «Положите сердца ваши на путях ваших; вы посеяли многое и собрали мало; вы ели и не насытились; вы пили и не опьянели; вы укуты-вались и не согрелись; и тот, кто собирал деньги, опустил их в дырявый мешок. Так говорит господь воинств: положите сердца ваши на путях ваших». (Аг., I). Услышьте вы, руководители наук и мудрости во святом христианском народе, вы, из которых большинство действительно делает и испытывает нечто подобное. Не время теперь, говорят многие, браться за какую-то высшую мудрость, — ее надо предоставить будущей жизни. И очень многие, обольщая себя такими соображениями, успокаиваются на бесполезном и смутном познании вещей и на других своих частных утехах. Какая от этого польза? Вы сеете многое, говорит глас божий (т. е. вы кладете много труда на дело образования умов), но вы мало собираете в житницы ваши. Вы поглощаете (даже пожираете) книги, но не насыщаетесь. Вы пьете из любого попадающегося вам источника, — и все вы укутываетесь [различными] покровами, отовсюду собираете плащи авторитетов, — и, тем не менее, никогда в достаточной степени не согреваетесь светом истины. Поэтому положите же, наконец, сердца ваши на путях ваших и решитесь строить с любой затратой труда и средств вместе с нами роскошный храм для обитания мудрости. Я говорю: мудрости, чтобы изящно создать при помощи божественного искусства театр по образцу [божественного] архетипа. В нем, как и подобает божественному начинанию, не должно быть ничего бесполезного, ложного, сбивчивого, — только полезное, истинное и приятное. В этот храм пусть будут призваны люди, бросившие пустое изучение преходящих вещей; пусть их пригласят к самым источникам истины и добра и отвлекут их от привычного тумана тщеты к обладанию прочными благами. И это случится, если такая дверь мудрости будет открыта в христианских школах для христианского юношества и если в них будут показаны ценнейшие сокровища мудрости.

**Настоящее
небольшое
сочинение
в своем
завершении
может служить
преимуще-
ственно
юношества,**

121. Есть и другие применение этого нашего небольшо-
го труда для наставления юношества; и оно очень
полезно. Ибо как для нового вина, по слову Христа,
всего более подходят новые мехи (Матф., 9, 17),
так и умы юношей, как новые и чистые сосуды, еще
не заполненные пустыми понятиями пустой науки,
всего лучше могут питаться новыми и более чистыми
понятиями, чтобы привыкать черпать не основанную

на предположениях и поверхностную, а реальную, обоснованную
и прочную мудрость. Я говорю: не такую мудрость, которая приспо-
соблена к пустой пышности уметственного щегольства, к школьным
состязаниям, а ту, которая служит приобретению основательных
суждений о вещах, умножению новых открытий и, наконец, надеж-
ному достижению конечной цели жизни — вечного блаженства.

**а также в
сильной
степени—
и всему
христианству.**

122. В-третьих, мы стремились еще к тому, чтобы
сооруженный таким образом амфитеатр божествен-
ной мудрости стал общим для всего человеческого
рода, чтобы весь христианский народ, какого бы то
ни было сословия, возраста, пола, языка, был при-

глашен и введен в рассмотрение и созерцание тех удивительных школ,
которые на виду у всех всегда и везде создает мудрость божия. Ибо
все, рожденные людьми, должны быть направляемы к одной и той же
цели — к славе божией и к своему собственному блаженству; и из
этого нельзя исключать никого: ни мужчины, ни женщины, ни
ребенка, ни старика, ни знатного, ни плебея, ни ремесленника, ни
селянина. Ибо все мы одинаково порождение божие (Деян., 17, 28);
всем посланным в мир одинаково заповедано: «придите и видите дела
господни» (Псалм., 46, 9). И наконец, всем приходится проводить эту
жалкую жизнь в неприятностях и в унынии духа (как свидетель-
ствует Соломон), так как все вообще нуждаются в противоядии против
тщеты жизни и в средствах для облегчения тоски. А такие средства
можно найти только с помощью истинной мудрости.

**Поэтому я пи-
сал на народ-
ном языке.**

123. Поэтому я хочу и заклинаю, чтобы мудрость
изучалась впредь не только на латинском языке,
чтобы она не оставалась запертой в стенах школ,
как это имеет место до настоящего времени, причем

народ и народные языки находятся в величайшем презрении, чем
им наносится величайшая обида. Пусть всякому народу все переда-
ется на его собственном языке и тем дается повод всем заниматься
свободными искусствами предпочтительно перед заботами этой жизни,
перед стремлениями к почестям, к богатству и к остальным сует-
ным вещам, как это постоянно бывает, причем человек растрачивает
свои силы и жалким образом губит свою жизнь и душу. И пусть
вместе с науками и искусствами получают изящную обработку и
сами эти языки. Поэтому я и решил издать эти наши сочинения,
если будет на то воля божия, как на латинском, так и на родном
языке. Ведь никто, зажегши светильник, не прячет его под спуд, а
ставит в подсвечник, чтобы он светил всем находящимся в доме,
по слову Христа (Матф., 5, ст. 25). Ведь на что нужны спрятан-
ные сокровища и скрытая мудрость? (Эккл., 41, 18)? Поэтому пусть
все, изучающие мудрость, стараются и в этом проявить ее блиста-

ние; пусть они говорят: «смотрите, — трудился не для одного себя, но и для всех, ищущих истины» (Эккл., 24, 39).

Основание заглавия. 124. С этой-то целью я и изменил несколько прежнее заглавие моего сочинения, поставив вместо Janua (Дверь)— Porta (Врата). Здесь название «врата» казалось мне более отвечающим цели. Ибо через «дверь» люди входят поодиночке, а через «врата» — целыми толпами. Дверь, после того как в нее войдут отдельные люди, обычно запирается, городские же ворота бывают всегда открыты. Таким же образом знание латинского языка, который прежде открывал путь к науке, доступно только некоторым; стремление же к мудрости обще всему человеческому роду. Через латинский язык входят желающие или те, кому это нужно; через родные языки, как мы уже показали, должны входить все, рожденные людьми. Поэтому пусть будут открыты врата, ведущие к мудрости. И дай, боже, чтобы мы уже в поднебесном мире увидели образ того, что ты открыл относительно будущего Иерусалима: чтобы врата его были открыты весь день, и чтобы больше не было ночи (Апокал., 21, ст. 25). Аминь!

Проф. А. А. КРАСНОВСКИЙ

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КОМЕНСКОГО — ИЗ ОПЫТА ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В САРОС-ПОТОКЕ.

Работы Коменского в Сарос-Потоке нашли свое отражение в ряде небольших педагогических трактатов: «О культуре природных дарований», «Пансофическая школа», «Воскрешенный Форций, или об изгнании косности из школы», «Похвала истинному методу», «О пользе точного наименования вещей», «Правила поведения», «Законы хорошо организованной школы».

1. Прекрасную прелюдию к этим работам составляет речь почти 60-летнего мыслителя от 24 ноября 1650 года на тему «О культуре природных дарований» (*De ingeniorum cultura*). В этой речи Коменский представляет, с одной стороны, увлекательные для каждого народа результаты образованности, всесторонне оздоравливающей народ и возвышающей его на высшие стадии благополучия, с другой, раскрывает средства, ведущие к такому образованию, и, наконец — с исключительным тактом ободряет венгров в их стремлении развернуть школу — рассадник истинного образования.

Около 300 лет прошло, а речь не утратила своей значимости. На смену «мудрому и красноречивому благочестию», господствовавшему в качестве идеала образования в школах той эпохи, Коменский выдвигает преимущественно светские задачи культурной, личной и общественной жизни. Так, характеризуя образованного человека, Коменский приписывает ему не только определенные новые черты внешнего поведения, но разностороннюю образованность и своеобразную деловитость (умное ведение дел на основании предварительного здравого обсуждения). Образованный человек «Между добром и злом жизни ведет себя так, чтобы само дело доказало, что он умеет различать вещи и может распознавать полезное от бесполезного».

Идеи Коменского являлись не столько описанием фактического положения дела, сколько идеалом, целью, к которой должны были стремиться народы и государства. Коменский приписывает образованным народам следующие черты: 1) гуманность, человечность в правах в противоположность варварскому зверству, грубости и жестокости; 2) порядок и стройность системы управления общественными и частными делами; 3) выполнение каждым на своем месте своих обязанностей по отношению к другим людям и по отношению к самому себе; 4) использование

J. A. COMENII
DIDACTICORUM
OPERUM

Pars III.

Exhibens ea quæ ab Anno 1650
Usque ad annum 1654 in Hungaria
fuerunt acta.

Quorum abactum sequens ostendet pagina.

Заглавный лист части Собрания педагогических сочинений Я. А. Коменского в Амстердамском издании 1657 г. в переводе на русский язык означает:

Я. А. Коменского
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Часть III

Заключает в себе произведения, написанные с 1650 года по 1654 год в Венгрии.

Перечень их показывает следующая страница.

Виньетка и надпись на ней означают то же, что и в первой части.
См. рис. на стр. 11

сокровищ всех стихий мира и недр земли («металлы, драгоценные и другие камни»); 5) использование каждого клочка земли и всех материалов вплоть до песка и уличной грязи; 6) обработка «даже самых бесплодных по своей природе областей», «становящихся столь возделанными, что они кажутся раем»; 7) изобилие не только всего необходимого, но даже предметов удобства и роскоши; 8) запасы всего необходимого (житницы, арсеналы, аптеки) на непредвиденные случаи: неурожай, нападение врагов, эпидемические заболевания; 9) если не изыщество, то во всяком случае опрятность всех слоев населения в одежде; 10) великолепные, многолюдные города, «полные произведений искусств и ремесел»; 11) законы, сдерживающие всех в определенных границах «до такой степени, что никому нельзя безнаказанно их переступать»; 12) безопасность, безмятежность и спокойствие

Contenta hujus Partis.

- I. De Vocatione in Hungariam relato.
- II. Scholæ Panfophicæ Clitibus septem adomandæ Declinatio.
- III. De reperiis Panfophicæ studii obicibus, deque tollendis illi deliberationes variae.
- IV. De ingeniorum CULTURA Oratio.
- V. De ingenio colendi primario instrumento, LIBRIS.
- VI. De reperiis ad Authores Latinos, legendos & intelligendos, brevis & amoenæ via, Scholæ Triclastræ.
- VII. Eruditionis Scholasticæ pars I., VESTIBULUM, Rerum & Lingvæ fundamenta ponens.
- VIII. Eruditionis Scholasticæ pars II., JANUA, Rerum & LL. fructuram exhibens.
- IX. Eruditionis Scholasticæ pars III., ATRIUM, Rerum & LL. ornatum exhibens.
- X. Fortius redivivus, sive, De polenda Scholæ Ignavia.
- XI. Præcepta Morum, in juvenutis usum.
- XII. Leges bene ordinatæ Scholæ.
- XIII. Orbis senilium pictus: sive, Polibolus ex Janua LL. Labyrinthum.
- XIV. SCHOLA LUDUS: h. e. Juvénis Lingvæ præcepta comica.
- XV. Laborum Scholasticorum in Hungaria obituum Comitia.

Amstel.

ANIMÆ SANCTÆ, illustratæ in Tabula septima. BEATUM SATURNUM, OPTICUM HONORUM EXERCITIUM, h. e. Juvénis Lingvæ præcepta comica.

жизни; 13) утонченность нравов и отсутствие грубости даже среди сельских жителей; 14) приветливость к иностранцам и вежливость ко всем, «кто к ним заезжает»; 15) отсутствие лени и нищенства; 16) занятие всеми науками и искусствами без всяких пробелов, осведомленность в открытиях и изобретениях, где бы они ни были произведены; 17) наслаждение музыкой; 18) мирная жизнь во взаимных отношениях, полная света, разума, благих пожеланий и чистой совести...

Только-что изложенные конкретные результаты (цели, задачи) образования, по мнению Коменского, настолько практически важны по своей сущности, что достигнуть их можно было не иначе, как решительным преобразованием традиционного содержания и методов преподавания в школах того времени.

* Уже заглавие этой речи показывает по существу новые основные педагогические принципы, которые выдвигает Коменский. Образование рассматривает он не в качестве чего-то внешнего по отношению к человеку, искусственно навязываемого подрастающим поколениям, а в качестве «культуры природных дарований». Из всех латинских слов и оборотов, которыми обычно обозначается у Коменского процесс образования (*formo, doceo, trado* и т. п.), Коменский пользуется здесь термином *colere, cultura* в смысле возделывания, взращивания того, что дано человеку от природы и что требует для своего выявления и оформления только некоторой помощи, поддержки, содействия. Таким образом, Коменский задолго до Руссо и Песталоцци, задолго до представителей немецкой просветительной литературы конца XVIII века формулирует принцип образования как развития естественных природных сил, легший в основу всей новой европейской педагогики. Не отрывая образования юношества от общественной среды, Коменский мобилизует на служение образованию все силы и средства: 1) родителей и кормилиц, 2) домашних учителей и воспитателей, 3) самые школы, 4) книги, 5) общение учащихся с учеными и деятельными людьми, 6) заботу правителей государств об открытии школ и подборе для них учителей, 7) собственную деятельную жизнь учащихся в сфере научно-культурных интересов.

2. Из трудов Коменского в Сарос-Петоке на втором месте следует поставить его трактат под названием «Пансофическая школа».

В оглавлении III части Амстердамского издания¹ это сочинение называется так: *Scholae Pansophicae Klassibus septem adornandae Delineatio*. (Очерк пансофической школы, организованной из 7 классов). Заглавный лист этого сочинения гласит: «*Schola Pansophica. Hoc est Universalis Sapientiae Officina, ab annis aliquot ubi ubi gentium erigi optata: nunc autem Auspiciis Illustrissimi Domini, D. Sigismundi Racoci de Felseovadas etc. Saros Pataki Hungarorum feliciter erigenda. Anno reddite Mundo Saluti MDCLI*». (Пансофическая школа, т. е. мастерская универсальной мудрости, издавна намеченная к созданию где бы то ни было на белом свете; теперь же под покровительством пресветлого господина Д. Сигизмунда Ракочи

¹ См. J. A. Comenii Opera didactica omnia, Pars III, p. 6, Amsterdami 1657.

счастливого создаваемая в Сарос-Потоке у венгров. В 1651 г. спасения мира). А в начале текста это сочинение озаглавляется кратко: «Scholae Pansophicae Delineatio». Впрочем, это скорее заглавие первой части трактата, чем всего трактата.

Первая часть этого небольшого трактата посвящена общей характеристике или общему проекту семиклассной школы, намечаемой к открытию в столице Семиградского княжества Венгрии — Сарос-Потоке. Вторая часть посвящена раскрытию содержания и средств образовательно-воспитательной работы по каждому отдельному из семи классов.

В первой части заключается 7 разделов: 1) то, что должно стать предметом обучения и изучения в семиклассной школе; 2) требования к составляющим школу лицам: учителям, учащимся, начальникам школ, попечителям; 3) содержание и характер учебных книг; 4) требования к школьному помещению; 5) распределение времени для занятий; 6) характеристика самих работ учителей и учащихся; 7) перерывы в занятиях и вакансии.

Все, подлежащее изучению в этой школе, Коменский предлагает изучать в трех порядках или рядах: восходящем, нисходящем и параллельноидущем.

Восходящий порядок сводится: 1) к соблюдению последовательности в переходе от изучения данных чувственного мира к изучению явлений, охватываемых преимущественно разумом, и только в конце — от охватываемого разумом к данным «откровения» постигаемым верой; 2) в переходе от изучения целого к изучению частей; 3) в переходе от простого к сложному.

Нисходящий ряд касается уже не столько порядка, в котором изучается мир, сколько распределения изучаемого материала по степени важности. И тут, стоя на богословских позициях, Коменский отдает предпочтение «духовным вещам перед телесными, небесным — перед земными, вечным — перед преходящими, следовательно, благочестию — перед образованием правов, нравам — перед наукой» и пр.

Третий вид порядка изучения, строго говоря, примыкает к первому виду: Коменский настаивает на параллельном или совместном изучении объектов и их словесного выражения в речи, и «притом так, чтобы предшествовало чувственное восприятие, затем следовало указание относительно правильного понимания и, наконец, присоединилось название».

Нельзя не видеть, что без противоречия можно осуществлять только два крайних вида порядка изучения объектов, первый — восходящий — и третий — параллельный. Второй же вид — предпочтение духовных вещей (бог, благочестие и т. п.) земным — совершенно нарушает два крайних вида порядка. Да иначе и быть не может, поскольку Коменский понятию «главного» придает спиритуалистический метафизический смысл, ни в какой степени не укладывающийся в систему совершенно правильно построенных на прочном научном основании двух крайних рядов — восходящего и параллельного.

В «Пансофической школе» ярче, чем где-либо, Коменский раскрывает содержание одной из его важнейших педагогических мыслей о значении и характере *упражнений*, подлежащих осуществлению в процессе учебно-воспитательной работы. Эти упражнения Коменский

сводит к 9 видам: упражнения 1) чувств, 2) рассудка, 3) памяти, 4) в истории, 5) в стиле, 6) в языке, 7) в голосе, 8) в правах 9) в благочестии. Уже перечень видов упражнений показывает нам, что Коменский ставит школе задачу не только формально развить природные силы подрастающих поколений, но и сделать каждого питомца разносторонне образованным человеком. Самое разностороннее образование он понимает в форме умения ученика вести себя надлежащим образом во всех положениях, какие ему придется занимать по окончании школы в обществе, на служебном посту.

Во второй части «Пансофической школы» Коменский раскрывает содержание образовательных занятий в каждом из семи классов. Каждому классу Коменский присваивает свое особое название. При этом первые три класса предназначаются для овладения латинским языком, и по характеру и глубине сведений из области латинского языка эти классы именуются по названиям составных частей дома богатых древних римлян: вступительным, входным и зальным. Четыре старших класса по содержанию изучаемого в них учебного материала называются философским, логическим, политическим и богословским, или теософическим.

Предметом особого исследования должно стать сравнение образовательного материала, намечаемого здесь Коменским для Сарос-Потокской школы, с материалом, намечаемым им в XXX главе «Великой Дидактики» для «Латинской школы». Во всяком случае, несомненно, что по богатству и разнообразию образовательного материала «Пансофическая школа» уступает идее «Латинской школы» уже тем, что в «Пансофической школе» не представлен в особом самостоятельном виде математический и физический (естествоведческий) материал. В «Латинской школе», по «Великой Дидактике», физический (естественно-научный) материал составляет содержание образования II класса, а математический — III класса.

Несомненно, что более скромное содержание образовательного материала в «Пансофической школе» продиктовано соображениями компромисса. Как известно, даже этот компромисс не помог Коменскому развернуть в Сарос-Потоке все семь классов «Пансофической школы». Венгерское дворянство было удовлетворено обучением его детей элементам латинского языка в первых трех классах и в своих образовательных стремлениях дальше этого не пошло. Косность дворянства нашла для себя реальную поддержку в косности не высоких по своей квалификации учителей. Так, Коменскому и не удалось подыскать группу «пансофически», т. е. всесторонне, научно-образованных учителей.

«Пансофическая школа» едва ли оставляет желать лучшего в смысле конкретности намечаемых ею условий и средств образовательного процесса. Здесь предусмотрены взаимные отношения и связи между изучаемыми объектами. Занятия распределены на главные, вспомогательные и дополнительные, раскрыто содержание учебных книг, домашних занятий, разумных развлечений и отдыха учащихся, намечены виды театральные представлений и т. п.

Коменскому не удалось в Сарос-Потоке опубликовать «Пансофическую школу». Впервые это сочинение появилось в печати только

в 1657 г. в Полном собрании его педагогических сочинений, изданном в Амстердаме.

3. На третьем месте из работ Коменского в Сарос-Потоке следует поставить его трактат «Воскрешенный Форций, или об изгнании косности из школы». Первая часть этого заглавия несколько случайна и вытекает из следующих обстоятельств.

В начале своей деятельности в Сарос-Потоке Коменский переиздал, как он сам называет, «золотое сочинение» Иоханна Форция «О способе занятий». Эта книга, однако, не произвела на венгерских читателей необходимого впечатления, и вообще оставалось неясным, прочитана ли она и что думают об идеях Форция венгерские читатели. Между тем личными наблюдениями Коменский вскрыл в венгерском обществе самое опасное для его педагогических идей препятствие в виде косности, инертности, беспечности к вопросам образования. Это препятствие Коменский сравнивает с мифологическим сказанием древних греков о многоголовом чудовище — гидре, обитавшей в Лернейском лесу. Борьба с лернейской гидрой самого Геркулеса, по мифологическим сказаниям, была безуспешна: на месте каждой отрубавшей Геркулесом головы у многоголового чудовища вырастало две новые головы.

И Коменский считает невозможным осуществление своих преобразовательных планов до тех пор, пока не будет устранена из школ эта косность.

Вопреки обычному мнению, предполагающему косность преимущественно в среде учащихся в виде лени, Коменский прежде всего видит эту опасность в среде учителей. Он видит учителей в отсутствии у них живого непосредственного интереса к научным знаниям, к заполнению пробелов в их собственном образовании, в отсутствии усердия в работе и преданности своему делу, в неряшливом исполнении своих обязанностей. Косность учителей, — совершенно правильно рассуждает Коменский, неизбежно передается учащимся. И наоборот, преданность учителей своему делу, их энергичный, живой интерес к образованию, накоплению знаний и умений неизбежно передаются и ученикам.

Коменский не оставляет в покое и руководителей школ в лице непосредственных начальников, попечителей, представителей светской и церковной власти. Если на учителей и учащихся Коменский возлагает непосредственную живую образовательную работу в школе, то на обязанность руководителей школ он возлагает заботу о подыскании хороших учителей, об улучшении их материального благополучия и высокого морального авторитета в глазах учащихся, систематическое посещение школ и справедливое поощрение учащихся и учащихся наградами и похвалами, заботы о постройке новых школ, о создании благоприятных условий для учащихся в интернатах... Вместе с тем Коменский не исключает борьбы с косностью путем наказаний, налагаемых на нерадивых учителей и учеников.

От наблюдательности Коменского не ускользает и источник семейных влияний в развитии и укоренении в учащихся косности и лени. Поэтому и от родителей он требует энергичной борьбы с ленью детей. Он требует от них поощрения детей к работе, а в раннем детстве — к играм, только бы устранить и из обихода семейных

влиятий, и из поведения учащихся отупляющий, бездеятельный покой.

Косность венгерской общественности, повидимому, причиняла Коменскому немало неприятностей и разочарований в его преобразовательных планах. В конце трактата слышится уже не только благодарное негодование автора, но и раздражение. На жалобы учителей о трудности новой грамматики Коменский обещает ответить обидным для учителя заглавием своей работы: «Философская грамматика, предназначенная к тому, чтобы ученики были учителями, а учителя — учениками». А в заключении он говорит о «силе любви, которая не останавливается даже перед тем, чтобы извлечь кого-либо за волосы из пламени или омута».

Случайность первой части заглавия («Воскрешенный Форций») и его непонятность для читателя дает нам основание позволить себе вольность и оставить в заглавии только вторую часть — «об изгнании косности из школ», оговорив эту вольность в примечании.

4 — 5. Следующее место в сарос-потокских работах Коменского нужно отнести двум его небольшим по объему работам, посвященным вопросу о методе преподавания: «Похвала истинному методу» и «О пользе точного наименования вещей».

Первая из этих работ дает в аллегорической форме общую характеристику пропагандируемого Коменским метода. Свой метод Коменский сравнивает с ровной, гибкой и прочной нитью, которая, по мифологическим сказаниям древних греков, помогла выйти из запутанных лабиринтов греческому герою Тезею. С помощью своего метода Коменский, не без основания, рассчитывает провести учащуюся молодежь через запутанные лабиринты разнообразных научных знаний и преодолеть запутанность самих приемов преподавания. Сущность метода Коменский полагает в продвижении умов по пути анализа реального мира, а затем — в переходе от анализа к синтезу, т. е. к воссозданию целостного представления об изучаемом. На помощь анализу и синтезу Коменский привлекает еще третий прием — сравнение. Сравнение позволяет учащимся установить «похожее и непохожее, различное и противоположное и таким образом разобраться во всем множестве и разнообразии подлежащего изучению».

Вторая работа — «О пользе точного наименования вещей» — останавливает внимание читателя преимущественно на основном, везде защищаемом Коменским приеме умелого обращения с словесным выражением приобретаемых знаний для точного обозначения каждого понятия.

Самым большим пороком схоластики является вербализм, т. е. оперирование словами без изучения реальной действительности. Коменский же во всех своих работах ставит для образования задачу не усвоения слов, а постижения, понимания реального мира, реальной действительности. Чтобы преодолеть вербализм, Коменский и предлагает поставить слово, речь в соответствии с изучаемой действительностью. Поэтому к языку и речи, к словесным выражениям Коменский предъявляет три требования: 1) полноты, 2) параллелизма изучаемой действительности и 3) отчетливой продуманности в применении словесных обозначений к изучаемой действительности. Эти три свойства речи неразрывно связаны друг с другом. Полнота предпола-

гает отражение в языке всего, что существует в реальном мире, «если для всего, что существует и имеет свою собственную, отличную от других сущность, имеется также и свое особое название». Язык, следовательно, должен быть адекватным реальной действительности и вместе с тем — энциклопедией, отражающей реальную действительность. Таким образом, будет осуществлено второе требование — параллелизма слов и реальной действительности: каждое реальное явление должно быть обозначено соответствующим словом или названием, и, наоборот, каждое слово должно иметь в реальной действительности тот предмет или то явление, которые обозначаются данным словом. А такой параллелизм между словами и реальной действительностью дается только в результате внимательного изучения реальной действительности и наиболее совершенного понимания ее. Без тщательного изучения и понимания реальной действительности, ее составных частей и способов ее проявления невозможно достигнуть точности языка.

Таким образом, Коменский доказывает и разъясняет одну из важнейших задач образовательного процесса и вместе с тем подчеркивает и твердо устанавливает как самый путь овладения языком, так и исключительную образовательную ценность учебных занятий, направленных на изучение языка.

6. «Правила поведения» (*Praecepta morum*) первоначально были составлены Коменским во время его пребывания в Венгрии в назидание обучающимся в Сарос-Потоцкой школе в 1653 г. Об этом сам Коменский упоминает в «Законах хорошо организованной школы» (XI). Затем эти «Правила» вошли в Амстердамское издание сочинений Я. А. Коменского (*Opera didactica omnia, Pars III, p. 776 — 783*). В основе этих правил лежат аналогичные наставления для чешского юношества, многократно издававшиеся в Чехии с 1528 по 1629 год (См. примечание 1, стр. 73 вводной статьи к изданию «Правил» *Veškerych Spisuo Jana Amosa Komenského, Svazek IX. Red. Prof. Kadněr, V Brně 1915*).

В XVII—XVIII веках эти «Правила» перерабатывались и издавались в стихотворной форме (см. там же, стр. 74). У нас на русской почве аналогичное положение и значение занимают правила поведения, изложенные в «Домострое», а в эпоху Петра I — в сочинении под заглавием «Юности честное зерцало».

7. «Законы хорошо организованной школы» (*Leges Scholae bene ordinatae*) были написаны Коменским в Венгрии в 1653 г. для организованной там по его идеям школы в Сарос-Потоке.

Было бы недооценкой назвать это произведение Коменского обычным «уставом» для школы, а следовательно, продуктом исключительно организационно-административного творчества. В действительности это не просто «устав» для школы, а специальный трактат, раскрывающий сущность школы как особой организации культурной общественной работы по воспитанию подрастающих поколений. Больше того, это произведение можно без преувеличения назвать одним из первых трактатов по школоведению. В своеобразной сжатой форме законов Коменский дает здесь решение глубоко важных принципиальных проблем: самого понятия школы и ее составных элементов, взаимоотношения между школой, государством, церковью, семьей, взаимоотношения между учителями и учениками, между учителями

и школьным начальством, а также конкретное оформление в условиях школьной работы таких педагогических понятий, как метод. Вместе с тем Коменский с исключительной проницательностью взвешивает роль в педагогическом процессе его условий (место, время, образ жизни учащихся и учащихся и т. п.) и составных элементов педагогического процесса.

Классически отточенной является формулировка Коменским составных элементов педагогического процесса. Заметим, кстати, что эта формулировка осталась непонятой и запутанной в старых переводах «Законов»: с немецкого — Адольфом и Любомудровым и с латинского — под редакцией П. Ф. Каптерева. В нашем переводе в точном соответствии с латинским источником эта формулировка звучит так: «Так как в школе сталкиваются: I — *работы, подлежащие осуществлению* (res agendaе), II — *действующие лица* и III — *узы, связывающие то и другое, т. е. дисциплина, то работа, лица и дисциплина* должны быть приведены в соответствующий порядок» (I, 2).

Не менее отчетливо и глубоко раскрыто Коменским содержание первого из названных составных элементов педагогического процесса работы: «Работа (res) заключается частью в *главнейшей цели*, ради которой существуют школы, частью в *средствах*, предназначенных для достижения цели — *место, время, образцы* того, что нужно делать, *книги*, — частью в способе действия, или *методе*» (I, 3) (курсив взезд Коменского).

Эта гениальная способность Коменского разбираться в сложнейшем переплетении тончайших составных элементов педагогического процесса и придавать каждому элементу отчетливую, ясную до осязаемости и краткую формулировку сказывается во всех частях трактата по школоведению. Таким образом, в 25 главах «Законов» на каких-либо 40 страницах мы имеем монументальное произведение классической педагогической мысли Коменского.

Вполне понятно, что, при всех достоинствах этого произведения, мы все же должны рассматривать его исторически. В «Законах» мы имеем картину бытовой и административно-организационной стороны школы XVII века со всеми особенностями классового происхождения и назначения школы в ту эпоху, со всем социальным окружением и идеологией, в атмосфере которых развивалась и жила школа в XVII веке. Отсюда вытекает и та исключительная роль, какую занимает в «Законах» «благочестие» учителей и учащихся, роль представителей церкви и государства, требования к родителям, опекунам, частным учителям, фамулянтам (слугам) из студентов и т. п. А потому на основании «Законов» можно ясно себе представить состояние хорошо и плохо организованной школы XVII века.

Составленные для Сарос-Потоковской школы «Законы» остались непринятыми в этой школе и впервые были опубликованы в печати в III части Амстердамского издания педагогических сочинений Коменского в 1657 г. На чешском языке «Законы» были изданы в 1876 г. Фр. Зубеком. На немецком языке «Законы» появились в печати в двух переводах: Паппенгейма (Gressler, Klassiker der Pädagogik, B. XVIII), и в переводе Беегера и Лейтбехера (Richter, Pädagogische Bibliothek, B. XI).

На русском языке в дореволюционное время опубликованы два перевода «Законов»: 1) с латинского языка под ред. П. Ф. Каптерева в изд. журнала «Русской Школы» (См. «Русская Школа» № 9 -- 10, 1893 г. и отдельный оттиск) и 2) с немецкого языка во II части Избранных педагогических сочинений Я. А. Коменского, книгоиздательства Тихомирова, перевод Адольфа и Любомудрова (второе издание 1911 г.).

Наш перевод сделан с латинского языка по IX тому Veskerých Spisuo Jana Amosa Komenského, Red. Prof. Kadner, Brno 1915, и сличен с текстом, помещенным в Амстердамеком издании 1657 г.

О К Л

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

Второе издание 1911 г.

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ.

О КУЛЬТУРЕ ПРИРОДНЫХ ДАРОВАНИЙ.

(De ingeniorum cultura.)

(Речь, произнесенная в главной аудитории Потокекской школы, 24 ноября 1650 г. Яном Амосом Коменским, Моравянином из Венгерского Брода.)

Перед вами выступает на сцену новый человек, для которого и вы сами являетесь новым обществом. Новизну эту доказывает настоящее необычайное собрание, на котором, как это и полагается при начале нового дела, присутствуют не только достопочтенные, знаменитейшие и ученейшие представители науки и церкви, но также знатные, благороднейшие господа и именитые граждане здешнего города и его окрестностей.

Вы удивлены, я полагаю, присутствием человека, видеть которого вам и на ум не приходило; для меня это также неожиданно, так как и у меня не было этого в мыслях. Как же это случилось? — спросим мы друг друга. Не к этому ли случаю применяются слова комического поэта: «С нами боги обращаются, как с мячиками: бросают куда хотят», или еще лучше — пророка: «Знаю, господа, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление шагам своим» (Иерем., 10, 23).

Действительно, мои собственные помыслы, а также и советы мне со стороны других людей¹, уже в течение нескольких лет клонились совершенно в другую сторону. Однако иначе направил шаги наши тот, который управляет всем: отвращая нас от Запада и Севера, он повелел идти к вам на Восток². Тогда-то именно Светлейшая княгиня Трансильванская и владетельница венгерских земель госпожа Сусанна Лорантфи³ из героического рвения к возвеличению славы божией, с благочестивым намерением, троекратно повторенными милостивейшими письмами соизволила вызвать и нас для совета о столь священном и трудном деле. Она намеревалась преобразовать на более широких и совершенных началах существующую в сем королевстве с самого начала церковной реформации славную гимназию — родо-

¹ Очевидно, имеются в виду советы Коменскому со стороны его английских друзей, убеждавших его заняться исключительно научно-исследовательской работой для построения «Пансофии».

² Под Западом имеются в виду Англия, Франция, Голландия и Вольные города Германии, куда неоднократно приглашали Коменского, а под Севером — Швеция, на службе у которой Коменский поработал почти 7 лет.

³ Мать молодого венгерского князя Сигизмунда Ракочи.

начальнику правоверных¹ венгерских школ. И я не мог противиться такому призыву, внушенному самим богом (таким признали его те, волей и сочувствием которых мне следовало руководиться²).

Богу угодно было, чтобы и сам я почувствовал в себе необыкновенное стремление к тому же. Явившись сюда на некоторое время, почему бы мне не испытать, что именно желает совершить через наше ничтожество десница того, который обычно для дел своих пользуется ничтожнейшими в глазах мира средствами.

О, если бы не напрасным обольщением было мое убеждение, что здесь оправдывается та старая поговорка, что бог «подобное приводит к подобному». Признаюсь, что я, смиренный раб Христа, искренно познал свою немощность и в сознании этой немощи охотно выискиваю те искры света, которые небесный отец светов не перестает ниспосылать нам, ученикам этой поднебесной школы, и с благодарностью воспринимаю их, откуда бы они ни посылались. Я также начинаю убеждаться, что и вас коснулось сознание своего несовершенства и вы всецело одержимы стремлением к лучшей, высшей и полнейшей образованности. Отсюда у меня возникает светлая надежда, что нас, объединенных в этом желании, не оставит благодать того, который мужам желаний, боящимся его, и кротким обещал милость свою и откровение пути своего. (Дан., 9, 23, Псалм., 25, 10, 13, 15). Итак, любезные мои венгры, вы, моя надежда, да мыслим право о госпoде, и в простоте сердца ищем его; человеколюбив бо дух Премудрости. (Премудр., 1, 1, 6), Любящих ее она любит, и усердно ищущие найдут ее. (Притчи, 8, 17). Для того же, чтобы мы уже начали искать премудрость теперь же, когда я впервые выступил перед лицом вашим, я почитаю долгом сказать вам: приступите с бодрым духом и выслушайте благосклонно, когда я буду держать речь о столь необходимом для нас с вами деле. Дай бог, чтобы вы не пожалели о том, что меня выслушали.

Какой же предмет рассуждения оказался бы достойным столь многочисленных слушателей, отвечающим нашим общим стремлениям и, наконец, мог бы послужить для нас побуждением к делу, которое предпринимается нами с самыми серьезными намерениями? Я избрал тему, припоровленную к месту, ко времени и к лицам и которая, благодаря предоставленному мне их светлостями случаю, вышла из-под моего пера (*sub manu mihi natum est*), а именно:

О КУЛЬТУРЕ ПРИРОДНЫХ ДАРОВАНИЙ

Чтобы высказаться об этом во славу божью и в честь тех, которые поручили нам это дело, я полагаю наиболее удобным для себя и для вас, а равно и отвечающим существу самого дела, вести рассуждение в следующем порядке:

¹ «Правоверными» (*orthodoxas*) школами Коменский считает реформатские школы в противоположность католическим.

² Несмотря на неоднократные приглашения, Коменский отправился в Венгрию только с разрешения Лешненской общины «чешских братьев» рассчитывавших на помощь чешским изгнанникам со стороны Трансильванского княжеского дома, игравшего первостепенную роль в Венгрии и оппозиционно настроенного по отношению к австрийским императорам из династии Габсбургов.

Во-первых, [раскрыть] что такое природное дарование и в чем заключается воспитание (*cultura*) дарований.

Во-вторых, [выяснить] что необходимо требовать, чтобы дарования не оставались необработанными, как дебри лесов или пески пустынь; но чтобы они были возделываемы тщательно, как мы обыкновенно возделываем огороды, виноградники и сады.

В-третьих, [показать] каким образом такое образование можно было бы удачно привить целому народу, в частности, есть ли условия для некоторого, более широкого, полнейшего и лучшего, образования природных дарований в вашем народе.

Наконец, так как нужно иметь в виду не только повод к столь высоким стремлениям, но и благоприятные для них условия, то в дополнение ко всему указанному нужно еще рассмотреть, почему вопрос ставится именно теперь и почему именно в этом городе. Почему это дело во имя божие должно быть начато именно нами, здесь присутствующими, без всякого дальнейшего отлагательства и без ожидания других, более благоприятных, обстоятельств. И каким образом.

Изложив все это по порядку и возможно кратчайшим способом, мы, с благочестивыми желаниями и искренними молитвами, представим все это делу богу и тем, которые здесь заступают его место.

Слово «дарование» в этом случае обозначает ту врожденную силу нашей души, которая делает нас людьми. Именно эта сила делает нас, созданных по образу божью, способными к пониманию всех вещей, к выбору из понятых нами вещей — одних лучших, к настойчивому достижению избранных, наконец — к свободному господству над вещами, уже достигнутыми, и к наслаждению ими, а через то — и к возможно большему уподоблению богу (который все ясно понимает, всего свято желает, всемогуще совершает и всем преславно управляет). Угодно вам подробнее слышать об этом? — Так слушайте!

Человеку прирождены — четыре части (*partes*) или качества (*gradus*), или способности (*facultates*). Первая называется ум (*mens*) — зеркало всех вещей, с суждением (*judicium*) — живыми весами и рычагом всех вещей, и, наконец, с памятью (*memoria*) — кладовой для вещей. На втором месте — воля (*voluntas*) — судья, все решающий и повелевающий. Третья — способность движения, исполнительница всех решений. Наконец, речь — истолковательница всего для всех¹. Для этих четырех деятелей в теле нашем имеется столько же главнейших вместилищ и органов: мозг, сердце, рука и язык. В мозгу мы носим как бы мастерскую ума; в сердце, как царица в своем дворце, обитает воля; рука, орган человеческой деятельности, является достойным удивления исполнителем; язык, наконец, — мастер речи, посредник между различными умами, заключенными в различных, друг

¹ Согласно психологическим понятиям своего времени Коменский различает в уме три рода функций: 1) воспринимающую образы внешнего мира, 2) оценивающую в виде суждения и 3) сохраняющую в сознании результаты первых двух функций. Воле Коменский приписывает функцию свободного выбора из того, что представляется благом. Самый процесс деятельности, руководимой суждением (разумом) и свободным выбором воли, Коменский объясняет механизмом деятельности органов чувств, а также рук и речи (Ср. «Выход из схоластических лабиринтов», § 33 — 43).

от друга разделенных телах, связывает многих людей в одно общество для совещания и действия. Так изваял нас наш творец! Этими четырьмя пределами ограничил он свой малый мир¹. Так осуществляем мы в себе все свойства божественного образа. Действительно, быстрый ум, облетая небо и землю, способностью понимания все покоряет, способностью суждения все разграничивает и распределяет и в сокровищницах памяти все складывает. Воля, со своей свободой решения, избирая из всего лишь то, что она облюбовует, и отвергая то, чего не одобрит, надо всем царствует. Рука, следуя предначертаниям ума и приводя в исполнение постановления воли, производит новое и только что не создает новые миры. Наконец, язык, перечисляя по мере надобности все то, что было обдуманно, высказано, совершено (или то, что еще должно быть обдуманно, высказано, совершено), и расцветивая все это своими красками, распространяет свет от света, приумножает его и от одних людей переносит к другим.

Итак, вы понимаете, любезнейшие слушатели, что природным дарованием в нас является то, благодаря чему мы представляем собою образ божий, т. е. маленьких богов, оставаясь, тем не менее, людьми. А отсюда, я полагаю, уже легко понять, в чем состоит воспитание природных дарований. Именно: в каком смысле о человеке говорится, что он усовершенствует поле, огород, виноградник или какое-либо искусство и, наконец, свое собственное тело, — в том же смысле можно говорить, что он усовершенствует и душу свою или свое природное дарование. Он совершенствует каждую вещь, приспособляя и принаравливая ее к своим потребностям, приготавливая, изощряя, сглаживая, украшая ее таким образом, чтобы она соответствовала своей цели и на деле приносила наибольшую пользу. Так поле, огород, виноградник тогда называются хорошо обработанными, когда они приносят много хороших плодов и овощей. Искусство считается хорошо усовершенствованным, когда оно легко и изящно производит свои творения. Тело выхолено, когда волосы хорошо причесаны, кожа гладка и здорового цвета и когда в работе оно проворно. Точно так же и духовное дарование человека будет тогда усовершенствовано, когда, во-первых, он приобретет способность обо многом мыслить и во все быстро вникать; во-вторых, когда он будет опытен в тщательном различении вещей между собой, в выборе и преследовании всякого одного доброго, а также в пренебрежении и удалении всего злого; в-третьих, когда он будет искусен и в выполнении совершеннейших дел; в-четвертых, когда будет уметь красноречиво и поучительно говорить для лучшего распространения света мудрости и для яркого освещения всего существующего (*res*) и мыслимого (*mens*).

Хочешь ли узнать хорошо образованного (*bene cultus*) человека? Наблюдай за его действиями и движениями, за его речью и даже молчанием, равным образом — за его походкой, посадкой, осанкой, глазами, руками и за всем, относящимся к нему: всюду будут просвечивать приличие, достоинство и любезность; всюду он будет верен

¹ Под «малым, миром», или микрокосмом, разумеется человек с его свойством отражать в себе весь внешний мир, именуемый в философии «большим миром» — макрокосмом.

сам себе; во всем изящен и аккуратен. Хочешь познакомиться с ним в деле? Все плавно идет под его рукой, так как всякое дело поведет он разумно, по предварительном здравом обдумании. Хочешь слышать его речь? Он может дельно рассуждать о чем угодно, не обнаруживая ни в чем постыдного невежества. Если, напротив того, ему надо молчать, то даже самое молчание он сумеет смягчить благоразумием и приличием, чтобы и из молчания его ты мог чему-либо научиться. Если он возвращается между людьми — одно удовольствие на него смотреть. Если ему когда-либо придется жить без сообщества людей, никогда он не будет чувствовать себя одиноким, так как он полон серьезных мыслей и утешения в работе. В жизни он так ведет себя по отношению ко всему доброму и злему, что на деле обнаруживает, что он умеет различать вещи и может распознавать полезное от бесполезного. Идет ли все по его желанию, — он не заносится, не гордится, не становится высокомерным. Впадает ли он в несчастье, — он все тот же: не опускается, не падает духом, не отчаивается. Одним словом, — «кто мудр, тот приспособится ко всевозможным обычаям» — говорит поэт. А мы скажем: кто мудр, тот всюду сумеет быть полезным и будет подготовлен ко всяким случайностям.

Если бы можно было показать тебе хорошо образованный целый народ, то ты увидел бы, что в нем все, или, по крайней мере, большинство именно таковы, какими я очертил отдельных лиц. Если желаете, чтобы я еще подробнее разъяснил вам это, я сделаю это путем сопоставления образованных народов с необразованными, или так называемыми «варварами».

1. Образованные люди суть истинные люди, т. е. человечны по своим правам; варвары же отличаются скотской грубостью или же зверской жестокостью, так что, кроме человеческого образа (если только они говорят, а не ревут), едва ли и признаешь в них что-либо человеческое.

2. Если ты присмотришься к порядку, господствующему в общественных и частных делах у хорошо образованного народа, там все идет, как часы; если затронута одна часть, приводятся в движение и все остальные: одно колесико толкает другое, и все определяется числом, мерой и весом. У варваров же все похоже на развязанный сноп или песок без цемента.

3. Возьми взаимоотношения людей между собой. В образованном народе все служат друг другу, каждый на своем месте выполняет то, что полезно ему и другим. У варваров же никто не считается с потребностями другого: все делается вразброд, а потому один другому мешает, и получается общая сутолока.

4. У образованных народов все стихии мира несут людям дань, и даже самые недра земли не могут скрыть от них свои сокровища (металлы, драгоценные камни и минералы). У необразованных все пропадает без пользы: они не умеют ни подчинять себе природу, ни сосать ее грудь, ни даже пользоваться ею тогда, когда она сама изливает на них дары свои. Отличнейший климат, плодороднейшая земля, удобнейшие для судоходства реки остаются без использования, как это можно видеть у американских народов, проводящих грубую жизнь, подобно диким зверям ¹.

¹ Имеются в виду туземные американские племена в том состоянии, в каком их нашли европейские переселенцы после открытия Америки.

5. Образованные народы не позволяют ни одному клочку земли пустовать, никакому материалу пропадать бесполезно. Деревья и хворост, камни и щебень, даже песок и уличную грязь они подбирают и находят всему этому известное употребление. У необразованных же, смотришь, — ничто не возделывается, сор и грязь кругом все гниет и разлагается.

6. Отсюда у первых даже самые бесплодные по своей природе области, не представляющие ничего, кроме песка, или скал, или болот и мхов, так хорошо обрабатываются, что кажутся раем. У необразованных же народов даже страны, сами по себе имеющие вид рая (где, как кажется, само небо вступило в брачный союз с землею), засоряются отбросами и теряют свою прелесть.

7. Вот почему образованные народы в избытке располагают не только всеми необходимыми для жизни предметами, но и различными удобствами, даже роскошью; тогда как необразованные едва имеют средства влачить жизнь, питаются по-звериному сырой пищей.

8. Образованные, заботясь и о будущем, обеспечивают себе все необходимое в жизни, — даже для непредвиденных случаев, какие могут их постигнуть: неурожая, нападения врагов, моровой язвы, или иных болезней. Они своевременно противопоставляют им благоустроенные житницы, арсеналы, аптеки. У варваров же не существует никакого разумного попечения о жизни, здоровье, безопасности; живут они изо дня в день, от случая к случаю; все у них необдуманно и случайно.

9. Народ образованный обнаруживает изящество своего ума даже красивой и изящной одеждой, так как все и каждый, малый и великий, знатный и незнатный, одеваются если не изысканно, то во всяком случае опрятно; тогда как необразованные ходят нагими или полунгими, в лохмотьях и рубищах, грязные и истощенные.

10. Образованный народ имеет великолепные многолюдные города, полные произведениями искусств и ремесл. У необразованного — вместо городов пустыри, а если он что-нибудь и называет городом, то это не более, как жалкие лачуги.

11. Образованные народы, связанные узами закона, содержат свои области, а в них города, села, дома, отдельные семейства и, наконец, самих себя в границах установленного порядка, так что никому нельзя безнаказанно их переступить. У народов же необразованных или ложно образованных место свободы занимает своеволие: кому что вздумается, тот то и делает, не зная ни в чем никакой узы.

12. Отсюда у первых все безопасно, безмятежно, тихо и спокойно, а у последних господствуют кражи, разбой и насилия; а потому нет истинной безопасности, и все полно козней и страхов.

13. У народа истинно образованного даже среди сельских жителей нет деревенской грубости: до того все проникнуто городской утонченностью нравов. У необразованных, наоборот, и горожане суть те же селяне, и сам город по правам — не что иное, как настоящая деревня.

14. Люди, принадлежащие к образованному народу, приветливы к пришельцам, ласково указывают дорогу, вежливы к тем, кто к ним обращается, остерегаясь причинить им какую-либо неприят-

пость. Варвары же или отталкивают от себя незнакомцев, или сами бегут от них и, во всяком случае, отпугивают их от общения с собой своими гнусными правами.

15. У образованных народов ленивые люди и здоровые нищие нетерпимы; их даже вовсе нет, так как каждое государство держит всех своих граждан в порядке и печется о своих бедных. У варваров — целые полчища ленивых людей, которые, поддерживая свое существование нищенством или воровством и грабежами или существуя в нищете и голоде, производят различные смуты и бедствия. И если с этим злом и борются, то только с помощью силы; и тогда начинается сплошная каторга, угнетения, казни и истязания.

16. Образованные, находя удовольствие в свободных науках и искусствах (*artes liberales*)¹, охотно занимаются ими, ни одного из них не выпуская из поля зрения. Они исчисляют звезды и измеряют небо, землю, пропасти и неведь что, не желая, чтобы где бы то ни было, хотя бы в отдаленнейших областях земли, воды, воздуха, что-либо происходило ими не понятое. Они стараются также узнать: бег веков, как далеко отстоим мы от начала мира, как скоро мы можем ожидать его конца, чтобы, имея перед глазами прошедшее, лучше располагать настоящим на пользу будущего. Необразованные [не только] всего этого, а даже и самих себя не знают, не задумываясь о том, откуда они пришли сюда, куда пойдут, что происходит с ними или вокруг них; а потому они несведущи в прошедшем, неразумны относительно настоящего, не приготовлены ни к чему, что предстоит в будущем.

17. Образованных улаживает лира Орфея², и они охотно предаются божественной музыке, чтобы, пленяясь сладостью звучной гармонии, тем лучше всюду ей внимать по примеру Давида и Соломона. Необразованные же — ослы в музыке; если услышишь между ними какие-либо звуки, то разве — нестройный гам пьяных или дикие гиканья неуклюжих плясунов.

18. Наконец, образованные живут между собой мирно, исполненные света, разума, благой воли и чистой совести, довольные богом и собой и радуясь своим сокровищам. Необразованные, не обладая ничем внутри самих себя, всецело предаются одной внешности и, гоняясь вместо вещей за призраками, становятся предметом насмешек, чахнут и, наконец, гибнут. И пусть гибли бы, если бы этой смертью они не обрекались бы заживо и на смерть вечную! Но если уж необходимо так бывает, что люди, не достойные этого имени, отклоняются от своего предназначения — блаженной жизни, то лучше бы им вовсе не родиться или, точнее, лучше родиться не

¹ Под «*artes liberales*» или просто «*liberalia*» в Средние века разумелись так называемые «свободные науки»; или «изысканные искусства». В состав *artes liberales* входили три науки (искусства) гуманитарного порядка: науки тривиума (*trivium*): грамматика, риторика и диалектика, — и четыре науки, послужившие зародышем реальных знаний, науки квадри-випума (*quadrivium*): арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Эти «свободные» науки или искусства противопоставлялись «несвободным» (*illiberalia*) искусствам, которыми считались ремесла.

² По древнегреческим мифологическим сказаниям, Орфей, сын Эагра и музы Каллиопы, славился своим талантом пения; своим пением он укрощал даже диких зверей и стихии мира.

людьми, а немой тварью, чем рождаться такими людьми, которые никаким человеческим образованием не возвышаются до истинной человечности.

Надеюсь, вы поняли теперь, благосклоннейшие слушатели, что такое человек или народ образованный и чем образованные отличаются от необразованных. Нужно, однако, сверх того, иметь также в виду, что верх человеческой образованности есть благочестие, или страх господень, который прославляется как венец премудрости (Сирах I, 18). Без этого же и самый образованный будет чистейшим варваром, ибо бог всех нечестивых называет бессмысленными и приравнивает их к скотам (Псалм., 49, 21 94, 8). Они умны — говорит господь — на зло, но добра делать не умеют. (Иерем., 4, 22). Называя себя мудрыми, обезумели. (Римл. 2, 5, 22). И еще: Как вы говорите: мы мудры, и закон господень у нас? Вот они отвергли слово господне; и нет в них никакой мудрости. (Иерем. 8, 8, 9). Такую мудрость апостол называет земной, животной, бесовскою (Иак., 3, 15), хотя сыновья Агари (люди плотские ¹) только и ищут этого земного знания; купцы земные и баснословы и исследователи знания, они не познают пути истинной премудрости и не помнят стезей ее. (Вар., 3, 23). Так как между образованнейшими народами Европы встречаются и такие, которые образованы не по образу божью, а по образу сатаны, то я должен вас, мои дорогие, предостеречь, чтобы кого-либо не сбilo с толку слово «образование», которое одинаково относится к людям, изощренным как во зле, так и в добре. Лучше вовсе не получить образования, чем приобрести его для мирских сует, гордости, обманов, хитростей, нечестия или лицемерия; лучше остаться народом грубым, но простым и богобоязненным (каковы были в первые века, во времена патриархов), чем приобрести тот лоск, которым прикрывает себя свет. Однако же и грубое невежество влечет за собою незнание бога и пренебрежение к улучшениям, тогда как истинное познание всех вещей есть путь к познанию бога; а чем более мы познаем его, тем более любим. Да исчезнет же злоупотребление образованием и останется одна польза от него!

Об истинном же и спасительном образовании людей я, сверх того, добавлю, что никто не может сделаться образованным без воспитания или культивирования, т. е. без прилежного обучения и попечения ². Если же скажут или подумают, что «духовное дарование есть дар божий и вложено в нас его десницей, а потому может ли человек совершенствовать дела божии?», — то я отвечу: те дела божии, которые Творец изъял из нашей власти, действительно не могут быть ни изменены, ни, тем более, усовершенствованы нами, как, например: внешний вид мира, течение звезд, небесные явления и т. п. Все же то, что он вложил в нашу руку или душу, он как бы подчинил нашей власти, так что от нашего усмотрения зависит приспособить все это к нашим потребностям и с этой целью перемещать, перделывать, отшлифовывать, т. е., вообще, совершенствовать. Здесь подразумеваются камни, металлы, травы, дерево, животные и само наше тело.

¹ По библейским сказаниям, Агарь была наложницей Авраама, поэтому ее дети и считались детьми «плотскими», т. е. низшими по своим качествам сравнительно с детьми законной жены.

² Сравни «Великая Дидактика», главы V и VI.

На равном основании Премудрый строитель восхотел, чтобы в нашей власти и на нашей обязанности было совершенствовать и свои врожденные способности: ум, волю, руку, язык, чтобы каждая из них прямо-таки блистала своей отделкой и отвечала своему назначению. Ибо, если бы он что-либо из дарованного нам, или нас самих, изъял из нашей власти, то этим он умалил бы в нас то величие, которым нас украсил (т. е. свой образ). Однако же он не пожелал умалить его, а потому предоставил нам право распоряжаться собой так или этак и самих себя усовершенствовать с его помощью. Итак, нам нужно такое образование, которое делало бы нас способными всегда все правильно разуметь, желать, делать, высказывать; только тогда, достигнув умом, душой, рукой и языком должного совершенства, мы будем справедливо называться людьми. Отними образование духа, и ты увидишь, что люди, хотя и пасутся и тучнеют чревом, но скудеют духом; здороваются телом, но болеют душой; блестят кожей, но грязны совестью. Ибо почему для человека, земной твари, должны существовать иные условия, чем для других земных тварей? Взгляни на драгоценный камень, лучезарно блистающий в царской короне или на княжеском пальце. Таким он, полагаешь, и родился? Ошибаешься, если так думаешь. Он родится шероховатым, темным, грязным; ты бы его и с земли не стал поднимать. Чтобы он заблестел, надо его скоблить, чистить, пилить, гранить, обтачивать, выравнивать, обтесывать, всячески шлифовать и полировать. Даже грубый камень, служащий для постройки домов, башен, стен, колонн и других подобных потребностей, может идти в дело не иначе, как ограненный, вытесанный и установленный нашей рукой. Равным образом металлы, созданные для важнейших потребностей нашей жизни, приходится вырывать, плавить, очищать, отливать и ковать различным образом: иначе пользы от них будет не больше, чем вот от этой земляной грязи. От растений мы получаем пищу, питье, лекарство; однако травы и хлеба нужно для этого сеять, бороновать, косить, молотить, молоть, толочь; деревья — сажать, подчищать, удобрять, снимать с них плоды, сушить последние и т. д.; еще более сложной и разнообразной обработки требуют они, если предназначаются для изготовления лекарств или для строительных целей. Животные, например такие, которые служат нам самой своей жизнью или же как тягловая сила, повидимому, хотя и сами могут все добывать для поддержания самих себя, однако, чтобы пользоваться их работой для тех потребностей, для которых они нам дарованы, ты никогда не обойдешься без предварительного их приучения. Вот, посмотрите: конь рожден для войны, бык — для упряжки, осел — для вьюка, собака — для сторожевой службы и охоты, сокол и ястреб — для ловли птиц и т. д.; однако, если ты каждого из них не приучишь к его делу, они ничего не будут стоить. Так и человек: его тело предназначено для трудов, однако мы видим, что, кроме голой способности, ему ничего больше не прирождено. И сидеть, и стоять, и ходить он должен быть постепенно приучаем; даже есть и пить он не умеет без приучения. Откуда бы явилось такое преимущество для нашего ума, нашей воли, нашей руки, нашего языка, чтобы последние могли, без предварительной подготовки, в совершенстве исполнять свои обязанности? Нелепо было бы даже это и предположить, ибо для всех тварей существует один закон:

получать начало из ничего и постепенно возвышаться и совершенствоваться как по своей сущности, так и по действиям.

Итак, необходимо все дарования развивать в совершенстве, чтобы родившийся человеком учился и действовать по-человечески. Но прежде всего необходимо, чтобы такую обработку получали те, кто должен стать зеркалом, правилом и опорой для других, т. е. кто предназначен к управлению какой-либо частью человеческого общества: семьей, школой, городом, царством. Но надо наставлять и тех, кого природа предназначила к подчинению, чтобы они умели разумно покориться и повиноваться порядку. Надо обучать бездарных, чтобы они доставляли какую-нибудь пользу, хотя бы ремесленным трудом; надо обучать даровитых, чтобы, по чрезмерной подвижности ума, они не ударились во зло и не погибли бы от собственных заблуждений. Хорошим натурам образование нужно для того, чтобы предохранить их от испорченности; нужно оно и испорченным, чтобы исправить их природные недостатки: так было, по его собственному признанию, с Сократом, испорченная и склонная к порокам природа которого была исправлена благодаря воспитанию. Одним словом: как плодородная земля при отличной обработке становится раем, а если остается в небрежении — печальной пустыней, наполненной крапивою, тернием и гадами, так и дарования при прекрасном воспитании совершенно уподобляют нас ангелам и даже самому богу, образ которого отражают; оставленные в пренебрежении, низводят нас к скотам, а совершенно отдалившись от своего первообраза, увь, — даже к самым нечистым духам! Итак, усовершенствование природных дарований, которое одно может возвысить нас до уподобления богу, необходимо людям более всех сокровищ мира, почестей, удовольствий и всего, что только может входить и обыкновенно входит в круг наших желаний, и потому оно должно быть высшей целью наших стремлений.

Теперь спрашивается: возможно ли культуру природных дарований распространить на какой-либо народ в целом, и каким образом можно было бы легко привить ее народу еще недостаточно образованному. Впрочем, я не вижу нужды ставить вопрос об этой возможности, когда об этом свидетельствует самый факт наличия у многих народов блестящей культуры, хотя и едва ли вполне совершенной у какого бы то ни было народа. Очевидно, однако, что возможно быть и вполне образованным, если отнестись к этому делу с серьезным усердием и желанием, так как вовсе не трудно, а тем более не невозможно направлять известное дело туда, куда оно уже само по себе клонится, только бы были устранены препятствия и разумно направлялось само его природное стремление. По крайней мере, не требуется особенного искусства, чтобы из птицы наверняка сделать птицу, из коня — коня, из воды — воду, из камня — камень (т. е. достигнуть того, чтобы птица летала, конь бежал, вода текла, камень лежал там и так, как тебе угодно), а следовательно, — и из человека сделать человека, если только знаешь способ для этого. Ибо природа всех людей одна и та же. Если хорошо знаешь одного, — знаешь всех; если умеешь сделать образованным одного, — сумеешь и всех. Многим даже без чужого руководства, по внушению более щедрой к ним природы, удается достигнуть того, что они находят в самих

себе и учителя, и ученика, и учение, и путь или метод учения. Я разумею самоучек, которые, без постороннего руководства, становятся учеными, честными, предприимчивыми и красноречивыми. Правда, не все бывают так счастливы, и многим достаются в удел более скромные способности, но, как справедливо пел Гораций:

Столь дикого нет никого, кто не мог бы смягчиться,
Если к учению свое ухо с терпением приложит,

так как (говорит О в и д и й)

Ведомо, что уж одно изучение искусств благородных
Нравы смягчает всегда и дикими быть не дает¹.

И в самом деле, каким бы человек ни родился, он рождается человеком, т. е. (как сказал К л и м е н т А л е к с а н д р и й с к и й) «одушевленным полем», а потому (добавляет Г и п п о к р а т) «какова роль семян в отношении к земле, такова же и роль знания в отношении к человеческому духу». Как нет такого несчастного поля, которое, будучи возделано, не восприняло бы каких-нибудь семян и не принесло бы плода, так едва ли бывают окончательно бесплодными и дарования, если только они возделываются прилежно, получая всяческую, какая только возможна, помощь. Средств, служащих общему развитию [человека], восемь. Я скажу о них, вы же выслушайте только и тогда вы поймете, что вам советуют дело, во всех отношениях прекраснейшее и легко осуществимое.

I. Первое средство состоит в том, чтобы родители и няньки полагали первое основание счастливому развитию природных дарований, старательно заботясь, чтобы с детьми не приключилось чего-либо пагубного для их жизни, здоровья, чувств, нравов. Об этом многое следовало бы сказать, но здесь не место. Мы написали по этому предмету, еще 18 лет тому назад, особую книгу под заглавием *Schola materna* — «Материнская школа» — на немецком и польском языках². Там описывается, какие обязанности лежат на родителях в отношении их ребенка: до того, как они его зачнут, пока мать носит его в утробе, во время появления его на свет и в его нежнейшем, требующем особенных забот, возрасте, чтобы прежде всего и главнейшим образом они сами не погубили его своей дорого обходящейся беспечностью или не испортили равносильным жестокости баловством. Это составляет краеугольный камень подлинного воспитания дарований, первое основание общественного благополучия, при правильном о нем попечении.

II. На втором месте стоят воспитатели, попечению которых родители вверяют сыновей с той целью, чтобы те внушали все доброе дарованиям еще слабым, но уже предрасположенным к росту, подавали примеры честности, указывали образцы всяких разумных действий и остроумной речи и, таким образом, не упуская ни одного удобного случая, напечатлевали в них образ божий и умело выле-

¹ Размеренная речь заимствована из перевода Модзалевского.

² Первоначально это сочинение Коменского было написано на чешском языке в 1632 г. Немецкий перевод, отредактированный самим Коменским, был опубликован в польском городе Лешно (Лиссе) в 1633 г., а затем в Лейпциге. Польский перевод этого сочинения был издан в 1636 г. в городе Торне.

пливали эти хрупкие произведения, этих своих меркуриев¹. Велика польза от этого дела, если оно ведется разумно, потому что первый возраст имеет свойство воска, из которого можно все вылепить, и, подобно обезьянам, подражает всему, что только видит, — хорошему и дурному. Вот почему нет ничего справедливее изречения, утверждающего, что мы остаемся на всю жизнь такими, какими нас воспитали в отрочестве.

III. Третьим средством общественного образования являются общественные школы, как бы общественные мастерские гуманности. Здесь надежными учителями, облеченными общественным авторитетом, удобопонятно преподается все, что необходимо знать и чему необходимо верить, что говорить и что делать; здесь же усердным и непрерывным упражнением во всем, заслуживающем уважения, развивается и укрепляется в детях склонность к науке, мудрости, добродетели и красноречию. Все это совершается приятно, когда учителя и на деле являются тем, чем они слывут, будучи как бы ходячими библиотеками и живыми примерами всего, что нужно делать и чего избегать, так что подражать им и легко, и надежно. Ибо легко следовать правильно за тем, кто правильно идет впереди, и «каков предводитель, таковы и предводимые». Счастлив народ, получающий наставления в многочисленных и разумно устроенных школах!

IV. Четвертым средством всеобщего образования и в школах, и вне школ служат хорошие книги, подкрепляющие дарования более широким познанием вещей, всевозможными добродетелями и потоками красноречия. Говорю — хорошие книги, — ибо если они действительно хорошо и мудро написаны, то представляют поистине оселок для отточки дарований, напилки для изощрения разума, мазь для глаз, воронку для вливания мудрости, зеркало чужих мыслей и действий и руководство для наших собственных. Если бы какой бы то ни было народ во всей своей массе в достаточной мере был обеспечен такими книгами, он был бы озарен светом. Подчеркиваю: светом был бы озарен любой народ во всей своей массе, если бы он в достаточной мере был обеспечен хорошими книгами.

V. Следующее, пятое, средство изощрения дарований — частое общение с мужами учеными, благочестивыми, деятельными и красноречивыми, общение, заключающее в себе скрытую, но самую действенную силу для нашего преобразования. Ибо справедливо сказано: как прогуливающийся под лучами солнца все-таки согревается, а при продолжительности прогулки он к тому же и загорает, хотя бы он прогуливался и с другой целью; так точно тот, кто вращается среди людей (добрых или злых, образованных или невежественных, мудрых или глупых), непременно усвоит, хотя бы и бессознательно, нечто из их дарований и прав. Следует поэтому заботливо отстранять от дурного товарищества молодежь того народа, которому мы хотим сообщить образование, и постоянно привлекать ее к общению с людьми учеными, благочестивыми, честными и усердно занятыми делом: тогда молодежь не может не усовершенствоваться. С этой целью многие государи и иные отцы отечества у различных

¹ Воспитатель здесь сравнивается с ваятелем, который из глины лепит статую Меркурия.

народов находили нужным или приглашать к своей молодежи мудрых мужей из других стран, или отправлять к ним своих, чтобы они жили там и совершенствовались не днями или месяцами, но целыми годами.

VI. Однако недостаточно жить в общении с мудрецами, чтобы привыкать всю жизнь проводить в труде; сами юноши должны постоянно упражняться в деятельности; только тогда выйдут из них будущие мастера, если они приобретут соответствующий навык. Действительно, никто иначе не научается избегать ошибок, как часто ошибаясь, осознавая и исправляя эти ошибки; никто не делается мастером, не упражняясь в мастерстве¹. Именно в такой школе постоянного практического опыта, начиная с раннего возраста, возникли военные познания Ганнибала, так как он, будучи еще мальчиком, сразу же последовал за отцом в лагерь и всю жизнь только и делал, что воевал. Таков и Александр Великий, и другие древние герои, воспитанные практическим опытом. Но к чему вспоминать древних? И ныне превозносимая выше других мудрость венетов и белгов², а также благоденствие их государств происходят не из другого источника, как из обычая с ранних лет упражнять своих сыновей в трудовой жизни и в общественных делах. Там сын хотя бы дворянина, барона, графа, сенатора и даже самого дожа не допускается к почестям иначе, как постепенно, начиная свое служение родине (вместе с самыми простыми людьми) не иначе, как с низших должностей, и достигает высших только после основательного ознакомления с предшествующими. Таким путем все делается ловкими и способными ко всему, и никому не дозволяется быть праздным или бесполезно обременять землю.

VII. Седьмое средство, содействующее общественному воспитанию природных дарований, составляют сами мудрые правители с их благочестиво-ревностным попечением (чтобы у подвластных им не было недостатка в школах, у школ — в учителях, у учителей — в учениках, у учеников — в книгах и прочем необходимом, у всех же — в мире и в общественном спокойствии). Так заботились о своих народах Давид, Соломон, Иосафат и другие благочестивые еврейские цари, а Антонин Пий, щедрейший из римских императоров, назначил в каждой провинции (не исключая и самых отдаленных) особое содержание для служителей [муз. О Карле Великом читаем, что однажды, когда к нему, провозглашенному государем Галлии³, пришли из Шотландии два философа, он спросил их, чего они желают. Они отвечали, что принесли новому государю новый дар — мудрость. Государь спросил, что это за мудрость? и они с философской прямоотой отвечали, что до них дошел слух, будто в его государстве школы в упадке и нет попечения о науках, а потому они пришли подать совет об устройении школ. Тогда император, приняв их совет, основал Парижскую академию, а вскоре и много

¹ «Nemo nisi fabricando fabricatur» — это изречение Коменский цитирует в разных своих сочинениях. Ср. «Великая Дидактика», XXI, § 5 и «Пансофическая школа».

² Под этими античными названиями подразумеваются жители передовых в культурно-экономическом отношении республик того времени — Вeneции и Нидерландов.

³ Древнеримское название Королевства франков.

других школ. Отсюда ведет начало блеск галльского ¹ народа — между европейскими народами самого образованного. О, если бы таких Карлов, Антонинов, Юстинианов, Константинов, Исафатов, Соломонов, Давидов выдвинул бог среди всех, доселе необразованных народов! Тогда бы вся вселенная поднялась от варварства до блеска.

VIII. Наконец, последнее и необходимейшее средство при культуре дарований есть — благодать от бога, — того бога, «без воли которого ничего в человеке не происходит, который один может отверзать очи слепым и содействовать тому, чтобы мы не были подобны коням и бессмысленным лошакам» (Псалм., 32, 10), который один есть тот свет, что освещает всякого человека, грядущего в сей мир, и света этого тьма не обымет, т. е. не захочет соприкоснуться с ним и быть освещенной им. С нашей же стороны требуется лишь одно — стремиться к свету и, обращаясь к нему, воспринимать лучи блеска его, чтобы быть в свете. Это обращение совершается как через молитвы и призывание, что явствует из примера Соломона, так и через старание сохранить души и тела наши чистыми от грехов, ибо «в лукавую душу не войдет дух премудрости» (Премудр. Сол., 1, 3, 5). Таким образом, чтобы довести до блеска умственное и нравственное состояние того или иного народа, нужно устранить все препятствия, которые, находясь между нами и богом, производят затмение умов; таковы: чрезмерная привязанность к миру и мирским делам и пренебрежение небесным, — греховная скверна, оскверняющая и омрачающая души, и, наконец, оскудение в молитвах и вере. Если служители евангелия приложат старание для устранения всех этих препятствий и не преминут пробуждать людей от усыпления, возбуждать в них стремление к лучшему и указывать это лучшее, испрашивая его у бога воздыханиями и молитвами, — тогда легко будет умолить бога, чтобы «он приподнял покрывало, покрывающее все народы, и снял поношение с народа своего по всей земле» (Ис., 25, 7, 8).

Вы видите, мои слушатели, что полная и всеобщая культура природных дарований не невозможна ни для какого народа, даже самого варварского, если только люди захотят руководствоваться разумом. Но возникает вопрос о моем и вашем народе: имеют ли они потребность в приобретении некоей лучшей образованности и каким образом? Сомнение это вызывается врожденным человеческой природе самолюбием и слепым пристрастием к себе, которое не видит собственных недостатков. Мы также люди и также можем страдать человеческими слабостями. Ибо хотя и весьма достоверно, что в ином народе нет никакой культуры природных дарований; в ином — она слаба и причисляется к вещам второстепенным; в ином хотя и существует, но превратна, так как направлена на один внешний и светский лоск; кое-где хотя и направлена к лучшему, но скудна и холодна, — однако как мало таких, которые, оставаясь довольными собой, своими привычками и правами, признали бы эти недостатки. Известно, что большинство самообольщается и любит собственные язвы; нужно остерегаться, чтобы не обольститься и нам; вот почему следует кое-что сказать об этом предмете; однако — кратко и осторожно, так как никто не любит, когда неосторожно дотрагиваются до его язв.

¹ То-есть французского.

Что касается до нас, венгров и моравов, то, сказать по правде, я мой, и ваш народ доселе еще недостаточно образован¹. Поэтому у нас, в сравнении с образованнейшими народами Европы, нет никакого особенного умственного блеска; к тому же и на церковном небосклоне, среди других ярких светил, нас считают как бы туманностями. Но в настоящее время я не забочусь о достижении какого-либо блестящего образования для своих соотечественников, так как это было бы напрасно и затевать²; а потому соседская любовь заставляет меня обращаться к вам, любезные соседи мои венгры, и преимущественно перед другими серьезно убеждать вас, чтобы вы старались ближе узнать свои достоинства и недостатки, изощряя первые и искореняя последние. Я не утверждаю, что культура природных дарований в вашем народе вовсе была забыта, но совершенной культуры не было. Чтобы и вы сами признали это — если еще не признали, — я осмелюсь сравнить обработку ваших дарований с обработкой вашей земли. Что последняя у вас возделывается, это доказывает обилие хлеба, вина, скота; но что она возделывается не настолько, насколько возможно, доказывают существующие до сих пор пустыри или полупустыри, и поверхностная обработка остальных земель. Вот почему необходимейшие для жизни вещи (не говоря уже о предметах роскоши) производятся у вас не в таком разнообразии, как это возможно в такой благодатной стране. Ни зданий, ни одежд, ни утвари нет у вас в таком количестве и великолепии, как в других странах; нет у вас и столь же населенных, как в других странах, сел, местечек и городов. Не добываете вы, наконец, собственным трудом ископаемые ваши богатства — металлы и драгоценные камни, предоставляя другим ими обогащаться. Словом, ваша счастливая страна могла бы кормить вдвое и втрое большее население, чем она кормит, если бы она возделывалась вся и возделывалась разумно. Вы могли бы, пожалуй, вдесятеро больше иметь довольства и блеска, если бы знали свои сокровища и умели ими пользоваться. Каждый ваш селянин мог бы жить по-дворянски, каждый дворянин мог бы по-княжески купаться в богатстве и удовольствиях. Равным образом, само дело достаточно говорит, что у вас имеется налицо и некоторая культура дарований. Есть у вас и школы, а в школах — учащие и учащиеся, и даже в большом числе: отсюда-то и выходит так много говорящих по-латыни, что известное изречение Ш т у р м а — «Нет такого народа, где бы ты не встретил человека, говорящего по-латыни, который мог бы тебе, страннику, указать дорогу» — пожалуй, применимо к вам вернее, чем к какому-либо другому народу, даже из самых образованных. И какая у вас любовь к христианской религии! Какое изобилие храмов и священнослужителей почти в каждом селении! Какое стечение народа при божественных службах! Если бы, стран-

¹ Моравы того времени по образованию стояли несравненно выше венгров, но Коменский ставит образование моравов на один уровень с образованием венгров очевидно для того, чтобы не затронуть национального самолюбия присутствующих.

² Вследствие Тридцатилетней войны (1618 — 1648) Моравия, как и все Чешское королевство, была лишена самостоятельной культурной жизни. Под гнетом Габсбургов и католической церкви чехи уже не могли делать дальнейших успехов в области духовной культуры и даже удерживать прежний уровень развития образования.

ствуя в праздничные дни по многим местностям, я не видел этого собственными глазами, я, может быть, другим бы и не поверил: так велико равнодушие в этом отношении у соседних с вами народов! Не говорю уже о других вещах, доказывающих, что вы вовсе не так низко стоите и что вы уже сбросили с себя скифскую дикость¹. Тем не менее, правдивость заставляет меня признать, что духовная образованность у вас еще не достигла вершины, но остановилась на полпути. Это доказывается шероховатой, скудной и несвязной латынью ваших школ; доказывается исключением из них большинства изящных искусств; доказывается тем, что в них еще не допущены высшие отрасли знаний — медицина и юриспруденция, равно как и наивысшие — философия и богословие. Доказывают то же самое и города ваши, в которых имеются еще не все роды ремесл и ремесленников; доказывают и доселе еще дикие нравы черни и мало облагороженная наружность, и мало ли что еще... Думаю, что нет никакой нужды еще долее останавливаться на доказательствах этого, зная, что благоразумнейшие из вас сами сознают это и ревностно ищут случаев для улучшения образования. Ревнуйте же, мои дорогие, ревность ваша не будет бесплодной: ибо я вижу и, не колеблясь, могу удостоверить, что если вы, мои венгры, сумеете воспользоваться своими дарованиями, то не уступите в мудрости ни одному народу Европы, так как и ваша природа, и небо, и земля не против вас; напротив того: как телом, так и душой вы свободны в собственной стране. Мне не безызвестно, что дарования ваши считаются слишком грубыми, как это, может быть, и вам самим кажется. Положим, что это действительно так. Но разве это обстоятельство может служить препятствием к изучению мудрости? Так же мало, как и возделыванию земли твердость ее в сухое лето или вязкость — в мокрое. Будь даже вся земля глинистой, вспахать ее [конечно] было бы очень трудно и требовало бы большого количества рабочего скота. Но зато как роскошно вознаграждает она эти тяжелые труды доброкачественностью и обилием получаемого урожая! Так же рассуждайте и о своих духовных дарованиях. Невидимый творец душ наших — бог распределил духовные дары не только между отдельными людьми, но и между народами таким образом, что у иных они — как пух, у иных — как дерево, у иных — как олово, у иных — как железо и сталь. Но именно это разнообразие указывает на божественную мудрость: такого разнообразия требует польза самого дела, ибо не все мы можем изготавливать только из воска, глины, гипса: нам бывают нужны также мрамор, железо и сталь. Но разве нельзя и стальной меч, который сделан из стали именно для того, чтобы сильнее разбить, вместе с тем и позолотить, чтобы он еще и блестел? Так и народ, издревле преданный железному Марсу², может посвятить себя золо-

¹ Коменский считал венгров родственными скифам.

² М а р с — бог войны у римлян. Коменский, очевидно, имеет в виду свидетельство Геродота о том, что у скифов (принимаемых Коменским за предков современных ему венгров; см. примечание 1) в каждой области были устроены святилища «Аресу» (греческий бог войны, соответствующий римскому Марсу) в виде огромных куч хвороста с водруженным на верху старинным железным мечом — атрибутом «Ареса» — в жертву которому приносился каждый сотый пленник. — Примечание переводчика.

тому искусству и, где это нужно, сдерживать свою силу и проявлять свой блеск. Милые соседи, говорю я это не ради красноречия, но чтобы воодушевить вас к познанию своих достоинств и к достижению того, чего еще недостает им до полного совершенства. Ушам я не даю ничего ¹, но стараюсь воздействовать на души. Докажите же, прошу вас, что ваша земля обладает не одними обширными равнинами, где вода может лишь застаиваться и образовывать одни болота, но богата также и горами, и источниками живых вод, доставляющих приятное орошение. Докажите, говорю, что у вас дома имеются источники не только воды, но и духовных дарований. Докажите, что вы владеете не только рудниками золота в недрах земли вашей, но и рудниками мудрости в душах ваших. Смело и мужественно стряхните с себя скифскую скверну, если что-нибудь от нее еще осталось в вас, чтобы явиться, наконец, в полном блеске. Чтобы вселить в вас уверенность, я, с божьей помощью, прочту то, что написал в другом месте (в «Новейшем методе языков», гл. XXVI, § 9) и применю к предмету настоящей речи. «Пишут, что Греция была маленькая страна, жители которой, желая иметь хлеб для пропитания, привозили зерно с Лесбоса (плодоноснейшего острова), из города Эразо, между тем как, приложив должный труд к земледелию, они могли бы в избытке получать хлеб с собственных полей. Достоинно смеха, если это верно! Но более чем достоверно то, что подобная и даже более пагубная леность овладела племенем ученых, которым бог на тех же условиях вручил духовное поле, плодороднейшее во всех отношениях; но они редко обрабатывают его так, чтобы иметь у себя дома все необходимое для поддержания духовной жизни. Мы призываем из чужого народа и из другого века какое-нибудь дарование, чтобы оно вещало нам свои прорицания. Если же мы и возделываем у себя дома дарования, то весьма немногие из нас возделывают их так, чтобы поддерживать себя собственными средствами, большинство же живет нищенством, к личному и общественному (говоря прямо) бесчестию и ущербу. Не много мы находим потому, что не много нас, ищущих. Тщетно оправдание: «Не каждый может все [делать] и не каждая земля все родит». Ведь каждая земля что-нибудь да родит. В каждом даровании, если в нем порыться, можно открыть свою жилу ². П л а т о н (в своей книге «О государстве») сказал: «Никому не дозволяется черпать воду из чужого колодца раньше, чем докажет перед властями, что он прилежно старался вырыть себе колодезь в собственном доме, но не мог достигнуть этого никакими трудами и издержками». Подобное тому говорит и премудрый Соломон: «Пей воду из твоего водоема и текущую из колодца твоего» (Притчи, 5, 14). Наконец «Христос желает, чтобы учитель церкви старое и новое выносил из своей сокровищницы» (Матф., 13, 52). Если даже в божественных делах предоставляется возможность выносить из своей сокровищницы, и к возможности присоединяется еще желание, — то почему не применить того же и к прочим вещам, проистекающим, главным образом, из источника чувств и разума?

¹ То есть я не ставлю себе задачей услаждать ваш слух.

² В том смысле, в каком говорят, например, о «золотоносной жиле»

Эти приведенные из другой книги мысли должны быть применимы и к настоящей цели. Внемлите же мне, прошу вас, мои родичи и соплеменники: венгры, моравы, чехи, поляки и славонцы! Неужели мы будем поступать столь же глупо и смешно, как вот эти, достающие хлеб и воду от других (между тем как дома у них нашлись бы поля и колодцы, если бы только они захотели их копать)! Доколе мы будем жаждать чужих школ, книг и дарований, ими одними стремясь удовлетворить наш голод и жажду? Или мы, по воле божией, вовсе лишены духовных полей? Почему же мы их не возделываем у себя дома? Почему мы тщательно их не орошаем, не пашем, не перепашиваем второй и третий раз? Почему их не бороним, не засеваем? Словом, почему мы дома не готовим обильнейших жатв? Почему мы охотнее бежим, как нищие, подбирать чужие колосья? Знаю, что это дозволено бедным и нуждающимся, что от самого бога даровано им такое преимущество (Лев., 19, 9, 10); однако премудрому сыну Сирахову нищенство казалось столь постыдным делом, что, по его выражению, «лучше умереть, чем нищенствовать» (гл. 40, 29). Или вечно будем мы, как здоровые нищие, выпрашивать у других народов разные сочиненья, книжицы, диктовочки, заметочки и отрывочки и бог весть что еще? Или всегда будем мы, вместе с неверным управителем, тянуть одну песню: «копать не могу», а никогда не запоем той другой песни: «христарадничать стыжусь», охотнее ворую с чужих столов и из чужих книг, чем заготавливаю у себя дома целые бочки масла и меры пшеницы? (Лука, 16, 3). Зачем мы всегда лишь в чужих колодцах ищем воды удовольствий или каких бы то ни было отличных изобретений? Зачем мы не открываем своих собственных источников? Трудно тебе, ленивец, доказать нам, что ты не мог открыть в себе никакого источника воды! Ведь, Творец твой облек тебя, созданного наравне с другими по образу его, доблестью, он даровал тебе смысл, язык, глаза, уши и сердце для изобретений. Он исполнил тебя учением разума, вдохнул в тебя разумение духа и наполнил сердце твое чувством (врожденными понятиями), указал тебе (законом своим) добро и зло и вложил око свое (т. е. подобие своего всеведения — проницательность ума) в сердце твое, раскрывая пред тобой величие дел своих (рассеянных в мире), чтобы ты превозносил святое имя его, и хвалился дивными делами его, и провозглашал величие дел его; так вещает премудрый Сын Сирахов (гл. 17, 1), во славу щедрот божьих ко всем нам и в посрамление наше, если мы не образумимся.

После того как я стал замечать в вас такую жажду лучших познаний в отношении вашего народа, милые венгры, я питаю иные надежды. Я смотрю на это стремление ваше, как на вложенное в вас самим богом: ибо он, в своей высочайшей мудрости, ничего не творит напрасно и ничего не начинает без цели. Не сомневайтесь, что он довершит дело свое, основание которому заложил в вас. Когда земледелец видит, что сад, поле или виноградник покрывается обильным цветом, у него не без основания является надежда на хороший урожай. Когда конатель колодцев ранним утром видит поднимающийся из земли некий пар, он принимает его за признак сокрытых там вод. Точно так же, когда в душе человека или даже целого народа проявляется любовь к мудрости и страсть к учению, то не без основания

можно надеяться, что вот-вот пробьется ключ и что уже наступает жатва мудрости. Только не отступай от предпринятого, любезный венгерский народ! При помощи божьей ты можешь сделать себя всецело и прекрасно образованным, если только не преминешь принять восемь вышеприведенных средств для всеобщего образования, а именно:

1. Если ты предложишь вниманию своих граждан переведенную на ваш язык книжечку «Наставление к Материнской школе» и убедишь их следовать ее указаниям.

2. Если ты посоветуешь родителям (особенно знатым, богатым и не могущим уделять время тщательному воспитанию своих детей) пользоваться педагогами, причем, однако, те, которые привлекаются к руководству детьми, должны сами быть сделаны зрячими и способными к столь священной обязанности.

3. Если ты всюду откроешь школы и обеспечишь их правильным методом и мудрыми, владеющими этим методом учителями, создав таким образом из школ истинные мастерские гуманности.

4. Если обеспечишь свою страну хорошими и мудрыми книгами, не только латинскими, но и отечественными, внимательно излагающими все, достойное изучения, и приведешь своих земляков к тому, что, вместо плотских удовольствий и праздности, они полюбят науки и искусства и будут заниматься ими.

5. Если ты, ради ученого общения, призовешь откуда-либо мужей просвещенных, мудрых, даровитых, изобретательных или дашь поручение своим людям, посланным в чужие страны, пересаживать на родину и прививать в ней все, что только им удастся где-либо подметить прекрасного, гениального, изящного, почитая своим долгом распространять здесь, дома, все, наилучшее ими изученное, а не так, чтобы, возвратившись, снова подлаживаться (как доселе поступала большая часть таких путешественников), к нравам народа грубого и необразованного и вследствие этого оставить все попрежнему вязнуть в старом болоте, теряя, таким образом, плоды своего путешествия.

6. Если ты постарайся освободить народ от лени и праздности и всех (а преимущественно юношей в школах и вне школ), занять полезными делами, чтобы весь народ представлял собой как бы пчельник или муравейник (государство, где не видно никакой праздности).

7. Если люди, занимающие высокое положение, — родовитые, богатые, знаменитые, начнут несколько мягче обращаться с подчиненным простонародьем, мало-помалу привлекать его к лучшему, относясь к подвластным им людям не как к рабочему скоту, но именно как к людям, носящим образ божий и соучастникам будущей жизни, и усерднее заботясь об усовершенствовании их души и тела, нравов и образа жизни.

8. Если, наконец, пастыри церкви будут строже наблюдать за тем, что относится к истинному выполнению истинного христианства и внутреннего благочестия, чтобы все, малые и великие, обращаясь к богу с более чистой душою, стали способны более полно воспринимать лучи его света, — тогда воистину исполнится то, о чем поет Псалмопевец: «Близко будет спасение его и водворится слава его в земле

нашей» (Псалм., 85, 10). Дай бог, чтобы все это точно выполнили те, кому надлежит! особенно же те, которые наиболее имеют возможность или поощрять, или приводить в исполнение; или распырять это святое предприятие — князья народа и представители его обоих руководящих сословий¹. О, если бы в ушах их зазвучали мудрые слова Цицерона, сказавшего: «Какой больший и лучший дар можем мы предложить отечеству, как не тот, чтобы воспитать и обучить юношество, особенно при таких нравах и в такие времена, когда оно до того пало, что только общими усилиями может быть обуздано и укрощено»; а также то золотое изречение Платона, которое доселе более знают, чем исполняют: «Тогда только, наконец, государства станут счастливыми, когда править ими будут ученые или когда правители их будут стремиться сами сделаться учеными и мудрыми».

Ты, перл народа, Сигизмунд Ракочи, на которого народы начинают взирать, как на лучезарную звезду, ты будешь у нас для этого города, а отсюда, по воле божией, и для всего отечества, тем блистающим солнцем, которое освещает, согревает и оплодотворяет лучами своими этот наш, вернее божий, садик. Твою светлейшую и в то же время нашу общую милостивейшую мать, благочестивую рачительницу как этой школы, так и церкви, ты воодушевишь благочестивыми мыслями о том, что ничего нельзя представить себе более великого, высокого и святого, чем то дело, которому преданная богу душа своими обетами, стремлениями, помыслами и даже [первыми] попытками уже дала начало. А именно: с помощью преобразованного, шире и лучше распространенного в этом народе способа изучения мудрости усилить блеск отечества, возвысить благосостояние церкви и возвеличить славу всевышнего бога². Пусть благочестивейшая Табита помнит золотое изречение, принадлежащее Бернарду, что «просвещать душу [людей] знанием не менее богоугодно, чем снабжать [их] тело пищей». И как более милосердия в том, чтобы накормить многих бедных, чем немногих, так более благочестия и в том, чтобы сообщить знание многим, чем немногим. Пример широчайшего милосердия показал Иосиф, когда он, по ниспосланной ему божественной мудрости, во время голода кормил не только отца и братьев своих, но и все царство Египетское и население окрестных племен. Точно так же в высшей степени богоугодно сделать причастными благочестию и мудрости не только своих детей и подвластных, но и целые племена, особенно когда соседей угнетает голод, но голод не по хлебу, не жажда воды, а голод и жажда послушанию слова Иеговы (Амос, 8, 11)³. Это великое было бы дело, если бы во время гонения

¹ То-есть дворянство и духовенство.

² Коменский и шел к венграм в надежде, что венгерский народ под руководством Трансильванского князя Ракочи сокрушит ненавистный для гонимых чехов австрийский Габсбургский дом и поможет восстановлению самостоятельности Чехии и свободе вероисповедания, принятого в общине «чешских братьев».

³ Во время Тридцатилетней войны, завладев Чехией, немецкий император из династии Габсбургов, Фердинанд II (1619—1637), насильно навязал чехам-протестантам католическое вероисповедание и запретил издание славянских книг. О «голоде» чешского населения по слушанию так называемого «священного» писания, или слова Иеговы, на своем родном языке и по вере предков здесь и говорит Коменский.

бог воздвиг нового богобоязненного Авдия, который, целыми сотнями принимая к себе пророков божиих или сынов пророческих, укрывал бы их от неистовства Иезавели и питал бы их своим хлебом и водою, несмотря даже на засуху и бесплодие, при нестерпимой дороговизне хлеба. (I Царств, 18, 3, 4)¹. Ты же, преславная душа, размыслишь мудро об этом, воодушевляя себя и свою достославную мать на это доблестное предприятие, и приложишь старание, чтобы на деле осуществились намерения, направленные к столь исключительной цели, благочестиво подчиняя твое дело благодати божией. Мы же остальные, в сердце которых бог вложил подобное стремление, не преминем своими молитвами, советами, трудами и бдительностью содействовать вашим святым начинаниям.

Впрочем, имеются у нас налицо и такие обстоятельства, которые препятствуют осуществлению нашей надежды и грозят или разрушить или ослабить ее, чего не случится, если мы будем мужами, постоянными в доблестном предприятии. Прежде всего может, повидимому, устрашать обширность самого дела, так как исправлять испорченное, конечно, гораздо труднее, чем созидать новое, это знают мудрые. Но надо принять во внимание, что к каждому прекрасному делу присоединяются затруднения; так уж установлено божественной мудростью, чтобы все прекрасное являлось наградой не за леность, а за труд. Итак, пусть это будет трудно лишь бы не невозможно; не будем смущаться! Эту трудность победят любовь и сознание [нашей] светлой цели. Что за беда сделать попытку в серьезном деле? Уж лучше тысячу раз потерпеть неудачу в попытках, чем тысячу раз откладывать столь славное, столь угодное богу дело, столь полезное всем нам, столь необходимое для потомства. Опасаться приходится и предубеждений; едва ли что-либо может быть задумано так счастливо, чтобы не быть извращенным теми, которые составляют о нем свое суждение не по доводам разума, а лишь по примерам и по привычке. Они полагают, что правильно делается лишь то, что основано на привычке, и не выносят ничего, что хоть малейшим образом от нее отступает и представляется новым. Невежде сладко само невежество, порочному мил самый порок как его собственный образ, который он боится утратить. Заставишь ли иного учиться чему-либо другому, кроме как только привычному? или по другому, чем привычный, способу? Ему покажется, что его переносят в другой мир, и он станет бояться, что волны океана поглотят его на этом неведомом пути. Ленивый говорит: «Лев на улице, погибну я посреди площади» (Притчи, 22, 13). Но мы советовали бы вам собственным примером рассеять такой ложный страх, чтобы не было повода подражать ему. Никогда дух человеческий не принуждал себя ни к чему столь трудному, чего бы, надеясь на бога и добродетель, он не одолел.

Надо также опасаться и ненависти зложелателей, которые, если не смогут ничего другого, то будут пытаться противодействовать нововведениям, внушая к ним подозрения. Что касается зависти, то я, по крайней мере, научился не завидовать никому, кто бы ни вы-

¹ Таким «Авдием» был венгерский княжеский дом Ракочи, разрешивший изгнанникам из Чехии, так называемым «моравским братьям» поселяться в Венгрии и свободно исповедывать свои религиозные убеждения.

давался ученостью, или добродетелями, или красноречием, в каком бы то ни было сословии, народности, вероисповедании или секте. Если бы кто вздумал завидовать мне (который сам по себе ничто, и не могу сделать ничего, разве не сподобит совершить через меня что-либо благодать божия), я постараюсь это предотвратить, если смогу; если же нет, то бог будет щитом простоты моей. Если кто станет противодействовать стремлению к нововведениям, тот обнаружит собственное недомыслие. Ибо не ново то, что восходит к старым, даже вечным идеям: нам же предписывается все у себя обновить как велением божием, гласящим: «Распахните у себя новые нивы» (Иерем., 4, 3), так и самим примером: «Вот я делаю все новым» (Апок., 2, 5), т. е. падшее и растленное привожу в состояние непорочности. Есть и такие, что шепчут об опасностях, которые повлечет за собой изменение привычного хода дел. Примеры это подтверждают. Моисей едва не был побит камнями со стороны израильтян, освобожденных им из Египта и ведомых к обладанию землею Ханаанской. Чего стоило пророкам, апостолам и даже самому Христу обновление божественной религии! Ликург, исправляя государство македонян, вызвал восстание ростовщиков, во время которого лишился глаза и едва спас жизнь бегством. А сколько раз в Афинах и в Риме происходили возмущения против законодателей, старавшихся улучшить государственный строй! Но когда совершается дело божие, а не наше, должно вникать богу, который повелевает, а не самим себе, которые страшимся. Да сокрушатся же зависть и злоба, прежде чем они извратят дело божие или тех, которые являются верными работниками перед богом! Премудрость божия в том и проявляется, что если она и допускает гибель одних из своих избранных, то зато через нее она приводит других из них к награде, а дело свое — к цели.

Итак, откинув всякие колебания, вы, в народе, в граде сем богом пробужденные умы, действуйте так, чтобы уже при существующих условиях, уже теперь, уже здесь, уже самостоятельно, не ожидая других, начать это дело божие — исправление ваших школ! прежде же всех других — этого Ракочиевского Атенеума¹, чтобы он был образцом для прочих, как бы истинным оселком дарований, истинной (после уничтожения остатков варварства, если они еще сохранились) мастерской гуманности, истинным родником мудрости, истинной лабораторией языкознания.

Немедленно приступить к этому приглашает вас, с одной стороны, гальциона², посланная в это государство свыше, а с другой — варварство у других народов, даже у тех, которые сами себе кажутся весьма образованными и презирают других, — имею в виду те варварские войны и жестокости, которыми доселе разоряют, губят, ниспровергают друг друга в Италии, Испании, Галлии, Англии, Шотландии и т. д. Мы же, отклоняя наших сограждан от подобного звер-

¹ В Риме при императоре Адриане (117—138) Атенеумом была названа высшая школа, получившая содержание от государства; здесь изучали грамматику, юриспруденцию, философию и ораторское искусство в новом, антиреспубликанском, духе.

² Гальциона — по верованиям древних греков, морская птица, похожая на ласточку, служащая предвестницей тишины на море и эмблемой мира и спокойствия.

ства и приводя их к кротости, постараемся показать тем недоучкам, насколько иные правы приличествуют народам, облагороженным науками и искусствами. И если те замешательства в делах, которые мы усматриваем у всех народов являются по божественному промыслу не столько смутами, сколько — школой, в которой дарования благочестивых упражняются, а дарования развращенных из состояния испорченности возвращаются к исправлению, и если иные, может быть, не понимают этой тайны, — то мы, которые понимаем ее, докажем это понимание. А чтобы и им дать возможность понять это, воздвигнем школу улучшения и образец исправления вещей, чтобы и другие, если пожелают, следовали за нами. Если же и другие народы, получившие отдых от войн (именно германцы), начнут за это время восстанавливать разрушенные мастерские гуманности, а они уже начинают, тогда мы, воодушевленные их примером, будем делать то же самое, чтобы, передавая друг другу искры, возжигать факелы общего дела. Более же всего побуждают нас ныне к действию исполненные свыше благоприятные обстоятельства, в лице пробужденных духом светлейших князей наших, готовых зажечь в своем лице¹ свет лучшего метода вместе с пылким рвением к начатому делу. Создавать благоприятные для наших дел обстоятельства не в нашей власти, упустить же представившиеся — зависит от нашего усмотрения, но, если мы упустим этот благоприятный случай, нам придется заглаживать двойную вину, — неблагодарности и лености. И так как, по благодати божией, у нас нет недостатка в тех, кто идет впереди, то да не будет недостатка и в тех, которые последуют за ними!

Но почему эти благие намерения нужно исполнить именно в этом месте, в этом городе и в этой школе, — этого также следует коснуться хоть вкратце. Во-первых, потому, что святое усердие предков именно здесь заложило краеугольный камень благочестия основанием национальной школы, которую великодушие и щедрость славнейших наших князей (недавно в бозе опочившего, блаженной памяти, князя² и оставшейся после него светлейшей вдовы) укрепили новыми пожертвованиями и готовы ее еще более возвысить. Конечно, легче пристраивать, что требуется, к однажды уже возведенным зданиям, чем закладывать совершенно новые. Во-вторых, потому что этой школе вашей в текущем году исполнится уже столетняя годовщина со времени ее основания, и сама роковая сила времени (если таковая существует) вынуждает нас ожидать или, вернее, — предвидеть в жизни этой школы перемену к лучшему или худшему. От вашего благоразумия и благочестия будет зависеть позаботиться о том, чтобы перемена эта была к лучшему. В-третьих, потому, что во всей Венгрии правоверная церковь уже привыкла настолько уважать эту Потоцкую школу, что отсюда избираются ректоры для большинства прочих школ, и всего лучше поэтому, чтобы эти возделыватели дарований имели здесь хорошо устроенную мастерскую для собственного усовершенствования и учились бы здесь не просто начальствовать

¹ Лице е м называет здесь Коменский организуемую им в Сарос-Потоке пансофическую школу. Первоначально лице е м называлось место, где вел занятия с своими учениками греческий философ Аристотель.

² Юрий Ракочи, умерший в 1648 г. Потоцкая школа основана в 1551 г. т. е. около столетия раньше. — Из примечания Л. Н. Модзалевского.

в школах, но и приносить им пользу. Здесь, говорю, пусть будет Вефиль¹, дом божий, где, под руководством Илии и Елисея, стекающиеся отовсюду сыны пророческие могли бы иметь свои собрания. И пусть школа эта слывет школой божией, в которой учителем будет один бог; мы же все будем восседать у подножия его, чтобы слушать лишь толкование трех книг божиих: природы, Писания и внутренней книги разума — совести². К этому надо добавить, вчетвертых, прелесть самого места и изобилие всего необходимого для жизни. Само название города служит здесь добрым предзнаменованием, так как «поток» на общем языке всех славянских племен означает «реку». И, в самом деле, прекрасная река, Бодрок, изобилует водой и рыбой, соседние горы — отличными винами; окрестные поля — плодами и скотом, леса и рощи — зверями и птицами. Мы надеемся поэтому, что здесь будет самое удобное местопребывание для муз, в каком бы числе ни стекались сюда их питомцы. Правда, из-за грязи город получил название Сарос-Поток (Болотный поток), но это не должно нас смущать. Лучшая культура уничтожит эти болота, и тогда (если я верно пророчу) потомство (если еще не сами мы собственными глазами), вместо болотистых равнин, увидит здесь прекрасную каменную мостовую, а вместо деревянных построек — каменные, чтобы владетель этого места мог когда-нибудь сказать, как некогда Цезарь Август: «Я нашел Рим кирпичным, а оставлю его мраморным».

Нет причины считать это место не вполне удобным и вследствие присутствия здесь двора³. Правда, поэты — древнейшие носители мудрости — не без основания уверяли, что музы привыкли обитать не в дворцах городских и царских, но в местах уединенных и на неприступных горах — Парнасе и Геликоне; согласно с тем, что, как говорит Овидий:

Песен слагатели уединенья, спокойствия ищут

или Горащий:

Весь писателей хор любит лесок, убегая из града.

Потому-то академия Платона, лицей Аристотеля и прочие учебные заведения древних помещались вне города. Однако мы знаем, что ученые сестры⁴ впоследствии переселились в самую середину городов и в наши дни с удовольствием обитают в самых многолюдных городах, — лишь бы только, если уж нельзя вполне отделить их от окружающего их народа, они были достаточно ограждены от рыночного шума и придворной суеты. Так и устроено здесь у нас предками, и в этом отношении обнаружившими свою мудрость.

Мне остается коснуться того, почему приступить к делу преобразования здешних школьных занятий следовало бы именно нам самим, которые здесь присутствуем, друг друга видим и друг с другом беседуем (с вашего позволения включая сюда и себя, которого вы

¹ Вефиль по библейским сказаниям служил центром для гонимых служителей еврейского бога Иеговы.

² Ср. «Пансофическая школа», 1, 18, 27, и «Законы хорошо организованной школы», VI, 1.

³ Разумеется двор младшего князя, Сигизмунда, и матери его Сусанны. Старший князь, Юрий II, владел Семиградией (Зубек). — Из примечания Л. Н. Модзалевского.

⁴ Музы.

избрали и пригласили к себе для совместного ведения этого дела). Для этого не нужно целого арсенала доказательств: достаточно одного: Мы сами замыслили это дело, на нас лежит и обязанность его исполнить. Не точно ли так же, когда Иосиф, во время борьбы с голодом, подал совет о построении житниц и об избрании начальника над ними, он услышал от Фараона: «Ты им и будешь, поскольку тебе пришло в голову дать этот совет». А когда в Греции кто-то хвастал какой-то пляской, исполненной им на острове Родос, он получил ответ: «Здесь Родос, здесь пляши!». Так и к вам, внушившим светлейшим князьям свои предположения о преобразовании этой школы; к вам, убедительно доказавшим необходимость призвать сюда опытных учителей, учредить типографскую мастерскую и открыть общественную столовую для учащихся; к вам, наконец, собравшимся сюда и принявшим участие в деле, необходимо относятся эти слова: «Здесь Родос, здесь пляши!» «Здесь Египет, здесь приготовляйте житницы ради устранения духовного голода!». Если вы этого не сделаете, уподобитесь тем, о которых Христос сказал: «Они говорят и не делают. Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их». (Матф., 23, 3, 4).

Что касается меня, то я выражаю вам полную готовность не бежать от бремени, которое ваши просьбы, советы друзей¹, и сам бог возложил на меня: в этом вы и сами, конечно, убедитесь. И если богу и вам так угодно, я не отказываюсь служить для вас примером, ибо, если от дела вашего благодетель божий даст нам увидеть нечто доброе, — то, я уверен, от этого будет и общая польза церкви. Итак, памятуя, для какой цели я временно призван, послан и привлечен сюда, я постараюсь, по мере сил, выполнить свое дело. Во-первых, я постараюсь приятным общением с вами сильнее расположить и лучше привлечь вас и ваших соотечественников к более ревностному изучению гуманистических наук. Я постараюсь помочь в лучшем составлении методических книжек, которые были бы оселками ваших дарований, напильниками для изощрения суждения о вещах и руководством в языке (латинско-отечественном). В-третьих, примером и постоянным утешением я постараюсь указать учащемуся юношеству способ успешно объяснять и применять эти книги. И, наконец, я постараюсь таким образом обеспечить возможность (насколько бог позволит) полного, с помощью вас же самих, преобразования как этой школы, так и прочих правоверных² школ во всей Венгрии. С помощью вас самих, ибо сам я, 60-летний старец, не снесу на своих плечах такого бремени, а если бы и снес, не так-то безопасно и приятно было бы мне, чужеземцу, принимать на себя должность, вызывающую зависть. Подавать добрые советы, если потребуется, можем и мы, даже иноземцы, даже бессильные старцы, но каждый трудолюбивый человек или целый народ сам должен заботиться о своей собственной пользе.

Итак, я буду смотреть и уже смотрю на вас, славнейшие профессора и учителя этой знаменитой школы, как на верных советников,

¹ Одним из решающих моментов в согласии Коменского взять на себя работу в Сарос-Потоке были не только официальное приглашение, исходившее от княжеской семьи, но и письма венгерского вельможи Толнея. Толней был известен Коменскому по дружественным связям с покровителем Коменского в Англии — Гартлибом.

² То-есть реформатских.

как на дорогих союзников и друзей, как на усердных сотрудников в этом деле божием. Соединим же, прошу, наши руки, соединим сердца, соединим молитвы во имя господа и праведной силы его! Праведный, он не оставит святых стремлений и усилий без обещанной им помощи. Приветствую теперь и вас, дружная рать учащих, которые вписались в это ополчение против варварства. Приветствую не как моих будущих учеников, но — как соучеников истины и света, с радостью подражая тем римским полководцам, которые, для поднятия духа в своих ратниках, называли их обыкновенно не воинами, но соратниками, делились с ними своими планами, как с союзниками, и, крепко спаяв их души таким гуманным отношением, совершали славные подвиги. Позвольте мне также привести пришедшее мне на мысль прелестное восклицание Филиппа Меланхтона, который, войдя однажды в тривиальную школу¹ и обнажив голову, так приветствовал учащуюся молодежь: «Здравствуйте, господа бакалавры, магистры, доктора, синдики, консулы, сенаторы, секретари, канцлеры» и т. д.² Когда же некоторые присутствующие приняли это со смехом, он ответил: «Я не шучу, а говорю серьезно, ибо именно в таких мужах, после нашей смерти, будут нуждаться государство, церковь и школа. Откуда же нам их ожидать, как не из этой учащейся толпы?» Так и я, мои милые ученики, без смеха и без шуток, во имя тех надежд, которые я возлагаю на вас в своей душе, не колеблюсь приветствовать вас как знаменитейших ректоров школ, достопочтенных пастырей церкви, уважаемых окружных сениоров и судей, благороднейших гофмейстеров, секретарей и канцлеров, а также распространителей света в этом народе, искоренителей нечестия, варварства, смут и т. д., не колеблюсь и наставлять вас в мыслях и действиях, которые сделали бы вас таковыми.

Обращаюсь равно и к вам, благородные отпрыски, надежда отечества, цвет дворянства, которые здесь пребываете или будете пребывать впоследствии! С помощью счастливо получаемого вами образования возрастайте и вы счастливо в деревья, приносящие обильный плод, под листьями которых гнездятся птицы небесные — ваши будущие подданные! Я уже смотрю на вас, как на будущих покровителей церкви, попечителей школ, свет и опору семей, украшение народа, красу отечества. Постарайтесь не обмануть столь великой надежды, наше же дело — смотреть, чтобы к этому и поводов никаких не возникало.

Да будет Иегова также милостив ко мне, так как я ничего не ищу и не буду искать у вас, мои венгры, кроме вашего же благоденствия, пока я здесь с вами. Вы же только молитесь богу, чтобы нам, решающимся на это святое предприятие, он сохранил жизнь, дал крепость, ниспослал мир; чтобы он послал нам новых и истинных питателей церквей и школ; чтобы сохранил тех, которых уже даровал нам; чтобы ниспослал им долгоденствие и наделил их духом мудрости, совета и силы к святому совершению того святого дела, которое на-

¹ Тривиальной школой сначала в древнем Риме, а затем в середине века называлась низшая школа. Когда эта школа служила составной частью ученой школы, в ней обучали трем предметам: грамматике, риторике и диалектике.

² См. примечание к гл. I, § 8 «Школы младенческого возраста».

чато во имя Всевышнего! чтобы наделил этим духом и тех, кого вы получите в руководители ваших учебных занятий, так чтобы они, при помощи божией, сделались для вас истинными вождями истинной мудрости.

В качестве же дороги к мудрости мы решаемся предложить вам, во-первых, прекрасный краткий курс латинского языка для достижения его приятной чистоты приятными же путями; во-вторых — зеленые луга совершеннейшей философии для разумного исследования смысла всех вещей (конечно в той мере, в какой это соответствует христианской скромности); в-третьих, — прекрасные упражнения в свободных искусствах (арифметике, геометрии, астрономии, оптике, музыке и в прочих полезных для жизни знаниях) для усвоения искусного их применения; в-четвертых, — отменную шлифовку нравов, чтобы вы вышли отсюда воспитанными гражданами, способными к обхождению с какими угодно людьми; наконец — священные тайны богословия, теоретического и практического, чтобы вы уразумели, что страх божий есть начало и венец премудрости и, таким образом, проникнувшись здесь строгим благочестием, вышли отсюда (по изречению Христа-Спасителя), как «свет мира и соль земли»¹. Поймите дражайшие, как горячо желаем мы приносить вам пользу! И если только и вы будете так же горячо стремиться к совершенствованию, то вы можете на многое надеяться от божественной благодати. Но я снова и снова прошу вас, чтобы вы напрягли все силы к подавлению лености и своим прилежанием доказали, как высоко вы цените те благоприятные возможности, которые ниспосылает вам бог.

Остается только испросить у бога милости к нам, чтобы он, по вечной благодати своей, по которой он не отвергает смиренных сердцем и не отвращает от себя тех, кто всецело посвящает себя ему, сподобил своим благословением и это наше предприятие. Вложи, боже, всем нам в сердце, чтобы все помыслы, все усилия свои мы устремляли на общественную пользу отечества и твоей в нем церкви! Наполни, святыи боже, всех нас этим желанием и дай нам также силу выполнить это наше желание, как бы мало нас ни было, чтобы твоя хвала совершалась из уст младенцев и сосущих. Свет твой, господи, истина твоя, благословение твое пусть наполнит как эту школу, так и все прочие в этом царстве и во всем христианском мире! Сохрани церковь твою среди этих смут в царствах и среди запустения в народах. Даже в самых бедствиях умножь ее светом и очисти ее на всяческое услаждение тебе, как повсюду, так и в этом царстве. Воздвигни для нее благочестивых питателей и защитников; для школ же — славных зиждителей: Моисеев, Давидов, Соломонов, Иосафатов, Иосий, Константинов и др., и верных сподвижников их: Ааронов, Нафанов, Иойадов, Илий, Елисеев и всех мужей по сердцу твоему. Тем же, которых ты уже воздвиг, а в том числе и светлейшим князьям нашим и другим начальникам и покровителям Евангелической церкви в этом царстве, — всем им сохрани жизнь, здоровье, силу и ревность на служение тебе чистым сердцем; укрепи же с небеси силою твоею и возвеличь их! Услышь нас, господи, во славу пресвятого имени твоего! Да будет близко к боя-

¹ Содержание занятий в Потокской школе см. во второй части «Пансофической школы».

щимся тебя спасение твое! Да водворится слава твоя с нами в земле нашей! Милость и верность да встречаются! правда и мир да лобызаются! (Псалм., 85, 10, 11). Да явится через рабов твоих дело твое! Да будет слава Иеговы, бога нашего, с нами, и дело рук наших ты сам утверди! (Псалм., 90, 16, 17). Аминь. Во имя Христово. Аминь.

Вы же, меценаты, патроны, покровители, пастыри,
сенаторы граждане и гости, здравствуйте,

будьте счастливы и молитесь небо

о благоденствии этой школы

и тех, которые прилагают

труд к увеличению

света ея!

Я все сказал.

ПАНСОФИЧЕСКАЯ ШКОЛА,

ТО-ЕСТЬ

ШКОЛА ВСЕОБЩЕЙ МУДРОСТИ¹,

учреждение которой было желательно уже многие годы у всех народов и которая теперь под покровительством сийтельного господина

СИГИЗМУНДА РАКОЧИ

счастливо призвана к жизни у Венгров в Саросском Потоке в 1651 году спасения нашего².

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧЕРТАНИЕ ПАНСОФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Что такое школа вообще. 1. Согласно обычному словопотреблению под словом школа понимают как здание, так и собрание, в котором обучаются для приобретения познания вещей, понимания и умения применять всякого рода искусства. Хотя человек рождается способным ко всему, но на самом деле он ничего не знает, кроме только того, чему он научен благодаря руководству других людей и часто повторяемому опыту, а потому его необходимо учить всему и для этого посылать в мастерскую, где это делается. Оттого-то у высоко образованных наций есть столько же школ, сколько искусств; есть даже гимнастические (атлетические) школы, где юношество обучается употреблению оружия и т. п.

Что такое ученая школа. 2. Под ученой (literaria) школой мы разумеем учреждение, где упражняются молодые люди, недавно вступившие в жизнь и намеревающиеся приступить к житейским занятиям.

Какова должна быть мастерская гуманности, школа ума.

3. Истинными школами подобного рода, мастерскими гуманности, должны быть все учебные заведения (ludi literarii), предназначенные для обучения юношества. Но большинство школ, увы! слишком уклонились от своей цели и занимаются только тем, что играют науками, или, скорее, тоскливо мучатся над ними. Они не делают ничего, что бы соответствовало нуждам всей жизни, занимая умы лишь отдельными крохами наук, вещами совершенно посторонними для действительной

¹ Или «Всеобъемлющая мастерская мудрости».

² Перевод с издания I. A. Comenii, Opera didactica omnia, Amsterdami 1657, pars III, p. 10—50.

жизни. И вполне справедливо говорят: «они не знают необходимого, потому что изучают не необходимое».

**Что такое
школа
всеобщей
мудрости.**

4. Мы желаем иметь школу мудрости, и притом *всеобщей мудрости, пансофическую школу, т. е. мастерскую, где к образованию допускаются все, где обучаются всем предметам, нужным для настоящей и будущей жизни, и притом в совершенной полноте (omnino)*. И все это должно вестись столь надежным путем (NB), чтобы из обучающихся в ней не нашлось никого, кто бы совершенно ничего не знал о вещах, ничего бы не понимал в них и не в состоянии был бы сделать истинного и должного применения и, наконец, не был бы в состоянии удачно (commode) выражаться.

**Что значит,
что все должны
быть обучаемы.**

5. Мы желаем, чтобы все получили такое образование, чтобы всякий, кто родился человеком (т. е. создан по подобию божью и предназначен богом для вечного блаженства, но будет шествовать среди бурь житейских), — был предохранен от опасностей и метаний в различные стороны, а также не погиб навеки, сбившись на пути к пристанищу вечного покоя. Ибо в этом — все важное для каждого человека (Эккл., 12, 13). Этому все должны остерегаться больше всего (именно вечных опасностей для души), хотя невозможно всем дойти до того, чтобы знать все подробности истины и добра (ибо они бесконечны), понять их и наслаждаться ими.

**Что значит,
что все должны
быть обучаемы
всему.**

6. Мы желаем, чтобы новички мудрости были обучаемы *всему*. А именно, *во-первых, чтобы умы наполнялись светом познания того, незнание чего было бы вредно; даже руки вместе с другими способностями должны быть подготовлены ко всякому хорошему делу; язык должен быть вооружен приличествующей плавной речью.*

**1. Познание
вещей.**

7. Мы желаем, чтобы умам внедрена была *вся совокупность лучшего из всей области знания*. А именно, чтобы ничего не существовало ни на небе, ни на земле, ни в воде, ни в подземных глубинах, ничего в теле человека и в душе его, ничего в священном писании, ничего также в ремеслах, в хозяйстве (oeconomia), в государственной жизни, в церкви, ничего, наконец, в жизни и смерти и в самой вечности, — чего бы основательно не постигали юные кандидаты мудрости; чтобы они все знали необходимое, понимали причины всего, знали истинное и спасительное применение всего, чтобы, таким образом, дух каждого из них стал точнейшим подобием всеведущего бога, светозарнейшим зеркалом его творений (ludorum), вернейшим отраженным миром.

**2. Искусность
в действиях.**

8. К познаниям надо присоединить подготовку к деятельности, в чем необходимо упражнять наших учеников, т. е. к познанию вещей нужно прибавить практическую деятельность. Без этой деятельности даже человек, знающий вещи, будет неумело вращаться среди вещей, и, даже будучи знаком с искусством, он будет представляться неспособным и вследствие этого не годным для житейской деятельности. Чтобы чего-либо подобного не случилось с учениками пансофической школы, она ради этой высокой цели прибавит требование, чтобы никто из обучающихся в ней не был

выпускаем, прежде чем он не будет самым лучшим образом направителен в тех видах деятельности, которые требуют особенной предусмотрительности, чтобы наши ученики в этом месте обучения учились не для школы, а для жизни. И пусть отсюда выходят юноши деятельные, на все годные, искусные, прилежные, — такие, которым современем можно будет без опасения доверить всякое житейское дело. Если бы были подобные школы, и притом у каждого народа (*gente*), то это было бы всеобщим противодействием против лености и косности, а потому и против нестроения, бедности, нечистоплотности. В особенности это будет достигнуто, если школы эти, сверх того, причтат (как и должно быть в действительности) украшать деятельность честными нравами и всем приятной речью, и станут увенчивать все это богобоязненностью, сердцем, воспламененным любовью к богу и готовностью проводить жизнь угодным богу образом.

3. Изящество речи.

9. Последнее, к чему стремится пансофическая школа, это — усовершенствовать язык всех настолько, чтобы довести его до приятной речистости. И это не только на каком-нибудь одном языке, но также еще и на трех ученых языках, которые посвящены описанию крестной смерти Христа и поэтому как бы рекомендуются божеством для изучения народами, стремящимися усвоить евангелие, — на языках латинском, греческом и еврейском. На латинском потому, что этот язык в настоящее время считается первым образовательным средством и связью между народами; на греческом потому, что он — родной для латинского, который без него не может быть вполне понят, преимущественно же потому, что он служит охранению и истолкованию тайн Нового Завета. Что же касается еврейского языка, то нечего и говорить о том, что сынам церкви он служит для понимания изречений Ветхого Завета и потому никоим образом не может быть исключен из пансофических заповедей.

Что значит учить совершенно (отлично).

10. К этому мы прибавим: все это в пансофической школе должно быть изучаемо, делаемо, соблюдаемо в совершенстве, т. е. с такой легкостью и обеспеченностью успеха, чтобы наподобие механических мастеровских ничего в ней не делалось насильственно, но все происходило естественным путем и чтобы впоследствии каждый ученик становился магистром.

Что значит, что пансофическая школа предназначена для устройства законов христианства.

11. Вот наши желания относительно пансофической школы. Мы утверждаем, что она должна быть предназначена для устройства законов истинного христианства. Ибо что такое христианство? Разве оно не есть ясный свет в наших сердцах, озаряющий нас, дабы просветить нас познанием славы божией (2 Коринф., 4, ст. 6). Разве оно не дело божие, открывающее глаза слепым, чтобы они обратились от тьмы к свету (Деян., 26, ст. 18). Разве мудрость христиан не есть мудрость, угодная богу, руководимая Христом, вечной премудростью бога, который один знает, что подобает нам знать, и который умел и мог положить предел нашему христианскому всезнанию, ограниченному человеческим неведением. Ибо посредством естественного света, который, как свет истинный, просвещает всякого человека, приходящего в мир (Иоанн, 1, 9), посредством света своего закона, ибо

закон есть свет (Притчи, 6, 23), наконец, посредством всего того, что он, живя среди людей, показал им словом и делом; он научил нас облекаться в нового человека, обновленного по образу того, который нас создал (Колосс., 3, 10). И пусть никто не говорит: Христос учил нас возрождаться, а не заниматься науками, искусствами, языками. Ибо этого он не воспрепятствует, а предпосылает в составе того света, который, как сказано, просвещает каждого человека. Разве он не послал с неба духа святого как учителя языков; разве он не заповедал, чтобы божественный свет (евангелие) постоянно передавался от одного народа к другому в церкви? Поэтому нельзя представить себе ничего более христианского, чем заботиться всем нам о распространении царственного, т. е. христового, света.

**И как это
прекрасно!**

12. Особенно, когда Христос отнес все к единому закону любви, заповедавая словом и примером, сам от себя и через апостолов, чтобы никто не искал блага только себе, но всем (Матф., 28, 19; Римл., 12, 17, Коринф., 10, 24 и др.). Этой заповеди следовали апостолы, стараясь проповедать народам Христа надежду славы, убеждая всякого человека и наставляя всякого во всей мудрости, чтобы сделать всякого совершенным во Иисусе Христе (Колосс., 1, 28). И «Пансофическая школа» стремится только к тому, чтобы принести пользу каждому человеку, каждому народу, насколько сможет проникнуть свет божий, потому что это самое требуется от истинного христианина.

**И как это
необходимо!**

13. Школ, устроенных согласно этим законам, еще нет; но их надо и можно учредить.
14. Необходимость этого становится очевидной, так как мы не должны быть неблагодарными богу, который призвал нас из мрака к своему дивному свету (1 Петр., 2, 9). Напротив, мы должны скорее отовсюду собирать лучи света и заставить их отражаться от одного человека к другим и наконец ко всем, чтобы все мы стали сынами света, светом в Господе (Лука, 16, 8; Ефес., 5, 6). Если мы этого желаем, то *учреждение всеобщих мастерских света необходимо.*

15. *Необходимость учреждения пансофических школ становится еще очевиднее, когда мы представляем себе опасность, возникающую от пренебрежения делом, приносящим столь значительную пользу.* Так как без полного света нельзя вполне познавать вещи, а без полного познания нельзя выбрать лучшего, а без серьезного выбора не может быть также серьезной деятельности, то без серьезных усилий и труда мы не сможем достигнуть своих целей. Следовательно, чтобы достигнуть нашей цели — блаженства, мы должны совершать правильные действия; а чтобы действия были правильны, мы должны стремиться к тому, чтобы наш выбор не уклонялся в сторону, а для этого необходимо дать ясное понимание вещей. Но до понимания ничто не доходит, прежде чем не пройдет через чувство. Поэтому незнание вещей (первый источник всякого человеческого несчастья и испорченности, как говорит о том слово божие: истреблен будет народ мой за недостаток ведения; Осия 4, 6) следует основательно удалять из человеческих умов и возжигать в них всеобщий свет, в котором все можно видеть ясно и в котором доброе везде различается от злого, для того чтобы люди избегали

последнего и достигали первого, направляя к нему свои стремления.

16. Необходимость эта становится все более и более настоятельной, так как мы приближаемся к концу времен¹, когда все достигает своей высочайшей ступени: мрак и множество различных заблуждений, а также возникающие из этого несправедливости. И если даже допустить, что божеством дан свет науку, что с неба нам подан светильник истины, то все же этими дарами мы воспользовались только отчасти. Поэтому справедливо, чтобы науки, искусства, языки и сама религия, которые до сих пор росли по частям, ныне были соединены воедино так, чтобы то, что до сих пор знали многие, теперь узнал всякий, дабы — по слову апостола — быть совершенным человеком во Христе. И так как сатана не перестает затемнять свет мраком, то возьмем на себя обязанность противопоставить всему его мраку всеобщий свет, чтобы с помощью божьей рассеять весь этот туман.

Но возможно ли это?

Это возможно, если

1. Мы не будем заниматься мелочами.

17. Но достижима ли та широта, к которой мы стремимся? *Возможно ли распространение среди всех людей полного всеобщего знания?* Возможно, если только мы не будем направлять свои природные силы на незначительные дела, не будем одержимы той болезнью, которая, по словам Сенеки, была свойственна грекам; если затем мы не будем направлять наши желания на странные и запретные дела и ими заниматься, к чему именно склонял сатана первых людей и как это он и доныне делает; но, будем стремиться только ко всему, что показывает нам величие божие, цели мира и созданий и наши обязанности относительно всех дел, что выводит нас, таким образом, к пограничным камням между наукой и неведением и предохраняет от стремительного впадения в заблуждение.

2. Если мы обратимся к указаниям, данным богом.

18. *Подобное всезнание вполне приличествует человеку и вполне возможно для него.* Ибо бог предназначил его здесь для владычества над вещами, а там для сопричастия своей вечности и создал его соответственно этим целям, — а именно, по своему образу. Ввиду этого бог открыл ему письма всего изучаемого, т. е. три свои книги: мир, воздвигнутый

¹ Под «концом времен» имеется в виду конец мира. Вместе со многими учеными своего времени Коменский разделял убеждение, что на смену этому старому миру и обществу придет новый, более совершенный, мир, руководимый самим Христом. Одни верили, что Христос придет править земным миром, а другие, — к ним принадлежал и Коменский, предполагали, что новый мир и новое общество людей будет создано в результате распространения и внедрения в жизнь евангельского христианского учения. Оба эти течения объединялись в одном основном, называвшемся «хилиазмом» (от греческого слова *Хίλια* — тысяча), т. е. верой в тысячелетнее царствование Христа на земле. По одним символическим расчетам начало этого царствования падало на конец XVII века, по другим — на более позднее время. По разъяснению Ф. Энгельса «Хилиастические мечтания раннего христианства представляли... удобный опорный пункт» для плебейской части общества, не имевшего никакой собственности и подвергавшей «сомнению учреждения, воззрения и представления, общие всем покоящимся на классовых противоречиях общественным формам» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, ГИЗ, 1930, стр. 131).

вокруг нас и полный дел его; дух, данный нам, внутренне полный разумения и содержащий в себе число, меру и вес всех вещей; наконец, закон, данный нам в руки, истолковывающий там и здесь не понятое нами и предостерегающий нас от уклонения от первоначальной цели. В этих трех книгах, или зеркалах, он предложил нашему созерцанию все, что он хотел, чтобы мы знали.

3. Если мы старательно будем применять все данные нам средства.

19. Чтобы созерцать это, бог дал нам *три глаза*: I — чувства, постигающие все телесное, II — разум, исследующий все умственное, и III — веру, постигающую все сокровенное. Но в качестве *орудия орудий* он дал нам руки, чтобы *искусно делать все* то, что требует выполнения на практике, и язык, чтобы с *удивительной скоростью произносить все*, что нужно привести в связь с знанием другого. Поэтому нет, повидимому, ни малейшего недостатка ни в чем на тот случай, если бы кто-нибудь преисполнился серьезным желанием все узнать, все сделать, все высказать, несмотря на разнообразие умов, благодаря которому один скорее и сильнее чувствует, понимает, верит, делает и говорит одно, другой — другое.

Возражение.

Ответ I.

20. Тут кто-нибудь мог бы — как это и бывает — сделать гиппократово возражение, что жизнь коротка, а искусство требует долгого времени. Я бы ответил на это: но ведь дано достаточно времени, чтобы приготовиться к жизни; человек растет мало-помалу, медленно, до двадцатого года и дальше, а это — столько времени, сколько не дано никакому другому телесному созданию. В то время как гораздо большие тела быка, верблюда, слона и др. вырастают в продолжение двух или трех лет, рост человеческого тела и развитие его достигают зрелости едва на двадцать пятом году. Для какой же цели, как не для той, чтобы в течение столь большого времени не способный к исполнению житейских обязанностей человек посредством непрерывающейся шлифовки сделался, наконец, ко всему способен?

Ответ II.

21. И само дело говорит за это. Какие были бы у нас силы и способности, если бы мы перестали заниматься мелочами, все равно, человеческими или дьявольскими, — делами, которыми жалким образом заполняют свою жизнь и на которые жалко растрачивают ее жалкие смертные. Несомненно, люди, получившие светское образование, чувствуют себя обладателями высокоодаренного ума, если они проглаживают и разжевывают громадные библиотеки и раздуваются от всеведения. Этого не было бы, если бы они, вместо стольких стоячих трясиц, обратили свое прилежание на три единственных источника истинного всеведения, на книги божии ¹. В самом деле, в свете божьем увидели бы мы свет (Псалм., 36, 10), и на живущих в стране тени смертной воссиял бы свет (Исаия, 9, ст. 2).

**Заключение
о возможности,**

22. Таким образом, можно обучать всех всему всеобщим способом. Осведомлять всех всему нужному при помощи всеобщих средств, лишь бы мы не пренебрегали применять эти средства.

¹ Речь идет не только о так называемом «священном» писании, но и о книгах природы и человеческого ума. Ср. § 18 и «Законы хорошо организованной школы» VI, 1.

**а также
о легкости;
доказательство
того, что она
велика при
сделанных
допущениях.**

23. Но легко ли это? Конечно, не трудно, чтобы вещь двигалась туда, куда она естественно стремится по природе; мало того, она рвется вперед. Что камень катится вниз, вода стекает в долину, птица летает, четвероногое животное бежит, все это необходимо и вовсе не нуждается в принуждении; каждая вещь делает то, к чему чувствует себя от природы способной, если только ей в этом не ставят препятствий. Поэтому и людей не нужно побуждать все познавать, делать хорошее, говорить приятное, так как человеку врождена любовь к изучению, к производству одного из другого, желание говорить о том и о другом. Мало того, дух наш есть некоторый автомат (некоторая божья машинка, постоянно работающая посредством собственного движения), так что он нуждается только в направлении, чтобы ничего не происходило без меры, без порядка, без пользы.

24. Сюда присоединяется и то, что всем врождено стремление к делу, скорее как к чему-то связанному, нежели как к чему-то отрывочному, что никто не желает быть запертым в тесных пределах, а всякий всегда охотнее стремится к целому, чем к части. Если кто сомневается в этом, пусть сделает опыт на ребенке, живущем еще природными влечениями. Попробуй начать рассказывать ребенку историю или басню, соответствующую его пониманию, и прерви свой рассказ на середине: как он, исполненный желанием узнать целое, будет к тебе приставать и упрашивать довести рассказ до конца!.. То же самое будет, если начнешь ему строить домик, клетку или что-либо подобное; он не устанет просить тебя окончить постройку или попытается сам закончить ее. Таким же образом лепечущий ребенок — плохо ли, хорошо ли — подражает всякой речи, какую он слышит. И как не надеяться, что все произойдет вполне подобно этому, если школа будет универсальной? Разве она не будет представлять подобие театра, в котором приятно и привлекательно в общих чертах будет изображаться полный цикл вещей и деятельности (как преходящих, так и вечных)? Разве каждый из нас в отношении бога не ребенок, которому было бы приятнее познакомиться с целой поэмой божией, нежели с одним ее отрывком?

**Универсальные
средства для
универсальной
мудрости.**

25. Мы видели, какой нужно желать школы и на каких основаниях. Мы видели также, что этим желаниям не препятствует их неисполнимость; напротив, если мы сумеем воспользоваться данными средствами, будет устранена даже всякая трудность. Теперь следует выяснить, каковы эти средства и каково их применение.

26. Уже было указано, что данные богом универсальные средства для универсальной мудрости — тройкого рода. Если человеческое трудолюбие прибавит к ним три других средства, то мы получим то, чего ищем.

27. Богом даны нам:

**Богом даны
три средства.**

I. Три божественных зрелища (theatri), или три книги, открывающие человеку все, что ему необходимо знать, представляющие образцы всего, что нужно делать, и дающие материал для всего, о чем должно говорить (ср. выше § 18).

II. Далее человеку даны три глаза, одаренные стремлением подра-

жать всему виденному, а также распространять среди людей практику и знание вещей (§ 19).

III. Мы наделены медленно протекающей юностью (§ 20), чтобы никто не испытывал недостатка во времени для подготовки к жизни.

Вспомогательные средства, предлагаемые способностям со стороны человека.

28. Таким образом, господь выказал особенную заботу о нас, дав нам для достижения мудрости указанные средства, к которым, как я выше заметил, наша изобретательность должна прибавить три других. Это 1) хорошие книги, представляющие собой

1. Книги, вводящие в божественные книги.

извлечения из книг божьих¹; 2) надежные учителя, способные с помощью этих книг ввести юношество в содержание книг божьих и 3) хороший метод, облегчающий тяготу учения и обучения. 29. Как никто не может читать человеческие книги, не будучи обучен искусству чтения посредством азбучных упражнений, так никто не прочтет надлежащим образом божественных книг, если не будет предпослано умелое введение. Поэтому необходимы (приспособленные к человеческим силам) элементарные книги, которые бы открыли наши чувства для более отчетливого схватывания вещей, которые, далее, изощрили бы наш разум, чтобы он проникал в глубину вещей, и которые, наконец, принудили бы нашу веру быстрее и тверже доверять Откровению.

2. Хорошие руководители.

30. Но так как немногие могут учить самих себя (быть автодидактами) или могут заняться этим поздно и с потерей времени, то эти занятия мудростью требуют руководителей, которые сами были бы также универсальны, т. е. людей, обнимающих умом все знание и знающих его применение, готовых служить всем, доказывающих это на деле и ежедневно возжигающих от своего света свет, правильное сказать светильники.

3. Целесообразный метод введения (в знание),

31. Пансофические занятия требуют и пансофического метода, столько же универсального, сколько и везде согласного с самим собой, приятного и легкого, чтобы как учащие, так и учащиеся чувствовали не отвращение от трудов, а их плоды и радость. Таким образом, школа перестанет быть лабиринтом, толчейной мельницей², темницей, пыткой для умов, а станет для них скорее развлечением, дворцом, пиршеством, раем.

основанный на законах точного порядка.

32. Приятная сторона школ такого рода всецело коренится в порядке, который обнимает все, что происходит в школе. Ибо только порядок есть душа вещей. Через него возникает, живет и достигает своего совершенства все, что рождается, живет и развивается. Где он устойчив, там все устойчиво; где он колеблется, там все колеблется; где он расшатан, там и все расшатано и приходит в хаос; а когда порядок восстанавливается, тогда восстанавливается и все.

¹ Предполагается три книги: 1) книга природы, 2) книги, созданные человеческим умом, 3) книги так называемого «священного» писания. Ср. здесь же § 18 и «Законы хорошо организованной школы», VI, 1.

² Работа на толчейной мельнице являлась особенно тяжелой, почему Коменский и сравнивает старые методы работы в школе с работой на толчейной мельнице

Порядок делает школу подобной часовому автомату

божественной мудростью, и следует придать вид аккуратно идущих часов, в которых есть все, что нужно для их самопроизвольного хода, в которых нет ничего (будь это хоть малейшее колесо, или колонна, или зубчик) бесполезного, но все так расположено, что движется только приложением тяжестей, как если бы все было живым и притом самым регулярным образом, — направляя своим движением мысль на движение неба и на течение мирового времени.

и типографско-му искусству, быстро и изящно запечатлевающему образование ума.

знание и запечатлеваться в чувствах и умах мудрость. Это происходит так же, как в типографии, где в один день не печатают целой книги, а ежедневно отпечатывают один лист, и откуда через известное время выходят сотни и тысячи объемистых и изящных книг — носительниц скрытой в них мудрости.

Для полной школы необходим полный порядок в семи отношениях.

33. Прочное устройство пансофической школы будет состоять в том, что в ней всюду будет царствовать полный порядок в отношении дел и лиц, места и времени, книг и работ, наконец, и в отношении вакаций¹. Этой школе, созданной для человеческих детей

34. Порядок делает школу духовной мастерской, похожей на типографию, где книги умножаются с такой скоростью, изяществом и правильностью орфографии, которая граничит с чудесным, чему нельзя было бы поверить, если бы это не было общеизвестным. С той же, говорю я, легкостью, быстротой, изяществом и верностью в школах должно умножаться

35. Чтобы освободить школы мудрости от всякого нестроения, я попытаюсь с божью помощью привести все [из чего они состоят] в точный порядок таким образом:

1. Вещи, подлежащие преподаванию и изучению.
2. Лица, которые призваны учить и учиться;
3. Орудия (instrumenta) обучения: книги и т. п.;
4. Места, которые должны быть предназначены для обучения;
5. Время, которое должно быть установлено для занятий;
6. Сами работы
7. Перерывы и вакации.

1. Порядок, касающийся того, чему следует учить и учиться.

Три главных правила для того, чему следует учить и учиться.

36. Во главе этого отдела следует поставить требование, чтобы учили и учились, предлагали и осуществляли: 1) первичное — раньше остального; 2) более важное — раньше менее важного, 3) имеющее связь — одновременно.

37. Первичным является (1) чувственное по сравнению с интеллектуальным, последнее по сравнению с откровенным; (2) целое по сравнению с частями и (3) простое по сравнению со сложным.

38. Более важное есть бог перед человеком, человек — перед другими созданиями, душа — перед телом; равным образом духовные вещи — перед телесными, небесные — перед земными, вечные — перед

¹ Сравни составные элементы школы в «Законах хорошо организованной школы», 1,2 — 5.

временными и, следовательно, благочестие—перед образованием прав, нравы—перед наукой и т. п.

39. Параллельна или соотносительна вещь, понятие о вещи и ее словесное выражение; ибо представления суть образы вещей в уме, а слова суть образы представлений. Отсюда следует необходимый вывод, что уму должны быть предлагаемы вещи, рассматривая которые он образует образы вещей и которые он, постигнув, может сейчас же научиться называть. Таким образом надлежит всегда соединять три следующих элемента: вещи, ум и язык, и притом таким образом, чтобы предшествовало чувственное восприятие вещей, затем следовало указание относительно правильного их понимания, наконец, чтобы присоединялось название. Если что-нибудь из этого пропущено, явится прореха; если что-нибудь сделано в обратном порядке, получится неровность.

1. Чувственное прежде умственного, а последнее прежде откровенного.

40. Восприятие вещей внешними чувствами идет прежде представлений; ибо *нет ничего в сознании, чего раньше не было бы в ощущении*. Откровение же (так как оно дополняет наше знание о том, до чего мы не доходим ни чувством, ни разумом, но о чем мы охотнее узнаем все через самих себя, если это возможно) находит свое естественное место лишь после представлений. Другая причина того, почему в школе мудрости должно быть преподаваемо прежде всего чувственное, за ним умственное и, наконец, то, что, исходя из божественного откровения, требует веры и послушания (с устранением чувств и разума), такова: вещи лучше всего познаются таким образом, как они возникают и следуют одна за другой. Бог прежде всего сотворил мир, наполненный его творением, которое мы рассматриваем посредством наших чувств; затем — человека, исполненного разума, — человека, который может познать самого себя не прежде, чем увидит себя наполненным образами вещей; ибо только тогда познает он, что он есть мир в малом, подобие всеведущего бога, только тогда умножит он в себе свет разума и наслаждение, сопоставляя различным образом один с другим отвлеченные образы вещей, разделяя их и снова соединяя. Наконец, созданному и введенному в мир для его созерцания человеку бог дал, обратившись к нему со своим словом, известные наставления, которые должны его поучать относительно правильного употребления вещей и должного послушания Творцу. Этот порядок не может быть перевернут; и нет сомнения, что наша школа, закладывая основы великого света, должна занимать учащихся сначала чувственным, затем умственным, наконец, откровенным.

2. Целое прежде частей. (Роды раньше видов).

41. Целое изучается раньше частей, потому что оно больше их (ибо всякое целое больше своей части) и поэтому скорее входит в соприкосновение с чувствами и сильнее на них отпечатлевается. Большой предмет виден даже издали, а малые—только тогда, когда к ним подойдешь ближе и когда их рассматриваешь один за другим. Далее: целое есть одна вещь, частей — много: а одну вещь можно постигнуть легче и скорее, нежели многие. То же правило имеет место и по отношению к роду и виду; ребенок легче выучивается узнавать дерево, нежели определять виды деревьев. Следовательно, «целые» вещи, т. е. роды, должны быть самым первым предметом учения и обучения, и только за ними должны следовать части и

виды, так, чтобы знание отдельных и специальных вещей (индивидуумов), составляло высшую ступень человеческой мудрости. Это доказывает и пример Соломона, который умел говорить обо всех вещах—как величайших, так и малейших, и был мудрее всех (1 Царств, 4, 33).

**3. Простое—
прежде сложного.**

42. Простое также должно предшествовать сложному: оно изучается легче. Мальчик, например, скорее выучивается писать и произносить десять цифр, нежели различные соединения чисел до бесконечности. Также и двадцать пять букв¹ изучаются легче, нежели составляемые из них многие тысячи слов. Так как при общем изучении языков, наук, искусств, знаний, мудрости, наконец, даже самого благочестия, выступают известные простые вещи, из соединения и различного распределения которых происходит все разнообразие материала (почему они и называются началами, или элементами тех знаний), то эти начала, если только они везде надлежащим образом предпосылаются, дают удивительно ясный, легкий и приятный метод обучения и изучения.

**Святое правило
метода —
изучать более
важное прежде
менее важного.**

43. Но этому методу придает мудрость и освещает его то золотое правило, чтобы преимущественным, более важным и занимались преимущественно. Так как бог, в котором и через которого все существует, к которому все стремится и в котором все имеет свой конец, занимает важнейшее место в пансофических занятиях, то все мы должны учить и учиться, всюду иметь его перед глазами, думать о нем, любить его, бояться, славить его внутренним почитанием и стремиться к нему, как к высочайшему нашему благу. Тогда с радостью мы будем искать пути к нему и к вечному блаженству и, найдя его, будем ему верными будем остерегаться уклониться от него. Наконец, мы привыкнем разумно заниматься тем, что нужно для этой преходящей жизни, как чем-то, требующим ограничения и оставления позади нас. Счастлива та школа, которая учит ревностно изучать и делать хорошее, еще ревностнее—лучшее, и всего ревностнее—наилучшее.

**Имеющее между
собой связь
изучается
параллельно.**

44. Наконец, метод будет сберегать труд через соединение параллельно идущих вещей, т. е., например, если параллельно будут изучаться письмо и чтение, познание вещей и их наименование, если, следовательно, будут совмещаться понимание, деятельность и правильное употребление речи. Таким образом, обучение надобно всегда вести по всем этим пунктам к следующей ближайшей ступени².

II. Порядок, касающийся лиц.

**Порядок
классов.**

45. Порядок, касающийся лиц, водворится в школе от распределения учащихся в зависимости от возраста и успехов по отделениям, или куриям, которые мы, согласно принятому в школах обозначению, называем «классами». Класс, следовательно (в этом случае), есть не что иное, как соединение в одно целое одинаково успевающих учеников, для того чтобы легче можно было вести вместе к одной и той же цели всех, кто занят одним и тем же и относится к обучению с одинаковым прилежанием.

¹ Имеются в виду 25 букв латинского алфавита.

² Ср. «Великая Дидактика», XIX, Пробл. VI.

Семь классов
пансофической
школы.

46. Чтобы исчерпать всю область познаваемого во всем его объеме, мы организуем семь таких классов, (предпослав им школу родного языка, где обучают начальному чтению). Три первых, низших, класса должны служить возбуждению внешних чувств; столько же классов должно служить усовершенствованию понимания вещей и, наконец, последний класс — посредством света Откровения — возвышению умов к богу. И так как точнейшее деление познаваемого обнаруживает в нем реальное, умственное и словесное бытие, то раннее детство в первых трех классах мы занимаем преимущественно словесным бытием, т. е. чувственным анализом языка, привлекая к этому поверхностное знание вещей. Четвертый класс мы назначаем для изучения реального бытия, объясняемого философией путем тщательного сопоставления и открытия законов всех вещей. Пятый класс исследует умственное бытие, проникая в тайны человеческого ума. Шестой класс извлекает из всех этих вещей пользу для разумного устройства им настоящей жизни. Наконец, седьмой класс полнее покажет путь к будущей жизни, а также путь для домогающихся блаженства.

Какими
именами
различать
эти классы.

47. Для отличия друг от друга эти семь классов мы будем называть следующими именами:

- I — вестибулярный¹,
- II — януальный²,
- III — атриальный³,
- IV — философский,
- V — логический,
- VI — политический и
- VII — богословский, или теософический.

И почему так.

48. Отсюда ясно, что я следую совету Альстеда, который рекомендовал установить три грамматических класса и столько же гуманитарных. Здесь впервые появляется тройного рода грамматика для объяснения: 1) оснований, 2) состава и 3) украшений языка. Затем следует: 1) прямо на все вещи направленная познавательная способность человеческого ума; 2) способность направленного на себя самого духа — властвовать над собой в данных ему пределах — и 3) стремление улучшать человеческое общество. Мы прибавляем еще седьмой класс — класс богословских занятий, чтобы мы образовывали не только сыновей мира сего, но и наследников неба.

^{1—3} Эти названия классов Коменский заимствует из названий некоторых частей дома древних римских богатых и знатных людей — патрициев. С улицы входу в дом предшествовала площадка между линией фасада и наружной дверью дома. Эта часть дома называлась вестибулумом (от латинского слова vestibulum) и соответствовала нашей прихожей или раздевальне. В дальнейшем вестибулярный класс мы будем называть «преддверным». Следующая часть дома римского патриция называлась януа — дверью. Следовательно, название класса «януальный» целесообразнее по-русски передать словом «входной», или, еще лучше, «вступительный». Буквальный перевод словом «дверной» не выяснил бы сущности назначения этого класса. Третьей от входа частью дома римских патрициев была центральная, так сказать общественная, часть дома — atrium — что означает по-русски зал, гостиную, в которой хозяин принимал посетителей и проводил время в кругу своей семьи. В дальнейшем мы и называем этот класс термином «зальный».

III. Порядок, касающийся учебных пособий, книг.

1. Семиклассная школа должна иметь семь классовых книг.

49. Он будет состоять в следующем: 1. Эта семиклассная школа должна иметь семь книг, между которыми вся сумма того, что должно составить предмет мудрого изучения и обучения (см. выше § 4, 6, 7, 8, 9), изложена так, что ничего не придется искать в другом месте, но все необходимое можно будет найти в них. И это сделано для той цели, чтобы каждый, прошедший все классы этой школы и исчерпавший назначенные для всех этих классов книги, мог выйти универсально ученым и не находиться во вредном неведении относительно всего, что необходимо.

2. Каждая из этих книг должна содержать в себе весь курс класса.

3. Все книги должны быть записаны по плану текущему (Huidu) методу.

2. Каждая из упомянутых книг должна содержать в себе курс соответствующего класса—так, чтобы каждый ученик был уверен, что он все свое носит с собой¹ и что никто не лишит его этого достоинства, и тем усерднее старался плавать по своему малому океану.

3. Все эти книги должны быть так составлены, чтобы учителям и ученикам не приходилось блуждать в них, как в лабиринте, но чтобы они находили в них такое удовольствие, какое находят в привлекательном саду.

IV. Порядок, касающийся места.

1. Сколько классов, столько комнат.

50. Относительно помещений обязателен такой порядок: во-первых, сколько классов, столько учебных комнат; иначе учащие и учащиеся не будут в состоянии беспрестанно делать свое дело; им будут постоянно мешать вид и голоса тех, кто занимается чем-либо другим. Чтобы, следовательно, все, занимаясь одним и тем же делом, исполняли его с полным вниманием, они должны быть ограждены от постороннего шума: классы должны быть отделены один от другого.

51. Во-вторых, в каждой учебной комнате необходимо еще дальнейшее разделение, особенно, если число учеников велико. Их следует поделить на десятки и каждому такому отделению указать особое помещение, равно как во главе его поставить декуриона (десятского), дав ему титул «инспектора», «руководителя», или «педагога» и выбрав его из учеников, выдающихся своим возрастом, способностями или прилежанием, или же из числа тех, кто уже прошел этот класс и уже сведущ в том, чем тут занимаются, чтобы он тем легче мог помогать классному учителю.

Обязанности декуриона.

52. Его обязанностью будет: 1) замечать, все ли своевременно приходят в класс и на своих ли местах сидят; 2) наблюдать, чтобы каждый занимался тем, чем ему следует заниматься, и 3) в случае, если он заметит, что кто-нибудь более слаб или медлителен и потому не в состоянии поспевать за

¹ Перефразировка выражения одного из древних философов: omnia mea mecum porto— все свое (все свои богатства, т. е. знания) я ношу с собой.

другими, помочь такому или указать на него учителю. Словом, он должен оберегать свой десяток как вверенное ему стадо, идти во главе его, подавая хороший пример в прилежании и добродетелях, и во всем остальном держать себя как добросовестный заместитель учителя и ревностный соперник других десятских (декурионов). Если он не исполняет тщательно своих обязанностей, то его следует устранить от декурионата и притом публично, чтобы это послужило предостережением для других.

Ученики должны постоянно видеть учителя.

53. Наконец, следует еще отметить то, что учитель должен занимать надлежащее место, откуда бы он мог всех видеть и где сам был бы у всех на виду. Я не могу допустить, чтобы учитель стоял где-нибудь в углу или в стороне, в толпе, или чтобы он, прохаживаясь, подходил то к одному, то к другому ученику, диктовал или объяснял что-нибудь отдельно кому-либо из учеников (или несколькими, но не всем)... Учитель должен, как солнце всего мира, стоять на высоте, откуда бы он мог одновременно на всех распространять лучи учения, притом сразу одни и те же и равномерно освещать всех. Кафедра поэтому должна стоять выше, нежели скамьи, — на стороне, противоположной окнам, и так, чтобы, если учитель (для автопсии¹) что-нибудь рисует на доске, все это видели ясно и отчетливо.

V. Порядок, касающийся времени.

В чем состоит мудрое распределение времени:

54. Если где-либо нужно мудрое распределение времени, то больше всего оно нужно, несомненно, там, где прилагают старание к приобретению мудрости: чтобы и частичка ее не пропадала без пользы и не оставляла умы неоплодотворенными, а также, с другой стороны, чтобы время, отмеренное нам богом, правда, в достаточном количестве, но слишком суживаемое нашей скупостью, не вызывало бы насилия над умами. В пансофической школе время должно быть так распределено, чтобы отдельные годы, месяцы, дни и часы имели свои определенные задания, которые должны быть разрешены в свое время. Но как это сделать?

В приспособлении заданий к средним способностям.

55. Для каждого класса должен быть назначен такой приспособленный к средним способностям годовой курс, чтобы его можно было легко усвоить в продолжение одного года, но так, чтобы и с быстро и медленно работающим умом было возможно пройти его в одинаковый промежуток времени. Это принесет существенную пользу: на слишком быстрые способности следует наложить путы, для того чтобы они не были обессилены раньше времени; слишком же слабые головы следует возбуждать примером и

¹ Автопсия, автэфтезия — термины, трудно передаваемые на русском языке. Педагогическое назначение и смысл автопсии и автэфтезии Коменский объясняет в трактате «Выход из схоластических лабиринтов», § 46 и сл. Буквально в переводе с греческого языка автопсия означает личное созерцание, а автэфтезия — личное ощущение. В переносном смысле эти термины могут быть переданы русским словом «наглядность», однако с дополнительным соображением, во-первых, о некотором личном усилии созерцающего, во-вторых, о включении в это понятие и восприятий других органов чувств, кроме зрения.

участием, приводить в движение и поддерживать, чтобы они, по крайней мере, не отставали.

В одновременном
начале и оконча-
нии занятий
в классах.

56. Отсюда следует, что будет согласно с требованиями хорошего порядка, если все классы будут начинать и заканчивать свои годовые занятия в одно время: весной, или, что, повидимому, удобнее, осенью. Поэтому вне этого времени никого не следует (как общее правило) принимать в школу, чтобы обучение всех подвигалось равномерно и курс одинаковых занятий заканчивался всеми учениками каждого класса в конце года. Это должно происходить так же, как в типографии, где с самого начала печатания отпечатывают столько экземпляров [каждого листа], сколько надо отпечатать экземпляров всей книги, так что потом нельзя ничего ни добавить, ни выкинуть без ущерба. Если все это исполнять надлежащим образом, то каждый класс по истечении года может целиком перейти в высший класс, показывая тем, как умножается образование.

57. Что касается до месячных, четвертных, полугодовых и других заданий, то дальше будет говорить о них пространнее. Замечу вообще только следующее: ни в один день юношество не должно заниматься более шести часов, и притом только в классе; на дом ничего не следует задавать (особенно в младших классах), кроме того, что имеет отношение к развлечениям и домашним услугам. Если кто-либо скажет, что не давать ученикам никаких занятий вне школы, значит давать слишком много свободы, то я на это отвечу: 1) Школа называется учебной мастерской; следовательно, именно в ней, а не вне ее, надо делать то, чем обуславливается научный успех. 2) Сколько ни приказывай, чтобы ученики делали вне школы то или другое, они все-таки—таково уж свойство юности—будут исполнять это лишь поверхностно, небрежно и с ошибками; а уж лучше ничего не делать, чем делать с ошибками. 3) Я так распределил время занятий, чтобы на работу приходилось восемь часов, столько же на ночной отдых и еще восемь часов на выполнение житейских обязанностей и на развлечения. Я прошу быть терпимым и к тому, чтобы ученики не испытывали недостатка времени для выполнения кое-чего по собственному усмотрению (что отвечает их природе) и чтобы, выполняя свои работы, они снова становились склонными к тому, что они должны делать по нашему мнению.

58. Но эти ежедневные занятия, в течение шести часов ни в коем случае не должны продолжаться непрерывно, — между ними должны быть промежутки для отдыха. В предобеденные часы должны упражняться преимущественно, ум, суждение, память, а в послеобеденные — руки, голос, стиль и жесты.

VI. Порядок, касающийся занятий.

Занятия разделяются на
1. Главные

59. В отношении состава в каждом классе должны быть занятия: главные, второстепенные и третьестепенные. Главные занятия суть те, которые включают в себе сущность, ядро и содержание мудрости, красноречия, честного поведения, равно как и благочестия; таковы занятия языками, философией и богословием.

2. Второстепенные. Занятия второстепенные суть те, которые служат для главных вспомогательными и нужны для лучшего усвоения первых; таковы занятия историей, при которых дело не в изучении общих, определенно установленных мировых событий, а в собирании исключительных случаев, и мн. др. (см. § 70).

3. Третьестепенные. Под занятиями третьей степени я разумею заботу о вещах, не дающих ничего для мудрости красноречия, добрых нравов и благочестия, но весьма способствующих свежести здоровья и бодрости духа; таковы, например, различные развлечения, игры и т. п. Но так как ничто из этого не должно быть устранено из пансофической школы, то все следует вставить в общий порядок таким образом, чтобы ничто не встречало в другом помеху, но одно помогало другому.

Главные занятия: 60. Главные занятия должны вестись в первую очередь: 1) во всех классах, 2) постепенно и 3) по одному в области и тому же методу.

Если я говорю: во всех классах, то я требую, чтобы у учеников всегда и везде совершенствовались:

1. Чувства	1. Чувства — для все более и более отчетливого наблюдения вещей.
2. Ум	2. Ум — для все более и более глубокого проникновения в вещи.
3. Память	3. Память — для все лучшего и лучшего усвоения.
4. Язык	4. Язык — для того, чтобы понятое уметь высказывать все лучше и лучше.
5. Руки.	5. Руки, — чтобы со дня на день искуснее выделять то, что нужно.
6. Дух	6. Дух, — чтобы лучше и лучше предпринимать и производить все, что достойно уважения.
7. Сердце	7. Сердце, — чтобы пламеннее любить и призывать все святое.

Во всем должно упражняться везде, но постепенно.

61. Я говорю: постепенно, т. е. я хочу, чтобы то, чему положено было основание в первом классе, в следующих классах получало постоянный рост, точно таким же образом, как ежегодно все более разрастается удачно посаженное деревцо, причем оно постоянно сохраняет свои первоначальные ветви, только доводя их до все большего развития.

Так как строго определенных ступеней в каждом занятии есть три: начало, продолжение и завершение, то при надлежащем их прохождении мы будем идти от одних достижений к другим. Вот эти ступени в семи предметах первостепенного значения.

1. Ступени чувственных восприятий 62. Первая ступень чувств, или чувственных восприятий, наблюдается у всех малых детей в том, что они начинают поворачивать глаза к свету, уши к звукам, зубы к вкусным вещам и т. п. Вторая ступень у взрослых, но еще не обученных искусству, состоит в том, что они при помощи многочисленных упражнений много и ясно видят, слышат и т. п. На третьей ступени люди уже знают способ действия, причины и различия в свете и красках, в лучеиспускании,

в видении, в зрительных приборах и т. п., равно как и то, что входит область других чувств, и научаются пользоваться остротой своих чувств для понимания тонкостей.

2. Ступени ума. 63. Понимание вещей также имеет три ступени.

На первой ступени мы воспринимаем исторически что-нибудь есть, на второй — научно, что и почему есть и на третьей ступени — при помощи умозаключения, то-есть разумно, рассматриваем основания какой-нибудь вещи, так что можем выдумать даже новую вещь того же рода. Например, если кто-нибудь знает употребление компаса и, наученный лишь опытом, умеет им пользоваться, то он стоит на первой ступени знания. Но если он понимает и основания таким образом устроенного компаса, то он находится на второй ступени. Если же, наконец, он дошел до того, что в состоянии выдумать *scioterica* нового вида, то он стоит на третьей ступени.

3. Ступени памяти.

64. Ступени памяти следующие: первая — вообще удерживать в голове вещь, вторая — уметь перечислить большее и более важное, и третья — передать все до мельчайших подробностей.

4. Ступени языка.

65. Для рационального занятия языками существуют те же ступени: лепет (отдельные слова), связанная речь (*loquela*) и красноречие. На первой ступени изучаются основания языка, слова, которые надо в отдельности понимать, произносить и изменять, особенно краткие, первоначальные и простые; на второй учат, как связывать из слов фразы и строить из них предложения и периоды, на третьей ступени — как из всех этих словесных элементов вытекает поток речи, приятный и действующий на других.

5. Ступени упражнения.

66. Рука также приучается к движениям и к известной деятельности: прежде всего мы начинаем владеть ею и двигать по желанию своего разума, затем делаем свою работу без очевидных ошибок и, наконец, работаем красиво и быстро.

6. Ступени для изучения поведения.

67. То же самое можно наблюдать и в поведении: мы прежде всего остерегаемся грубых промахов, затем более тонких и, наконец, доходим до того, что в наших действиях, жестах и словах все становится благоприличным и приятным.

7. Ступени благочестия.

68. По таким же ступеням идет и образование сердца или души для внутреннего благочестия. Первая ступень — теоретическая, т. е. истинное и полное знание того, что бог открыл, повелел, обещал (ибо знать только это, даже в тонкостях, доступных ангелам, есть не более, как порог благочестия). Вторая ступень — практическая, т. е. постоянное упражнение в вере, любви, надежде посредством живой деятельности. Об этом Писание говорит таким образом: разум верный у всех, исполняющих [заповеди его], или, как звучит еврейский текст: хороший успех всем, исполняющим заповеди его (Псалм., 11, 10). Последняя ступень есть совершенство веры, любви, надежды, вплоть до уверенности, — то, что апостолы называют совершенной уверенностью и совершенным разумением (Колосс., 2, 2, Евр., 6, 11 и др.), все побеждающей верой (1 Иоанна, 5, 4), любовью божьей, изливаю в сердца наши духом святым (Римл., 5, 5), изгоняющею страх (1 Иоанна, 4, 18), надеждой, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий и входит во внутреннейшее,

за завесу, (т. е. на небо, — Евр. 6, 19, 20), где она является нашим предтечею миром божьим, который выше всякого чувства (Филипп. 4, 7), и т. д. Ибо подобное твердое убеждение делает то, что мы (как это бог открывает для непоколебляющейся веры, чему он строго заповедует следовать, что он обещал нам в надежде за надежду) чувствуем, что бог обитает в нас и мы обитаем в боге, и поэтому уже под небом начинаем вести небесную жизнь (т. е. среди скорбей преисполняться чувством вечного блаженства).

69. Я сказал (§ 60), что эти главные занятия должны все вестись по одному и тому же методу. Это достигается: 1) посредством постоянного параллелизма предметов, понятий и слов; 2) посредством знания, понимания, применения; 3) посредством примеров, правил, упражнений. Упражнения, или практика, происходят посредством самостоятельного наблюдения, самостоятельной речи, самостоятельных действий. Предмет, подлежащий изучению, или то, что должно быть сделано или сказано, сначала надлежит хорошо показать или проделать или выразить словами; затем, в случае необходимости, пояснить так, чтобы никто не мог не понять его, затем посредством подражания (все равно, — будет ли это сделано посредством повторения объяснения вещей, или запечатления в памяти, или выполнения рукой) делаются опыты воспроизведения, и притом так долго и тщательно, что образец передается самым точным образом. Таким только путем возможно достигнуть того, что ни один день не пройдет, не оставив после себя следа (linea), мало того, не пройдет ни одного часа, в который бы не было сделано нового и очевидного приращения к знанию.

**Второстепенные занятия
двоякого рода:**

70. Занятиями второстепенными я назвал те, которые для первостепенных служат поддержкой, а именно: 1) занятия историей, 2) умственные занятия, организованные в силу непосредственного интереса, и 3) некоторые экстраординарные занятия, предоставляемые некоторым учащимся вне обычного порядка (о них см. § 83).

**1. Занятия
историей.**

71. Так как изучение истории чрезвычайно радует чувства, возбуждает фантазию, украшает ученость, обогащает язык, изощряет суждение о вещах и молчаливо развивает благоразумие и т. п., я требую, чтобы оно постоянно сопровождало главные занятия во всех классах. Но и эти занятия следует расположить по ступеням так, чтобы они находились в согласии с целями отдельных классов в главных занятиях. Так, например, третьему классу (раньше нельзя, да и не нужно, начинать этих занятий, потому что для начинающих вместо истории служит сама номенклатура вещей) можно предложить сборник историй, имеющих отношение к ежедневной жизни, — а именно, моральные рассказы, способные вызвать любовь к добру и отвращение ко злу. Для четвертого, философского, класса можно рекомендовать историю естественных вещей, представляющую редкие и удивительные явления в творениях божьих. Для пятого, или логического, класса годится история механических проблем, дающая наслаждение уму человеческому, излагающая то, чего искали и что изобрели, то, что еще надо искать и изобретать. Политическому классу хорошую услугу окажет история обычаев, которая должна повествовать о различных обычаях народов. Для последнего класса приятной спутницей будет всеобщая история, которая должна иметь

своим предметом течение веков и разнообразные столкновения человеческого ума и глупости (как между собой, так и с промыслом божьим), удивительные случаи и т. д.

2. Различные упражнения.

72. Так как только упражнение делает людей искусными, а мы исполнены стремлением сделать людей сведущими во всех вещах, искусившимися во всем и поэтому годными ко всему, мы требуем, чтобы во всех классах учащиеся упражнялись на практике: в чтении и письме, в повторении и спорах, в переводах прямых и обратных, в диспутах и декламации и т. д. Упражнения такого рода мы разделяем на упражнения: а) чувств, б) ума, с) памяти, d) упражнения в истории, е) в стиле, f) в языке, g) в голосе, h) в правах и i) в благочестии.

1. Упражнения чувств

73. Упражнения чувств необходимы прежде всего и не должны нигде и никогда прерываться, потому что для ума чувства суть путеводители к науке. Поэтому мы должны стараться, чтобы все то, знание чего мы желаем сообщить ученикам, было представляемо их чувствам, чтобы сами предметы, будучи непосредственно налицо, трогали, приводили в движение, привлекали чувства, а последние — в свою очередь — ум, и таким образом, чтобы не мы говорили ученикам, а сами вещи. Как бог поступает с нами в этой школе мира, где он все зрелище природы наполнил картинами, статуями и образами, и притом такими, которые можно видеть, осязать, вкушать, слышать, обонять и т. д., посредством которых он молча, но внушительно поучает нас, присовокупляя в слове своем лишь весьма немного правил, — так должно поступать и в нашей школе, чтобы то, что нужно знать о вещах, было преподаваемо посредством самих вещей; т. е. должно, насколько возможно, выставлять для созерцания, осязания, слушания, обоняния и т. п. сами вещи, либо заменяющие их изображения.

Пусть вся школа будет полна изображений,

Частью таких упражнений чувств будет, если мы наполним все стены учебной комнаты, извне и внутри, картинами, письменами, изречениями, эмблемами и т. п., но об этом подробнее ниже.

а также все школьные книги.

74. Также и книги могут быть наполнены изображениями такого рода; расход, однажды сделанный для подобной цели, сослужит службу всем школам, а не только той, для которой эти изображения будут сделаны. Это будет и прочнее, и тогда учеников можно будет обучать не только в общей учебной комнате, но и в любом месте. И если это достижимо, то следует сделать и то и другое, чтобы как стены, так и книги содержали изображения всевозможных вещей, которые мы хотим глубоко запечатлеть в уме юношей, так, чтобы куда ни обратят они глаза, всюду им попадались эти предметы. Здесь применимо положение: лучше изобилие, чем недостаток.

2. Упражнения ума.

75. Упражнения ума, обыкновенно, будут происходить непрерывно на отдельных, проводимых по нашему методу, уроках. Каждая задача прежде иллюстрируется и объясняется, причем от учеников требуется показать, поняли ли они ее и как поняли. Так как мы воспитываем людей, а не попугаев, то они должны быть постоянно руководимы ясным светом ума. Хорошо также в конце каждой недели или перед каникулами, по усмотрению учителя, устраивать повторения. Решетиции эти учитель

должен распространять на все, чем занимались на данной неделе, в данном месяце, в данном триместре; при этом прилежные, твердые в знаниях и послушные ученики должны получать похвалу, а остальные — порицание.

3. Памяти.

76. Упражнения памяти должны практиковаться непрерывно, ибо вполне справедливо говорит Квинтилиан: «Мы знаем столько, сколько удерживаем памятью». Но мы никоим образом не должны обременять учеников и заставлять их мучиться дома заучиванием наизусть; мы должны только посредством достаточного и приятного повторения ясно понятого достигнуть того, чтобы все само собой закрепилося в памяти. Чтобы убедиться, засело ли в памяти изученное таким образом, можно устроить такого рода упражнения, чтобы ученикам предоставить случай вызывать друг друга на соревнование, кто из них в состоянии точнее передать прежние уроки. Можно, например, во время недельных испытаний позволить низшему вызвать высшего¹ перед лицом всех товарищей на состязание памяти; награда победителю — высшее место. Таким образом, посредством обоюдного соревнования (сидящие ниже будут иметь желание подняться выше, а сидящие выше будут опасаться понижения) можно возбуждать прилежание всех и в высшей степени обогащать память, сокровищницу мудрости.

4. В истории.

77. Упражнения в истории можно отнести к упражнениям памяти, так как и здесь ученики могли бы вызывать друг друга [на состязание]; но здесь следует применить другой порядок. Можно, например, назначить один час (хотя бы в среду, в послеобеденный час, вскоре после еды), когда всем ученикам школы читают обычные «Гражданские Ведомости», если где таковые имеются. Если же их нет, то следует читать из французско-бельгийского «Меркурия»² и пояснять, что где-либо на земле случилось замечательного за последнее полугодие. От этого будет двойная польза: 1. Это укрепит учеников в употреблении языка. 2. Будет способствовать до известной степени изучению современной истории (например, знания того, какие цари теперь живут, с кем они в мире, с кем ведут войну те или иные народы, какие состоялись сражения и с каким исходом, какие города осаждены и взяты и т. п.). 3. Наконец, ученики мимоходом ознакомятся с географией и с положением стран, причем учитель для незнакомых с подобными вещами расскажет все это подробнее, нежели автор статьи, излагавший события вкратце для читателей, знакомых с личностями и местностями.

5. В стиле.

78. Обычные упражнения в стиле должны также происходить ежедневно и притом в последний послеобеденный час: цель их — приучить руку быть ловким истолкователем ума. При этом ничто не мешает устроить еще необычные упражнения; например, начиная с третьего класса давать ученикам совет почаще писать письма, все равно, к отсутствующим ли родственникам, или друзьям, или двоим назначенным для этого ученикам — друг другу

¹ Высшее и низшее нужно понимать в смысле места в разрядных списках, а не в буквальном смысле.

² Имеется в виду альманах (сборник) событий мировой истории 1605—1645 гг., вышедший в Париже в XXVI томах.

и притом об одном предмете. Десятские должны при этом следить, чтобы никто из их десятка не уклонялся от подобного рода необычных упражнений. Учитель же от времени до времени (хотя бы ежемесячно, около календ¹⁾), должен спрашивать, сколько писем, кому и насколько прилежно каждый написал в прошедший месяц. Затем пусть он заставит того или другого ученика, которого он сам назовет, прочесть вслух какое-либо письмо. Наконец, пусть он даст возможность встать и прочитать свою работу тому, кто думает, что он был прилежнее или счастливее обычного и что он произвел что-нибудь лучшее в сравнении с тем, что сейчас слышал. Трудно поверить, насколько подобного рода упражнения способствуют изощрению ума и стиля.

6. В языке. 79. Ученики будут иметь хорошие упражнения в языке, если в Латинской школе будут говорить только по-латыни. Для развития чистоты языка полезно устраивать разговоры вне обычного времени и притом таким образом: стражем прилежания, называемым «Знаменем исправления» (*Signum emendationis*), мы делаем книжку из белой бумаги под названием *Priscianomastix*, или Бич Присциана²; она дается в виде наказания в руки тому, кто погрешит против Присциана; туда он должен занести свою ошибку против латинского стиля. Таким образом, возникает каталог ошибок, и ученики, часто заглядывая в него и узнавая, в чем они больше всего делают промахов, научаются избегать ошибок. Особенно, если будут установлены степени наказания, а именно: погрешающему впервые наказание назначается довольно мягкое; допустившему ту же ошибку вторично—самое строгое. Ибо тот, кто, будучи неоднократно наказан, не образумливается, обнаруживает крайнее упорство. Такой «Бич Присциана» принесет ту пользу, что ученики будут стараться не повторять одних и тех же ошибок; в особенности же он поможет удалять идиотизмы³: унгаризмы⁴, славянизмы и германизмы, которыми обыкновенно портят латынь. Бич Присциана должен быть не столько наказанием за допущенную ошибку, сколько средством предохранения от ошибок; он должен дать ученику возможность видеть свои и чужие ошибки и отвыкать от них.

7. В голосе. 80. Упражнения голоса представляет музыка, ежедневное пение—в школе и вне школы—духовных песен. От этой обязанности не следует освобождать никого: ни благородных, ни простых; все должны, по примеру Давида, приучаться воспевать господу и петь псалмы—как на собраниях набожных людей в церкви и в школе, так и дома, частным образом. На нотное пение также следует

¹ Календами у древних римлян назывался первый день каждого месяца.

² Присциан—римский грамматик VI в. в Константинополе. Его «Грамматические наставления» пользовались исключительным успехом в качестве учебника в первой половине Средних веков. Следовательно, выражение «Бич Присциана» означает—наказание за ошибки против Присциана, т. е. за ошибки в латинском языке (Ср. «Великая Дидактика», XXIV, 29, XXVI, 7).

³ Идиотизмы, идиомы—от греческого слова *idios*—особенный, своеобразный—особенности, свойственные тому или иному языку.

⁴ Унгаризмы—венгеризмы, так как Венгрия в западноевропейском произношении и транскрипции обозначается словом *Ungaria*, а венгры—*ungarii*.

назначить определенные часы. Не мешает ввести и музыкальные инструменты; это особенно приличествует благородным.

81. Так как наше обучение имеет более высокую цель, нежели образование одних литераторов, то следует обратить внимание на развитие благородных нравов. Это должно послужить всем к украшению и к воспитанию привлекательного обхождения; а благородным, кроме того, к особенной ловкости в ведении дел и к благородному достоинству в словах, жестах и действиях. Таким образом, надлежит устраивать упражнения, посредством которых юноши усваивали бы привычку делать все, достойное уважения, благородно и с энергией. Эти упражнения будут такого рода:

1. Учитель будет заботиться о том, чтобы юноши делали все, что делают, с полной энергией, с вниманием, без малодушия и не отворачивая глаз и лица.

2. Он будет им часто поручать заботиться о том или ином деле, исполнить то или другое поручение, устроить то или другое и дать в надлежащем порядке дельный отчет в том, что и как сделано. Хотя это иногда и не бывает необходимо, так как некоторые поручения учитель может исполнить лучше или сам, или через кого-либо другого, тем не менее, чтобы упражнять прилежание учеников и приучать их умело исполнять дела, — пренебрегать такими упражнениями никак не следует, особенно с теми учениками, которых хотят сделать особенно деятельными людьми. Как мы учимся письму писанием, рисованию — рисованием, пению — пением, так и деятельности мы учимся путем деятельности и исполнения различных действий именно в то время, когда мы их исполняем. Отсюда положение, которое мы приведем здесь наподобие изречения оракула: работая, мы сами развиваемся (*fabricando fabricamur*).

3. Затем вся школа и каждый класс ее пусть представляет из себя государство, со своим сенатом¹ и председателем сената, со своим консулом² или судьей, или претором³. Пусть они в известные дни на общих собраниях разбирают дела, как это происходит в благоустроенном государстве. Это будет действительно готовить юношей к жизни путем навыка к такого рода деятельности.

82. Упражнения в благочестии будут состоять в том, что не будет дозволено ложиться в постель и вставать, садиться за стол и уходить из-за стола, начинать занятия и кончать их без воссылания к господу вздохов, без произнесения молитв и пения песнопений, без благочестивого чтения и обдумывания божественного слова, дабы ученики привыкали видеть, что все начинается и заканчивается во имя божие, и обращали внимание на то, что главный учитель, образующий и просвещающий нас, великий податель всяких благ, есть не тот или другой человек, но бог, к которому одному мы

¹ С е н а т о м в период Республики в древнем Риме назывался состоявший из патрициев верховный государственный совет, являвшийся верховным руководителем государства.

² К о н с у л а м и в древнем Риме в период Республики назывались высшие должностные лица, руководившие всеми важнейшими делами государства.

³ П р е т о р а м и в республиканском древнем Риме назывались должностные лица, руководившие судебными делами Республики; они являлись обычно помощниками консулов.

должны обращать нашу душу, и что, чем чище душа, обращающаяся, к нему, тем яснее она просвещается и, чем смиреннее она перед ним преклоняется, тем обильнее приток к ней его милости.

Что такое экстраординарные задачи.

83. Из второстепенных занятий остается указать еще на внеочередные задачи, которые должны быть предлагаемы известным лицам. Чтение некоторых сочинений, достойных ознакомления с ними, не требует ни томительных объяснений, ни участия и руководства учителя. Сюда относятся диалоги св. Касталиона, разговоры Эразма и его трактат о нравах, разговоры Вивеса и его «Введение в мудрость», «Письма» Текстора, Мануция, Сенеки и др., исторические сочинения Непота, Юстина, Курция и др., а также поэты и подобные сочинения разного другого содержания.

Основания этого.

84. Подобные внеочередные чтения должны быть допускаемы по трем причинам, а именно:

1. Потому, что уроки при классных чтениях соразмеряются со средними способностями; поэтому чтобы более способные головы не оставались незанятыми, будучи задерживаемы на одном и том же предмете больше, чем этого требует их понятливость, им должно быть дозволено проходить лишнее и прочитывать писателей, не уклоняющихся от курса класса. Такое чтение не нарушает проходимо-го в данное время учебного курса, а скорее способствует его усвоению.

2. Потому, что таким образом, а именно благодаря соревнованию, еще больше возбуждается прилежание прочих учеников и любовь к занятиям, так как никто (за исключением вполне равнодушных к учению) не желает быть в числе последних.

3. Потому, что они при этом учатся (и под руководством учителя привыкают) рационально читать писателя.

Способ выполнения.

85. Но тут следует соблюдать известное благоразумие. Во-первых, в самом начале курса известного класса, прежде чем ученики привыкнут к обязательным авторам и урокам, не следует дозволять им заниматься чем-нибудь вне обычного порядка, набивая этим свои головы; это можно дозволить лишь по истечении первого, второго или третьего месяца. Во-вторых, не должно дозволить одному ученику читать различных авторов; пусть один все время читает одного автора, другой—другого, чтобы не произошло путаницы. Пусть учитель распределит их по своему усмотрению между учениками; пусть он сообщит им об особенностях и стиле писателя и научит, как с пользой читать его, как выбирать в нем все, заслуживающее внимания, и заносить это в свою записную книжку. Наконец, пусть учитель раз в неделю во внеочередной час соберет этих учеников вместе, узнает, сколько каждый прочитал из своего автора, и заставит их прочитать или сказать наизусть сделанные извлечения. Это должно происходить в присутствии прочих учеников, чтобы другие, если заметят что-нибудь красивое или достопримечательное, также могли занести это в свои записные книжки. Таким образом, то полезное, что отдельный ученик вычитает, принесет пользу всем, даже менее способным, которые, не утомляясь этим внеочередным чтением, смогут усвоить себе его суть.

Третьестепенные занятия.

86. Третьестепенные занятия содействуют не столько внутренней культуре ума, сколько внешней подвижности тела и через это — развитию свежести ума. Сюда принадлежат в особенности игры и драматические представления.

1. Игры.

87. Под играми мы понимаем движения духа и тела, которые в годы юности ни в коем случае не следует задерживать, а скорее вызывать и развивать; но их необходимо проводить благоразумно, чтобы от них не произошло вреда, а была польза. Таковы телесные, гигиенические упражнения, сопровождаемые движением, например бегание, прыгание до известного пункта, умеренная борьба, игра в мяч, в шары, кегли, жмурки и другие подобные, которые можно проводить без нарушения благопристойности. Полезно также выйти из дому и гулять на дворе или в саду, но всегда лучше вместе, чем в одиночку, чтобы и упражняться в разговоре и отдохнуть, освежиться. Можно разрешать также сидячие игры, но только такие, в которых есть повод изощрять остроумие: как, например, шахматы и т. п. Игры в карты и кости следует совершенно запретить прежде всего потому, что это игры азартные, затем потому, что, благодаря неизвестности исхода, они скорее возбуждают дух, чем успокаивают, и, наконец, потому, что вследствие частого злоупотребления ими они пользуются дурной славой.

2. Желательны драматические представления.

88. Мне неизвестно, что из некоторых школ изгнаны театральные представления, в особенности комедии; но в пользу того, чтобы их удержать и ввести там, где их нет, говорят разумные основания. Прежде всего: этими публичными представлениями на сцене перед зрителями можно развивать остроту человеческого ума более мощно, нежели какими бы то ни было наставлениями или всей силой дисциплины. От этого и происходит то, что вещи, назначенные для усвоения памятью, легче запечатлеваются в ней, если они, таким образом, представляются в живой форме, нежели, если их только слышат или читают; таким способом легче заучиваются многочисленные стихи, изречения, даже целые книги, нежели гораздо меньшие вещи посредством одного затверживания. Далее и ввиду последующего — одно ведь следует из другого — они служат прекрасным поощрением для учеников, когда те знают, что перед многими должна быть произнесена или похвала прилежанию или порицание лени. Затем (в третьих) и для учителей подобная личная проба прилежания вверенных им питомцев служит поощрением, внушая им уверенность, что от их похвалы зависит выступление на сцене порученных им учеников, и представляет случай обнаружить служебную ревность. Эти же представления, в-четвертых, радуют и родителей и они не жалеют издержек, видя, как их дети хорошо идут вперед и имеют успех перед публикой. Таким путем, в-пятых, лучше обнаруживаются выдающиеся таланты, и легче заметить, кто к каким занятиям преимущественно годен, равно как и то, кто из бедных учеников более достоин поощрения. Наконец (и это самое главное, — мало того, этого одного вполне достаточно, чтобы рекомендовать театральные представления), так как жизнь людей (особенно тех, что предназначаются для церкви, государства и школы), которым школа берется дать образование, должна быть посвящена бе-

седам и действиям, то таким образом — посредством примера и подражания — юноши кратким и приятным путем приучаются наблюдать в вещах различные стороны, сразу отвечать на различные вопросы, искусно владеть мимикой, держать лицо, руки и все тело сообразно с обстановкой, управлять своим голосом, изменять его, — словом, благопристойно выполнять всякую роль и во всем вести себя непринужденно, оставив в стороне граничащую с деревенскими манерами застенчивость.

89. Напротив, никакого значения не имеет возражение некоторых, что у древних считалось позорным выступать актером.

Ответ на
возражения:
1. Актерствовать
позорно

Это не совсем правильно; ибо известно, что Цицерон, столь великий и в отношении чести столь требовательный человек, был дружен с актером Росцием. Далее, мы восхваляем вовсе не профессию актера, а только подготовку к серьезным делам посредством этих игр (разумеется, в форме, приспособленной к юношескому возрасту). Наконец сюжеты древних комедий бывали, обыкновенно, лекомысленными, пошлыми, нечистыми, стихи грязными и неудобопроизносимыми; в них выступали сводники, продажные женщины, паразиты, лукавые рабы, распущенные и расточительные юноши и другие в этом роде; всего этого лучше не знать, не говоря уже о том, что нехорошо, чтобы благоправный юноша играл столь непотребные роли. Но мы можем выбрать прекрасные и достопримечательные истории (безразлично, священные или светские, выдуманные или действительные), которые когда-нибудь понадобятся образованному человеку, и посредством приятного и живого представления не только основательно запечатлеть их в памяти, но, кроме того, содействовать приобретению той живости, той резкости в изображении, какие должны себе усвоить юноши во всем.

2. О масках и
гримировке

90. Мне безызвестно, что некоторые набожные люди считают мерзостью надеть на лицо маску или нарядиться в женское платье, потому что бог (Второз., 22, 5) запретил это. Но бог запретил там скрывание злодеяний и поводов к ним; а здесь нет и тени подобного преступления. Того и другого можно избежать при нашем методе, устранив все посторонние истории и допуская сценическую обработку наших классных курсов. Эти игровые упражнения являются в то же время прекрасной подготовкой к серьезным вещам; без них мы напрасно будем надеяться на полную культуру духа. Мы их сохраним у себя с тем, чтобы в каждую четверть давался одно театральное представление. О способе исполнения скажем после подробнее.

VII. Порядок, касающийся перерывов и вакаций.

91. До сих пор (см. § 59) мы говорили о порядке, касающемся занятий, теперь мы скажем о перерывах в занятиях. Так как недолговечно то, что не чередуется с отдыхом (а мы хотим развивать способности так, чтобы они были долговечны), то необходимо, чтобы за работой следовал отдых — промежутки покоя. Каковы должны быть эти перерывы? Ежечасные, ежедневные, еженедельные и годовичные. А именно, требуется, чтобы после каждого часа напряженной умственной работы давался получасовой отдых, а после завтрака и обеда по меньшей

мере час для гуляния и развлечения. Наконец, после окончания дневной работы— восемь часов для покоя и сна; а именно, от восьми часов вечера до четырех часов утра. Далее, два раза в неделю, по средам и субботам, все время после обеда должно быть свободно от классных занятий и отведено для частных занятий и развлечений. Также должны быть свободны от занятий по одной неделе до и после годовых христианских праздников (рождества, пасхи, троицы) и, наконец, целый месяц во время сбора винограда.

92. Если кто-нибудь думает, что при назначении вакаций мы были слишком щедры, то пусть он только примет в расчет, что все же для занятий остается полных 42 недели в год, в каждой неделе 30 часов. А это составит в год 1260 часов. По правилам нашего метода ни один час не должен проходить без нового полезного приращения к образованию; подумайте же, какую массу образованности и мудрости можно собрать в целый год и сколько, наконец, за целые семь лет.

93. Здесь я прилагаю таблицу, содержащую распределение работ для всех классов. Чем она проще, тем более можно надеяться, что все будет свободно от путаницы и затруднений.

Ч а с ы д о о б е д а :

1. От 6 до 7 часов — чтение и повторение священных песнопений и Писания, молитва.
2. От $7\frac{1}{2}$ до $8\frac{1}{2}$ часов — главная классная задача, больше теоретически.
3. От 9 до 10 часов — то же, больше практически.

Ч а с ы п о с л е о б е д а :

1. От 1 до 2 часов — музыка или другое приятное математическое упражнение.
2. От $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ часов — история.
3. От 4 до 5 часов — упражнения в стиле.

Конец общего начертания школы.

ПАНСОФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОДЕРЖАЮЩАЯ СПЕЦИАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЕЕ СЕМИ КЛАССОВ.

Теперь дадим описание классов в отдельности и, предполагая, что каждый имеет свою особую классную комнату, проследим по порядку:

1. Какое название дать каждому классу и на каком основании.
2. Какими изображениями украсить стены.
3. Какие благочестивые упражнения установить в начале и в конце работы.
4. Какие классные книги изучать как главные предметы курса.
5. Какие математические упражнения давать после завтрака.
6. Что здесь и там проходить из истории.

7. Каким стилистическим упражнениям нужно обучать и каким образом.

8. Какие установить дополнительные занятия и как.

9. Какие допускать игры и развлечения (особого характера для каждого класса).

10. Какие репетиции, испытания и театральные представления учредить в каждом классе.

1. «Преддверный» (подготовительный) класс (Classis vestibularis).

Надпись на двери: *«Да не вступает сюда никто без знания грамоты».*

1. Смысл надписи тот, что не должно допускать никого, кто еще не сведущ в грамоте, но только тех, кто умеет читать. Если принимать тех, которые еще не умеют читать, то это послужит задержкой не только для учителя этого класса, но и для всего состава учеников. Стало быть, новобранцы мудрости должны покончить со своими упражнениями в первоначальных элементах где-либо в другом месте, чтобы они приходили сюда уже грамотными.

Изображения в классной комнате. 2. Для того чтобы принятые сюда имели повсюду, куда они ни обратятся, поучения для своих чувств, — все четыре стены комнаты нужно расписать предметами, которые они будут изучать здесь. А именно:

1) вполне чисто написанные буквы латинского письма (прописные и строчные, древний и курсивный шрифт), по которым ученики должны научиться каллиграфии;

2—3) образцы склонений и спряжений, на которые должны смотреть начинающие при склонении имен и спряжений глаголов до тех пор, пока им не наскучит быть в зависимости от написанного перед ними и пока им, по основательному усвоении и укреплении через упражнение, не станет приятнее говорить все на память, чем утомлять глаза рассматриванием;

4) самые краткие нравственные изречения, содержащие важнейшие жизненные правила, которые ученики должны заучить на память к концу учебного года.

Закон божий. 3. Для благочестивых упражнений следует выделить главы катехизиса вместе с некоторыми, самыми краткими, песнопениями и молитвами.

Классная книга. 4. Первая книга «преддверного» класса носит заглавие *cardines regum*, т. е. «Пределы вещей», из которых состоит мир, корни слов, из которых вырастает язык, и таким образом обнимает первые и самые элементарные основания нашего знания с прибавлением учения о нравственности для детей.

Занятия математикой. 5. И для математики также следует уже здесь назначить известный курс, так чтобы было ясно, что совсем не в шутку написал Платон над дверями своей школы: «Да не вступает сюда никто без знания геометрии». В древности было мудрое правило, чтобы юношество, приступающее к изучению мудрости, начинало с изучения числа и меры и предварительно упражнялось в этом. Ведь точно таким образом, как мир и все гармоническое создано и создается по числу, мере и весу, так и дух наш посредством изучения числа, меры и веса достигает света и пропихательности для

более разумного исследования вещей. Поэтому-то науке, которая занимается количественным отношением вещей, и дано имя «математики», т. е. «науки»¹.

И в самом деле, для несведущих в математике сокрыты многие тайны вещей. Поэтому при поступлении детей в школу всеобщей мудрости, мы с самого начала ставим преддверие к божественной премудрости, чтобы вместе с буквами дети учились также писать, выговаривать и понимать числа. Это необходимо уже для того, чтобы они были в состоянии понимать и легко объяснять числа, которые содержатся в назначенной для «Преддверия» книге. Это будет для них началом учения о числах. Из геометрии мы не даем им ничего, — мы только заставляем их рисовать точку и линию; из музыки — скалу тонов и ключей вместе с сольфеджиями². Ибо нельзя допустить, чтобы питомцы муз были несведущи в музыке; потому-то некогда Фемистокл, оттолкнувший лиру, считался необразованным человеком.

История. 6. Для истории здесь нет никакой книги, кроме классной книги. Из нее можно рассказать ученикам по поводу того или другого слова что-нибудь на их родном языке, для того чтобы занять их слух и воображение и наполнить дух их любовью к истории.

7. Упражнения в стиле точно так же будут состоять не в чем другом, как в списывании слов, переводе на родной язык и обратно, в склонении и спряжении, то по книге (или по изображениям на стене), то на память. Однако к концу года можно испробовать также соединения слов в предложения.

Дополнительные занятия. 8. Собственно дополнительных занятий мы не указываем, кроме каллиграфии и рисования, чтобы ученики тем ревностнее занимались ими частным образом.

Игры. 9. Игры дозволяются, и притом такие, которые приспособлены к возрасту и народному обычаю.

Театральное представление. 10. Театральным представлением будет публичный экзамен в таком виде, что из учеников каждый выберет партнера и начнет осаждать его вопросами; притом, в конце первой четверти года — из первой главы «Преддверия»³, в конце второй четверти — из второй и третьей, после третьей четверти — из остальных глав, а по истечении учебного года — из грамматики, приложенной к «Преддверию».

При правильной постановке дела, борцы, участвующие в этой первой стычке, унесут с собой хорошую добычу: а именно, первые, низшие основания латинского языка, а с ними — философии и логики⁴.

¹ Μαθημάτων (disciplinarum) по-гречески слово μάθημα первоначально означало познание, науку вообще, и только с ростом научных знаний это слово стало обозначать познание количественных отношений.

² Сольфеджио — от итальянского solfeggia — означает ноты для постепенного упражнения голоса в пении или для упражнения руки в музыке.

³ Имеется в виду учебник латинского языка, написанный Коменским.

⁴ По совершенно правильным взглядам Коменского изучение языка должно быть соединено с изучением самой действительности (предметов и явлений), выражаемой в языке. А потому естественно, что уже первые занятия языком вводят учащихся и в понимание элементов философии и логики.

II. Вступительный класс.

Надпись на двери: «*Да не вступает сюда никто, не сведущий в мерах*».

1. Из сказанного уже понятен смысл этого изречения. Так как числа, проливая больше света на различия вещей, употребляются здесь уже чаще, то необходимо, чтобы сюда были привнесены начала математики — по крайней мере в тех пределах, в каких мы указали их для первого класса.

**Изображения
в классной
комнате.**

2. Хорошо иметь здесь изображения вещей, описанных в книге этого класса (тех, которых нельзя иметь для непосредственного наблюдения в здешней стране), и именно: на одной стене — изображения вещей естественных, на другой — искусственных. Две остальные стены пусть содержат грамматические правила — об особенностях, на которые необходимо обращать внимание в отношении родного языка.

Закон божий.

3. Следует присоединить также благочестивые упражнения вместе с изучаемым в этом классе катехизисом.

4. Классной книгой служит здесь вторая часть учебного курса¹, содержащая внешнее распределение вещей и языка, в триедином сопоставлении, а именно: словарь с латинского на родной язык, полная и ясная грамматика, достаточная для естественного и простого строения языка, и текст януального, или вступительного, класса — краткая история вещей.

Математика.

5. Из арифметики ученики должны научиться сложению и вычитанию, из геометрии — фигурам на плоскости, из музыки — в совершенстве изучить сольфеджий.

История.

6. В качестве книги по истории служит и здесь не что иное, как текст «Двери»². Если учитель будет повторять его в час, назначенный на историю, и если он, пользуясь любым материалом (который ученики уже в предыдущий час прошли так, что усвоили как слова, так и содержание, при подходящем случае приятным образом будет рассказывать ученикам какие-нибудь полезные вещи, пленяя тем их слух и ум, то ему легко удастся, если только он прилежный учитель, возжечь в них желание почаще слышать какие-либо исторические сообщения.

**Упражнения
в стиле.**

7. Упражнения в стиле обнимают на этой ступени построение фраз, предложений и периодов. Ученики должны при всяком слове (имени существительном, прилагательном, глаголе, наречии, предлоге и т. д.) находить зависящие от него слова и уметь делать построения согласно правилам. После того как это упражнение продлится шесть месяцев, ученики могут начать образовывать из комбинаций слов всякого рода предложения и упражняться в этом в течение целого триместра. В последнюю четверть они могут упражняться в разборе и образовании периодов.

¹ «Второй частью учебного курса» Коменский называет составленную им еще в начале 30-х годов XVII века «*Janua linguarum reserata*» «Открытая дверь языков», неоднократно им переработанную. См. Амстердамское издание Сочинений Коменского, часть III. Там это сочинение называется так: «*Eruditionis scholasticae, pars II, janua, rerum et linguarum structuram exhibens*» («Вторая часть школьного образования, дверь, заключающая в себе структуру вещей и языков»).

² См. примечание 1.

Дополнительных занятий. здесь нет.

8. Предметов дополнительных здесь не должно быть, чтобы не отягощать неокрепшие умы, которым еще опасно разбрасываться. Одним только могут они заниматься — тем, что представляет основу всякого обучения, а именно: точным усвоением различия вещей, а затем — их названия и сохранения усвоенного в памяти.

Игры.

9. Род игр определяет учитель.

10. Театральные представления будут состоять в том, что текст «Двери» разбивается на простые вопросы и ответы, и эти разговоры представляются потом некоторыми учениками на сцене.

III. «Зальный» класс.

Надпись: «Да не вступает сюда никто, не владеющий словом».

1. Это следует понимать в том смысле, в каком Цицерон говорит, что он не может учить говорить [красноречиво] того, кто не умеет говорить¹. Если особенность этого класса — научать украшению речи, то как может кто-либо изукрашивать то, чего в нем нет? Следовательно, от того, кто сюда поступает, требуется знание строения простого и естественного языка; иначе его пребывание здесь будет бесполезно.

Изображения. 2. Если украсить стены этой комнаты талантливо исполненными рисунками, а также избранными замечаниями относительно украшения речи, то это принесет отменную пользу.

Закон божий. 3. Можно составить собрание священных гимнов, псалмов и молитв. А так как здесь уже начинается чтение священного писания, то должно дать в руки первую часть Извлечения из библии (оно должно быть сделано словами самого священного писания, но сокращено и приспособлено к детскому пониманию). Благодаря ежедневному чтению, объяснению, повторению и заучиванию на память отрывков из него ученики привыкнут быть в общении с богом и с благочестивыми мыслями.

Классная книга. 4. Основной книгой этого класса будет третья часть учебного курса², излагающая украшения вещей и латинской речи. К ней прибавлены предписания изящного стиля и репертурий, называемый латино-латинским лексиконом; они открывают искусство разнообразить речь на тысячу различных ладов. (Заметь: второй класс показывает источник чистой латинской речи; этот — третий — ее ручейки и реки).

Математика. 5. Из арифметики войдут умножение и деление вместе с «Картинкой» Кебеса³, из геометрии — фигуры твердых тел, затем симфоническая музыка и первые начала латинской поэзии с избранными стихами Катона, Овидия, Тибулла и др.

¹ Ср. «Великая Дидактика», XXII, 7.

² Эту часть учебника латинского языка Коменский назвал Atrium. См. III часть Амстердамского издания. Там эта книга озаглавляется так: Eruditionis scholasticae, pars III, Atrium rerum et linguarum ornamenta exhibens (III часть школьного обучения, атриум, заключающая в себе украшения вещей и языков).

³ Кебес — ученик Сократа — написал сочинение под названием «Картинка». Это сочинение аллегорически изображало человеческую жизнь.

6. Из истории здесь следует изучать достопамятные рассказы из священной истории, чтобы насадить стремление к добродетелям и отвращение к порокам.

Стиль.

7. Здесь нет никаких иных упражнений в стиле, кроме изменений фраз, предложений и периодов, и притом в первый месяц только через перемещение слов и членов, в следующие два месяца — через замену их, что уже значительно труднее; в четвертый и пятый месяцы — через идиоматизмы, в шестой и седьмой — через тропы и фигуры, в восьмой и девятый — через распространение, в десятый — через сокращение (кто знает пути распространения, тот очень легко сумеет затем и в обратном порядке сделать сокращение); в одиннадцатый месяц, наконец, можно испытать основы метрики.

Дополнительные занятия.

8. Давать этому классу еще дополнительные занятия я считаю делом сомнительным. Ученикам достаточно дела со своими прямыми задачами; им нужно ясно усвоить столь разнообразные способы изменений в языке, наблюдать их как следует и искусно подражать им. И богатый плод с этого класса пожнут они лишь тогда, когда будут в состоянии объяснять любого латинского писателя и затем выражать все на этом ученом языке.

Рекреации.

9. Известные виды отдыха могут быть допущены или назначены в определенные часы.

Театральные представления.

10. Театральные представления следует устраивать (да они, может быть, уже и существуют) в стиле комедий под названием «Школа-Игра»¹; они изображают самые привлекательные действия, причем все перечисленное содержание этого класса может быть живо представлено.

IV. Философский класс.

(Вместе с подчиненным изучением греческого языка.)

Надпись: «*Да не вступает сюда никто без знания истории*» (*historianum*).

1. Надпись эта означает: основания вещей не в состоянии понять тот, кто не познал еще самих вещей. Ибо сначала нужно знать, что что-нибудь есть, прежде чем начать исследовать, откуда это и как. Следовательно, этим дается знать, что дверь философии открыта только для тех, кто (из школьных книг обоих предшествующих классов) начал объяснять вещи в мире с их внешней стороны, называть, изменять названия и через это различать их. Теперь, благодаря проникновению от внешнего во внутрь, представляется возможным исследовать само нутро вещей. Что остальных не должно еще считать за способных к философии, может считаться делом решенным.

¹ За время пребывания в Лешно и Сарос-Потоке Коменский написал ряд школьных драматических произведений на латинском языке. По содержанию, запасу слов и оборотам речи эти пьесы соответствовали содержанию образования в отдельных классах. Общее собрание этих пьес поэту носит заглавие «Школа-Игра, или живая энциклопедия», т. е. «Сценическая практика двери языков». (См. III часть Амстердамского издания сочинений Коменского, а также IX том Брюннского издания Полного собрания сочинений Коменского.)

Изображения. 2. Классная комната должна содержать изображения, представляющие расчленение вещей; арифметические, геометрические, механические (статические) и тому подобные изображения; изображения анатомии, химической лаборатории со всеми ее принадлежностями т. д.

Закоп божий. 3. Для паставления в религии следует составить особую книгу, содержащую избранные гимны и псалмы, вместе с образцами для молитв утром и вечером, до и после учения, перед обедом и после него. К ним можно присоединить Извлечение из Нового Завета, содержащее жизнь Христа и апостолов и важнейшие изречения и учения в таком порядке, чтобы из четырех евангелистов составила одна непрерывно идущая история.

Классная книга. 4. Классной книгой служит здесь четвертая часть, школьного курса, содержащая первую часть «Дворца мудрости»¹, в котором обзор созданий должен быть выполнен таким образом, чтобы было очевидно, чьей властью совершается все в природе. Здесь имеет место и дальнейшее облагораживание языка (все пишется в стиле, приспособленном к предметам) и еще более блестящее просвещение ума через прямое рассматривание всех предметов.

Математика. 5. Из арифметики здесь преподается правило пропорций (так называемое тройное правило), — а из геометрии — тригонометрия, к которой примыкают основания статики. [К этому присоединяется] инструментальная музыка.

История. 6. Естественная история² доставит умам великое удовольствие и свет, для того чтобы лучше понимать все, встречающееся в природе; ее следует составить из сочинений Плиния, Элиана и др.

Стиль. 7. В качестве учителей для упражнений в стиле надо привлечь древних писателей. Но так как к этому классу следует отнести изучение греческого языка (от обычных учебных часов не остается ни одного, который можно было бы уделить на этот предмет, а переносить его на добавочные часы нецелесообразно ввиду того, что он тогда стал бы слишком низко цениться), то мы отведем для него последний и послеобеденный час, назначенный для упражнений в стиле, в надежде, что от этого не потерпят ущерба упражнения в латинском стиле, — которые со всей силой возобновятся в следующем классе — тем более, что истории, написанные для этого класса в гладком стиле авторов, дают разнообразные сведения относительно различных вещей и что, благодаря последующему грамматическому и риторическому экзамену, можно добиться того, чтобы на это было обращено внимание.

Дополнительные предметы. 8. Итак, дополнительным предметом в этом классе является изучение греческого языка. Хотя я не отрицаю того, что этот язык сам по себе труден и содержит обширный материал, однако ввиду того, что более солидное образование, как его требует эта школа, никоим образом не может обойтись без знания

¹ Эта книга осталась ненаписанной.

² Как видим, Коменский пользуется понятием истории в широком смысле, включая в содержание истории не только историю человеческих обществ, но и историю природы, а в другом месте (см. логический класс, 6) историю техники, а также так называемую «священную» историю.

этого языка, трудность (если таковая есть) должна быть преодолена. Я надеюсь, что она не будет так уж велика, — во-первых, потому, что не для всякого ученого необходимо изучить этот язык вполне; затем потому, что то, что достаточно для понимания Нового Завета (а об этом преимущественно идет дело), не особенно значительно; наконец, потому, что, если бы все-таки остались некоторые терния, их можно устранить с помощью хорошего метода и остающаяся работа будет столь приятна, что при четырех еженедельных часах, отведенных на этот предмет, к концу курса, т. е. по истечении года, трудности можно преодолеть. Тогда весь Новый Завет можно будет читать по-гречески и понимать, а вместе с тем могут быть понимаемы учениками следующих классов писания евангельские без толкователя, — в таком виде, в каком они вышли из уст и из-под пера апостолов. Было бы великим делом — с пользой черпать воду жизни из самих источников; можно было бы, кроме того, перенести к нам еще из языческой греческой письменности кое-что в отменно прекрасных изречениях, сентенциях и целых сочинениях.

Игры.

9. Об играх я не хочу говорить ничего, так как желательно, чтобы ученики постепенно более и более обращались от них к вещам серьезным. Вполне приличный отдых для тела и духа не должен быть запрещаем как вообще человеческой природе, так и этому возрасту.

Театральные представления.

10. Представить философскую сцену в философском классе далеко не уместно. Такими могли бы быть «Циник Диоген, выведенный на сцене, или вкратце о философии» (*de compendiose philosophando*); драма уже готова и уже три раза с успехом была поставлена в латинских школах.

V. Логический класс.

Надпись: «*Да не вступает сюда никто, не сведущий в философии*».

1. Смысл сказанного — в следующем: Если кто-либо еще не наполнил духа, созерцателя вещей, образами вещей, то он не сможет их и обдумывать, так или иначе располагать и исследовать. Ибо что можно видеть, искать, исследовать там, где еще ничего нет? Сюда вполне справедливо подходит известное изречение: чистый логик есть чистейший осел. Итак, чтобы не делать из людей ослов, мы не хотим допускать сюда никого, кто не приносит с собой ничего, кроме чистого ума (т. е. только *tabellam rasam*, или пустую доску, на которой еще ничего не написано, как любил выражаться Аристотель). Пусть он сначала пойдет и наполнит дух свой образами вещей, в точности отвлеченными от вещей (как мы это установили в предыдущем, философском, классе). И тогда пусть придет он и научится усваивать сокровище всего им приобретенного и то, что еще предстоит приобрести для немедленного и сознательного употребления.

Изображения.

2. Изображения должны предлагать или избранные правила логики и некоторые художественно составленные картины проявлений духа и распространения его на область вещей, или и то и другое, или еще что-либо, что может быть придумано полезного. Ученику нет досуга самому останавливаться на этом; он будет иметь время, когда вещи потребуют этого, в последующей жизни.

Закон божий. 3. Упражнениями в благочестии будут служить здесь гимны, псалмы и молитвы, как бы новый трут для священного огня, возжигаемого на алтаре сердца. К этому следует присоединить пересказ всей библии, или библейское руководство (*Manuale Biblicum*), так называемую «Дверь святыни», содержащую в собственных словах Писания главные элементы всего священного писания (истории, догматы, изречения), но только в сокращенном виде и притом расположенные таким образом, чтобы в продолжение одного года все могло быть изучено и главная сущность священного писания могла быть исчерпана рассудком (а большая часть — и памятью). Если к каждому утреннему часу присоединить главу из Нового Завета на греческом языке, то точно так же можно было бы в течение года покончить с греческим текстом Нового Завета (последний заключает в себе 260 глав; столько же первых утренних часов имеют 43 недели, считая по шести часов в неделю).

Классная книга. 4. В качестве классной книги здесь следует иметь пятую часть учебного курса. Она содержит полеты ума человеческого в область различных искусств, наряду с теми границами, в которые он должен быть заключен. Здесь разум, уже исполненный образами вещей, возвращаясь к самому себе, созерцает свое собственное существо, т. е. подвергает испытанию собственные и чужие представления о вещах, чтобы везде точно и искусно отличать предположения от истины. Это сочинение будет разделено на три части. Во-первых, материальную часть, содержащую ту часть пансофии, которая разъясняет как уже сделанные, так и предстоящие изобретения человеческого ума и силу искусства, изливающегося на творении. Во-вторых, вместо формальной части там будет «логическое искусство»; оно покажет, что вся мастерская человеческого разумного мышления отлично оборудована и что все может быть найдено с помощью аналитического, синтетического и синкретического (сопоставляющего, или сравнивающего) метода, приведено в порядок и истинное отделено от вероятного и ложного. В-третьих, будет приложен репорторий, или указатель, всех вещей, которые человеческий ум может найти и которые он обыкновенно находит как тогда, когда он стоит на правильном пути, так и тогда, когда он блуждает без дороги.

Математика. 5. Для послеобеденных развлечений будут здесь служить:

- а) из арифметики — правила товарищества, и смешения, фиктивные предположения;
- б) из геометрии — измерение длины, ширины и высоты;
- в) из географии и астрономии — учение, в общих чертах, об обоих полушариях;
- г) из оптики — несколько главных положений.

История. 6. Для того чтобы в занятиях историей сделать шаг вперед к более важному, мы ставим здесь историю механики, объясняющую изобретение вещей (где, когда, по какому поводу то или другое было или случайно открыто, или выслежено и подмечено благодаря размышлению). Это весьма приятное питание для умов ¹.

¹ См. примечание к § 6 «Философского класса».

Упражнения в стиле.

7. Для стиля теперь время привлечь образцовых писателей, и притом следует брать писателей того времени, когда процветала латынь. Ибо хотя наши школы пекутся более о вещах и всякий благоразумный человек справедливо предпочтет мудрость связанную с Цицероном, глупой болтливости, однако высшее благоразумие советует нам желать скорее того и другого вместе, чем только одного из них. Как блестящие драгоценные камни приятнее видеть оправленными в золото, чем в свинец, и как золотые кольца украшают чаще драгоценными камнями, нежели стеклышками, так следует прилагать старание и к тому, чтобы воспринятое умом было выражено прекрасным языком. Но так как существуют различные степени стиля, то, по нашему мнению, на этой ступени следует выработать тот средний, приспособленный к вещам стиль, который свойственен историкам. И потому в этом классе ради стиля следует изучать лучших историков: Корнелия Непота — «О знаменитых полководцах Греции», Курция — «О деяниях Александра», Цезаря с его «Комментариями», Юстина и др.

Дополнительные занятия.

8. Дополнительных занятий здесь нет; разве что те, кто возмывает желание усовершенствоваться в греческом языке, будут читать бегло кое-что из наиболее изящных писателей: например, речи Исократ, легкие для понимания и полные прекрасных выражений; а также этические трактаты Плутарха, Сираха и т. п.

Игры.

9. К числу забав, служащих для отдыха, можно при-
числить состязание в разгадывании загадок и т. д.

Театральные представления

10. Прекраснейшее представление могло бы дать состязание триединого искусства — Грамматики, Логики и Метафизики. Сперва борьба из-за первенства, а затем их мирное соглашение — мудро управлять всем в царстве Мудрости — и их поцелуй. Эта драма, в которой пятьдесят человек участвующих, представляет много привлекательного. Кроме того, она во многих отношениях проливает свет на то, как правильнее понимать самые основы искусства речи, рассуждения и действия.

VI. Политический класс.

Надпись: *«Да не вступает сюда никто, не мыслящий разумно, или не опытный в логике».*

1. Логике свойственно полагать границы человеческому мышлению, а людям, играющим роль в государстве, особенно свойственно, как полагают, руководствоваться разумными основаниями и руководить другими.

Изображения.

2. Изображения будут состоять в искусных рисунках, передающих силу истинного порядка и налагаемых им оков. Подобного рода изображением могло бы быть изображение человеческого тела, представляющее его в четырех различных видах: 1) с отсутствием известных членов, 2) с их избытком (двуголовое, трехглазое, четырехрукое и тому подобное тело), 3) с уродливо помещенными или даже с правильно поставленными, но отделенными друг от друга и не находящимися в связи членами и 4) совершенное тело, в котором части связаны, красиво сложены и т. д.

Закон божий.

3. Сообразно этой ступени следует установить упражнения в благочестии; для закона божия должен служить полный текст библии.

Классная книга.

4. В качестве классной книги здесь должна служить третья часть «Дворца всеобщей мудрости», наглядно представляющая разумность человеческого общества (насколько далеко она простирается). Весь свет знания, доселе собранный, должен (так как все это имеет в виду человеческое общежитие) быть поставлен перед глазами, как вещь, лучше других удовлетворяющая запросам человеческой жизни.

Математика.

5. Развлечение в послеобеденное время дадут: в арифметике — логистика¹, в геометрии — архитектоника, в географии — изображение мира, изящно составленное в небольшом объеме, наряду с той частью астрономии, которая содержит теорию планет и учение о затмениях.

История.

6. Из истории на долю этого класса приходится история обычаев, которая, если ее как следует изучать, может быть в высшей степени интересной и полезной.

Писатели, которых надо читать, и способ их чтения.

7. Ради стиля объясняются писатели, занимающие видное место; так, в прозе — Саллюстий и Цицерон, из поэтов — Вергилий, Гораций и др. Относительно способа и характера обращения с ними сказано было в книге о новейшем методе², в главе XVII; здесь следует прибавить несколько замечаний относительно того, как вести упражнения в стиле. Ученики должны привыкнуть (тем более, что они сведущи в грамматике, риторике и логике) свободно выражаться о вещах, придется ли им говорить согласно правилам искусства без подготовки, например о предмете, который задал учитель, или на тему, которая служила материалом для их состязания, или составить предварительно обдуманное (но в течение не слишком большого времени) сообщение относительно задач более трудных. Эту работу должны исполнять в прозаическом стиле все, не исключая никого. Наоборот, упражнения в поэтическом стиле не следует вести со всеми, так как вполне справедливо, что поэтами люди скорее рождаются, чем делаются. Едва ли можно ожидать от поэзии серьезной пользы (будь то для церкви или для государства) при скупом отведенном, едва для самого нужного достоящем времени; не следует занимать юношей вещами бесполезными или полезными в малой степени. Лучше учить их, по примеру муравьев и пчел, во время юности делать запасы на зиму и на старость, чем, подобно стрекозам, проводить лето в песнях, а затем голодать. Как хорошо предостерегает своего брата Мурет против искусства поэзии: «Писать дурные стихи, — говорит он, — позорно, посредственные — бесславно; хорошие — слишком трудно для того, у кого есть еще другие занятия». Однако, нельзя в силу этого оставлять непрочитанными поэтов или препятствовать поэтическим упражнениям, если кто чувствует

¹ Логистика — искусство применять исчисление для сравнения величин в геометрии, астрономии, музыке и в обыденной жизни.

² «Methodus linguarum novissima» (Новейший метод языков) — весьма ценное произведение Коменского; к сожалению, еще не переведено на русский язык.

к ним склонность. Исключительную прелесть заключает в себе эта гармония слов, мыслей, подобранных по числу, мере, значению членов; одного из благороднейших удовольствий для слуха и сердца лишают себя и своих учеников те педанты, которые сами пугаются изучения поэзии и удерживают от него своих учеников.

Дополнительные занятия.

8. Из дополнительных занятий я не могу рекомендовать ничего другого, как то, чтобы личному прилежанию всех учеников этого класса было предоставлено читать хороших, по совету учителя выбранных писателей, делать себе извлечения редких слов, прекрасных оборотов, особенно же изящных мыслей, и, таким образом, как бы выжимать весь сок их. Следует также советовать привыкать осмысленно выражаться и иметь в запасе меткие изречения, которые они, при подходящем случае, могли бы искусно пустить, как стрелу, в цель; они могут также, взаимно состязуясь, упражняться в этом искусстве. Если кого-нибудь, кроме того, охватит желание посвятить себя более глубокому изучению греческого языка, тому следует дозволить, и даже рекомендовать, чтение некоторых писателей, например таких историков, как Фукидид, поэтов, как Гесиод, и др.

9. Можно бы кое-что сказать и относительно видов отдыха; но я предоставляю это на волю каждого. Следует только обращать внимание на то, чтобы отдых не отсутствовал совсем, а с другой стороны, чтобы его не было слишком много и чтобы при этом не происходило ничего непристойного и опасного.

10. В театре могут быть представлены: Соломон — благочестивый, мудрый, богатый и славный, а затем заблуждающийся, нарушитель закона, привлеченный к наказанию и снова образумившийся, или трагедия о суетности мира.

VII. Богословский класс.

(К нему присоединяется изучение еврейского языка.)

Надпись: *«Да не вступает сюда ни один нечестивец».*

1. Смысл этой надписи объясняет священное писание словами: страх господень — начало премудрости. Это та истинная премудрость, которой нет доступа в душу коварную (*malitiosam*) и которая не обитает в теле, подверженном греху. Об этом с полным правом напомним в самом начале тем, кто хочет вступить в это святилище.

Изображения.

2. Изображения будут заимствованы из священного писания, и через это будут таинственно внедрять в сердца сущность этой божественной мудрости. На одной стене могут также помещаться таблицы еврейской грамматики; точно так же на других стенах, на дверях, окнах, кафедре могут быть написаны избранные еврейские изречения, которые при начале богословских занятий раскрывают новичкам их смысл и возбуждают в них любовь к священному языку, а впоследствии исполняют их даже и восхищением и т. д.

Закон божий.

3. Средствами возбуждения благочестия будут служить: а) избранные псалмы и церковные гимны; б) самые выдающиеся молитвы — как собранные из священного писа-

ния, так и заимствованные из творений знаменитых богословов и некоторых святых мучеников; с) запись того, во что должно верить, что должно делать и на что должно надеяться — все это словами самого Писания — для ежедневного чтения.

Классная книга 4. В качестве классной книги здесь служит последняя часть «Дворца мудрости», изображающая конечное назначение человека под небом мудрости (а именно, общение души с богом) в тройком делении, а именно:

1) Сборник «воспарений духа к богу» посредством лестницы-вещей, которые суть, были и будут. Здесь вся вселенная (опять-таки по известному уже порядку «Двери») излагается так, чтобы по поводу всякой вещи, как хорошей, так и дурной, было сообщаемо, как учит нас о ней бог в Писании или здравый разум; как небо, земля и все, что в ней есть, возвещают славу Божию и учат почитать достойное поклонения Существо, как они служат наградой за благочестие, или наказанием за безбожие и т. д. Словом, доведенные до этой мудрости юноши должны быть научаемы тому, как из всего, что является перед взором человеческим или проникает в сердце, извлекать средства, укрепляющие веру, оживляющие любовь и поддерживающие надежду на вечное милосердие, — так, чтобы они повсюду, куда ни обратятся, чувствовали себя залитыми божественным светом и еще под небесами¹ начали блистать друг перед другом небесной славой.

2) На место формальной части здесь прилагается ключ к книгам Божиим, т. е. практическое руководство о том, как (с целью освящения) с пользой читать священные книги, как смотреть на дела Божьи в мире как бы на наших руководителей к Богу и, наконец, как с пользой слушать откровения совести, как бы некоего, данного нам от Бога увещателя, наставника, судьи и свидетеля. Может быть, удалось бы присоединить и параллелизм тройкой книги Божией; а именно, триединый комментарий на божественные книги: 1) посредством самого Писания; 2) посредством рассуждений разума; 3) посредством чувственного опыта. В качестве такого рода комментария мы предложили в «Методe LL»² в главе 23 параграф 14 и след.; если же намерения эти хороши, то ввиду такой желанной цели должен быть сделан почи, как бы дело ни пошло в начале. Но где же он должен быть сделан, как не во всеобщей школе мудрости? и затем где удобнее это сделать, как не на этом месте?

3) Можно было бы присоединить богословский указатель всего того, что содержится в тайнах спасения (будет ли это истинно и согласно со строгой верой, или ошибочно и еретично), — указывая соответствующие места.

Математика. 5. К математическим развлечениям могут быть присоединены добавления. Из арифметики таковыми могут быть священные и мистические числа, рассеянные по всему Писанию; затем может быть объяснено священное зодчество на ковчеге Ноя, на Моисеевой скинии, Соломоновом и Иезекииловом храме, Новом Иерусалиме (Откр., 21, 10 и сл.). Из астрономии может быть взято счисление и вся система священной хронологии.

¹ Т. е. еще в течение земной жизни. — Прим. перев.

² «Methodus linguarum novissima».

История.

6. В этом классе проходится всеобщая история в избранных очерках, обнимающая, однако, все главные перемены в человеческом роде только с особым отношением их к церкви, ради которой стоит и существует мир, так чтобы было видно, как здесь совмещается вся сила божественного провидения. Ибо таким образом явится, наконец, возможность спасительно созерцать течение времен.

Ораторские упражнения.

7. Следует ли вести здесь также и упражнения в языке и стиле? Конечно, — чтобы никоим образом не было отступления от метода гармонии. Но эти упражнения должны носить божественный и, по возможности, возвышенный характер. Тем, кто хочет посвятить себя духовной деятельности, всего лучше обратить свое рвение на устрояемые в классах (которые могут служить прообразом будущей церкви) благочестивые собрания, притом ежедневно посвящая на одно из таких собраний по получасу; тут не должно говорить ничего, кроме того, что, будучи заимствовано из собственных изречений божьих (а именно — в отношении содержания, выражения, произношения и стиля) и прекрасно обработано, может возбудить во всех слушателях добрые, благочестивые чувства. Для достижения этого должно соблюдать предписания божественной риторики, а не гоняться за приманками человеческого красноречия. Для будущих деятелей на политическом поприще полезно будет подобным же образом упражняться в кратких, остроумных, обоснованных речах (или повествовательного, или аналитического, или судебного характера). Особенно рекомендуются речи, подобные тем, которые произносятся на общественных собраниях, свадьбах, крестинах, похоронах и пр., для того чтобы мудрым обращением к присутствующим напомнить им о том, что необходимо, и пробудить в них добрые чувства.

Дополнительные занятия.

8. Из дополнительных занятий придется здесь, наряду с чтением некоторых избранных древнейших и новейших писателей, заняться священным еврейским языком — дело необходимое для всех будущих богословов. Этим языком должны заниматься все без исключения так ревностно, чтобы каждый в конце класса мог для себя читать и понимать библейский текст. Этого легко можно достигнуть при помощи разработанного разными учеными метода этого древнего простого языка. И пусть посвятившие себя государственной деятельности также возьмут на себя этот небольшой труд, который даст им возможность слушать, как некогда апостолы и пророки провозвещали на своем родном языке великие дела божии; этого им нельзя запрещать, наоборот, их следует привлекать к тому, чтобы они (в убеждении, что прекрасное дело понимать язык, возникший одновременно с миром), из желания познакомиться со столь глубокой древностью (в сравнении с которой греческий и латинский язык можно назвать новыми), не задумались приложить к этому делу столь небольшое старание.

Игры.

Сценические представления.

9. Развлечения допустимы и здесь, только они не должны идти в разрез с занятиями религиозного класса.
10. Могут ли быть и здесь зрелища? Отчего же нет? И даже интенсивнее, чем в других классах. То, что происходит в жизни общественной, само по себе носит харак-

тер зрелища: поэтому тех, кого в скором времени надо будет послать в общественную жизнь, следует приучать к тому, чтобы они умели прилично держаться в обществе и искусно подчинять себя выпадающим на их долю обязанностям; и это-то и есть главная цель этих упражнений. Что же, следовательно, нужно делать? Соответственно учебному материалу этого класса можно было бы представить в живом изображении героическую добродетель веры, преодолевающую все препятствия, или прекрасные плоды петинного благочестия. Главное лицо в первой драме, которая уже готова¹, — Авраам; во второй — Давид, и притом под таким заголовком: Давид в унижении, благочестивый, всеми презираемый, угнетенный, а затем великий, всем любезный, знаменитый, торжествующий.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ О ШКОЛЕ, ТАК ОРГАНИЗОВАННОЙ.

Таков план семиклассной пансофической школы. Я нахожу, что могут быть предложены еще некоторые вопросы, а именно следующие:

I. Будет ли пансофическая школа существовать в действительности или только в воображении?

II. Возможно ли в течение семи лет прочно укоренить в умах, притом еще детских, столь многое и столь великое?

III. Что предстоит делать тем, кто доведен до этой ступени?

IV. Как, наконец, осуществить все это?

Чтобы не оставить никаких сомнений, я хочу дать ответ на каждый из этих пунктов.

I.

Нужны ли еще словесные доказательства там, где дела налицо. Впрочем, если кто думает, что здесь еще нет всего, что образует человека до полной человечности, то пусть он укажет, чего, по его мнению, недостает, будь то в отношении языков, вещей, правов, или — во что все разрешается — благочестия. Во всяком случае, что латинский язык, который сейчас считается основой всего образования, будет изучаться здесь действительно основательно, — это подтвердится фактически, и притом иначе, чем сейчас: он будет изучаться с охотой. Греческий и еврейский языки должны служить средством для более близкого познания самого бога. Если здесь не преподаются реалии² во всех частностях, то нужно принять в соображение, что, это, во-первых, не обещано, да и невозможно, чтобы один ум воспринял в себя все частности, хотя бы человек занимался этим всю свою жизнь; тем менее можно было бы в этом смысле исчерпать все это в течение семи лет. И однако, на деле здесь будет преподаваться все во всех классах. Мало того, никто не должен быть отпущен из этой школы, пока он не пройдет до конца тройной книги божией; а именно, пока он, во-первых, не узнает, не поймет и не усвоит применения всего, что содержит мир, и пока он не будет в состоянии говорить обо всем (поскольку это касается всех более важных вещей); во-вторых, пока он не исследует золотонесных россыпей духа и

¹ См. Примечание к § 10 III, «Зального», класса.

² То-есть отдельные науки о естественных, реальных предметах и явлениях мира (физика, астрономия и т. п.). Ср. план Латинской школы в «Великой Дидактике», гл. XXX.

не будет в состоянии назвать выкопанные оттуда сокровища премудрости божией, и, наконец, в-третьих, пока он не усвоит священное писание — ручейки сокровенной премудрости божией — в их буквальном и таинственном смысле (опять-таки, говорю, я, поскольку это касается главных вещей).

Если окажется, что мы в чем-либо не осуществим это наше столь полное предначертание, то это будет простительно, пока не будет выполнено все теми, которых господь призывает одного за другим. Ведь и все бывает на первых ступенях несовершенно, а затем на последующих дополняется и совершенствуется. Я, с божьей помощью, принялся за исправление этих начал, чтобы никто не имел права бросить мне в упрек известное изречение: «Всего понемногу, в общем — ничего». Ибо я стремлюсь достигнуть как во всех частностях, так и в целом не чего-нибудь, но всего и целого, т. е. оснований, главнейших построений, важнейших положений и сути всего, — так, чтобы тот, кто постиг это, мог бы обо всем здраво судить, ни в каком важном вопросе не делать вредных промахов и, таким образом, вооруженный этим общим познанием всех вещей, мог бы быть допущен до всех человеческих и божественных книг, а затем и до самой житейской деятельности.

II.

Возникает другое сомнение: возможно ли, чтобы даже это, наиболее главное, в назначенный для изучения его семилетний период времени было исчерпано умами, и притом детскими. Я отвечаю: если мы с помощью метода добьемся того, чтобы работа учащихся уменьшилась, их отвращение исчезло, их бодрость увеличилась, то для посредственных голов в течение семи лет все это будет доступно. Кто выдал «*Nobile Triennium*» (Знаменитое трехлетие) Клоппенбурга, признает, что там требуется от ума гораздо больше работы. И если это руководство считалось разумным, хотя оно не было проверено на практике, то почему же не признать нашего, где [на изучение] отводится больше времени, предлагается меньше задач и дается лучшее руководство? Сомневаться в успехе дела нет никакой причины для того, кто знает силу поступательного движения (арифметического и географического); а последняя — удивительна. Справедливо говорит кто-то: чтобы быстро попасть туда, куда хотят прийти, не столько необходимо бежать, сколько не отставать. Легко можно доказать на бесчисленных примерах, что значит настойчивость. Известна пословица, и она весьма верна: капля долбит камень не силой, но частым падением; так и человек становится ученым не через пассивное, но через частое чтение. Как миниатюрно малы зернышки, которые уносит муравей, и, однако, в какую кучу они вырастают за лето? Крошечными каплями цветочного сока наполняют пчелы свои соты; и сколько ячеек наполняют они в один-два месяца! И не произойдет ли то же самое, если наши пчелки, под нашим руководством, в течение нескольких часов соберут в ячейках своей памяти сперва несколько слов, а затем прекрасные изречения (а они очень легко могут сделать это при столь привлекательном методе) и будут так делать в течение семи лет. Мы надеемся, что самый опыт внушит веру; бог же да поможет благу начинанию.

III.

Что будут делать вышедшие из пансофической школы.

Наконец спрашивают: Что станут делать юноши, которые пройдут эту школу, особенно если они окончат ее на шестнадцатом или на восемнадцатом году жизни? Я отвечаю: прежде всего они будут благодарить бога за то, что они счастливо перешли Иордан и дошли до прелестей земли обетованной. Ибо так как они уже в состоянии читать великие божественные книги, то они будут в состоянии в течение всей своей жизни в высшей степени наслаждаться ими; причем им не нужно будет руководство, но лишь один или несколько товарищей, для того чтобы испытывать больше радости.

Далее, воспитанные таким образом юноши — в случае, если они еще не годятся для житейской деятельности вследствие своего возраста, тем более будут пригодны, если им поручить руководство детьми, особенно из знатных семейств, — для того чтобы таким образом начало улучшаться и состояние отечества во всех областях.

В-третьих, если некоторые не получают такой работы, то они могут остаться при ректоре школы (уже как студенты или как прослужившие свой срок солдаты) и при нем лучше подготовиться для того будущего призвания, которое каждый изберет. Ибо для них приходит уже время выбрать определенное жизненное поприще, на котором каждый может служить богу и человеческому обществу, и приложить все старание к этой своей специальности. Один всецело посвятит себя богословию, другой — медицине, третий — философии и школьному делу, четвертый, может быть, — астрономии (так, чтобы отечество имело среди граждан все специальности); иной поступит на княжескую службу или посвятит себя хозяйственным занятиям (чтобы в будущем вести приятную, почетную и благочестивую жизнь на пользу своей семье и на украшение отечества) и вообще — тому, что служит к поддержанию общественного блага и порядка. Распределив, таким образом, учеников по классам их будущих занятий, ректор сможет притти им на помощь советом, так чтобы молодые люди знали, какими хорошими писателями им заниматься, как читать их с пользой, как им учредить в своей среде Геллиевы коллегии, причем всем должна быть дана возможность пользоваться общественной библиотекой.

Наконец, более достаточным (особенно юношам благородного происхождения и тем, кого природа снабдила более благородным умом) можно рекомендовать путешествия к другим выдающимся по своему образованию народам; но не за тем, чтобы поглядеть и на манер детей подивиться на горы, реки, моря, здания, различные одежды народов и тому подобные чисто внешние вещи, но за тем, чтобы, под влиянием бесед с мудрыми мужами и похвальных обычаев хорошо образованных народов, стать более развитыми сравнительно с теми, которые не видят ничего, кроме того, что можно найти у них дома.

IV.

1. Так как правило всякого искусства состоит не в том, чтобы просто делать что-либо, но в том, чтобы доводить все до конца, то является вопрос: как взяться за это столь важное дело? Я отвечаю:

это очень легко, лишь бы не было недостатка в необходимых принадлежностях, из которых (кроме милости всевышнего бога и высоких властей) следует предпочтительно назвать четыре: книги, классные комнаты, учеников и учителей.

2. Относительно книг следует заметить, что наибольшая часть трудностей состоит в том, что мы не все книги еще имеем на лицо в таком виде, в каком они должны употребляться. Необходимость в новых книгах, тщательно составленных по законам метода, является в силу следующих трех обстоятельств: во-первых, потому что у нас нет таких книг, которые бы содержали истинные и полные извлечения из трех книг божиих¹ и благодаря этому были бы вполне верным введением к этим книгам; во-вторых, потому, что необходимо, чтобы они были чистыми, без всякой примеси ереси или какой-либо языческой пошлости; в-третьих, потому, что их должно быть большое количество, так, чтобы их хватило для столь большого, как мы надеемся, числа учащихся.

3. Последней трудности легко было бы помочь через типографское их умножение, если бы только все было готово для печати. Но этого до сих пор еще нет, что, понятно, пугает всякого. Выпустить такое большое количество книг, исполненных сообразно тщательно обдуманной идее, представляется огромной работой; да она и не может быть исполнена одним человеком, особенно пожилым, у которого смерть стоит за спиной.

4. Но так как я более двадцати лет занимался этим предметом и добрая часть материала уже готова, то я льшу себя надеждой, — если бог мне поможет и один или два ученых мужа окажут содействие, — настолько привести эту работу в исполнение, насколько это возможно и обычно бывает на начальной ступени. Я хочу оставить это дело моим преемникам и особенно также моим ученикам; пусть они его дальше продолжают, исправляют, пополняют; пусть это служит им не только образцом для легкого подражания, но и побуждением к скорейшему выполнению.

5. Чтобы изобретения уже на начальной ступени приближались к совершенству, — это прямо невозможно; возможно и даже легко прибавлять к найденному, пока искомое не станет завершенным. Невозможно было бы для Колумба, открывшего Америку, открыть всю округность этого материка вместе со всеми вокруг лежащими островами (на это нехватило бы жизни одного человека), но для преемников его это оказалось возможным. Изобретатель печатного искусства не пошел далее самых первых его начал; а до какого совершенства довели это дело его ученики!

6. Превыше всего чудесно то, что в этом отношении говорит Спаситель о себе и о своих последователях, в словах: «верующий в меня сотворит дела, которые творю я, и сотворит больше сих». Если я, грешник, могу надеяться, что мои ученики некогда произведут большее, то дайте мне из вашей среды избранные таланты, которым доставляет удовольствие заниматься этим и которые, раскапывая открытые золотосырые россыпи мудрости, обогащают добычею света при помощи божией как самих себя, так и делают богатыми других. Резуль-

¹ См. примечание к § 28 I части «Пансофической школы».

таты будут таковы, какие даст бог, и на какие вы сами, может быть, не смеете надеяться.

7. Таких талантов жду я от вашего народа предпочтительнее, нежели от какого-либо другого, так как я в ревностных молитвах начал выражать пожелания вам блага, — пожелания, чтобы ваш народ начал поднимать голову благодаря изучению мудрости. Если я желаю, чтобы вы овладели ею, то мне надо воодушевить ваши умы, привлечь их сюда, осветить их этим светом. И, согласно положению вещей, не может и быть иначе, как то, что те, кто должен поддерживать нас, были бы поддержаны нами укреплением своих сил. Никакая повивальная бабка не в силах вывести на свет плод, если не будет живого и сильного движения и напряжения самого плода. А вывести разум на свет из мрака невежества есть не что иное, как исполнить обязанность духовной акушерки. Так, мудрейший из философов, Сократ, сын афинской повивальной бабки, обыкновенно говорил о себе, что он не может больше ничего делать, как оказывать уму услуги повивального искусства, т. е. раздувать божественные, сокровенно лежащие в душе каждого человека искры и вызывать из них пламя. Придя затем, чтобы помочь разрешению от бремени умов ваших, мы вовсе не хотим вдохнуть жизнь в мертвых, а как бы подвигнуть живых к проявлению признаков деятельной жизни.

8. Поймите же хорошо, что я говорю; и тогда вы возложите свою надежду не столько на меня, сколько на себя и на своих [близких], чтобы разумно начать и выполнить это дело мудрости, и притом не моей и не вашей силой, но силой того бога, для которого является радостью устроить хвалу из уст младенцев и грудных детей, дабы смирить врага и мстителя.

9. Сама вечная, во плоти открывшаяся Премудрость приступила к своему делу таким образом, что она избрала тех, через кого должен был распространиться свет евангелия, не из тонких господ, которые считали самих себя мудрецами, но из толпы необразованных. Христос преподал нам также (чтобы мы лучше постигли эту тайну) правило, что новое вино вливают не в старые мехи, но в новые. Если мы будем следовать этому правилу и примеру того, кто его дал, то мы можем быть уверены, что не уклонимся с пути мудрости. Я скромно держусь положения: сам собой придет разум к вам и к вашим близким.

10. Что касается вообще снабжения книгами, необходимыми для пансофической школы, то не следует отчаиваться если налицо все, для того потребное. Я мог бы, пускаясь в частности, показать вам также, как я надеюсь, что та или другая книга может быть составлена быстро и хорошо; но я отложу этот вопрос, пока не приду к убеждению, что этот путь вообще не противен вам.

11. Что касается устройства классных комнат, то я надеюсь, что это будет не моя забота. Да в этом деле не будет и никаких трудностей, если укоренится убеждение, что всякая деятельность может совершаться беспрепятственно только тогда, когда каждый класс, т. е. собрание людей, занимающихся одновременно одним и тем же, освободившись от всего, что могло бы отвлекать его, с напряжением будет заниматься этим единственным своим делом. Поэтому следует попросить наших Соломонов, чтобы, если будет решено открыть эту всеобщую палестру мудрости, эту всеобщую мастер-

скую для образования всего народа, — они серьезно принялись за устройство классных комнат.

12. Далее, что касается учеников, то я заранее предвижу, что у вас не будет недостатка в целых их стадах так же, как жарким летом не бывает недостатка в растениях, которые пьют росу выпадающего дождя. Следует скорее позаботиться о том, как бы разместить их по квартирам и как бы поддержать более нуждающихся. Для прокормления учащихся следует учредить столовые, и притом троякого рода: а) совершенно даровые, для прокормления бедняков; б) наполовину даровые, где часть стола оплачивается, а часть дается в виде одолжения, и, наконец, в) пансионы, где платят за содержание, а ученье имеют даром

13. Подыскать подходящих учителей, которым была бы по силе столь великая задача, — вот что будет трудно. Ибо подобно тому, как ни одна вещь не может делать ничего иного, как то, что есть она сама (белое — белить, тяжелое — придавливать, горячее — согревать), так никто не может сделать людей мудрыми, кроме мудрого; никто — красноречивыми, кроме красноречивого; никто — нравственными или благочестивыми, исключая нравственного или благочестивого, никто — математиками, естественниками или метафизиками, кроме сведущего в этих науках. Словом: никто не может сделать другого пансофом, — всемудрым, исключая того, кто сам пансоф. Следовательно, надобно сыскать мудрецов, красноречивых ораторов, математиков, метафизиков, словом, людей всемудрых, которые стояли бы во главе пансофической школы; особенно же должен быть передовым вождь и руководитель всех учителей.

14. Но где сыскать нам таких людей? Из какой страны нам их выписать? Мое мнение насчет этого может быть ясно из того, что я сказал несколько выше: в нашем собственном доме надо искать их; надо привлечь их из нашего народа; они будут верными проводниками нашими в этом предприятии. Но можно ли на них рассчитывать? Я непоколебимо держусь того убеждения, что не будет недостатка в людях, которые во славу божью умело возьмутся за это дело.

15. Надежду эту я обосновываю трояко. Во-первых, на способности пансофического метода создавать себе свои орудия, а также и самих работников для пользования этими орудиями. (Если мы не совершенно обманываемся, то возможно и даже необходимо, чтобы пансофы рождались вместе с самой пансофией и были воспитаны в ее колыбели.) Во-вторых, надежда моя основывается на том, что ваши умственные способности не отступят перед трудами и трудностями, если только будет надежное руководство. Поэтому надо искать руководителей для этого благороднейшего воспитания умов, — будут ли таковые уже утонченно воспитаны и энциклопедически образованы, или в них будет только стремление к энциклопедическому знанию и благородству и резко выраженная ненависть к лени и варварству — недостаткам, которые они желают видеть раз навсегда искорененными; тогда с божьей помощью они будут победителями и приглаголят великий триумф себе и своему народу. Третье основание: настойчивость в этом деле; а именно, если для классов будут назначены определенные учителя, которые, постоянно внушая другим данные для исполнения предписания, постоянно будут наставлять и самих

себя. Таким образом, один день будет все время научать другой, так что кто сегодня был несведущим, завтра будет обладать знанием и принесет свои наблюдения, обязательные как для него, так и для его преемников. Таким образом, с божьей помощью, успехи учащихся и учащихся неизменно пойдут вперед.

16. Таких людей — исполненных любви ко всеобщей мудрости, готовых для нее на перенесение трудностей, послушных добрым советам, обладающих тихим нравом, от всего сердца благочестивых — следует, как драгоценные камни, искать для этого божьего дела. И где только можно увидеть их, там и следует брать — как будто бы бог показывал на них простертым перстом, — упрашивать их и стараться приобрести их просьбами и подарками всякого рода.

17. С другой стороны, пусть приходят сюда и те, кому их собственное сознание говорит, что они — люди именно такого рода и что они не ошибочно имеют о себе столь хорошее мнение. И им может быть дозволено принять участие в пансофическом преподавании изящных наук, чтобы испытать в данном случае истинность известной поговорки: «кто учит других, учит себя». Ибо как Августин — этот в высшей степени пылкий почитатель Христа, деятельнейший и неутомимейший работник церкви, какой только мог быть, — чувствовал, что он, пища, преуспевал и, преуспевая, писал (как он об этом сам свидетельствует), так и эти отменные мужи, кто бы они ни были, поучая других всему, будут поучаться всему и сами и, ежедневно преуспевая во всем, будут в состоянии со дня на день все лучше выполнять все, что они сейчас выполняют вместе с нами в элементарном виде.

18. В самом деле, либо тот свет всеобщей мудрости, который по великой милости божьей начинает нам светить, есть свет ложный, либо должны подтвердиться известные слова Соломона: Стезя праведных — как светило лучезарное; она все более светлеет до полного дня (Притчи, 4. 18).

С своей стороны, во имя святой веры, я ничего не упущу из того, что должно быть предпринято первым руководством для кандидатов и будущих «мистов», или жрецов мудрости.

19. Однако прежде всего я советую покончить с тем, что требуется для устройства трехклассной Латинской школы, — чтобы нам начать строить нашу башню не с верхушки, а с основания. И так как школы прежде всего и главным образом нуждаются в книгах, то надобно утолить эту первую жажду; это лучше поможет осуществить и устройство более крупного дела — высших классов.

20. Лучшее да внушит господь другим, на суд которых повергаю я это дело! А он сделает это, если мы при столь священном предприятии выкажем себя набожно настроенными, разумными и осмотрительными. Ибо хотеть и жаждать добра, просить и надеяться на бога, изыскивать средства для исполнения и держаться за них, — вот царская дорога, чтобы прибыть туда, куда хочет вести нас бог.

Сенека в восьмом письме говорит:

Я делаю для потомства нечто такое, что для него может быть полезно, и т. д. Я показываю другим правильный путь, который я сам, утомленный от блужданий, поздно познал.

Примечание. Для семи классов следует назначить такое же количество учителей, чтобы каждый украсил свою Спарту¹ как можно тщательнее; во главе же всех надобно поставить ректора, на обязанности которого должно лежать ежедневно обходить классные комнаты, чтобы видеть, все ли, повсюду ли и во всякое время идет в добром порядке, не пристало ли где-нибудь что-либо вредное, или не делается ли что-либо небрежно. Если кто-либо из учителей, вследствие болезни или вследствие еще какой-нибудь уважительной причины, не может исполнять свои обязанности, он должен заступить его место, чтобы не было никаких упущений и перерывов. Так как для этого необходим весьма деятельный, ученый, предусмотрительный муж, то для него (как, конечно, и для классных учителей) должно быть назначено весьма приличное содержание, так, чтобы ни один человек выдающегося ума не имел побуждения покидать это место и искать другого. Лишь тогда можно будет все содержать в хорошем состоянии, если действительно выдающиеся мужи будут твердо вести все юношество. Сократа, который некогда с великим рвением занимался с юношами, раз спросили: почему он не возьмет на себя лучше какой-либо государственной должности? И он ответил на это: больше делает тот, кто образует многих способных вести государственные дела, чем тот, кто сам управляет государством. Так будет и здесь: эти пансофические образователи умов при своей работе будут иметь в виду благо отечества, церкви и государства гораздо более, нежели те, кто действуют вне этой мастерской в качестве каких бы то ни было магистратов, политиков и священнослужителей. Следовательно, столь значительный работник будет заслуживать значительного вознаграждения, при котором он мог бы в полном довольстве, спокойно (или, скажу лучше, с воодушевлением), ревностно заниматься столь возвышенным делом.

Но откуда взять требуемые для этого значительные суммы? Собственно говоря, не моя задача находить эти источники; однако я предлагаю следующие соображения.

1. Разве не правильно писал Лютер: Если для постройки и защиты города или пограничной крепости расходуют десять червонцев, то для мудрого воспитания одного юноши следует израсходовать сто, даже тысячу. Ибо, мудрость лучше силы² (Экклез., 9, 16).

2. Разве те, которых бог благословил свыше обычного и которым даровал богатство, почести, власть, не обязаны, в свою очередь, свершить что-либо свыше обычного во славу божию?

3. Разве не обязаны все люди одинаково, по предписанию божественного закона, приносить богу седьмую часть своего времени и десятую часть своих внешних благ? А может ли кто надеяться дать лучшее применение десятой части своего имущества (или хоть двадцатой или тридцатой), чем если он будет поддерживать орудия славы божией? Едва ли он в состоянии придумать что-либо лучшее.

4. И если бы первые лица в народе, высокие покровители и пастыри

¹ Для древних спартанцев их родина Спарта была самым дорогим из того, что они ценили в жизни. Для укрепления и возвеличения Спарты они не щадили даже самой жизни. Этим выражением Коменекий и призывает своих читателей к бесконечной преданности науке и всеобщей мудрости.

² См. «Великую Дидактику», гл. 33, § 10.

церквей, и, наконец, все остальные дворяне и горожане пожелали отдать на это десятую (или хоть двадцатую) часть своих доходов, — то разве не пришлось бы уже скоро воскликнуть (как и при построении скинии): Народ приносит больше, чем надобно! И, как тогда, пришлось бы повелеть: Пусть никто не прибавляет ничего более (Исх., 36, 5, 6).

5. И разве (как и тогда) не может князей народных охватить такая же потребность жертвовать, стремление приносить драгоценные камни и щедрые подарки? (Исх., 35, ст. 27.) И разве не станут жертвовать, побуждаемые их примером, и другие благочестивые души? (Исх., 35, 29.)

6. Разве не было бы побуждением для богатых, если бы имена и фамилии тех, кто отличился своей благочестивой щедростью, стали предавать памяти потомства? Ведь видим же мы нечто подобное во многих университетах, где коллегии, классные комнаты (аудитории), библиотеки, общежития, даровые столовые и т. п. называются по именам их основателей, на бессмертную славу им и на благодарную память в потомстве? Мало того, то же самое было при постройке стен иерусалимских, причем было помечено на вечное воспоминание и даже внесено в священные книги, какое лицо или семейство построило какую часть или какие ворота в стене (Неем., 3).

7. Разве нельзя было бы, наконец, тем, кого бог изобильно одарил благами, но кому он отказал в наследниках, на которых вместе с их именем могло бы перейти и благословение божие, — разве нельзя было бы внушить им, что они не могут сделать лучшего применения своим внешним благам, как употребив их на благочестивые и торжественные цели (во славу Божию, на преуспевание церкви, на прославление отечества). и т. д., и т. д. (ср. слова Давида в 1 Паралип., 29, 9—18).

ОБ ИЗГНАНИИ ИЗ ШКОЛ КОСНОСТИ (IGNAVIA)¹.

Ко всем гражданам² всех школ, особенно же к проницательным попечителям славной школы в Потоке.

Дело молодых работать,
дело старых советовать.

Председателям, учителям и ученикам школ—во Христе здравствовать!

Не без удовольствия смотрю я на представляющиеся мне случаи оказывать услуги христианскому юношеству и школам и не против воли пользуюсь я этими случаями, будучи уверен что они предоставляются самым провидением: только бы было у нас усердие взяться за них. Самые болезни дают повод и толчок к изысканию необходимых оздоравливающих средств, самый беспорядок — к восстановлению порядка, сами дурные нравы — к созданию хороших законов. Однако дело показывает, что не всегда мы преодолеваем нашу медлительность и приводим в движение необходимые средства. Большею частью мы предоставляем дела их собственному течению или считаем свой долг исполненным, если мы жалобами и сетованием даем знать, что мы далеки от незнания наших бедствий. И вот мы жалуемся, что, видя перед собой нечто лучшее, мы вязнем в тине неурядицы, и все-таки погрязаем в ней, потому что либо у нас нехватает решимости выбраться оттуда, либо мы никак не приложим рук к делу с надлежащей серьезностью и умением.

Вот отчего раз обуявшие нас недуги в такой степени прочно укореняются, что даже при неблагоприятных обстоятельствах непрерывно прогрессируют. Это наблюдение античная мудрость выразила образно в сказании о борьбе Геркулеса с лернейской гидрой, борьбе необычайно трудной, так как, лишь только он отрубал одну из ее многочисленных голов, на ее месте сейчас же вырастали две новые. Как бы там ни было, мы должны бороться с нашими пороками до тех пор, пока с помощью божьей их не победим. Мне же, в частности, предстоит

¹ Точно следуя латинскому тексту, это сочинение нужно было бы озаглавить так: «Воскрешенный Форций, или об изгнании косности из школ». Однако первая часть заглавия—«Воскрешенный Форций»—имеет случайный характер и сбивает с толку современного читателя, не знающего ни Форция, ни его «воскрешения». Поэтому мы и позволяем себе такую вольность в заглавии.

² Под «гражданами» школ нужно понимать учащихся и учащихся. Коменский неоднократно проводит ту мысль, что школы, подобно республикам, должны иметь свою организацию на принципах коллегиальности и самоуправления с своими особыми представительными учреждениями (сенат) и должностными лицами. (См. «Законы хорошо организованной школы».) Поэтому естественно, что Коменский называет учащихся и учащихся «гражданами» школ.

теперь вступить в бой с язвой школ — косностью, повод к чему подает нам поднятая давно одним мудрым человеком жалоба на небрежность и на поверхностное только исполнение обязанностей почти всеми, кто учит в школах, — не исключая нашей. Казалось, можно было надеяться, что, раз возжен свет лучшего метода, господствующая в школах рутина тем самым хоть до некоторой степени будет вытеснена. Но что пользы зажигать факел, когда люди не хотят открывать глаз? Мне опять приходит на мысль известное изречение учнейшего мужа: тщетно стремиться к улучшению методов, если не удастся удалить из школ косность. И вот, в видах ее устранения, надумал я опубликовать золотую книгу И о а х и м а Ф о р ц и я «О способе занятий», замечательно воодушевляющую любовью к занятиям всех учащихся и учащихся в школах. Я отпечатал у нас эту книгу. — О, если бы только с тем же успехом, с каким несколько лет тому назад то же самое сделал Эрпенний в Бельгии! Эрпенний сообщает, как много благодарностей получил он от всех за рекомендацию этого писателя. У нас нет ничего подобного, повсюду глубокое молчание. Читают ли его или не обращают на него внимания, понимают ли его или не хотят понять, — этого я не знаю; во всяком случае, мое дело — добиваться, чтобы его поняли. Известный вопрос моралистов, должно ли делать добро неблагодарным, для христианина вопрос, полагаю, совершенно праздный. И Христос говорит (Матф., 5, 44, 45), и апостол удостоверяет (2 Фессал., 3, 13), и даже сам Сенека, руководимый светом естественного разума, признает, что должно жалеть несчастных. Несчастен же тот, кто не видит своего же блага; несчастен тот, кто не знает пути к тому, что составляет предмет его самого сильного стремления; несчастен и тот, кто знает средства для достижения своей цели, но пренебрегает ими; однако несчастнее всех тот, кто даже не хочет видеть того, что ему полезно, кто не слушает и даже ненавидит путеводителя, кто отталкивает человека, указывающего ему, чем он болен и как ему вылечиться. О, да пребудем мы в подражании богу, продолжая желать блага и приносить пользу, божьим поспешением, даже и тем, кто этому противится. Вот что дало повод к появлению настоящего сочинения, которое я озаглавил «Воскрешенный Форций» и издал с той целью, чтобы, померкший в своем прежнем виде, он предстал перед нами в новом облике, более ясно изложенный и лучше приспособленный к нашим условиям. К заглавию я прибавил подзаголовок: «Об изгнании из школ косности»; ведь, пока не будет устранена косность, эта необъятная глыба, загораживающая дорогу ко всему славному и прекрасному, до тех пор, думаю я, все другие указания, все увещания, все добрые пожелания, все усилия и заботы благочестивых покровителей, все щедрые вспомоществования, все устроенные нами коллегии, аудитории, общежития, наконец, все хорошие уставы и их блюстители, словом, — все окажется и навсегда останется тщетным. Так поставим же перед собой эту задачу — изгнание косности, этого столь вредоносного хищника, из садов мудрости, или, вернее, заботимся приведением в исполнение наших собственных начинаний. Я первый покажу пример своим рвением, я сам не пожалею никаких усилий и даром предоставлю в распоряжение всех тех, кто причастен к школе и кто вообще пожелает, это краткое печатное произведение. Однако под условием, во-первых, что оно будет прочитано: ведь,

книги пишут не для моли, а для людей; во-вторых, что это будет сделано с пониманием; ибо читать и не понимать — то же, что совсем не читать; в-третьих, что не преминут говорить друг с другом об этом предмете и таким образом друг друга взаимно поощрять. Будьте же, прошу вас, общительны, а не замкнуты, ибо первое есть свойство света, второе — признак мрака.

ОБ ИЗГНАНИИ КОСНОСТИ ИЗ ШКОЛ.

1. Порядок нашей работы пусть будет такой же, как если бы у нас шло совещание относительно какого-либо вопроса. Сначала предположим случай, вызывающий беспокойство. Затем изыщем средства, способствующие устранению зла. Наконец, нашедши их, постараемся внушить необходимость их применения тем, кто имеет к этому делу какое-либо отношение.

2. Случай, который вызывает наше беспокойство — некая тайная болезнь, в которую впали наши школы, и болезнь эта их так изнурила, что у них нисколько не остается подлинной силы или хотя бы краски в лице; осталась только худоба и бледность. Между тем, спасительные средства они от себя отталкивают или принимают их неохотно, да и, приняв, не чувствуют никакого улучшения, а, наоборот, приходят в еще большее расстройство и падают еще ниже.

3. Я отдаю себе отчет в том, что зло это имеет много причин, и причин весьма разнообразных. Однако я полагаю, что (поскольку в настоящее время отдельные проявления зла уже изучены и средства против них уже изысканы) все они могут быть приведены к одному общему источнику. Это известного рода укореившаяся спячка и равнодушие, которые мешают людям как самим видеть истинную цель школы, так и открывать глаза, когда кто-либо другой им ее указывает; и, наконец, даже видя эту цель, — они не в состоянии стряхнуть с себя эту спячку.

4. Чтобы разъяснить дело, разберем по порядку те три момента, которые заключаются в заголовке:

1) школу, которая по своей идее есть не что иное, как поприще труда, пусть даже приятного, но все-таки труда (§ 5 — 22);

2) косность, полновластно и губительно завладевшую школами (§ 23 — 39);

3) изгнание косности, этого вредного хищника, как единственное возможное средство для оздоровления школ, — выяснив попутно и вопрос о том, на чьей обязанности лежит это изгнание (§ 40 и сл.).

5. Школу всего проще можно определить как собрание учащихся и учащихся. Но и обучение есть один из видов труда; в этом смысле школа и есть поприще труда.

В самом деле, учить — это значить вводить в науку не знающих науки, учиться — это значит быть руководимым. Но кто ведет, тот предшествует; кого ведут, тот за ним следует. Предшествовать и следовать значит во всяком случае идти, а кто идет, тот не стоит, не лежит, не спит, не позевывает, но бодрствует, действует, напрягает свои нервы, находится в движении всем своим существом и достигает своей цели только благодаря этому непрерывному движению.

6. Иной по неопытности возразит, что слово «школа» (греческое *σχολή*) означает досуг, покой, а покой противоположен работе.

Такому я ответу: да, но работе механической, утомляющей тело, от которой ученики с тем, очевидно, и освобождаются, чтобы все свои природные силы направить на более сильную умственную работу.

7. В латинском языке школа иногда называется *ludus*, т. е. игра; и опять-таки не ради того, конечно, чтоб ученики могли думать, что они могут заниматься игрой в кости, карты или шахматы или предаваться другим бесполезным забавам, — но в том смысле, что она представляет собой тихое пристанище, специально устроенное для научных знаний, нисколько не обременительных и не утомительных, но, подобно игре, лишь приятно и легко упражняющих ум и тело.

8. Что школа есть не что иное, как рабочая мастерская (*laboratorium*), ясно уже из почетных эпитетов, данных школам, или из метафорических [образных] определений, которыми весьма удачно характеризуют занятия школы и лиц, посвятивших себя школьной жизни. Рассмотрим некоторые из них.

9. Во-первых, школа называется мастерской гуманности, в которой молодые и необразованные люди образуются (*efformantur*), чтобы вполне воспринять черты подлинной гуманности, чтобы не остаться болванами, а выйти из нее живыми образами божими, созданиями, в наибольшей степени похожими на их Создателя. В мастерских (особенно ремесленных, скульптурных, живописных) нет места для праздности и праздных людей, там кипит непрерывная работа — пила дерева, стругание, обточка, долбление, резьба и расписывание — по пословице — «ни дня без штриха»¹, и не допускается никаких праздников, кроме данного богом воскресенья. И в школах дело должно быть поставлено так, чтобы эти мастерские мудрости не уступали ни одной механической мастерской в смысле трудового напряжения и чтобы они не знали никаких праздников, исключая посвященных богу.

10. Школы весьма метко называют также мастерскими света, так как главнейшая их цель — просвещение умов, чтобы рассеивать мрак врожденного нам неведения, заблуждений и грехов. Но если представлять себе школу в виде мастерской света и светильников, то тем самым должно предполагать наличие в ней деятельных и бодрых работников, часть которых разыскивала бы материал для изготовления из него светильников, другие изготавливали бы фитили, топили бы воск или сало, вставляли фитиль, выливали и вынимали из форм свечи, упаковывали то, что уже готово, третьи приготавливали бы трут, ударяли бы сталью о кремь и извлекали искры; зажимали серпичками свечи, вставляли их в подсвечники, доставали свечные пищцы, снимали нагар и делали так, чтобы все становилось освещенным.

11. Удачно также сравнивали школы со строительным искусством, потому что, в самом деле, люди здесь подготавливаются для того, чтобы, подобно хорошо обтесанным камням, войти в состав общественного здания — хозяйственного, политического, церковного — и содействовать прочности и красоте постройки.

Если же смотреть на это дело не как на чисто человеческое, ибо оно собственно и не есть таковое, но как на дело вечной Премудрости,

¹ *Nulla dies sine linea*. Это латинское выражение, по преданию, будто бы заимствовано у известного греческого живописца А п е л л е с а.

которое она только осуществляет руками людей, то совершенно справедливо будет и в пример взять само воплощение этой Премудрости — премудрого Соломона. Когда он хотел построить богу храм, себе — дворец, а жене своей, дочери фараона, — дом (символизирующие церковь, государство и школу), то он собрал для этого ошеломляющее количество искусных и прилежных работников. На Ливан послал он восемьдесят тысяч лесорубов и плотников и семьдесят тысяч грузчиков вместе с тысячею тремястами надсмотрщиков. Нарубленные и обрезанные здесь кедры были доставлены к морскому берегу, связаны в плоты и переправлены в Иерусалим. Литейные работы производились на полях Иерихонских между Сокхофом и Цартаном. Все это наглядно показывает, что тщательная обработка живых камней и бревен для строительства церковного и государственного невозможна без предварительной, усиленной и очень тщательной, подготовки их посредством школьных наук. Следовательно, школа знает только работу, но, при правильной постановке дела, работу приятную, подобно работам в благовонном лесу Ливана или в долинах роз в окрестностях Иерихона (3 Царств, 5, 15 и 7, 46).

12. Если мы посмотрим на школу, как на паству агнцев божиих, пасущихся на лугах мудрости, то увидим, что и в этом случае она означает работу и труд, а не праздность и лень. Этому нас учит прародец Иаков, который, пася с тестем своим, Лаваном, стада его, говорил, что он служил ему всеми силами (Быт., 31, 6), что днем томился он от жары, ночью — от стужи и что сон убегал от глаз его (ст. 40). А когда бог сетует на пастырей Израиля, что они не пасут стад своих, слабых не укрепляют и больной овцы не врачуют, и пораненной не перевязывают, и угнанной не возвращают, потерянной не ищут (Иезек., 34, 4), то он ясно указывает, какой неусыпности, какой заботливости, какого труда требует также и человеческая паства (будет ли то паства «овец» в церкви, или «баранов, козлов, быков, медведей и львов» в государстве, или, наконец, «ягнят, козлят, телят и львят» в школе).

13. Не уместно сравнивают также школы с питомниками; ведь на самом деле они представляют собой питомники для церкви и государства. Именно, как разумный садовник сеет и сажает молодые деревца не тотчас же на то место, где они потом должны стоять и принести плоды, но в особое место в саду, которое он называет питомником или рассадником, точно так же и людей нельзя тотчас же поместить в церковь и в государство и предоставить им там развиваться, но нужно развивать их заранее, в юношеские годы, не обремененные еще тяготами жизни и наиболее пригодные для упражнения во всех делах. Как садовник в своем питомнике прилагает величайшие усилия, чтобы юные растеньица выросли нормально из семян или чтобы, вырытые в лесу и перенесенные в сады, хорошо укрепились и привились; как затем он неотступно поливает, пересаживает, прививает черенки, чтобы сделать их способными к хорошему плодоношению, очищает и чего только не делает, пока растения, укрепленные многолетним заботливым уходом за ними, не окажется возможным пересадить на определенное место в саду и заставить их приносить плоды, — совершенно так же бывает и здесь: и здесь питомники церкви и государства необходимо требуют большей заботливой работы,

если мы не хотим, чтобы наши растения, будущие плодоносные деревья, зачахли, стали бесплодными и окончательно погибли.

14. Но всего правильнее сравнивать школу с ложем роженицы, как и апостол требует, чтобы новообращенных христиан считали за новорожденных младенцев и питали их словесным чистым молоком (1 Петр., 2,2). И философ Сократ, который был сыном повивальной бабки и который, сам сделавшись мудрецом, насыщал и многих других своей мудростью, по своему собственному признанию, исполнял дело повитухи. И это очень остроумно. В самом деле, бог оплодотворил семенами мудрости и добродетелей свой изблужденный образ — человеческую природу, так что она во всех своих отдельных представителях обладает даром и способностью к учению были бы только люди, которые ласковой и умелой рукой могли бы счастливо вывести на свет божий прекрасное дитя мудрости, статное дитя красноречия, веселое и живое дитя добродетели. Но и в родильных домах нет места бездельности, и там идет оживленная работа: пока мать мучится родами, бабка приносит ей лекарства, служащие для облегчения болей, искусно мешает и разумно применяет их; да и все присутствующие только и заняты тем, что способствуют сохранению жизни и здоровья роженицы и дитяти, а если ничего другого не могут сделать, то хоть молятся. Так как же можно думать, что духовное повивальное искусство менее серьезно и трудно и что им можно заниматься беззаботно или для забавы?

15. Наконец, не без основания школу называют также ареной состязания муз и сравнивают с войной. Именно здесь из отборной молодежи составляется войско, предназначенное для того, чтобы бороться с врагами человеческой природы: невежеством, заблуждениями, пороками, и чтобы изгонять из области церкви и государства всю эту скверну грубости, безбожия и т. п. Но кто же когда-либо видел, чтобы война велась без трудов и лишений? Ее начинают не для удовольствия, но для нее идут на бедствия и страдания, пока, с напряжением всех сил, она не будет доведена до конца и пока сам полководец и все военачальники и простые воины не обретут вновь мир и покой, славу и богатую добычу с радостью и ликованием.

16. Отсюда ясно, что такое школы, и что они требуют людей деятельных, что относится и к учащим, и к учащимся, и к тем, которые приставлены к тем и другим как *εἰρηδοί τεκταιν*, т. е. к начальникам и руководителям. Чтобы еще лучше это выяснить, рассмотрим теперь в отдельности образец хорошего учителя, хорошего ученика, хорошего школьного начальника.

17. Хорошим учителем является тот, кто старается не только слыть, но и быть таковым, т. е. учителем, а не одной лишь личиной учителя. Следовательно, он не должен уклоняться от связанного с учительством труда, а сам его выискивать; исполнять его не ради формы, а серьезно; не на ветер, но для прочной и постоянной пользы учащихся, применяя к себе и внушая ученикам слова Сенеки: «Благородные умы питают работа. Не довольно того, что ты только не отрекаешься от работы — ты должен ее требовать; не достойно мужа бояться пота»¹. Хороший учитель ищет учеников, («Хороший наставник

¹ Письмо 31, 7.

радуется, если учеников у него много», говорит Ф а б и й¹). Он ищет, чему учить, ибо он горит нетерпением обучить всех всему, что только возможно. Он думает о том, как учить, чтобы напиток науки проглатывался без побоев, без воплей, без насилия, без отвращения, словом, приветливо и приятно. Подобно усердному ваятелю, он старается по возможности красиво изваять и расписать божии изображения, без конца их шлифует и отделяет, чтобы придать им наибольшее сходство с оригиналом. Как чистый и непорочный служитель вечного света, он горит нетерпением рассеять умственный мрак и пролить свет во все мысли и действия. Как предприимчивый архитектор, всюду валил он лес знаний, свозит его в одно место, доставляет, куда следует, соразмеряет, выравнивает и обрезает его так, чтобы, все во всех отношениях приладив и подогнав, застроить затем все уголки человеческого существа. Как хороший пастырь, он постоянно находится у своего стада, с неусыпной заботой о том, как устеречь своих агнцев от ярости диких зверей, как предохранить их от заразной болезни, удерживать от ложных путей, направить на здоровое жизненное пастбище и напоить их потоками вод живых. Как рачительный садовник, он ухаживает за всеми растениями под небом, которые поручено ему взрастить в саду его, чтобы они в течение всего времени своего произрастания пользовались хорошим уходом и были оживляемы и укрепляемы поливкой и удобрением. Как добросовестный акушер, призванный к постели мучащихся родами умов, он будет неусыпно заботиться, чтобы умы легче и счастливее разрешались от бремени. Наконец, как энергичный полководец, высланный против варварства и безбожия... и т. д. Счастливы школы, имеющие таких учителей!

18. Равным образом хороший ученик будет не чем иным, как тем, что вполне точно соответствует его имени: он будет сгорать от нетерпения учиться, не боясь никаких трудов, лишь бы овладеть наукой. И его благородный дух будет питать работа; мало того, что он не будет избегать труда, он будет даже искать его и не бояться напряжения и усилий. Он будет ставить себе целью не что-либо посредственное, но самое высшее, постоянно стремиться чему-нибудь научиться, пока он чувствует, что ему чего-либо недостает, и постоянно искать, у кого ему учиться, во всем подражая своим учителям и соревнуясь с своими сотоварищами, всеми силами стараясь сравняться с одними, превзойти других. Без сомнения, он будет подобен хорошему материалу, стремящемуся превратиться в прекрасный образ, в подобие самого бога; подобен чистому воздуху, который жаждет быть пронизанным лучами света; подобен выравненному для постройки месту, которое остается только заполнить всеми прекраснейшими зданиями мудрости; подобен агнцу, рвущемуся к корму на пастбище; подобен благородному растению, готовому стать деревом божьего рая и принести прекрасные, ароматные плоды в великом изобилии; подобен душе, которая чувствует себя оплодотворенной божественным семенем и, покорная заботам повитух, производит живой отпрыск мудрости и добродетелей; наконец, подобен хорошему солдату, который следит за каждым мановением своих вождей и ревностно добивается добычи.

¹ М. Фабий Квинтилиан, О воспитании оратора, 1, 2, 9. (Примечание Брюннского издания.)

19. Хороший полечитель (*curator*) школы тот, кто прилагает всевозможные старания к преуспеянию школы и кто не чувствует себя хорошо, если не в хорошем состоянии его школа. Он смотрит на нее, как на свою Спарту¹, всячески поддерживать и украшать которую составляет его призвание. Он делает то, что делает хороший главнокомандующий со своим войском; он снабжает его хорошими полководцами и командирами, научает их в свою очередь вербовать или путем упреков воспитывать хороших солдат и, наконец, устанавливает в войске надлежащий порядок. Снабжая его наилучшим вооружением, подчиняя его законному порядку, обязывая его к верности присягой и заботясь о назначении и своевременной уплате всем причитающегося жалования, ведя их затем на врага и побуждая их неослабно стоять в деле, — он никогда не позволяет войску быть в сонливом покое, но постоянно поддерживает в нем бодрость крепостными работами, фуражировками, набегам, стычками с неприятелем. Когда же дойдет дело до битвы, он объезжает войска, устанавливает или приводит в порядок их ряды, все время убеждая, воодушевляя, возбуждая их обещаниями и угрозами, возвращая бегущих, поддерживая слабых, хваля храбрых и т. п., словом, неутомимо работает и все делает, чтобы добиться победы. Ведь он знает, что при дурном ходе дела отечество погибнет, а сам он покроет себя стыдом и презрением; что только победа обеспечит отечеству безопасность, а ему самому — триумф.

20. Смотри, как здесь везде требуется живость и усердие, постоянный подъем духа, напряжение сил, неутомимое прилежание, непрерывный ряд усилий и как бы непрерывное бодрствование, а не остановки и отступления; не оглядывание на сделанное, а предвосхищение того, что еще остается сделать, пока не будет достигнута цель.

21. Но так ли все это оказывается в школах, с таким ли жаром все там делается? О, если бы это было так! Тогда бы видно было, как и здесь, благодаря бдительности и усердию, благословением божим все преуспевает.

22. Но все это похищает у нас то губительное и наводящее ощущение чудовище, о котором мы начали говорить — косность.

В стремлении изгнать ее из умов, рассмотрим теперь: 1) что такое косность; 2) в какой степени глубоко овладела она школами и 3) как велико ее вредное влияние.

23. Косность есть отвращение к труду в соединении с ленью. С нею связаны: 1) бегство от работы и уклонение от задаваемых работ; 2) вялое, холодное, поверхностное и безучастное исполнение их и, наконец, 3) медлительность и прекращение уже начатых работ.

24. А разве не замечаем мы повсюду в школах все эти три явления? Разве не охотнее уходят из них учащие и учащиеся, чем поступают туда? Конечно, за исключением некоторых, кто принужден в них оставаться, потому что здесь зарабатывают свой хлеб, которого иначе добыть не умеют. Но разве и те, которые в них остаются, не предпочитают тратить свое время на бездействие и праздность? И разве

¹ «*Spartam, quam nactus es, orna*» («Украшай Спарту, которая является твоим достоянием»). Эта фраза — перевод с греческого (*Diog.*, 8, 16; *Euripid.*, *Fragmenta*, № 723). (Примечание Брюннского издания.) См. наше примечание к заключительному приложению к «Пансофической школе».

в часы, которые они принуждены посвящать занятиям, не ведут они дела сонно, вяло, флегматично, лишь бы отбыть время? И разве, в конце концов, не бегут они оттуда, как от работы на мельнице, не достигнув даже цели обучения?

25. Переходя, в частности, к учащим, необходимо отметить, что господство над ними косности выражается прежде всего в том, что они не думают, как бы приобрести самим себе свет истинного и полного просвещения, и еще менее того принимают на себя труд, потребный для достижения такого просвещения. Для подтверждения этого я поставлю перед их глазами в виде зеркала то изречение Эразма, которое приводится Фортцем, когда он говорит:

«Кто начнет учить кого-нибудь (кого-нибудь, говорит он, т. е. одного; тем более это относится, стало быть, к тому, кто захотел бы обучать всю школу и посвятил бы этому призванию свою жизнь), тот постарается преподавать ему самое лучшее; но, чтобы преподавать наилучшее и притом самым правильным образом, нужно, собственно, знать все, или, если в этом отказано уму человеческому, по крайней мере, самое главное из каждого учебного предмета. И в отношении его, т. е. учителя классических языков, нельзя довольствоваться десятью или двенадцатью авторами, но я буду требовать от него знакомства со всем кругом научного знания, чтобы для него (заметьте это хорошенько), даже если он берется учить лишь самой малости, ничего не оставалось неизвестным. Следовательно, он должен будет одолеть все «племя» писателей, чтобы остановиться на лучшем; отвечать от всех, никого не пропуская и т. д.»¹. Но кто из учителей заботится о приобретении, в первую очередь, для себя подобного рода полного образования, чтобы стать живой библиотекой, ярким солнцем для своих учеников, освещающим их со всех сторон?

26. Отсюда следует, что тот, кто мало знает, малому может и учить и что он не умеет, да и не дает себе труда добиться успехов от своих учеников. В каких школах руководители их знакомят учеников с хорошими авторами? Сколько авторов ежегодно они проходят? Десять или двенадцать? А ведь Эразм еще и этим не довольствуется.

27. Но если даже и занимаются с учениками тем или иным автором, с каким прилежанием это делается? Сколько часов в день ведется преподавание? Много ли таких людей, которые, подобно Фортцю, могут сказать о себе: «Ежедневно я преподавал в продолжение двенадцати часов; кроме того, ради упражнения в красноречии, я иной раз еще произносил речь — о боге ли, о мире ли, о других ли вопросах» (ср. гл. XVI его сочинения, озаглавленного *De ratione docendi* (о методе ученья). Где найдешь таких Форциев?

28. Что сказать мне о питомцах школ? Разве не известно, что они осаждены со всех сторон их злейшим врагом — косностью? Прежде всего их ум и сердце опутаны таким густым мраком, что они даже не различают сияние истинного и полного образования. Поэтому они и не чувствуют внутренней в нем потребности; для них, подлинных рабов полуобразования, довольно только капельной дозы наук, подобно

¹ Цитата взята из трактата Эразма «*De ratione instituendi discipulos*». (Примечание Брюннского издания.)

тому как равнодушный и ленивый пленник, даже и будучи в состоянии разорвать свои оковы и освободиться из мрачной темницы, несколько не заботится об этом, предпочитая влачить свою жизнь в темноте и смраде.

29. Далее, косность и упи им заложила, так что они тяготеют слушать своих учителей, если даже и является к тому возможность. А если они их слушают, то все равно, как если бы не слушали; сколько бы лет они ни учились, они так и остаются не чем больше, как учениками.

30. И глаза их заволокла и сделала незрячими косность, так что они слишком ленивы для того, чтобы хоть дома читать книжки; по имени они — студенты, т. е. люди, предавшиеся изучению изящных искусств и наук, на самом же деле они — питомцы косности и апатии.

31. Что мне сказать об их языке? Что он у большинства точно прилип к гортани, доказывает редкость вопросов, бесцветность ответов, небрежность в изложении.

32. Что сказать о внутренних чувствах? И там все мертво. Они не имеют ни малейшей потребности пасти свой ум на лугах мудрости; они отказываются утруждать память, ежедневно заучивая что-либо наизусть и слагая это в тайниках своего духа; еще менее склонны они изощрять свой разум собственным размышлением.

33. Руки у иных делаются до того дряблыми, что они не заботятся даже выписывать себе ценные замечания из писателей, чтобы вооружить себя (без чего невозможно стать ученым) сокровищем подобных извлечений.

34. Эта праздность отдельных членов имеет результатом расслабление и изнеможение всего тела и духа, так что, наконец, большинство, забывая о той цели, для которой они сделались и стали называться студентами и посвятили себя школьной жизни, проводит время в еде, питье и сне (не только ночью, но даже сверх потребности и днем) и в этом ленивом покое и расточает свои юные годы, прекрасную весну своей жизни.

35. Если они и принимаются за какого-либо рода занятия, то занятия грязные, не достойные благородного звания студента: кости, карты, фехтование, кулачный бой, праздношатанье, пустые разговоры, беспашашные попойки, ночной разгул и т. д.

36. А какой характер носит попечение о школах со стороны схолахов [начальников школ]? Какое старание прилагают они к предупреждению беспорядков? Насколько серьезно их рвение, когда дело идет об устранении неустройств? В иных местах совсем нет начальников над школами, потому что они не поставлены. А где таковые есть, то редко бывают они достойными своей должности, бдительными и энергичными, исполняющими, как подобает, свои обязанности. Они редко посещают школы, редко проверяют учащихся и учащихся, редко выговаривают нерадивым и т. д., но предоставляют дело собственному течению, только чтобы никого не обидеть.

37. Что иное может выйти из всего этого, как не то, что мы видим в рабочих мастерских, где ленивые работники убивают время на сон, игру и ничегонеделанье и где все работы остаются недоконченными или неисполненными? Что иное, как не то, что происходит на строительстве, где нужный материал не парублен, не отесан, не обрезан и

не обработан, как следует, и где, поэтому, места для построек остаются пустыми или вместо обещанных дворцов являются хижины, да и те со щелями, кособокие, неотделанные и уродливые? Что иное, как не то, что происходит на войне, где нерадивые полководец и солдаты, даже при наличии всех данных для победы, упускают ее из рук? Что иное, как не то, что наблюдается в садоводстве и полеводстве, когда на заброшенных полях вырастает сорная трава, вместо прекрасных кустарников — тернии, вместо плодовых деревьев — одни бесплодные?

38. Таким образом, вследствие господствующей в школах нерадивости, они не приносят ожидаемого плода; из своих мастерских выпускают они, вместо стройных статуй, грубые чурбаны, вместо светильников мира — дымные головни, вместо невинных агнцев — похотливых козлов, вместо плодородных деревьев — колючий кустарник. Если хотите устранить когда-либо эти недостатки, нужно изгнать из школ косность.

39. Но что значит изгнать? Это значит принять насильственные меры против того, что причиняет нам большое неудобство и не хочет исчезнуть само собой или же не может быть удалено спокойным образом. Тогда мы кричим, отталкиваем руками, или бьем дубиной, или выгоняем кнутом или каким-нибудь другим подобным орудием, способным внушить страх и обратить в бегство.

40. Итак, если мы требуем изгнания косности, то тем самым мы требуем применения насильственных мер против гадкой привычки, погружающей нас в бессилие и сковывающей нас какой-то сонливой апатией, вследствие чего мы становимся неспособными предпринять содействие в достижении мудрости. И притом — выкорчевать косность до конца, чтобы она уже никогда не была терниша в недрах школы.

41. Но кто приложит руку, чтобы изгнать это чудовище? Рассказывают, что когда известный, воспетый поэтами вебрь каледонский разорял поля Этолии и страшно опустошал прекрасно возделанный виноградник царя Энея, то собрались самые сильные охотники со всей Этолии, чтобы убить этого вебря¹. А когда у нас волк производит опустошения в стаде, то обыкновенно собираются дворяне, горожане и крестьяне и защищают свой скот. И когда неприятель вторгается в пределы нашего отечества, то никто не отказывается взяться за оружие. Не должны ли и мы все таким же образом сплотиться здесь, где полю государственному, виноградику церковному, пастве христовой, — юношеству — причиняется гораздо больший вред, чем какой мог бы нанести какой-либо хищный зверь или озлобленный враг.

42. Прежде всего изгонять это чудовище надлежит, конечно, тем, в которых оно преимущественно укоренилось. Но кто же это такие? Часто слышатея жалобы на учащихся, а те приписывают вину учащимся. Но, несомненно, не без греха обе стороны. Учащие чувствуют неохоту бодро учить, ученики слишком ленивы для того, чтобы старательно учиться. Следовательно, обе стороны обуяла небрежность;

¹ Ср., Ovid., Metam., VIII, 260. По мифологическим преданиям древних греков, вебрь каледонский представляется чудовищным зверем, опустошавшим поля и виноградники в одной из частей древней Греции, Этолии. Этот вебрь был, будто-бы, убит лишь благодаря общим усилиям греческих героев.

но бoльшая доля вины ложится на учителей, потому что они являются как бы ее источником, из которого на учащихся льются ручьи гибельного подражания.

43. Впрочем, заботу об этом должны взять на себя вообще все те люди, труды которых, добродетели, добрая слава, собственная совесть, наконец благосостояние терпят ущерб от этого чудовища. В школах сюда относятся учащие и учащиеся вместе с их инспекторами; вне школ — родители, пастыри духовные и те, попечению коих вверены все дела человеческие, т. е. начальники христианские.

44. Учащие должны изгонять косность как из себя самих, так и из своих учеников.

45. Из себя самих, — помня о высоте своего призвания, которое бог выразил словом пророка: «Дабы ты насаждал небо и утверждал землю» (Ис., 51, 16). Смотри, — значит школа есть сад церковный, основание государственное, а вы, начальники учащегося в школах юношества, вы являетесь садовниками того и другого рая, земного и небесного. Что же может быть для вас более почетного, как соответствовать этому своему званию.

46. Да содействует изгнанию косности пример трудолюбивых ремесленников, из которых каждый (если только он не какой-либо выродок) стремится отличиться в избранном им для себя искусстве и овладеть всеми необходимыми в его работе приемами и способами. Кузнец умеет так размягчать железо, что оно становится растяжимым, как воск, после чего он придает ему любую форму. Литейщик умеет плавить металлы так, что они растопляются, и тотчас же создает из них прекрасные статуи. Живописец умеет так изобразить каждое лицо, как будто бы оно было живое. Садовник умеет с безошибочной уверенностью сеять, выращивать и придавать красивый вид растениям. А образователям человечества разве не стыдно стоять ниже их?

47. Даже и независимо от этого сравнения не мешает подумать, как позорно очутиться в противоречии с самим собой и только называться тем, чем на самом деле не являешься. Что такое невежественный учитель, пассивный руководитель других, как не тень без тела, облако без дождя, источник без воды, лампа без света, следовательно, пустое место. Да будет ему стыдно! Ты же, раз ты позволил поставить себя на то или иное место, — в соответствии с этим и действуй. Ты получаешь солдатское жалованье — так будь солдатом. Ты изображаешь собой учителя — так учи или сложи с себя эту маску.

48. Следует также принять в соображение и те неприятности, каких должны ожидать себе ленивые учителя. Ведь если прав был Д и о г е н,¹ когда он, увидя мальчика, ведшего себя неприлично, бил палкой его воспитателя и говорил: «так это ты его так наставляешь?», то на том же основании должны остерегаться побоев и те учителя, ученики которых постоянно проявляют незнание и дурное поведение. Ибо извинительно делать проступки тем, кто, будучи предоставлен самому себе или весьма плохо руководим, не умеет еще управлять собой; вся вина падает на их косных и неумелых руководителей, отвечающих за безупречность поведения тех, которых они приняли под свое руководство.

¹ Греческий философ-циник (414—323 до н. э.).

49. Особенно же должны были бы разорвать наложенные злосчастной косностью оковы, с одной стороны, награда, обещанная верным просветителям других, т. е. вечное сияние на небе, подобное красоте тверди (Дан., 12, 3), с другой стороны, — страшные молнии божии: «проклят, кто дело божие делает нечестно» (Иерем., 48, 10), «проклят, кто слепого сбивает с пути» (Второз., 27, 18), «горе вам, вожди слепые...» (Матф., 23, 16), «горе вам, пастыри, которые пасете самих себя... мой же стада не пасете» (Иезек., 34, 2, 3), «горе тем, которые соблазняют одного из малых сих» (опять слова Христа — Матф., 18, 6), а соблазняет тот, кто не наставляет, тогда как он мог бы это сделать, так как это входит в его обязанность. Но если горе соблазняющему одного, во сколько же раз больше горе тому, кто вследствие своей небрежности губит многих.

50. Из учеников косность изгоняет ревностный учитель тремя способами. Во-первых, постоянным примером прилежания и деятельности, постоянным трудом на их глазах. О, какое это имеет значение! Один тлеющий уголь, брошенный в груды потухших уже углей, если его хорошо раздуть, зажжет все. И один Александр, бросающийся в глубокие сугробы снега или в бешущие реки, или в густую толпу врагов, заставит следовать за собой и приведет к победе все войско¹. Искорени же в себе леность, верный учитель, и скоро ты увидишь, как она исчезнет у твоих учеников. Такой мужественный Форций, не затрудняющийся ежедневно прилежно учить четыре, шесть, восемь, десять часов, не почувствует недостатка в людях, бодро и с успехом готовых ему подражать.

51. Во-вторых, из опасения наскучить им одними только призывами к смотрению и слушанию, надобно предоставить им и практические упражнения, мало того, — надобно их даже обязывать и поуждаться к этим упражнениям. Пусть учитель заставляет их подражать тому, что он говорит, пусть он обращает внимание на то, как они подражают, и пусть ошибающегося он тотчас исправляет. Так в непрерывном делании будет возрастать и разум. Ибо человеческая природа склонна к деятельности; она рада всякому движению и упражнению, умеи лишь дать ей надлежащее направление, а не притуплять ее.

52. В-третьих, дружественная и мирная беседа будет содействовать тому, что они не будут дрожать перед учителем, как перед тираном (ибо боязнь приводит ум в замешательство), но будут любить его, как отца, и обращаться с ним непринужденно.

Сознаюсь, что при посещении некоторых школ я удивлялся и сожалел, видя, как неискусно велось дело обучения. Я заметил, что иные учителя весь свой авторитет основывают на том, чтобы как можно меньше говорить с учениками, но, рассказывая мимо них с видом истуканов, швырять им задания, все равно, как собакам — кости, а затем приходить в бешенство, если они выполняются неудачно. Что это, как не способ подавлять естественную склонность и насильственно вызывать отвращение к занятиям? Что же ты — идол? у тебя есть язык — и ты не говоришь? у тебя есть уши — и ты не слышишь? у тебя есть глаза — и ты не видишь? Ты хочешь, чтобы тебе поклоня-

¹ Имеются в виду известные эпизоды из сражений и походов Александра Македонского: переправа через реку Траник, переход через снеговые горы на пути в Персиду и в Бактрию, штурм крепости маллов в Индии.

лись? Не сможешь ты стать богом для своих учеников, пока не перестанешь быть идолом; не сможешь исполнять дело учителя, пока ты не научишься поступать, как отец.

53. Конечно, ученики и сами должны стараться избавиться от косности. Как уже сказано, нет более действительного способа привить им это стремление, чем пример и разумное руководство. Если же приходится действовать при помощи доводов разума и убеждений, то прежде всего нужно внушить любовь к мудрости, затем следует подсластить необходимые для достижения ее труды, и лишь в том случае, если ученики все еще не поддаются, прибегнуть к дисциплинарному воздействию.

54. Итак, в первую очередь нужно как можно больше превозносить мудрость, чтобы ученики, опьяненные любовью к ней, не чувствовали труда, потребного для ее достижения. Но что значит быть мудрым? Это значит знать различие вещей, всюду предпочитать доброе злу, лучшее — менее хорошему, всегда уметь найти лучшие средства к достижению намеченных благих целей, иметь наготове нужные для их применения способы и таким образом, где бы ты ни был и чтобы ты ни делал или в каком бы положении ни находился, — ясно все видеть и быть в состоянии и другим служить добрыми советами; быть человеком увлекательного красноречия, прекрасной нравственности и истинной религиозности, через то снискивать любовь от бога и от людей и таким образом уже в этой жизни быть счастливым и блаженным.

55. Для достижения столь великого блага не следует жалеть никаких усилий; ведь путь добродетели труден и без напряжения сил ничего славного не достигнешь. За свои дары бог велит смертным платить трудами; но нет ничего недостойного для добродетели, которая всякую работу предпочитает безделью. И кто берется за наивысшее, тот должен спознаться и с ночным бодрствованием и трудами и избегать пиров роскоши и всего, что ослабляет дух. А л е к с а н д р¹, будучи юношей, покорил мир благодаря тому, что он никогда не мешкал; можно преодолеть и мир наук, если идти не останавливаясь и ежедневно занимать чем-либо свой ум. Косность есть скверный и достойный отвращения порок, потому что она превращает человека — ближайшее к ангелам творение, в неуклюжий чурбан. Обратите внимание на другие творения неба и земли, каждое из которых тем благороднее, чем оно деятельнее и живее, — например, солнце и весь хор небесных созвездий, в их от века установленном постоянном течении, или ангелов в их постоянном служении. И, наоборот, чем что-либо неподвижнее, тем оно ненавистнее и презреннее, как камни и грязь, для того и назначенные, чтобы их топтать.

56. Если кого эти примеры не убеждают удалить от себя косность, то, если он еще мал, гони косность из него розгой; если же он уже в возрасте, тогда гони его самого вон из школы как воплощенную лень. Что в самом деле делать незанимающемуся среди занимающихся если он и без того фактически скорее отсутствует, чем присутствует среди них. Небольшая дружина решительных воинов представляет большую силу и скорее победит врага, чем бесконечное множество трусов и лентяев.

¹ То-есть Александр Македонский.

57. Но что могут сделать начальники школы, схолярхи¹, для того чтобы удалить косность из школ?—Все, если они выполнят следующие шесть требований. Во-первых, если они обеспечат юношество хорошими, т. е. учеными, набожными, доброжелательными (*humanos*), работающими учителями. Эти последние должны быть учеными — потому что никто не может учить других, если он сам мало знает; набожными — потому что только таким обещано преуспеяние во всем, что бы они ни делали (Псалм., 1, 3); доброжелательными — потому что подобные люди, сколько сами получают света от бога, столько же с охотою изливают и на других и потому что они готовы без всякого стеснения и сами научиться тому, чего еще не знают, и других научить без всякой зависти; работающими же, наконец,—потому, что вся школа, как мы раньше видели, есть рабочая мастерская (*laboratorium*).

58. Во-вторых, начальники школ (схолярхи) не должны довольствоваться тем, чтобы только привести однажды дело в надлежащий порядок, потому что дурные привычки (как и дурная природа), даже если их изгнать палкой и колотушками, все-таки в конце концов снова возвращаются². В-третьих, они должны чаще посещать школы чтобы убеждаться, все ли исполняют свою обязанность. В-четвертых, они должны заботиться о своевременной выдаче жалованья, для особенно же прилежных — и об особенном вознаграждении; с другой стороны, они должны неукоснительно держать небрежных в страхе как угрозами наказаний, так и действительным их наложением. Наконец, в-пятых, они должны приказывать ежегодно дважды прочитывать велух все школьные законы, чтобы никто не оставался в неведении относительно своих обязанностей и не имел возможности извинять свою нерадивость незнанием.

59. Могут ли здесь сделать что-нибудь родители²—Очень много. Насколько верно то, что косность нельзя удалить из церкви и государства, если она не будет устранена из школы, настолько же справедливо и то, что ее нельзя искоренить в школах, если она не будет изгнана из семьи, и что, наоборот, дети, поощряемые в семье к деятельности, тем самым получают прекрасную подготовку и для школы. Одно весьма мудрое изречение гласит: «Род человеческий и в колыбели нужно оберегать от косной бездеятельности, губящей всю жизнь». По этой причине умный народ парфяне, а позднее—спартанцы строго приучали своих детей ежедневно к движению и работе, как и к немедленному во всем послушанию, для чего не давали им завтракать, прежде чем состязанием в беге и в бросании диска не доведут их до изнеможения и до пота на челе. Если бы школы получали юношей, уже получивших такую закалку (а не ленивых чурбанов, как бывает в действительности), как легко можно было бы построить на этом основании какие угодно виды школьной работы!

60. Итак, благочестивые и мудрые родители могут оказать большое содействие изгнанию косности из школы, если они еще в семье никогда не будут потакать этому пороку, т. е. ни сами не будут вести

¹ Назначение и роль схолархов см. в «Законах хорошо организованной школы», XXIII.

² Гораций, Письма, 1, 10, 24. (Примечание Брюннского издания.)

праздную жизнь, ни детям своим и другим членам семьи не будут позволять предаваться оупляющему бездействию, но будут настаивать на том, чтобы все, что имеет руки и ноги, находилось в движении и было занято какой-нибудь полезной работой. Даже совсем маленькие дети, которые еще не в состоянии заниматься чем-либо более серьезным, пусть занимаются играми, только бы не предавались тупой неподвижности.

61. Если бы к этому присоединились еще теплые молитвы родителей к богу и своевременная отдача детей в школу, если бы они никогда по какой бы то ни было причине не отрывали их от школы и если бы они постоянно узнавали у детей, чем они занимаются и какие оказывают успехи, — это не могло бы не укрепить и школьную работу. По меньшей мере, родители могли бы хоть за обедом или за ужином (когда это не отнимает времени и когда вообще нужно о чем-нибудь побеседовать ради души) спрашивать детей, что они выучили за этот день. И если они будут отвечать на эти расспросы, не заставит себя ждать и искомый результат, — со дня на день ум их и язык будут все более и более развиваться.

62. Поразительно много могут содействовать восстановлению и сохранению благосостояния школы, если серьезно этого захотят, пастыри церкви. Если бы они, говоря я, хотели не только называться служителями Христа, но и быть его последователями и распространять свое пастырское попечение не только на взрослых, т. е. на овец, но и на детей, т. е. на агнцев, то, по примеру Христа, они уготовали бы себе радость с теми, с которыми веселятся бог и ангелы. Не то, чтобы они сами воспитывали юношество: на это неостанет сил их; но они должны прилежно наставлять образователей юношества (родителей, мамок, воспитателей, учителей, ректоров и т. д.) в их обязанностях согласно слову божью и неустанно поощрять их серьезным увещанием, предостережением, закливанием, наблюдением, исправлением. Встретив же сопротивление, они должны иметь наготове «оружие воинствования их, сильное богом на разрушение замыслов и всякого превозношения, восстающего против познания божия» (2 Коринф., 10, 4).

63. Пастырское участие в серьезной заботе о школе будет состоять также в часто, даже постоянно, в сообществе со всей церковной общиной воссылаемой к богу горячей молитве, да ниспослет он на школу свое небесное благословение. В благоустроенных государствах и церквях, когда люди ищут себе пропитания от рудников, от соляных копей или от торговли — да и во время посева, жатвы, сбора винограда — заведен похвальный обычай устраивать общественные молебствия, чтобы попросить божью помощь работам, доставляющим населению средства для жизни. Но ведь здесь — нечто большее, чем забота о добычании хлеба, вина, соли, золота; здесь дело идет об «урожае» добрых и мудрых мужей на благо современникам и потомству. О, что это за святое дело, если всюду, где имеется гимназия, этот первый рассадник для государства и церкви, при всех богослужениях воссылаются молитвы к богу, которыми народ, родители, опекуны, няньки, а также и сами учителя, ученики, начальники школ и должностные лица воспламеняются к священной ревности при исполнении своих обязанностей и с неба призывается благословение божие. Только

человек, не умеющий ценить вещи по достоинству, может не придавать этому значения.

64. О, да возбудит бог пламенного Илию из среды этого народа, или—если есть на это милость его—несколько таковых, которые обратили бы сердца отцов к детям и сердца детей—к отцам, чтобы, когда придет господь, он не поразил землю проклятием (Малах., 4, 5, 6). Ах, где Иоанн Креститель, который в пламенном гневе своим достиг бы того, чтобы царство премудрости восхищаемо было силою (Матф., 11, 12).

65. Не следует забывать своих обязанностей и людям, поставленным у власти. Пусть каждый из них применяет к себе то, что сказала царица Савская Соломону: посадил тебя господь на престол свой царем во имя Иеговы, бога твоего (2 Парал., 9, 8); т. е., помня, что он поставлен на место господне, делал бы только то или предпочтительно то, что служит и к прославлению имени господня, и к поднятию народного благосостояния; и притом — не только на данный момент, что достигается правильным управлением государством и церковью, но и на будущее время, что достигается заблаговременной подготовкой юношества в школах.

Следующий век будет именно таким, какими будут воспитанные для него будущие граждане. В обилии мудрых — счастье мира, говорит мудрейший царь ¹, под скипетром которого процветало как изучение мудрости, так, вместе с ним, и все другое (Премудр., 6, 26).

66. Но как именно эти высокопоставленные люди должны поддерживать бодрый дух в школах? Во-первых, также через пример, всюду проявляя энергию и распорядительность, так чтобы и другие ободрялись, видя, о сколь многих делах болеют они сердцем. Ибо редко обманывает поговорка: «каков поп, таков и приход».

67. Далее, они могут это делать, открывая новые школы, восстанавливая пришедшие в упадок, преобразуя такие, в которых хромает учебное или воспитательное дело, поставляя в руководители юношества и в школьные инспектора людей почтенных, мудрых, набожных, деятельных; людей, если таковые вообще найдутся, — ахиллесового склада²; чтобы они не являлись, как трутни, в пчелиные улья, для того лишь, чтобы пожирать мед, но как пчелы, с любовью его собирающие. Они могут это сделать, если они обеспечат верным работникам приличное содержание, так, чтобы голод не вынуждал их бежать от этого священного произвания. Я разумею такие оклады, которыми могли бы быть довольны хорошие люди, посвящающие свои силы богу и христианскому юношеству, а чрез то — церкви и государству. Иначе оправдается вполне справедливое четверостишие:

Коль в лампу масла не нальют,
Она светить во тьме не будет:
Так блекнут силы, если труд
Награды должной не добудет³.

¹ Соломон.

² По мифологическим представлениям древних греков, Ахиллес считался выдающимся героем по своим силам, ловкости и энергии. Следовательно, под людьми ахиллесового склада надо понимать выделяющихся, недюжинных людей.

³ Стихотворная форма перевода взята у Адольфа и Любомудрова.

68. Наконец, люди, поставленные у власти, могут это сделать поднятием авторитета школьных руководителей, принятием их под защиту собственного авторитета, чтобы доблесть и честность не страдали от злословия и нападок мелких людишек и врагов доблести, которые, не будучи в состоянии ей подражать, пускают в ход против невинных свои тайные происки, подрывая тем уже налаженное или начавшее налаживаться дело. Подобное неразумие человеческое и злокозненная хитрость сатанинская способны расстраивать, или, по меньшей мере, задерживать, даже наилучшие предприятия и планы, если не бодрствуют те, которые поставлены выше, и если они, полагаясь на помощь божью, не разрушают дьявольские хитрости.

69. Мы исследовали, как злонамеренность противится доблести, косякость — деятельности. Происходит это, конечно, путями тайными и скрытыми, составляющими характерную черту злой совести. Вступал я и в препирательство с нерадивыми, стараясь им показать, что им бы и места здесь не было, если бы добро возымело каким-либо образом предпочтение перед пошлостью. А злоумышленных да поразит гнев господень или гнев тех, которые поставлены на место господа!

70. Ворчат они, будто новый метод очень труден; что он не приспособлен к природе человеческого духа. Если бы они только захотели выслушать, что говорит Сенека¹: «Великодушный считается не с своими личными силами, а с силами человеческой природы!». Если бы только, повторяю, эти духовные пигмеи умели сообразоваться не с текущим настроением умов в школе, но с самой природой ума и природой школы!

71. В частности, жалуются они на трудность новой грамматики. Если они и дальше будут делать то же самое, то я вправе буду поставить в начале ее Шопеново заглавие: «Философская грамматика, предназначенная к тому, чтобы ученики были учителями, а учителя — учениками». В самом деле, если учителя не хотят быть впереди, то пусть будут впереди хоть ученики; если не ваши, то какие-нибудь другие.

72. Я же буду неуклонно, как если бы речь шла о каком-либо таинстве (ибо это и есть таинство), настаивать на том, чтобы молодежь привыкала ничего не делать, ничего не говорить, ничего не думать иначе, как во всеоружии соответствующих способов и правил, так, чтобы, когда учеников спросят: что, каким образом, и почему они так думают, говорят и делают? — они умели бы дать в этом отчет. А для этого нужно не такое обучение, которое дается у нас обычно.

73. Если кому-нибудь не нравится в этих вещах мое прямодушие, тот не знает, что значит сила любви, которая не останавливается перед тем, чтобы хоть за волосы извлечь кого-либо из пламени или омута, как бы ни было ему неприятно выполнение подобной обязанности. Будем же, прошу вас, помнить, что мы — люди, рожденные для человечности, а не для жестокосердия, и нет жестокосердия в том, кто добивается лишь всеобщего смягчения нравов.

74. Я считаю вполне и совершенно правильным, чтобы мы, будучи поставлены на эту дорогу, взаимно возбуждали друг в друге бодрость

¹ Dial., IX, 6, 2.

не только словами, но и примером, не только одним примером, но и словами. Для мальчиков, которые стремятся по ристалищу к цели, сказаны слова поэта:

Того, кто отстаёт — покроет короста¹.

Будем же исполнять свое дело, особенно в этом, гораздо более важном стремлении к мудрости, мы все, мужи и юноши. Ведь, кто не хочет здесь бежать, того, бесспорно, покроет короста косности. Если она кому понутру, пусть себе ею утешается. Я говорю и буду говорить впредь только с людьми более подвижными; с ними одними я занимаюсь и впредь буду заниматься.

75. Однако я все-таки не теряю надежды, что посеянное здесь во имя божие семя божьим велением созреет до жатвы, если не тотчас, то все-таки своевременно. Вот земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний, — говорит апостол (Иак., 5, 7). Надейтесь и вы вместе со мной, души благороднейшие! И если вы надеетесь, то к надежде на помощь божью присоедините свое собственное прилежание. Чтобы побудить вас к этому, я и задумал составить это сочинение об изгнании косности из школы; теперь, когда оно с божьей помощью готово, передаю и посвящаю вам его, мои дорогие венгерцы. Благодействуйте и преуспевайте, взаимно ободряя друг друга! Ибо солнце ваше восходит!

¹ Гораций, Epist., II, 3, 417. (Примечание Брюннского издания.)

ПОХВАЛА ИСТИННОМУ МЕТОДУ.

По сказанию о Дедаловом лабиринте и нити Ариадны; произнесена в Потомке при открытии первого, т. е. подготовительного (vestibularis), класса Латинской школы 13 февраля 1651 года.

Благороднейший покровитель, знатнейшие, почтеннейшие и славнейшие мужи и вся дружина обучающихся! Мы собрались здесь во святое имя божие для того, чтобы приступить к исполнению нашего решения: привести в порядок ряды нашего учащегося юношества, поставить ему вождя в воинствовании словесном и завязать перестрелку, т. е. положить почин первоначальному обучению. Правда, по моему мнению, благоразумнее было бы отложить дело до того, как будет готово все оружие, необходимое для боя, т. е. до того, как будут отпечатаны все предназначенные для этой цели книги, которые из-за отсутствия типографов до сих пор даже еще не начаты печатанием. Поскольку [перед походом] надо все учитывать, я опасаясь, что это может остановить или замедлить наше продвижение. Тем не менее, так как вам не правится дальнейшая отсрочка, я буду больше подчиняться вашему желанию, чем своему убеждению. Не таким уж будет грехом, если сначала, как это и вообще бывает, дело пошло бы у нас шероховато. Об одном лишь прошу: не ставить в вину мне или моему методу, если мы не сразу получим тот успех, какого желаем: бог даст, со дня на день дело пойдет лучше.

Дабы ободрить вас этой надеждой, я и решил предпослать нашему нынешнему заседанию краткое рассуждение о славе и пользе истинного метода.

Чтобы приятнее вам было меня слушать, задумал я, по примеру Верховного учителя, открыть уста свои в притчах и рассказать вам о воспетых древними блужданиях по лабиринту и о выходе из этих блужданий с помощью счастливо затем полученной нити Ариадны. Внимание, благосклонные слушатели! Постараюсь, чтобы, слушая, вы не скучали, а выслушав — не пожалели [о затраченном времени]. Постараюсь доставить вам умственное развлечение, показав, как вымысел складно приходится к делу.

Но сначала я изложу самую легенду, как ее рассказывали древние, а затем уже применю ее и к настоящему нашему учреждению, т. е. к раскрытию вреда, вызываемого беспорядком, и пользы, протекающей от порядка.

Легенду древние излагали так. У Миноса, царя острова Крита, была жена Пасифая, женщина чудовищной похотливости, которая, прелюбодейно сойдясь с быком, родила чудовище — получеловека-полубыка, прозванное Минотавром. Случилось, что прибывший на Крит в качестве гостя гениальный строитель Дедал предложил царю

свои услуги по части художественных построек, и царь просил его выстроить Лабиринт, т. е. сооружение с запутанным выходом, с тем чтобы сделать его темницей для чудовищного ублюдка. Дедал и построил здание, до того изобиловавшее [всевозможными] закоулками, залами, камерками, переходами, лестницами вниз и вверх, что кто бы туда ни был посажен или ни забрел своей охотой, был бы обречен на вечное блуждание в нем, не находя выхода. Царь Минос заключил в нем свое чудовище, Минотавра, и повелел вталкивать туда на съедение чудовищу или на голодную смерть приговоренных к смерти злодеев. Случилось так, что сын афинского царя Тезей, заведенный [своей] любознательностью на Крит, был [также] схвачен, и его должны были бросить туда же. Но так как юноша он был прекраснейший, то сжалившаяся над ним дочь царя Миноса, Ариадна, по совету Дедала, снабдила его средством, как избавиться от вечных блужданий и [конечной] гибели. Средство очень простое, но вполне отвечающее своему назначению. Это был клубок ниток. Привязав конец нити у входа и разматывая его по пути, он мог найти выход, возвратившись тем же путем, каким он шел вперед. Хитрость удалась. Освободившийся Тезей увез с собой Ариадну, устроительницу своего спасения. После смерти отца Тезей сделался царем в Афинах и совершил столь достопамятные подвиги, что среди многих [других] он один считается равным Геркулесу. Среди других его подвигов ему приписывают учреждение палестры, т. е. сведение борьбы к искусству состязаний, которые до тех пор ограничивались одним [грубым] соперничеством в росте и силе, не имевшим ничего общего с искусством.

Вот вам, слушатели, легенда. А какой смысл вкладывала в нее мудрость древних, — мифологи толкуют следующим образом. Лабиринт, говорят они, означает сложность человеческой жизни, до того изобилующей всяческими трудностями, что лишь с помощью исключительной мудрости можно из них выпутаться. А особенно это относится к тем, кто поставлен у кормила правления, к царям и князьям народов: перед ними вечно встают бесконечные трудности, одна тяжелее другой. Вот почему так много говорят о Тезее все писатели. А то, что Тезей не мог выбраться [из лабиринта] без искусства Дедала, значит, что без ума и вдохновения в больших предприятиях никогда не бывает достаточно одной силы и напористости. Так легенду о Тезее и Дедале объясняет и прилагает к человеческой жизни замечательнейший мифолог нашего времени (Наталис Комес) Поэль.

Однако эту легенду можно гораздо точнее и яснее применить к делам человеческим, рассматривая ее как живое подобие всех тех затруднительных положений, которые благополучно разрешаются с помощью божественной премудрости.

Царь всего Крита Минос пусть знаменует царя вселенной — бога. Когда с его женой Пасифаей, т. е. с человеком, сотворил блуд адский бык, т. е. Сатана, народилось от этого чудовище Минотавр — это мудрость, состоящая из смешения семени божественного и сатанинского, по своим высшим качествам — привлекательная и небесная, похожая на божественную, а по низшим — земная и безобразная, увлекающая в сторону грубости. Так и мы захотели стать богами, но с печатью дьявола: мы подобны богу обладанием способностью к всезнанию, дьяволу же — равны нарушением повиновения. Чтобы наказать

нас, царь вселенной и превратил для нас сад радости в лабиринт; да не разумеет плотский человек, домогавшийся всеведения, от начала и до конца дел божиих, содеянных им в мире (Эккл., 3, 11). Таково Соломоново свидетельство о мире, как о великом лабиринте, заключающем в себе все меньшие лабиринты. И мы блуждаем в этих бесконечных меньших лабиринтах, каждый в своем. Не верите? Не сомневайтесь. Нет ничего достовернее, чем то, что для каждого человека, как это, по крайней мере, обычно бывает, его занятие (для хозяев — их хозяйство, для политических деятелей — политика, для богословов — богословие, для юристов — юриспруденция, для медиков — медицина, для философов — философия, для логиков — логика, для грамматиков — грамматика) представляет лабиринт запутанных ходов, который Вергилий называет безысходным¹, а Катулл — необозримым². Не находя из него выхода, большинство либо погибает от голода, в никогда не насыщаемом смертельном томлении по истинной мудрости и [другим] благам, либо становится добычей чудовища, т. е. впадает в чудовищные, еретические, погибательные мнения, будучи яростно раздираемо взаимной ненавистью, распрями и убийством, как это и наблюдается в государственной, церковной и школьной жизни всего мира.

Тезей, сын афинского царя, означает тех, кому присуща любовь к истинной мудрости (так как Афиной греки называли Минерву, почитавшуюся ими как богиню мудрости). И эти сыны мудрости, в силу ли врожденной человеческому уму любознательности, под влиянием ли чужих примеров — примеров людей, сбившихся с прямого пути, — случается, попадают в лабиринт. Но дочь вечного царя, вечная, все созидаящая, сохраняющая и исправляющая мудрость, сжалившись над ними, оказывает им свое содействие, чтобы они могли выбраться из этих переплетений; выбраться при помощи средства, повторяю, самого простого, но вполне отвечающего своей цели и очень удачно представленного в образе нити. В самом деле, что можно представить себе проще нити? Нет в ней ни неразрешимых узлов, ни формы, кроме протяженности в длину, ни каких-либо свойств, кроме гибкости и непрерывности. Но ведь простота, или чистосердечие, и прямота, или справедливость,³ — это [как раз] то самое, что Божественная мудрость предлагает нам везде в своем слове в качестве спасительного средства во всех трудностях. Простота и прямота да охраняют меня, говорит Давид (Псалм., 25, 21). Марфа, Марфа, — говорит Христос, — ты беспокоишься о многом, а одно только нужно (Лука., 10, 42). И также: Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим (Матф., 11, 28). И опять: Светильник для тела твоего есть око твое; если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло (Матф., 6, 22). И у Соломона: кто ходит в чистоте, тот ходит в безопасности (Притчи, 10, 9). Итак, простота, и прямота, и единство, или единообразие, и кротость со смирением, а не вызывающая надменность, искание и забота о связи и цельности

¹ Вергилий, Энеида, VI, 27. (Примечание Брюннского издания.)

² Катулл, Стихотворения, 64, 115. (Примечание Брюннского издания.)

³ Автор пользуется здесь двойным значением слов *simplicitas* и *rectitudo*.

[во всем] — вот что мудрость божия уготовала [нам] как средство против всех человеческих хитросплетений. Если хотите, покажу вам это на одном-двух примерах.

В лабиринтах богословия нить Ариадны есть чистейшая вера, приемлющая все божественное откровение без всяких мудрствований. Это есть чистейшая любовь, соблюдающая все божественные заповеди без всяких кривотолков. Это есть чистейшая надежда, уповающая на все божественные обетования, нисколько не смущаясь тем, что обещанное не [вполне] еще объявилось. Блаженные патриархи, пророки, апостолы, мученики и все чистые сердцем и богобоязненные христиане владели этой нитью чистейшей веры, любви и надежды!

В медицине такой нитью Ариадны является воздержание и простой стол, в сочетании с умеренным [физическим] трудом. В первые времена мира это заменяло патриархам всякое лечение и содействовало продолжительности их жизни чуть ли не до тысячи лет. Счастливы и по сию пору воздержанные, не ведающие ни слабительных, ни пилюль, ни клизм, ни надрезов на коже (scarificationes), ни кровопусканий, ни [всех] подобных (как выражается благочестивый теолог Ареций) телесных истязаний.

В юриспруденции такой Тезеевой нитью является искание добра и справедливости и суждение о делах, исходящее от любви или, если уже для любви не остается места, то (во всяком случае) суждение, исполненное терпимости, ибо, где царствует правосудие, смягчаемое человеколюбием (ничего не уступающее недостойным из-за пристрастия и ничего не взыскивающее с достойных из-за неприязни, всегда награждающее добро похвалой и поощрением, всегда преследующее зло обличениями и карою), — оттуда не могут не бежать пороки, там не может не укрепляться и не возрастать добродетель. Счастливо государство, где во всех живет подобное стремление к добру и справедливости! А без него, чем больше хлопочут юристы, тем больше они усложняют свой лабиринт, утомляют и расстраивают умы бесконечным запутыванием и распутыванием всевозможных казусов на конечную гибель [делу].

Но обратимся, однако, к лабиринтам школьным, дабы [и] здесь, с помощью божией изобрести нить Ариадны, способную нас из них вывести. Великим лабиринтом является в школьном деле, во-первых, сама многочисленность подлежащих изучению предметов: и языки, и философия, и математика, и мораль, и чего только еще нет. Если взять школьную науку в целом, то это — какой-то густой, непроходимый лес, неисчерпаемый океан. Затем — такое разнообразие подлежащих изучению предметов, что стоит только посмотреть, как закружится голова! Наконец, метод преподавания и обучения настолько запутан, что всякий, желающий пройти через сад науки, наталкивается на тысячи и тысячи поворотов, изгибов, околиц и так заморочит себе голову, что едва отыщет выход к ясному свету мудрости; большинство же неизбежно застревает в пещерах суеты и находит в них как бы свою могилу.

Отсюда сразу же и ясно, в какого рода Ариадниной нити нуждаются школы. Они нуждаются в таком, тщательно обдуманном методе занятий, который, будучи простым и легким, давал бы, однако, возможность смело и успешно проникать во все пещеры наук. Вместе с тем

этот метод должен быть настолько прочен, что, как бы далеко он ни простирался, он никогда бы не изменял в странствованиях по наукам. Обладая такого рода методом обучения — прекрасным, гибким и надежным, при содействии многих умов и при помощи божией тщательно разработанным и доведенным до такой ясности, что его не без основания можно сравнить с нитью Ариадны, — обладая этим методом, мы не скрываем его от вас, племя афинян и сыны Минервы, т. е. мудрости!

В чем именно заключается способ наиболее легкого усвоения всех предметов, — сейчас об этом не позволяет подробно распространяться время, намекну лишь кратко. Вы же, возлюбленные Тезеи, глубже испытаете этот способ на собственном опыте, если только проявите склонность следовать нашему руководству и если наш метод не покажется вам слишком уж простым. Знайте, что пройти из конца в конец все изгибы словесного лабиринта и не быть им поглощенным и не погибнуть — вы можете посредством постоянного применения *анализа и синтеза*.

В какой бы закоулочек вы ни попали, *анализ* ничему не позволит ускользнуть от вашего внимания (что составляет основу любого рода учености). А *синтез* из ущелий теории снова выведет вас в [просторные] поля действия. Если же присоединить к ним еще и светильник *сравнения*, то где бы вы ни оказались, у вас [всегда] будет с собой свет. Вам кажется, что я говорю загадками? Эти загадки разгадает и разъяснит само дело. Словом, тождество, или однородность метода в преподавании ли языков, истории ли, философии ли, богословия ли, других ли всех [наук] — вот что является светильником сравнения, который так осветит множество и разнообразие подлежащего изучению, чтобы можно было одним интеллектом постигнуть одновременно многое другое, похожее и непохожее, различное и противоположное. Преодоление одной какой-либо трудности тотчас же обеспечивает преодоление многих других. Но, как я уже сказал, здесь нет надобности входить в более подробные объяснения тайны лучшего метода.

Изложенная в правилах, подлежащая ежедневной иллюстрации на практике, она ни для кого из вас, кто только пожелает, не останется неизвестной.

А теперь мы лишь покажем на примере обучения латинскому языку (чтобы впоследствии сделать это более полно), в чем до сих пор, в самом деле, заключается этот лабиринт в первоначальном обучении, — лабиринт, из которого мальчики, юноши, взрослые, зрелые люди и даже иные старцы, в беспрерывном по нему блуждании в течение всего своего детства, юности или даже всей жизни, едва находили, а [иной раз] даже так и не находили выхода. В нашей же школе, будем надеяться, злосчастный лабиринт этот превратится в приятный сад благодаря подразделению всего курса этого обучения на три ступени, на три класса, проходимые в трехлетний промежуток времени. В первом классе путем постоянного параллелизма вещей и слов закладываются основы латинского языка и вообще всей изящной литературы; во втором — постигается строение языка; в третьем — [ко всему этому] прибавляется то, что служит украшением речи. Закончив эти три класса, можно будет, бог даст, вступит

и на луга высшего обучения и, установив в них подобным же образом отдельные задачи и соответствующие задачам средства, приятно пройти и эти луга. Будем же воспламененным духом неустанно молить Отца светов, от него же свыше исходит всяк дар совершен, да сбудется это по нашему желанию.

Вы же, возлюбленные венгры, блюдите, да не пренебрежете этой милостью божией [к вам]. До сих пор не было у вас недостатка в Дедалах, искусных строителях лабиринтов, в коих погрязла молодежь, увлеченная своей любознательностью, ни в чудовищах софистических блужданий, в пасти которых погибали юноши. Так неужели вы откажетесь принять предлагаемую вам [теперь] путеводную нить Ариадны — этот метод, который даст возможность легко их все пройти и благополучно из них выйти?

Надеюсь, что нет. Надеюсь и вижу уже, с какой радостью и с каким рвением вы начинаете и продолжаете учение, идя этим путем! Поздравляю вас с добрым, целеностным подвигом учения! О, поверьте, не обольстит вас надежда ваша, если только в начатом вами учении пребудете вы бодрь, деятельны, постоянны!

А теперь перейдем [непосредственно] к тому делу, ради которого мы собрались: дабы первый, низший, класс Латинской школы получил [здесь], с высшего соизволения, свое начало. Сейчас будет объявлен и со стороны высокородного господина Фогта, именем их светлейших высочеств, утвержден законно избранный руководитель этого первого класса. [Затем] будет прочтен список молодых людей (в достаточно большом количестве — 113 человек), поступающих [сюда] для получения образования. Наконец, пока совершается обряд освящения всей школы, будут оглашены законы [школы]. Во имя господне!

(Затем последовал самый акт открытия [школы]).

О ПОЛЬЗЕ ТОЧНОГО НАИМЕНОВАНИЯ ВЕЩЕЙ.

Речь, произнесенная при открытии второго, вступительного¹, класса (в Потоке) 14 марта 1651 года.

Высокочитимые слушатели всех сословий!

Слава богу! Наступает *пора весны*, которая все призывает к жизни, — наступает время *равноденствия*, когда на всем земном шаре, у всех народов день равен ночи, а затем и время *света*, когда солнце, пребывая в северных знаках зодиака и стоя почти отвесно над нашей головой, почти не покидает нашего горизонта.

Да дарует же бог, чтобы возвратилась также и весна церкви! Да дарует бог, чтобы солнце мудрости взошло и на нашем горизонте! Да дарует бог, чтобы наш народ стал наравне с образованнейшими нациями! К этому именно направлены мои преобразовательные усилия, начатые по воле высочайших князей и согласно собственным стремлениям. Приложите же к ним новые стремления, дорогие, чтобы как верно мы достигаем того, что вытекает из естественного хода вещей, так же верно, с божьей помощью, мы выполнили и то, что мы обязались осуществить своим искусством и старанием.

Недавно мы открыли первый, или подготовительный, класс Латинской школы, и снабдили его методическими указаниями, чтобы начинающие учиться заложили здесь первые, но прочные основы познания вещей и языка. Сегодня предстоит нам открыть второй класс, «Вступительный», в котором маленьким адептам истинного образования должно быть преподано все строение вещей и языка в простом и естественном порядке, чтобы достаточно подготовить умы их для более высоких занятий.

Так как мне необходимо, размышляя я, сказать что-либо в качестве вступления, то возникает вопрос: какой предмет мне следовало бы избрать для моей речи? Желательно было бы, конечно, указать на преимущества порядка и постепенности и доказать необходимость того, что во дворец образования не следует врываться через окно или подземные ходы, но должно вступать чрез преддверие, вход и атриум². Однако, подходя к делу ближе, лучше всего, повидимому, будет наставить вас в пользу точного наименования, потому что последнее представляет для всего образования не только издали ведущую дорогу, но широко раскрытую дверь, непосредственно в него вводящую.

¹ См. «Пансофическая школа», ч. I, § 46—47.

² Атриумом называлась главная часть дома древних римских патрициев, соответствующая нашим залам.

Излагая соображения относительно этого предмета, я прошу вас склонить ко мне терпеливо слух ваш. Я не стану слишком долго вас задерживать, если встречу с вашей стороны необходимое внимание.

Ничего, как известно, нельзя ни хвалить, ни порицать, не поняв предварительно сути и свойств того предмета, который подлежит похвале или порицанию. Тщетной поэтому оказалась бы моя попытка говорить перед вами, моими слушателями, о достоинстве точного наименования вещей, если не условиться наперед о том, что понимать под таким наименованием. Поэтому я хочу объяснить вам это, если вы захотите выслушать.

Человеческий язык состоит из слов. Слова же относятся не к чему-то несуществующему, но к вещам, которые они обозначают; причем, обозначая их, они вместе с собой переносят их образ из ума говорящего в ум слушающего. Отсюда ясно, что ничего не значащие слова, — например, «болда, датит, фиту», которых, быть может, и нет ни в каком языке, бесполезны, точно так же, как и такие слова, которые хотя и имеют известное значение, но оно нам не известно, как, например, арабские слова: «абах, ибил, ха» и пр. Следовательно, речь тем лучше, чем более содержит она вещей и смысла, и тем непригоднее, чем менее заключает она вещей и понимания. Ибо, именно в этом заключается преимущество человеческой речи перед словами попугаев, и преимущество разговора мудрых мужей перед болтовней старых баб.

Точным же бывает наименование вещей, если оно: 1) полно, 2) параллельно вещам и 3) вполне предумано.

1) *Наименование вещей полно*, если оно для всего, что существует и имеет свою собственную, от других отличную, сущность, содержит также и собственное, от других отличное, название, так что среди вещей не существует ничего, для чего не было бы имени, ничего, что имело бы два имени, наконец, ничего, что имело бы общее имя с другой вещью. Этим мы избегаем как недостатка, так и излишка и неясности в речи и достигаем возможности все, о чем думаем, выражать удачно, ясно и отчетливо.

2) Это едва ли осуществимо, если не будет установлен параллелизм вещей и слов, т. е. когда мы перебираем вещи по их порядку, то каждая отдельная вещь должна облечься в свое особое название, и, наоборот, когда мы перебираем слова по их порядку, то каждое слово должно получить свой предмет.

3) Это точное приурочение вещей к словам и слов к вещам может быть установлено не иначе как при помощи внимательной мысли, вникающей как в вещи, так и в слова. — Она вникает в вещи, чтобы знать, что каждая из себя представляет, из каких частей состоит, что и каким образом она благодаря им исполняет, — она вникает в слова, чтобы понимать, в чем заключается свойственное каждому слову особое значение и откуда происходит его смысл. Достигнув этого, мы в состоянии установить и точную номенклатуру вещей.

Могут возразить: а к чему это? какая польза в этом копаться? не довольно ли знать только то, что требуется в повседневной жизни? Что нам за дело до остального, что за нужда гоняться за всем на свете и привязываться к каждой мелочи? Отвечаю: человеческая природа так устроена, что она представляет образ единственно мудрого, т. е. всеведущего бога. Если сознательно и самовольно уклонишься от

этого подобия, то отступишь от предначертания божья; даже более того, отступишься от себя самого, не желая быть тем, чем хочет тебя сделать бог. Но разве знание, — возразят нам опять, — невозможно без этой номенклатуры вещей? На это пусть отвечает Соломон (Премудр., гл. 7), указывающий на то, что именно делает мудрым; это то, что он (т. е. мудрый) раскрывает все, что обнимает и сокрывает в недрах своих небо, земля и море. Но если недостаточно выслушать Соломона, так послушаем самого бога, по свидетельству которого точная номенклатура вещей есть основание человеческой мудрости, — мало того, даже человеческого всезнания. Ибо, сотворив первого человека по образу своему и введя его в школу рая, он заставил его начать с отшлифовки в себе зеркала божественного образа, рассмотрев все вещи и дав им имена. И мы не будем подражать этому? К чему же и мы равным образом получили зеркало ума? к чему глаза? к чему язык? к чему вступили мы в этот великолепный театр мира, изобильно повсюду наполненный столькими зрелищами? Что же нам делать, если мы не займемся этим, особенно в юношеские годы, когда мы по воле Творца не способны ни на какие другие дела именно ввиду той цели, чтобы мы могли справиться с изучением и наименованием вещей? На что же обратим мы врожденное всем людям стремление к знанию? Какими вещами наполним его ненасытность? Ибо, по свидетельству Соломона, глаз не наполняется видимым, ухо — слышимым, разум — познанием вещей, хотя мы ежедневно видим, слышим, воспринимаем что-либо новое (Эккл. 1, 8). Может быть лучше заполнить его бесполезными пустяками, нежели серьезными предметами? Если ты вообще не сбросишь человеческой природы, то куда ни повернешь, ты непременно будешь что-нибудь делать; ты принужден, волей или неволей, отдать юношеские годы тем или иным занятиям. Но ты, быть может, предпочитаешь заниматься бездельем, чем делом? Посвящать свой досуг ничего не стоящим вещам, ведущим лишь к отупению, вместо познания, к пустословию, вместо разумной речи? Кто, будучи даже взрослым, умеет говорить лишь одними словами, а не делами, тот и человеком-то считаться не вправе. Ступай прочь, примкни к попугаям, сорокам, воронам, скворцам, которые также издают членораздельные звуки, только без понимания, почему они и не представляют из себя речи, — это лишь пустой звук без смысла. Не воображай, что ты говоришь, пока ты высказываешь вещи, тебе не понятные; это значит болтать, а не говорить... Если бы ты даже в совершенстве знал свой родной язык, да еще сверх того латинский, греческий, еврейский и другие, да хотя бы даже все языки мира, все-таки, если тебе недостает понимания вещей, которые лежат в основе слов, ты был бы не более, как попугай, а вовсе не мудрец. Ибо мудрость заключается в обширном, истинном, ясном познании вещей, а не в словах, которые без понимания вещей суть нечто попугайское, звук без смысла. Тысячу раз возвращаясь я к этому, ибо никогда не напрасно повторять то, что недостаточно ясно; тем более, что до сих пор положение дел таково, что у вас, в этом народе, как раз не обращается на это достаточного внимания.

Мне снова могут возразить: точное понимание вещей — это дело философов, а не наше. На это я отвечу: что значит быть философом? не значит ли это разумно вращаться среди божьих творений? не значит

ли это изучить начало, середину и конец вещей, т. е. их назначение? а разве это не обязанность всех, поставленных среди творений божьих, если только они не хотят существовать попусту, себе же во вред, бредить, ошибаться, обманываться, падать и гибнуть? И разве ты, как и всякий другой сын Адама, не образ божий, не наследник земли, не повелитель тварей? почему ты сам себя исключашь? почему ты сам лишаешь себя права на свое наследство? почему ты сам закрываешь себе глаза? почему ты сам хочешь отнять у себя то, чего не отнимают у тебя ни бог, ни природа, ни обстоятельство?

«У кого на то есть досуг, а у нас нет». — Что я слышу? Нет досуга, чтобы быть людьми? Если есть досуг на изучение кое-чего, что волей или неволей знать необходимо, то почему — не всего, к изучению чего есть возможность? Разве лучше быть лишь частичкой человека, чем человеком? И если есть время для поверхностных занятий, то почему его не находится для занятий солидных? Казалось бы — его должно быть тем более: ведь в них и бесконечно больше удовольствия, и бесконечно больше пользы? Однако изучение латинского языка без изучения вещей не только бесполезно, но даже прямо вредно, потому что понятия, не проверяемые вещами, становятся нетвердыми, шаткими, сомнительными, одно принимается за другое, откуда и возникают всякого рода заблуждения. Правильно в этом смысле пишет Платон: «Многие занимаются словами, не вникая в самые вещи, о которых говорят. От этого потом и возникает много бесполезных вопросов и споров, которые лишь запутывают разум». — О, как это справедливо! Ведь это-то и есть источник заблуждения — вещи приспособлять к словам, а не слова к вещам, т. е. извращать истинную сущность вещей в угоду фальшивой или бессмысленной номенклатуре. А ведь именно это и делают те, которые изучили слова какого-нибудь языка без тщательного сопоставления их с вещами; таким путем невозможно не нарушить истины и не затруднить ее понимания.

Будем же надеяться, что мы осуществляем доброе дело, основывая сегодня второй класс Латинской школы с целью преподавания и изучения в нем точной номенклатуры вещей, имеющих в мире наиболее существенное значение. С помощью божьей, мы уже имеем то, что нам для этого нужно: общую наглядную сводку вещей и слов, в которой параллельно сопоставлена как бы вся мастерская мира, со всем, что она содержит, т. е. полный состав слов латинского языка. И все это в простых словах, в маленьких предложениях и в таком непрерывном и последовательном порядке, что конец можно найти только в конце и все посредствующие звенья, — как вещи, так и слова, — каждое помещено на своем месте, так что нет никаких повторений. И притом все изложено так ясно, легко и плавно, что с удовольствием читается и без труда понимается, и так, что ученик, пройдя, увидав и поняв все это, получает уверенность, что он ознакомился со всеми родами вещей и постиг полностью язык, поскольку это требуется для начала. «Дверью языков» назвал я эту общую номенклатуру вещей, сообразно с чем и этот класс назван «вступительным».

Приступите же с бодрым духом, вы, юные адепты начального образования, откройте живее это «извлечение» из мира и научитесь точно применять к встреченным вами вещам те имена, которые им соответствуют. Если сначала будет вам трудновато, зато от дальней-

ших занятий вы скоро получите удовольствие для ума, а затем и большую пользу, если только учителя ваши будут вести занятия увлекательно, все обстоятельно показывать, все толково объяснять и посильными упражнениями доставлять вам развлечение. Пусть только тот, кого мы даем вам теперь первым руководителем, счастливо начал бы дело, — вот чего мы всеми силами желаем, о чем молимся, напоминаем, на что надеемся. А вы, изучив с прилежанием этот, на первый взгляд поверхностный перечень вещей, будете в состоянии легче проникнуть затем в само нутро и приобрести себе более основательное познание вещей, которое будет вашим спутником и во всем помощником в продолжение всей вашей жизни. В самом деле, если, исходя отсюда, кто-либо захочет глубже погрузиться в познание природы, искусства, морали или перейти к искусству красноречия, он всегда будет в состоянии тем легче сделаться хорошим философом, естествоиспытателем, врачом, художником, сельским хозяином, государственным деятелем, чем правильнее понял он наружные различия всех вещей и свойственные им названия; именно таким путем ему следует идти.

Я указал, таким образом, для класса, который мы собираемся основать, и его цель, и те средства, которые ведут к этой цели. Но так как помещение, в котором мы собрались, представляет новую, присоединенную к классным зданиям, учебную комнату, то ее необходимо еще освятить для общественных занятий.

К тебе, вечная премудрость божия, Иисусе Христе, обращаемся мы и молим тебя смиренно, ниспосли лучи своего милосердия и яви место сие поприщем упражнений в доброй нравственности и мудрости, для чад церкви твоей предназначенных и тебе ранее всего посвящаемых! Осени его, как твое достоинство, и всех, с добрым намерением здесь подвизаться желающих, как верных рабов твоих, теперь и всегда твоим благословением, так, чтобы обитала здесь с нами милость твоя и слава и чтобы все научающиеся еще здесь, на земле, постигали мудрость, которая пребудет и на небесах!

Благослови также светлейших князей, которые желанием возвеличить славу твою споспешествовали большому и лучшему возрастанию этой школы. Помяни и всех благочестиво ревнующих о преуспевании сего намерения их высочеств! Венцами благословения твоего увенчай их и с ними всех основателей, ревнителей, попечителей, управителей и наставников благочестивых школ в этом государстве и во всех странах христианских и, наконец, все христианское юношество, учению благочестия себя посвятившее, да благораспространится и расширится царство твое под небом. Аминь.

А теперь пусть благороднейший господин Фогт, милостивый покровитель нашей школы, и первый схолярх нарекут и властью учительской облекут того, кто избран в наставники этого второго класса; пусть будет ему прочтен список юношей рыцарского звания и из других сословий, назначенных учениками, и т. д.

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ, СОБРАННЫЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА в 1653 году.

*Научись сперва добрым нравам,
а затем мудрости, ибо без пер-
вых трудно научиться последней.*

(Сенека)

*Кто успевает в науках, но от-
стает в добрых нравах, тот
больше отстает, чем успевает.*

(Народная поговорка)

I. О нравах вообще.

1. Основание нравственности есть такое настроение человеческого духа, в силу которого человеку приятно вести себя так, чтобы нравиться богу и добрым людям.

2. Юноша, где бы ты ни был, помни о том, что ты находишься в присутствии бога и ангелов, а может быть — и людей.

3. Поэтому остерегайся делать что-либо такое, что не пристойно пред величием божиим и ангелов и в глазах людей.

4. Да будет чист дух твой ради господина и твоей совести; лицо же твое и поведение, речь и весь внешний вид да будут чисты и честны ради ангелов и людей.

5. Но из всего этого не должно нравиться ничто поддельное и подкрашенное; единственным правилом всех твоих действий да будет естественность и подлинно доброе.

II. О выражении лица, состоянии всего тела и телодвижениях.

Находясь в присутствии кого-либо, достойного уважения, держи себя следующим образом:

1. Стой прямо.

2. Голова должна быть обнажена.

3. Выражение лица должно быть не печальным и мрачным, но, с другой стороны, и не дерзким и то и дело меняющимся, а смягченным выражением непринужденной скромности.

4. Лоб должен быть ровным, а не сложенным в морщины.

5. Глаза не должны блуждать, смотреть искоса, шуриться или дерзко перебегать туда и сюда; с другой стороны, они не должны быть неподвижно устремлены в одну точку, но смотреть все время скромно и должны быть направлены на того, с кем говоришь.

6. Нос должен быть чист и высморкан.
7. Губы — не надуты, но в их естественном положении.
8. Рот — не раскрыт и разинут, и не искривлен, также и не стиснут, но закрыт слегка смыкающимися губами.
9. Не следует кусать губ, еще того менее — высовывать и показывать язык.
10. Шея должна быть выпрямлена, а не склонена на один бок.
11. Плечи должны быть приподняты равномерно, а не так, чтобы одно было ниже другого.
12. Руки не должны находиться в движении, т. е. нельзя ими чешать голову, ковырять в ушах или в носу, тереть волосы или производить другие неподходящие движения.
13. Если стоишь, то стой прямо, опираясь на обе ноги, а не на одну из них, как аист, и не растопырив их, но слегка соединив.
14. Если сидишь, сиди скромно, не прислоняясь спиной к стене, не облакачиваясь локтем на стол, не нагибаясь в какую-нибудь сторону, не двигая ногами.

III. Поведение при естественных побуждениях.

1. Что делаешь, делай благопристойно.
2. Если смеешься, так пусть это будет именно смех, и притом умеренный, а не громкий хохот. (Смеяться в ответ на все, что говорят и делают, есть свойство глупых (легкомысленных) людей, ни от чего не смеяться — простоватых, Держись и здесь золотой середины.)
3. Если тебя одолевает слюна, то плюнь, но только в сторону, чтобы не оплевать кого-нибудь. (Часто плевать — неприлично, глотать слюну — похоже на животное.)
4. Если тебя одолевают сопли, то высморкайся, только не рукавом и не шапкой, но платком или двумя пальцами (опять-таки отвернувшись), так чтобы не замарать пальцев; сопли разотри ногой, чтобы не возбуждать ничьей брезгливости.
5. Нападет на тебя зевота, чиханье или кашель, отвернись или держи руку перед ртом и делай это по возможности бесшумно.
6. Пускать от себя ветры — постыдно, остерегись.
7. Если ты сколько-нибудь заботишься о приличии, — очищение производи только в местах отдаленных.
8. Громко дышать и храпеть свойственно скорее медведям, чем людям.

IV. О причёске и одежде.

1. Давать отрастать волосам на голове до того, что они покроют лоб или спустятся на плечи, апостол запрещает.
2. Какие бы у тебя, однако, ни были волосы, пусть они всегда будут причесаны и чисты, свободны от грязи, перхоти и вшей.
3. Шляпа, платье, обувь и пояс должны быть чисты, не запачканы грязью и пылью или еще чем-либо худшим.
4. Выходить полуодетым, точно так же как и носить сюртук или плащ, накинув лишь на одно плечо, более прилично для паяца, чем для занимающегося науками.

V. О выходе.

1. Никогда не выходи в общество иначе, как вымывшись, причесавшись и прилично одевшись.

2. На улице и в других местах, где могут увидеть тебя люди, води себя благопристойно, так чтобы никто не мог упрекнуть тебя в чем-либо предосудительном.

3. Походка твоя пусть будет хорошо соразмерена: не слишком медленна, потому что это обнаруживает леность, но не слишком быстра и поспешна, так как это указывает на легкомыслие.

4. Идучи, передвигай ноги равномерно; не подкакивай, не размахивай руками, не переваливайся, не смотри в землю, но и не забрасывай головы назад и пр.

VI. При разговоре.

1. Речь пусть будет предназначена для того, чтобы учить или учить-ся, иначе лучше молчать.

2. Если нужно говорить, то сознание должно предшествовать языку, а не наоборот, чтобы не заминаться или не брать назад свои слова, если скажешь что-либо неподходящее.

3. Чтобы быть вполне понятным, выговор должен быть ясен и отчетлив.

4. И голос у говорящего должен быть мягким и спокойным, а не крикливым, раздражающим слух, но и не бормочущим про себя, едва доходящим до слуха.

5. Если говоришь, то говори языком, а не головой или рукой, или всем телом, т. е. не качанием тела и жестами.

6. Если спрашиваешь или отвечаешь на вопрос, делай это ясно, коротко, просто.

7. Прерывать говорящего, прежде чем он окончит свою речь, в высшей степени некультурно.

8. Если в разговоре нужно сказать о чем-либо неприличном, то предположи предварительное извинение, или передай описательно, так чтобы вещь не совсем приличная достигла слуха и чувства не иначе, как в пристойном выражении.

VII. Правила поведения утром.

1. Кто посвятил себя наукам, тот не будет сонливым; после семи часов сна он поспешит к работе (Аврора — подруга муз¹).

2. Проснувшись, помысли о боге; возблагодари его за то, что он охранил тебя в темной ночи, и моли его, чтобы он сделал тебе следующий день счастливым.

¹ По мифологическим представлениям древних римлян, Аврора — дочь Титана и Земли, богиня утренней зари. Само слово «Аврора» происходит от двух латинских слов: *augens* — золотой и *hora* — час; буквально, следовательно, это слово означает золотой час. Музы, по мифологическим представлениям древних греков, — полубогини, покровительницы искусств. Поэтому занятия в школах в древней Греции назывались «музическими» или «музоугодными». У нас теперь этот корень слова удержался в словах, образованных от слова «музыка».

3. Встав с постели, причеши волосы, вымой лицо и руки чистой водой, вышолощи рот и прилично оденься.

4. Каждому встречному желай счастливого дня.

5. Покончив с приветствиями, возмись за свои книги и обдумай, что тебе нужно сделать в этот день.

6. Сообразив, что тебе нужно делать, принимайся за серьезное исполнение этого и, чтобы все шло в порядке, распредели все разумно, призывая на помощь бога.

VIII. Поведение в школе.

1. Спешь в школу, как на игру (она и есть такова); не пропускай ее никогда.

2. Захватывай с собой школьное оружие, которое тебе необходимо в данный день и в данный час.

(Стыдно занимать у другого ученика книги, бумагу, перья и чернила.)

3. Занимай тотчас свое место, а не чье-либо чужое.

4. Не обременяй других болтовней и шумом до прихода учителя; веди себя скромно во всем.

5. Обращайся с тайным вздыханием к вечной премудрости, Христу, чтобы он ниспослал тебе свой разум; ибо без его содействия все наше старание будет тщетным.

6. Так как он дает просящим, отверзает стучащим, помогает находить ищущим, то прилагай все свое старание к делу, так как он не окажет никакой помощи тому, кто сам усердно не будет трудиться.

7. Стыдись иметь ученого учителя и ученые книги, а самому оставаться неученым.

(Итак, прилагай труды к тому, чтобы знать то, что знает учитель и что изложено в твоих книгах.)

8. Для поддержки памяти служат дневники; отмечай себе в них, что тебе нужно выучить из того, что тебе еще не известно. Итак, не иметь дневника или вести его небрежно служит ясным признаком беспечного ученика и заслуживает порицания.

9. Считай несчастным тот день или тот час, в который ты не усвоил ничего нового и ничего не прибавил к своему образованию.

10. Отпущенный из школы, безотлагательно иди домой; не беги по улицам; не останавливайся; не делай ничего неприличного.

11. Если тебе в доме нужно оказать услугу родителям или хозяевам, то оказывай немедленно; если тебя пошлют куда-нибудь, исполни поручение точно и быстро возвратись домой, чтобы было ясно, что занятие наукой полезно во всем.

12. Время, которое остается у тебя от оказания услуг, посвящай повторению выученного. (Нет ничего более драгоценного в жизни, чем время; кто теряет время, тот теряет жизнь.)

IX. По отношению к учителю.

1. Люби учителя, как отца, и нигде не оставайся с большим удовольствием, чем под его наблюдением.

2. Оказывай учителю всякое почтение и послушание на словах и на деле.

3. Смотри на учителя как на живой пример (в смысле образования, нравственности, набожности) и старайся подражать ему во всем.

4. Когда учитель говорит, внимательно слушай; когда он что-нибудь подсказывает словами или рукой, подражай этому; когда он обращает внимание на ошибку, исправляй ее.

5. Остерегайся как-либо оскорбить или огорчить учителя.

(Неповиновение по отношению к учителям или по отношению к родителям есть грех Исава¹, а насмешка сверх того — Хамово преступление², которое должно быть наказано божьим проклятием.

6. Старайся избегать всего, чем можешь навлечь на себя побои.

7. Если все-таки навлечешь на себя наказание за допущенный проступок, то не ройщи; если тебя похвалят за добродетель, радуйся и старайся заслужить похвалу еще больше.

[X. По отношению к товарищам.

1. Счита́й всех товарищей по уче́нию за друзей и братьев.

2. Живи со всеми дружно.

3. Не вступай в борьбу ни из-за чего, за исключением наук, но и в этом случае не затевай споров и враждебных выходов, но состязуйся прилежанием.

4. Больше люби более ученых и более скромных товарищей и охотнее дружи с ними.

5. Кого хочешь превзойти в похвале за прилежание, того чаще вызывай на состязание.

6. Прилагай наибольшее старание к тому, чтобы не поддаться вызванному тобой на состязание, но одолеть его.

7. Будучи побежденным, не гневайся на победителя, но пусть это послужит тебе побуждением для победы над ним на будущее время.

8. На таких условиях прекрасно будет победить или быть побежденным; как то, так и другое будет служить точильным камнем доблести и прилежания.

9. Кто сам не хочет решиться на подобного рода состязание в отличии, того пусть осмеивают и презирают, как ленивое животное³.

XI. В обращении со всеми.

1. Води знакомство только с теми, кто тебя может сделать учнее или лучше, или ты его.

2. Как яда, избегай легкомысленных товариществ; дурные разговоры портят хорошие нравы.

3. Однако ввиду того, что жить придется в шуме света, следи за собой, чтобы не давать примера чего-либо неприличного и самому не воспринимать такового. Относительно обращения с людьми позаимствуй несколько советов у мудрых.

¹ По библейским сказаниям, Исаав, сын Исаака, проявил неповиновение отцу, за что и был наказан.

² По библейским сказаниям, Хам, сын Ноя, проявил грубое отношение к отцу в виде насмешки над его наготой. За это Хам был проклят отцом. Это библейское предание лежит в основе существующей и доныне квалификации проступков, называемых «хамством».

³ Ср. «Пансофическая школа», X, 44.

4. Люби всех добрых, не раздражай ни одного злого.
5. Не бросай своего, не уничтожай и не презирай чужого.
6. Состязайся с добрым в исполнении своих обязанностей, не вступай ни с кем в ссору и брань.
7. Со всеми будь обходителен (ласков), ни с кем не поступай по капризу.
8. Если возможно, лучше оказывать благодеяния, чем принимать их.
9. Не гонись за похвалой, но изю всех сил старайся действовать похвально.
10. При встрече с кем-нибудь приветствуй его; перед уважаемыми лицами даже обнажай голову, уступай им место и свидетельствуй им свое почтение поклоном.
11. Отвечай на приветствия других.
12. Остановиться с кем-либо, уставить глаза на незнакомого считается неприличным; ни на кого не обращать внимания — глупым.
13. Приучайся выдерживать взгляд людей почтенных: излишняя застенчивость свойственна деревенщине.
14. Если говоришь с кем-либо, имеющим высокий сан, от времени до времени упоминай его почетный титул. (Если говоришь с незнакомым, звание которого от тебя ускользнуло, то будет весьма прилично, если ты ученого назовешь учителем, духовное лицо — отцом духовным, чиновника — господином, наравне стоящего — другом или братом.)
15. Не клянись; речь твоя да будет «да» и «нет».
16. Не отрирайся, если сделаешь ошибку, но сознайся в ней и попроси прощения.

XII. В церкви.

1. Пусть никто, кому дорога слава господня и собственное спасение, не устраняется от божественной службы.
2. Каждый должен носить с собой свою книгу псалмов и свою библию, если только он ее имеет.
3. Все должны идти из школы в церковь сомкнутыми, правильными рядами.
4. Каждый должен занимать свое место (как в школе) а не сидеть где попало.
5. Заняв свое место, пади ниц перед богом и вручи ему душу свою.
6. Все время, пока стоишь в церкви, веди себя как бы ты был перед очами божними; тщательно наблюдай за тем, чтобы ни в словах, ни в жестах, ни в мимике, ни в мыслях не проскользнуло ничего такого, что не пристойно перед богом.
7. Когда община начинает петь псалмы, то не молчи, как новичок среди христиан; пусть каждый превращает сердце и уста в органы божней славы.
8. Благословению, раздаваемому во имя божие служителем слова, внимай с благоговением и принимай его с верою.
9. К общественным молитвам каждый да присовокупляет свои воздыхания, поднимая руки и глаза для молитвы.
10. Во время чтения священного писания слушай не иначе, как стоя и с обнаженной головой.

11. Если услышишь, что приводится какое-нибудь место из священного писания, для того чтобы объяснить слово божие через божие же слово, которое тебе дотоле было незнакомо, — открой его тотчас в своей библии и отметь его себе.

12. Обладающие необходимым навыком в скорописи (начиная с учеников второго класса) должны записывать проповедь карандашом; таким путем можно прогнать сонливость и рассеянность и собрать богатейшее сокровище подлинно божественной премудрости и прекрасных сведений о всевозможных вещах.

13. По возвращении в школу все должны пересказать учителю то, что они вынесли из божественной службы.

14. Если окажется, что кто-нибудь в церкви спал, болтал или занимался неприличными вещами, то проступок должен быть наказан самым строгим выговором.

ХIII. За столом.

1. За столом води себя — как пред алтарем¹ — набожно и благоправно.

2. Никогда не забывай молиться перед едой и после нее; ведь благословение нисходит свыше.

3. Если тебе случится прислуживать за столом, будь услужлив и поспевай глазами за всем.

4. Если тебе, младшему, придется сидеть за столом со старшими, то будь предусмотрителен, чтобы не сделать чего-нибудь такого, что противоречит добрым нравам.

5. Признаком деревенщины является:

а) Садиться без приглашения.

б) Занимать более видное место.

в) Класть на стол локти.

г) Или, наоборот, держать руки под столом.

д) Ломать хлеб и другие кушанья руками или обгладывать зубами.

е) Перехватывать у других лучший кусок.

ж) Нагружать ложку до краев, как воз.

з) Подносить ко рту слишком большое количество пищи.

и) Пачкать пальцы.

к) Обгладывать зубами кости.

л) Подставлять другим объедки.

м) Вынимать кусок изо рта и снова класть его на тарелку.

н) Во время еды чесать в голове, болтать, смеяться и т. п.

о) Одновременно жевать и разговаривать.

п) Пить, имея во рту еду.

р) Пить с переполненным ртом или с причмокиванием.

с) Ковырять в зубах ногтями или ножом.

6. Юноша должен есть для подкрепления сил, а не из прожорливости.

¹ Принятие пищи по религиозным воззрениям требует особо благоговейного отношения, так как блага продуктов земли и человеческого труда, по этим воззрениям, рассматриваются как дары божии, а не как результат личных трудов человека.

7. Пить нужно, вытерев рот, и умеренно, не более двух, много трех умеренных глотков.

8. Ребенок за столом не должен говорить ни слова, если его не спросят.

9. Не следует сидеть до окончания обеда, особенно если присутствуют гости, но, приняв столько пищи, сколько надобно, следует встать, затем, убрав свою тарелку и раскланявшись с сотрапезниками, отойти и прислуживать стоя.

XIV. После обеда.

1. Вымой руки, выполощи рот и вычисти зубы, чтобы выглядеть опрятным.

2. Не берись за книги, чтобы не возбуждать ум к высшей деятельности в то время, когда происходит пищеварение.

3. Но избегай также послеобеденного сна, язвы духа; доставляй себе отдых прогулкой, пристойными разговорами или игрой, пока не окончится пищеварение.

XV. Во время игры и отдыха.

1. Во время, назначенное для отдыха от работ освежай себя игрой, которая доставляет телу силу, а духу—оживление; таковы: игра в обручи, в шары, в кегли, в мяч, беганье, прыганье. Но все это должно быть в меру, в присутствии или с разрешения учителя.

2. Запретные игры суть: кости, карты, борьба, кулачный бой, плавание и другие бесполезные и опасные игры.

3. Украшение игры: подвижность тела, жизнерадостность духа, порядок, игра с толком и по правилам и победа доблестью, а не хитростью.

4. Пороки в игре: леность, вялость, недоброжелательство, заносчивость, крик и коварство.

5. В расплату за игру не следует давать ни денег, ни книг, ни письменных принадлежностей, ни других вещей, с которыми связаны известные расходы, но пусть побежденный делает то, что прикажет ему победитель; например, пусть он скажет какое-либо изречение или расскажет историю, или сочинит стих, или сделает что-либо смешное.

6. Во время игры надобно говорить по-латыни, чтобы игра имела двойную пользу, именно: оживление тела и духа, с одной стороны, и успехи в научных познаниях, с другой ¹.

7. С началом учебных часов следует от развлечения возвращаться к ученью.

XVI. Правила поведения вечером.

1. По окончании ужина не начинай ничего нового, а иди на прогулку, пой, хвали бога и припоминай свои дневные занятия.

2. После вечерней молитвы никто не должен отлучаться из дому, но итти на покой, пожелав родителям и членам семьи доброй ночи.

3. Придя в спальную комнату, припомни (или стоя перед постелью, или на коленях) наедине с собой, как ты провел день.

¹ Ср. «Законы хорошо организованной школы», XV, 15, XX, 8, XXIV, 6.

4. Если заметишь, что совершил грех, проси у Христа прощения и обещай ему исправиться.

5. Если ничего подобного не придет на ум, возблагодари его за его милосердие, которое предоохранило тебя от греха.

6. Затем поручи себя ему всем сердцем, чтобы он охранил тебя от козней лютого врага, от страха ночного и от нечистых сновидений.

7. В постели, в интересах здоровья, не ложись ни на лицо, ни на спину, но ложись на правый бок, а в середине ночи — на левый.

8. Если в комнате спит несколько человек, то, обменявшись друг с другом взаимными пожеланиями доброй ночи, нужно избегать всякого развлечения (разговора и шума); здесь должно быть полное спокойствие.

9. Пока заснешь, повторяй избранное изречение, усвоенное тобой в этот день, чтобы заснуть с хорошими мыслями и с ними же и проснуться.

Так поступай, и будешь жить. (Лука 10, 28).

ЗАКОНЫ ХОРОШО ОРГАНИЗОВАННОЙ ШКОЛЫ.

Попечителям — привет!

Почтеннейшие! Аристотель мудро назвал жизнь, не руководимую никакими общественными законами, циклопической¹, а в другом месте он заявил, что государственное благополучие поκειται на законах. Точно так же мудро говорит об этом другой философ в противоположной форме: кто захотел бы разрушить государство, тот стал бы нарушать порядок. Следовательно, мы, желающие благополучия маленькому государству нашей школы, должны оградить его законами. И так как мы желаем, чтобы наше государство никогда не подверглось разрушению, то с необходимостью мы должны всемерно позаботиться, о том, чтобы однажды установленный в нем порядок никогда не был нарушен. Эти соображения и послужили поводом к тому, чтобы изложить порядок всей школы в «законах», т. е. в кратких и полновесных положениях.

I. Законы школьного порядка, касающиеся [работы лиц и дисциплины.

1. Организованным является то, начало и конец чего настолько связаны со всеми промежуточными членами, что все взаимно и в целом содействует общей цели.

2. Так как в школе сталкиваются:

I. Работа, подлежащая исполнению,

II. Действующие лица,

III. Узы, связывающие то и другое, т. е. дисциплина, то работа лица и дисциплина должны быть приведены в совершенный порядок.

3. Работа заключается частью в главнейшей цели, ради которой существуют школы; частью—в средствах, предназначенных для достижения цели: место, время, образцы того, что нужно делать, книги; частью — в способе действия, или методе.

4. Лица суть частью те, кто почерпает знания, т. е. ученики вместе с их декурионами (десятскими), частью те, которые преподают знания—школьные (общественные) учителя вместе с частными воспитателями под наблюдением и руководством ректора; затем те, кто пускают дело в ход—инспектора и школьные начальники. Сюда, конечно,

¹ По мифологическим представлениям древних греков, циклопами назывались одноглазые человекоподобные чудовища, жившие в пещерах в одиночку. Так, о циклопе Полифеме сообщается, что «был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона» («Одиссея», IX песнь).

присоединяются избранные мужи, выделенные со стороны церкви и государственного строя, которым, вследствие их особенно наблюдающихся набожности, мудрости и преданности, государство и церковь вручают свою надежду на счастливое возрастание последующих поколений.

5. *Узы, связующие школы, суть законы и исполнение законов, т. е. дисциплина, которая должна иметь свои границы.*

II. Законы относительно целей школы, подлежащих предпочтительному осуществлению.

1. Главнейшей целью христианской школы должно быть то, чтобы она представляла мастерскую для выработки из людей подлинных людей, из христиан — подлинных христиан. Это будет в том случае, если все, допущенные к этому сообществу мудрости, будут становиться: 1) мудрыми умом, 2) обладающими плавной приятной речью, 3) способными в работе, 4) воспитанными в нравах и 5) благочестивыми сердцем.

2. *Знать, действовать и говорить — вот в чем соль мудрости, необходимая усада всей человеческой жизни, без чего все было бы нелепо, безвкусно и обречено на гибель.* Каждая из наших жертв (которую мы здесь приносим богу, т. е. именно христианское юношество), да посыпается солью (Левит., 2, 13, Марк. 9, 49).

3. Учить только умению говорить и не учить вместе с тем понимать (т. е. учить языкам без понимания вещей) — это значит не усовершенствовать человеческую природу, а только придать ей наружное, поверхностное украшение. Учить же понимать вещи, но не учить вместе с тем действовать — есть вид фарисейства: говорить, но не делать (Матф., 23, 3). Наконец, понимать и делать вещи, не отдавая себе, однако, отчета в пользе знания и действия; это — полуневержество. Чтобы образовать людей, знающих вещи, опытных в деятельности и мудрых в использовании знания и действия, наша мастерская гуманности, школа, должна вести умы через вещи таким образом, чтобы везде соблюдалась польза и предупреждалось злоупотребление. Это принесет значительную пользу во всей жизни (хозяйственной, государственной, церковной).

4. И так как в жизни приходится вращаться не только среди вещей, но и среди людей, то и школы, как мастерские добродетелей и человечности, должны сделать своих питомцев способными также и для общения с людьми (во всяком обществе).

5. Наконец, так как мы постоянно ходим перед очами божиими, то все должны быть приучены во всякое время взирать на него и свято почитать его. Поэтому школа должна стараться быть мастерской внутреннего благочестия и истинным святилищем.

6. Следовательно, во всех действиях и упражнениях в школе следует стремиться к тому, чтобы юные кандидаты в жизнь научились все, что им встретится в жизни, 1) знать, 2) уметь 3) излагать, 4) применять к добродетели и 5) к благочестию.

7. При соблюдении этих целей школа могла бы быть и будет служить истинным рассадником государства и церкви, прекрасным прообразом жизни и счастья, пятиструнной арфой святого духа, исполняющей сладчайшие гармонии для слуха божия.

III. Законы о месте занятий.

1. Сколько классов, столько же должно быть учебных комнат, чтобы каждый курс занимался отдельно и никогда не отвлекался [от занятий] посторонним шумом.

2. Каждая учебная комната должна быть снабжена кафедрой и достаточным количеством скамей; последние должны быть расставлены таким образом, чтобы учитель постоянно имел перед глазами всех обращенных к нему учеников.

3. Кафедра должна находиться не у окна или между окнами, но с противоположной стороны, так, чтобы свет, падающий на учеников сзади, делал видимым учителя вместе со всем, что он делает (в особенности, если он пишет на доске).

4. В классных комнатах все должно быть опрятно, где возможно, — даже изящно, чтобы ученики всюду, куда они ни обратятся, имели возможность воспитать в себе любовь к чистоте и затем впоследствии содержать подобным же образом свои собственные жилища.

5. Весьма полезно, если курс каждого класса будет расписан на стенах, дверях, окнах, колоннах учебной комнаты (в форме ли изречений или кратких предложений, или в картинах и эмблемах), для того чтобы постоянно действовать на чувство, воображение и память.

6. Для общественных актов, будут ли то праздничные собрания или театральные представления, должен существовать особый зал, вмещающий всю школу, но он не должен быть украшен картинами. Так как здесь собираются лишь в редких случаях и для экстраординарных актов, то чувства должны быть устремлены единственно на сценическое действие и не должны быть отвлекаемы посторонними предметами.

IV. Законы о надлежащем распределении времени.

Мудрое распределение времени есть основа для деятельности. Поэтому мы предписываем следующее:

1. Для работы и отдыха должны быть одни и те же деления времени, именно часовые, дневные, недельные, месячные и годовые.

2. Каждый час должен иметь свою определенную задачу, которая непременно должна быть разрешена; раз она разрешена, дается отдых приблизительно в полчаса.

3. Серьезным занятиям посвящается ежедневно только четыре часа, к которым присоединяются: один час утром для молитвы, после обеда — для музыкальных или математических развлечений, после школы — для повторения сделанного за этот день. Все остальное время остается свободным для домашних дел, пристойного отдыха и частных занятий ¹.

4. Еженедельно остается свободным послеобеденное время — в среду и субботу; воскресенье должно быть посвящено богу.

5. В каждую четверть года одна неделя посвящается театральным представлениям, проводимым в течение пяти дней (см. об этом ниже — IX).

¹ Статьи о распределении времени изложены в «Пансофической школе», § 57—58, 59, 91, 93.

6. Ежегодно каждый класс начинает и кончает свои занятия осенью. Вне этого времени никто не принимается в школу, чтобы не вносить беспорядка в работу, исключая разве тех случаев, когда кто-нибудь является вскоре после начала ученья и можно ожидать, что он благодаря частным занятиям нагонит других. Если он это обещает, то это можно разрешить.

7. Ежегодно бывает четыре большие вакации по восьми дней до и столько же после годичных церковных праздников: 1) рождества Христова, 2) пасхи, 3) троицы и 4) полный месяц по случаю сбора винограда.

8. Где работы по уборке винограда не отвлекают от школы, там могут иметь место каникулярные праздники, но разумно, чтобы дать отдохнуть умам, а не ослабить их.

V. Законы об образцах для проведения работы.

1. То, что подлежит в школе изучению (познанию, изложению или действию) нужно показать на таких примерах, созерцая которые можно было бы им подражать. (Без примера ничему не выучишься.)

2. Предлагаемое в виде примера должно быть точным, чтобы при тщательном подражании нельзя было ошибиться. (Невозможно не перенять ошибки от ошибочного образца.)

3. Образец, предложенный для подражания, должен представлять собой или подлинный предмет или его изображение по подлинному оригиналу, будет ли то скульптурное изображение, или картина, или описание на словах. (Однако лучше всего иметь живое созерцание самого предмета.)

4. Что не может быть представлено в изображении (как, например, добродетели), возможно, однако, в подражании. В этом учитель должен служить живым примером¹.

VI. Законы о книгах.

1. «Книгой» в широком смысле называют то, что нас научает и представляет. Так, существуют книги божественные и человеческие. К божественным книгам относятся: 1) книга природы (сам мир), 2) книги священного писания и 3) книга совести. Человеческие же книги содержат или как бы объяснения образцов вещей или возмещают собой ряд оригиналов, одновременно предлагая и разъясняя вещи.

2. Правда, поскольку наша школа есть школа гуманности, она не устраняет ни одной из человеческих книг (разве уж там будет содержаться что-либо ничтожное, бесполезное, вредное). Однако ввиду того, что мы намерены воспитывать своих питомцев больше для бога, нежели для мира, мы желаем, чтобы и здесь также господствовали преимущественно божественные книги.

3. Так как существует мнение, что эти последние в силу своей возвышенности превосходят понимание нежного возраста, то человеческие книги допускаются с той целью, чтобы они открывали путь

¹ Ср. «Пансофическая школа», § 73—74.

к чтению и пониманию божественных книг и были верными путеводителями во всем том, что должно знать или не знать, делать или не делать, на что надеяться или чего бояться.

4. Те [книги], которые хорошо этому содействуют, должны быть нашими, а те, которые не содействуют, должны быть устранены.

VII. Законы, касающиеся метода, которого нужно придерживаться при обучении и учении.

1. Далее, нам необходим надежный метод в занятиях, чтобы, следуя его предписаниям, воспитатель юношества так же быстро, как и изящно, приводил души к мудрости, красноречию, искусствам, добродетелям и благочестию, подобно тому как мастер механических искусств обрабатывает данный материал при помощи данных инструментов и делает его годным к употреблению.

2. Вечным законом метода да будет: учить и учиться всему через примеры, наставления и применение на деле или подражание.

3. Пример есть уже существующий предмет, который мы показываем. Наставление есть речь о предмете, разъясняющая, как он возник или возникает. Применение или подражание есть попытка сделать подобные же вещи.

4. Между этими тремя сторонами (моментами) метода должно быть установлено такое соотношение, чтобы пример равнялся одной, наставление — трем, подражание — девяти единицам. Например, если в каждый час должен быть окончен известный урок, то последний должен быть распределен таким образом, чтобы в течение $\frac{1}{16}$ часа предмет был показан и рассмотрен, в течение $\frac{3}{16}$ часа предмет был объяснен и воспринят в том виде, как обыкновенно он возникает, и чтобы остаток часа ($\frac{3}{4}$ часа) был отведен на подражание или на упражнения и исправление ошибок, без которых при обучении дело никогда не обходится.

5. При теоретических занятиях место подражания занимает повторение посредством испытания (per examen) того, что было предложено и объяснено, чтобы стало ясным, правильно ли восприняли ученики и могут ли они все пересказать то же самое и тем же способом.

6. Этот поистине практический метод (обучающий всему через личное наблюдение, личное чтение, личный опыт) должен быть применяем повсюду, чтобы ученики приучались всюду возвышаться до учителей.

VIII. Законы для испытаний.

1. В этом смысле могущественное действие оказывают школьные испытания (ибо что знает тот, кто не испытывается? — Сир. 34, 10): 1) часовые, 2) дневные, 3) недельные, 4) месячные, 5) триместровые 6) годовые.

2. Часовые испытания производятся учителем, дневные — декурьоном (десятским), недельные — самими учениками, месячные — ректором, триместровые и годовые — начальниками школ.

3. Учитель испытывает ежечасно всех своих учеников (хотя не каждого в отдельности, если их много), частью наблюдая глазами,

внимательны ли они, частью выпрашивая (например: Такой-то или такой-то, повтори это. Что я только что сказал? Как это ты понимаешь? и т. п.).

4. Ежедневно по окончании школьных занятий десятский повторяет с находящимися под его надзором, выпрашивая все, что было сделано в течение целого дня, причем он добивается и того, чтобы правильно понятое было прочнее усвоено.

5. Еженедельно, и именно в послеобеденное время последнего свободного от занятий дня¹, ученики, испытывают себя сами, взаимно поощряя к прилежанию состязанием из-за места. При этом всякий ученик, занимающий [в разрядных списках] низшее место, имеет право вызвать на состязание занимающего высшее (даже из другого десятка). Если занимающий высшее место побежден, то он должен уступить победителю свое место и занять низшее; если он не побежден, то остается на своем месте.

6. Раз в месяц ректор (в сопровождении местного священника или кого-нибудь из начальников школы), посещая все классы, производит строгое испытание, выполнены ли месячные задания и насколько тщательно это исполнено.

7. Триместровый экзамен производится тем или другим школьным начальником совместно с ректором, чтобы узнать, кто в сравнении с другими способнее по памяти, языку и поведению и кто является более достойным для выставления напоказ при раздаче публичных наград за прилежание.

8. С особой торжественностью должен быть производим ежегодный экзамен; он происходит осенью перед переводом из класса в класс в присутствии всех школьных начальников. Здесь должно выясниться, пройдены ли все задания всего года и с надлежащим ли успехом как вообще, так и в частностях. Так как здесь невозможно или, во всяком случае, очень трудно, было бы во всей массе учеников проэкзаменовать всех и каждого, то тут дозволительно воспользоваться военной хитростью. А именно, вызывают вне очереди из рядов то того, то другого и заставляют его отвечать на вопросы по всему годичному заданию. Или выбирают по жребию из каждого десятка по одному, по два или по три ученика, которых пред лицом всего отделения, вместо всех, и испытывают, все ли они удерживают прочно в уме всё из того, что было пройдено в течение года. Ведь, если эти, не будучи выбранными как более способные, по назначенным наудачу по жребию, оказались в состоянии выдержать экзамен, то можно надеяться, что и другие подобным же образом в состоянии сделать это и что тут нет обмана.

9. Если при этом выяснится, что некоторые в их научных занятиях слишком отстали, то начальники школ вместе с ректором и учителями должны составить решение, допустить ли таких учащихся к последующим занятиям, или они должны быть возвращены родителям и избрать другое жизненное занятие.

10. Наконец, происходит перевод; в том же классе оставляются только некоторые — для исполнения обязанностей декурионов (десятских).

¹ То-есть в субботу; см. IV, 4.

IX. Законы о театральных представлениях.

Мы говорим о театральных представлениях, так как ученики должны давать представления в присутствии многих лиц, созданных с этой целью. Подобного рода представления очень полезно давать в школах. Так как жизнь всякого человека так устроена, что он должен вести разговор и действовать, то нужно руководить юношеством кратчайшим путем и таким приятным образом, как пример и подражание, чтобы оно приучилось наблюдать различия в вещах, уметь тотчас реагировать на различия, делать приличные движения, держать лицо и руки да и все тело сообразно с обстоятельствами, изменять и сообразовывать голос, словом, проводить любую роль приличным образом и во всех этих случаях держаться благопристойно, будучи далеким от всякой деревенской застенчивости. Сообразно с этим мы определяем:

1. Чтобы каждый класс ежегодно четыре раза выставлял своих учеников на подмостки театра.

2. Чтобы распределенное по различным ролям было представлено все, пройденное в течение триместра.

3. Чтобы представления во всех классах были закончены в одну неделю, и именно так, чтобы низшие классы играли дважды в один и тот же день, один раз до полудня, другой раз после полудня.

4. Чтобы самые торжественные представления давались в конце года, перед переводом из класса в класс.

X. Законы об отдыхе.

¶ Хотя наш метод посредством сочетания с некоторого рода развлечениями устанавливает все занятия так, что все наши умственные упражнения могут считаться играми — однако, так как юношеский возраст таков, что требует проведения времени более в телесных движениях, нежели в умственных упражнениях, не следует отказывать юношеству и в подобного рода отдыхе. Следует, однако, придать ему такой характер, чтобы не только не препятствовать, но, наоборот, содействовать благочестию, благопристойности и успеху в занятиях мудростью. Это произойдет в том случае, если будет соблюдено следующее:

- I. Игры должны быть такого рода, чтобы играющие привыкли смотреть на них не как на какое-нибудь дело, но как на нечто побочное. (Следовательно, играм и отдыху отводится время не раньше, чем обеспечены серьезные занятия. Как для покоя и сна наступает время лишь тогда, когда тело утомится от работ, так и для десерта — лишь тогда, когда покончено с настоящими кушаньями.)

- II. Следует играть так, чтобы игра способствовала здоровью тела не менее, чем оживлению духа. (Поэтому Платон обыкновенно настаивал на том, чтобы тело не упражняли без упражнения духа и наоборот. Итак, мы желаем, чтобы избегали тех игр, которые утомляют тело своей напряженностью, а также тех, которые ослабляют тело и дух; таковы сидячие игры и такие, которые держат дух в возбужденном состоянии, вызывая страх или надежду на успех. Сюда принадлежат те игры, в которых дело решает случай или в

которые играют из-за большого выигрыша, например: игра в кости, в карты и т. п. Игры наших учеников должны состоять в движении, например, в прогулке, беганье, в умеренном прыгаше и т. д. ¹.)

III. Следует играть так, чтобы игра не грозила опасностью для жизни, здоровья, приличия. Этой опасности подвергают себя безрассудные люди при лазании по деревьям, плавании, борьбе и т. д..

IV. Следует играть так, чтобы игры служили преддверием для вещей серьезных. (Например [заимствовать игры] из экономических, политических, военных областей жизни и пр. Следовательно, можно делать экскурсии за город, чтобы смотреть деревья, травы, поля, луга, виноградники и работы, которые там производятся. Можно также заняться объяснением планов и стилей построек и лично осмотреть работы занятых при этом мастеров. Далее, можно образовать войско, назначить полководцев, начальников сотен, разбить лагерь, образовать боевую линию и пр. Но если участвующие хотят извлечь удовольствие из игр всякого рода, то они должны выбирать руководителя, по усмотрению которого ведется игра, чтобы все привыкли попеременно распоряжаться и повиноваться. Способ проведения подобного рода игры может свободно изменяться, и тогда он доставит не менее пользы, чем удовольствия.)

V. Следует играть так, чтобы игра оканчивалась раньше, чем она надоест. (Ведь ею хотят доставить не отвращение, а отдых.)

VI. Наконец, хорошо будет, чтобы почаще (если не всегда) при игре учеников присутствовал учитель, не за тем, конечно, чтобы отдыхать, но чтобы наблюдать, как бы не произошло чего-либо непристойного и неподходящего.

VII. При строгом соблюдении этих условий игра становилась бы не только игрой, но и серьезным делом, т. е. или развитием здоровья, или отдыхом для ума, или преддверием (подготовкой) для жизненной деятельности, или всем этим одновременно.

XI. Законы относительно поведения.

Недавно мы распорядились отпечатать правила доброго поведения в их общем виде ². Мы желаем, чтобы все имели их в руках, читали, соблюдали с той целью, чтобы наша школа была не чем иным, как мастерской благопристойности. Для достижения этой цели мы устанавливаем следующее:

1. Все наши [ученики] должны делать все скорее из любви к добродетели, чем из страха перед наказанием.

2. Делать они должны не то, что им нравится, но то, что предписывают законы, и то, что приказывают толкователи законов, учителя. (Действовать более по воле другого, чем по собственной, — вот одно из основных положений христианства.)

3. Пусть ученики во всем, что должны делать, приучаются предвидеть цель, изыскивать средства и выжидать благоприятного случая.

4. Поэтому никогда не следует делать ничего иного, кроме того, что подсказывается хорошей, благовидной целью, при стремлении

¹ Ср. «Пансофическая школа», VI, 87.

² Имеется в виду помещенное нами выше сочинение Коменского «Правила поведения, собранные на пользу юношества».

к которой не придется испытывать стыда, а по достижении ее — раскаянья.

5. Если начинают входить в дело, то должны привыкнуть не оставлять его до тех пор, пока цель не достигнута.

6. Однако к цели следует стремиться не скачками, но постепенно, чтобы дела шли своим чередом, а не поспешно.

7. Пусть приучаются знать только полезное. (Следовательно, пусть везде имеют это в виду и к этому стремятся.)

8. Каждый должен привыкать сосредоточиваться, не быть рассеянным, для того чтобы все делать вполне обдуманно.

9. Нельзя допускать, чтобы кто-либо был безучастным к своему делу. (Если окажется, что кто-нибудь работает вяло, заставляй его работать больше других; и если нет никакого серьезного дела, то пусть он лучше играет, чем бездельничает. Подвижность, желание работать и отсюда выносливость в работе — это громадное сокровище в жизни.)

10. В сне, в еде и в питье ученики наши должны быть воздержанны и избегать всякой неумеренности. (Наш Атеней посвящен музам, а не Вакху¹, а свет мудрости требует трезвой души.)

11. Послеобеденный сон (как вредный для здоровья и духовных сил) нельзя позволять ни одному из наших питомцев. (Ночь и мрак сама природа назначила для отдыха, свет и день — для работы. Итак, послеобеденный отдых — эта дурная привычка, сильно распространённая среди венгерцев, — следует отменить, заменив несвоевременный покой гуляньем, разговорами, игрой, музыкой.)

12. Тело, как жилище души, все наши питомцы должны держать не изнеженно, однако же опрятно.

13. Точно также, как орудие души, тело у всех наших учеников должно развиваться для подвижности подвижностью; и закалять его к работе работой.

14. И так как наша школа есть школа мудрости, а не войны, то оружием всех питомцев должны служить книги, но не мечи. (Следовательно, употребление оружия следует воспретить совсем. Когти, рога, хоботы и клыки бесполезны для овец и ягнят.)

15. Наклонность к брани и злословию должна быть настолько удалена, что право на это теряет даже тот, кто попытался бы обратиться к брани по справедливому случаю.

16. Капризы и деревенская грубость не терпимы ни в ком. Все должны приучать себя к вежливости, услужливости в словах и делах. Школе подходит быть городом, но не деревней.

17. Гордое и пренебрежительное отношение к другому должно всячески искоренять всюду, где бы оно ни обнаружилось, чтобы все привыкли одинаково почитать образ божий как в других, так и в себе самих.

18. Особую заботу следует прилагать к тому, чтобы не вселилась в кого-либо страсть к присвоению чужого; никто, присваивающий себе чужое добро, не должен оставаться безнаказанным.

¹ А т е н е й — храм, посвященный богине Афине, по верованиям древних греков, покровительнице науки и искусств. Каждая из муз, по тем же верованиям, покровительствовала одному из девяти искусств. В а к х — бог вина и веселья.

19. Ложь — рабский порок, не может быть терпима ни в ком. Пусть все привыкают откровенно говорить правду, даже если бы пришлось сознаться в вине, чтобы никогда не было заметно разлада между сердцем и устами — этого самого презренного порока.

20. Если в ком-нибудь будет замечено в чем-либо отступление [от правил], того следует дружелюбно убеждать, а убеждаемый должен дружелюбно принимать увещание.

21. Если же увещаемый не воспринимает этого по-братски и даже отказывается принять увещание, то его следует привести к учителю, устраняя всякие соображения о личной дружбе или неудовольствии и руководясь единственно желанием бороться со злом, чтобы оно как-нибудь не пустило корней.

22. Кроме того, пусть ректор раз в неделю (хотя бы в первый послеобеденный час в воскресенье) созывает вместе все школьное общество и, прочитав правила доброго поведения, пусть осведомляется, как каждый усвоил их слова и смысл, и, если нужно, пусть потребует объяснить и иллюстрировать их примерами. Одновременно пусть проверит, не было ли с чьей-либо стороны допущено в прошедшую неделю против этого проступков. Если десятские укажут на что-либо или если кто-нибудь в чем сознается, то следует применить то более, то менее строгие взыскания, смотря по размеру проступка. Но пусть каждый учитель наказывает своих учеников, все равно своей или чужой рукой, если проступок такого рода, что его нужно исправить ударами.

XII. Законы о воспитании (colendi) благочестия.

Мы желаем, чтобы все наши питомцы, как предназначенные для неба христиане, самым ревностным образом предавались занятиям благочестия не в голой теории, но через постоянную живую практику. Поэтому:

1. Все наши питомцы под страхом вечного осуждения, по слову Христову, должны остерегаться соблазнить кого-либо дурным примером (открытым или тайным, выходящим, однако, наружу) и, наоборот, должны быть для всех образцами благочестия.

2. Как невозможно видеть солнце без солнца, так невозможно познавать, любить и почитать бога без бога. Поэтому все наши питомцы должны прежде всего научиться обращать к богу все желания своего сердца и свои помыслы, чтобы всюду, где бы они ни были, помнить о том, что они ходят перед очами божиими, живут пред лицом его.

3. Так как бог, в нем же мы живем и движемся, и существуем, есть начало и конец всего, то никогда не следует пропускать случая, чтобы все питомцы нашей школы с пламенным сердцем хвалили и призывали бога: приходя в школу и выходя из нее, перед работами и после них, перед едой и после нее, перед сном и после сна.

4. Формулы молитв (заимствованные главным образом из псалмов Давида и из писаний других благочестивых мужей) должны быть наготове для каждого класса, чтобы каждый привыкал изливать желанья своего сердца и воссылать их к богу.

5. Так как в устах грешника никакая хвала не звучит приятно, то все должны проводить жизнь, достойную бога, и от всех должно

требовать такой жизни и чистого сердца. Причем нельзя терпеть ни в ком ни малейшего, даже едва заметного пятна нечестия.

6. Для того чтобы все были преисполнены познанием божественной воли, никому не дозволяется отсутствовать при катехизических упражнениях, чтении библии, изъяснении таинств веры (в церкви или школе); чтобы все наши питомцы (по примеру Тимофея) — сызмальства привыкали знать священное писание (2 Тим., 3, 16).

7. Допускающий в данном случае небрежность, а тем более оскорбление благочестия, должен быть очень строго наказан, ибо здесь проявляется порок развращенной воли, а не слабость ума.

ХIII. Законы хорошего порядка среди всех граждан нашей школы.

Таковы законы, касающиеся работы [школы]; теперь следует рассмотреть, как удерживать в порядке лиц, составляющих школьное общество, и сперва в общем.

1. Прежде всего, допущенные сюда учащие и учащиеся должны приникнуться убеждением, что они призваны богом образовывать в себе образ божий, т. е. принимать участие в мудрости, добродетели и блаженстве Божиим.

2. Итак, пусть каждый ежедневно просит бога и вместе с Соломоном желает, чтобы ему дано было сердце, боящееся и познающее бога; пусть ревностно работает каждый на своем месте, ожидая благоволения от Божией благодати.

3. Чтобы творить это единодушно для общего созидания, все объединяются так, что образуют благоустроеннейшее государство, имеющее свой сенат, свои коллегии, курии и декুরии¹.

4. Школьный сенат (здесь — в школе в Потоке) должен состоять из профессоров и классных учителей. Их постоянный председатель — ректор, а кто-нибудь, владеющий пером, — секретарь.

5. Школьные матрикулы² должны находиться у ректора; в них каждый, вступающий в школу в качестве нового гражданина, должен собственноручно внести свое имя и этим обязаться добросовестно исполнять школьные законы.

6. Подобным же образом заводятся ежегодники, которые также хранятся у ректора, но к ним должен иметь ключ и один из про-

¹ Все эти термины Коменский заимствует из практики государственной жизни древнего республиканского Рима. Сенат — важнейший орган в государственной жизни, состоявший из наиболее богатых представителей привилегированного сословия — патрициев. Коллегии — это учреждения, в которых дела решались по большинству голосов в противоположность единоличному решению, принятому в органах исполнительной власти. Курии — одно из тридцати делений, по которым группировались патриции при выборах и в других случаях государственной и общественной жизни. Декুরии — отделения по 10 человек.

² Первоначально слово матрикул (от латинского matrix — matka, источник) обозначало церковные документы о рождении, крещении, бракосочетании, кончине (в русском обиходе — метрики). С развитием школ, особенно университетов, матрикулами называли и главнейшие документы, подтверждающие принадлежность учащегося к данному учебному заведению, и изучаемые им науки (у нас теперь — зачетная книжка).

фессоров; в них секретарь записывает единогласно принятые в заседаниях сената решения:

(I) Основание школы, ее рост и перемены.

(II) Имена ректоров и профессоров, сообразно с тем, как они меняются.

(III) Торжественные акты, бывшие в то или другое время.

Здесь же будут обозревать все программы, торжественные речи и т. п.

7. Каждый класс также должен иметь вид маленького государства с своим собственным сенатом, состоящим из десятских и их заместителей; председательствует в нем руководитель первого десятка.

(Чтобы лучше содействовать общей внимательности, учителя выберут себе в помощники из числа своих учеников наиболее способных и зарекомендовавших себя прилежанием столько человек, сколько у них в этом году окажется по десяти учеников. А чтобы все точнее следовало своему течению, следует избрать этих десятских из учеников того же класса, предназначенных к переводу в следующий класс. Ибо, таким образом, пройдя уже весь курс класса и зная в нем все, они в состоянии будут оказывать надлежащую помощь учителю и действовать среди новых учеников класса в качестве помощников учителей. Но питомцы церкви не могут допустить, чтобы их определяли к этому против их воли; поэтому, ввиду безвозмездности их труда, точно так же как и для отличия перед сотоварищами, их должно называть и подидаскалами (т. е. помощниками учителей). Поэтому выполнявшие такие обязанности в одном классе не будут более задерживаться где-либо, но должны быть непрерывно продвигаемы в следующие, высшие, классы.)

8. Можно позволять, хотя и не заставлять, чтобы десятские каждого класса по меньшей мере раз в неделю собирались в своей учебной комнате и обсуждали, не произошло ли где-либо нарушение порядка, и если они что-нибудь заметят, то исправляли бы либо самих себя, либо увещали своих сотоварищей, вышедших за пределы дозволенного, или примиряли бы возникшие среди них мелкие ссоры. Если это им не удастся, то они должны обратиться к учителю.

XIV. Законы для родителей и опекунов, отдающих своих детей в нашу школу.

Очевидно, необычайного противодействующего средства требует вредный обычай то вступать в школу, то покидать ее, то начинать, то бросать занятия, не добиваясь в них чего-либо серьезного, а следовательно, не достигая и истинного образования. Если дело обстоит так, то не следовало ли бы подчинить строгой дисциплине всякого, кто сам хочет поступить в нашу благоустроенную школу. И раньше, чем внести ученика в матрикул, пусть будет принята следующая формула обязательства:

1. Я добровольно и с полным правом передаю своего сына учителям этой школы для законченного обучения его наукам, нравам и благочестию.

2. Я оставляю его в этой школе и не буду брать его отсюда до полного окончания курса учения.

3. Чтобы доставить ему возможность непрерывно делать успехи, я или совсем не буду отвлекать его [от школы], или допускать это весьма редко.

4. Если, однако, когда-нибудь, вследствие какой-либо неустранимой задержки, это допущу, то обещаюсь снова послать его в школу как можно скорее.

5. Если я не буду действовать таким образом и вследствие этого успехи его будут ниже, чем я надеюсь, то винить я буду себя, а не школу.

Затем отец и сын должны подписать матрикул и тем обязать себя к исполнению обещанного.

XV. Законы для учеников.

1. Никто, допущенный в эту школу, не должен иметь другого намерения, кроме одного — преуспевать с божией помощью в полезных науках, добрых нравах и истинном благочестии.

2. Следовательно, никто не должен здесь уподобляться тени, но каждый должен быть живым членом в живом теле, относясь ко всему с живым интересом; в противном случае его следует удалить.

3. Прежде всего каждый должен с чистым сердцем бояться бога и никогда не делать ничего против его воли и против своей совести, но, воздавая богу хвалу, всегда обращаться к его помощи.

4. Каждый должен искренно любить своего учителя как второго отца, тщательно и с готовностью подчиняться во всем его указаниям. Подобное почтение должен он проявлять также и по отношению к учителям других классов.

5. После учителя он должен почитать также его заместителя, деясского, и следовать ему во всех его добрых наставлениях.

6. Он должен жить в дружбе со всеми своими сотоварищами и никого не обижать рукой или словом, так, чтобы ссоры и несогласие были далеки от нашей школы.

7. В урочный час каждый по данному знаку должен тотчас же отправляться в учебную комнату и занимать свое, а не чужое место.

8. Если кто-либо по неотложной причине принужден отсутствовать, то он должен о своем отсутствии и причине отсутствия оповестить дежурного (сам или через другого, или письменно), чтобы дежурный дал знать об этом учителю. Кто этим пренебрежет один раз, тому на первый раз следует сделать выговор; кто допустит это дважды или трижды, того во всяком случае нужно задержать в школе для того, чтобы он наверстал с другими то, что пройдено в его отсутствие, или подвергся наказанию.

9. На молитве каждый должен присутствовать с вниманием и не думать ни о чем другом, как только о боге. Кто обнаружит признаки нерелигиозного настроения, тот должен подвергнуться наказанию.

10. Молитву должны читать все по очереди, чтобы все через то приучались надлежащим образом призывать бога.

11. Когда учитель что-нибудь говорит, показывает, объясняет, то все должны слушать с напряженным вниманием, и если им прикажут подражать этому, то они должны подражать возможно скорее.

12. Затем, если он что-либо спрашивает, то все в одинаковой мере

должны направлять свое внимание, чтобы каждый, от кого он потребует ответа, был готов тотчас дать его.

13. Все должны привыкнуть читать, писать, говорить, даже размышлять и действовать отчетливо, внятно и без всякого замешательства.

14. К еженедельному экзамену каждый должен явиться хорошо подготовленным, чтобы заслужить похвалу, а не порицание.

15. Всем должно быть позволено в школе и вне ее разговаривать друг с другом, однако только по-латыни и о предметах приличных. Кто не умеет выразить своих мыслей по-латыни, пусть молчит или пусть спросит, как это надобно сказать, и потом скажет; чтобы это не оставалось ему неизвестным впоследствии, пусть он запишет это себе в свой дневник.

16. Блестителем прилежания в подобном деле должен быть [штрафной] значок за латинский язык; каждый, кому он попадет в руки, обязан в наказание произнести одно хорошее изречение, а тот, у кого этот значок останется на ночь, должен произнести три изречения.

17. В уходе за телом все должны соблюдать чистоту. Каждый, кто явится в школу пчесанным, немытым или неприлично одетым, получает значок по поведению, за который следует такая же расплата, как за значок по латинскому языку.

18. Все должны приучаться к пристойности в движениях; тот, кто выказывает нескромность, легкомыслие, необдуманность и грубость, подвергается строгому выговору и получает значок за [плохое] поведение.

19. Находясь вне школы, идя по улицам, разговаривая с людьми, все должны помнить правила скромности и добродетели.

20. Кто не отвыкает от неподобающих поступков, несмотря ни на увещания своих сотоварищей или своего десятского, ни на штрафные значки, того следует подвергнуть наказанию розгой. Если и таким образом не исправится, то его следует отвести к ректору школы для наказания по его усмотрению.

XVI. Обязанности декурионов (десятеких).

1. Десятский должен наблюдать за тем, чтобы все члены его десятка своевременно были налицо в школе (до прихода учителя), заняли свои места, а также следить за тем, чтобы подготовился тот, кто должен читать молитву.

2. Если когда-нибудь десятский сам не может присутствовать [в школе], то должен назначить кого-нибудь в качестве своего заместителя, чтобы тот тем временем поддерживал хороший порядок.

3. Если кого-либо нехватает [в классе], десятский должен сообщить о том учителю тотчас после входа его в классную комнату.

4. [По окончании] молитвы, он должен также доложить учителю о том, у кого оставались на ночь значки за поведение, латинский язык и другие, для того чтобы были заслушаны штрафные изречения.

5. Во время чтения, письма или какого-либо упражнения десятский должен следить за каждым из своих сотоварищей и помогать им, если видит, что кто-либо делает ошибку.

6. Вне школы он должен обращать внимание на то, все ли его

соученики достаточно прилично ведут себя, увещевать тех, которые в чем-нибудь провинятся, а непослушных приводить к учителю.

7. Особенно должен он наблюдать за тем, все ли присутствуют на священных церковных службах и прилично ли ведут себя при пении священных гимнов и во время всего богослужения.

8. Десятские должны заботиться о своевременном открытии классной комнаты перед школьными занятиями и о закрытии ее по окончании учения, о сохранении помещения в чистоте; это осуществляется еженедельно по сменам одним [учеником].

9. В случае отсутствия десятского заботиться обо всем этом и наблюдать за всем этим будет его заместитель.

10. Прилежный десятский должен получить в награду почетный титул гиподидаскала, или помощника учителя, а нерадивого нужно наказать или с позором отрешить от должности.

XVII. Специальные обязанности для служек (фамулянтов¹).

(Для бедных учеников, которых, по принятому в венгерских школах обычаю, приглашают к себе знатные или студенты для услуг.)

1. Под страхом наказания розгой их нужно обязывать постоянно быть налицо во время учебных занятий и не отсутствовать под каким-либо вымышленным предлогом.

2. Если же кого-либо заставляют отсутствовать неотложные услуги, он должен принести о том свидетельство от своего господина.

3. Опущенное при этом классное занятие следует возместить приватно прилежанием; ученик должен переписать и выучить из книг своих товарищей то, что было пройдено.

4. При еженедельном экзамене фамулянты должны присутствовать все без всякого исключения и поэтому должны покончить свои домашние дела раньше.

5. Все это будут они делать тем охотнее и старательнее, чем больше они желают приобрести расположение своих господ и через то — средства к продолжению своих занятий.

6. Но и в школе они будут исполнять обязанности по уборке помещения, по приведению его там в чистоту, и столько раз, сколько это нужно, по требованию учителя или десятского.

7. Чтобы это не было для них стыдно и чтобы это служило побуждением к прилежанию в занятиях, им должно быть разрешено при недельных экзаменах вступать в состязание друг с другом за освобождение от этих общественных услуг на следующую неделю.

XVIII. Законы для коллегии, т. е. для всех, живущих в общении, — как студентов, так и знатных.

1. Каждый, поступающий сюда, должен помнить, что он вступает в дом мудрости и дисциплины, и должен поддерживать настроение преданности дисциплине и уважения к законам.

¹ Фамулянт (служка) — от латинского слова *famulus* (слуга) — особый тип учащихся из бедняков. Обучаясь вместе с богатыми своими хозяевами, фамулянты обязаны были в то же время оказывать своим господам всякие услуги, преимущественно физического порядка.

2. Каждый должен жить в помещении, отведенном ему управляющим общежитием, и держать это помещение в полном порядке и чистоте.

3. Без разрешения управляющего общежитием, который здесь называется «старшим», или по меньшей мере—своего инспектора никто не должен выходить из общежития, а если будет необходимо выйти по каким-либо делам, он должен своевременно вернуться назад.

4. В общежитии никто не должен праздно бродить взад и вперед, а, скорее, именно благодаря общежитию следует привыкать к хорошо упорядоченной жизни.

5. Никто не должно входить в чужую комнату, предварительно не постучав.

6. Ночью никто не смеет вступать в спальню другого.

7. Внеобычные пиры не разрешаются никому (ни тайно, ни открыто).

8. Когда стучится в дверь управляющий, будь то днем или ночью, каждый должен тотчас же открыть ее.

9. В восемь часов вечера все должны идти спать (ночная работа никоим образом не должна продолжаться дольше девяти часов); вставать должны утром в четыре часа (или ни в коем случае нельзя спать дольше, чем до пяти пяти часов).

10. Встав, каждый должен сделать свою постель, затем в течение полчаса привести в опрятный вид свое тело, причесаться, вымыться, прилично одеться и через полчаса приступить к молитве, а затем к работе.

11. Без особо уважительной причины никому не разрешается отсутствовать на общих молитвах.

12. Все должны тщательным образом заботиться о мирной жизни, никто не должен обижать другого, обиженный не должен мстить и должен быть готов восстановить любовь и добрые отношения при помощи дружественного примирения.

XIX. Законы для воспитательного учреждения в Потоке.

1. Всякий, кто должен быть допущен, [в школу] обязан представить от той церкви, к которой он принадлежит, свидетельства о законорожденности и беспорочном поведении, чтобы доказать, что он имеет право на продвижение.

2. Затем следует подвергнуть испытанию его дарования и успехи, чтобы выяснить, способен ли он к научным занятиям. Это [испытание] будет лежать на обязанности ректора.

3. Если же случится, что желающих поступить найдется больше, чем имеющееся число предназначенных для общежития стипендий, то следует распорядиться так, чтобы из числа совершенно равных во всем остальном учеников более нуждающиеся получили даровой стол, а остальные — часть содержания; если же для них недостает мест, то нужно позаботиться о них как-нибудь иначе.

4. Получившие наполовину даровой стол обязаны внести причитающуюся плату предварительно за весь год.

5. Допущенные и с благодарностью пользующиеся стипендией должны пользоваться ею до окончания учебного курса, за исключением тех случаев, если кто-либо пожелает освободиться от стипен-

дин, найдя какие-нибудь иные средства или будучи призван к педагогии,—или же, наконец, если кто-нибудь за свои бесчестные поступки подвергнется лишению стипендии.

6. Все питомцы [интерната] должны подчиняться всем законам этой школы, даже старательнее остальных, служа для всех образцом честности, скромности, благочестия и прилежания, чтобы, как-нибудь не укоренилось убеждение, что благодеяния оказываются недостойным людям.

7. Все должны внимательно слушать то, что во время завтрака и в обеденное время читается вслух чтением, чтобы по окончании чтения и еды, каждый удержал в памяти что-либо, что ему особенно понравилось, и чтобы, таким образом, все взаимно поощряли друг друга прекрасным упражнением во внимании.

XX. Законы о педагогах и педагогах.

Правда, мы надеемся, что в нашей школе, учрежденной по этому методу, классных учителей будет достаточно для какого угодно количества учеников, и, кроме часов, определенных для классных занятий, нет никакой надобности утомлять умы учащихся еще частными работами. Тем не менее, хорошо было бы к благородным юношам приставлять частных педагогов: во-первых, и прежде всего—для надзора за их поведением, чтобы предоставленные вполне самим себе и лишённые в своей частной жизни примеров хорошего обращения, они не научились чему-либо дурному; затем, — для более верной заботы о благочестии, чтобы они никогда не забывали бога (ложатся ли они, встают ли, или делают иное что); в-третьих — для развития ума и языка, которые образуются и укрепляются в процессе постоянного общения с образованным человеком, не говоря уже о том, что учащимся следует предоставить все то, что является полезным в жизни, и этим отчасти облегчить общественное сожителство и распространить его среди возможно большего числа людей. Для достижения этих целей нужно соблюдать следующее:

1. Воспитательской должности не должен домогаться никто в частном порядке, так же как не может и получить таковую без ведома и специального поручения ректора или начальника педагогов.

2. Нельзя доверить дело воспитания ни одному необразованному человеку, а тем более человеку плохому в нравственном отношении, и уж никоим образом тому, чье благочестие и совесть сомнительны.

3. А кому доверено дело воспитания, тот, призвав божие содействие, должен стараться обладать качествами образованного, нравственного, истинно благочестивого человека, врага всякой лести, способного воспитывать других.

4. Воспитатель должен тщательно следить также и за тем, чтобы вполне соответствовать своему имени, т. е. чтобы непрерывным руководством одним или многими учениками развивать их и содействовать постоянным и хорошим успехам.

5. Однако он не должен тормозить классное обучение, т. е. он не должен делать ничего, уклоняющегося [от классного обучения] или в уклоняющейся форме, но делать и обсуждать на дому как раз то и точно таким же образом, что делает классный учитель со всем классом.

6. Следовательно, перед обучением в школе нужно заранее разъяснить ученику смысл того, что затем обсуждается в школе, чтобы что-либо не запугивало кажущейся трудностью, и если бы что-нибудь подобное обнаружилось, то нужно это устранить своевременным объяснением, чтобы ученики, имеющие воспитателей, в общественной школе схватывали все быстрее остальных, получали бы похвалу перед прочими и вместе с тем надежду и побуждение успешно пройти и дальнейший курс.

7. Точно так же, когда питомцы придут из школы домой, воспитатели должны заставлять их воспроизвести то, что там было сделано, во-первых, для того, чтобы они лучше усвоили воспринятое там, а во-вторых, для того, чтобы научились постепенно и в историческом порядке перечислять сделанное.

8. Чтобы добиться умения обо всем быстро говорить по-латыни, все разговоры с учеником воспитатели должны вести по-латыни.

9. Все педагоги должны также прилагать старания к тому, чтобы быть не только руководителями своих питомцев, но также и друзьями их. Это произойдет в том случае, если воспитатели будут верными охранителями своих воспитанников во всем добром, чтобы их питомцы, будучи предоставлены самим себе, вместе с добродетелями не усвоили в чем-либо и пороков и чтобы и то и другое не вошло в привычку одновременно.

(Следовательно, разница между теми учениками, которые наряду с классным обучением имеют еще частных воспитателей, и теми, которые не пользуются таковыми, будет такая же, как разница между полем, засеянным хорошим семенем и сверх того очищенным прилежной рукой от прорастающих сорных трав, и таким полем, которое засеяно тем же хорошим семенем, но предоставлено самому себе, с тем чтобы лучшие растения сами заглушили худшие. Иногда это и удается; но вернее рассчитывать на плод с того поля, которому помогает рука, выпалывающая сорную траву.)

XXI. Законы для учителей.

1. Учителями должны быть люди набожные, честные, деятельные и трудолюбивые; не только для вида, но и на самом деле они должны быть живыми образцами добродетелей, которые они должны привить другим. (Ничто притворное не может быть продолжительным.)

2. Чтобы быть в состоянии бодро выполнять обязанности своей профессии и предохранить себя от скуки и отвращения, они должны, во-первых, остерегаться слишком низко ценить себя и относиться к самим себе с презрением. Кто сам считает постыдным быть учителем и остается им только ради денег, конечно, бежит оттуда, как с жерновой мельницы, лишь только найдет другой род занятий, обеспечивающий большее вознаграждение. Но наши полагают, что они поставлены на высоко почетном месте, что им вручена превосходная должность, выше которой ничего не может быть под солнцем, именно, чтобы маленькое подобие бога доводить до сходства с богом или, как говорит бог у пророка (Ис., 51, 16), насаждать небо и основывать землю. т. е. полагать основание церкви и государства. Уверенные, что их труды служат на благо человеческого рода, они будут воспевать с Давидом:

мне выпал жребий самый приятный, мне досталось прекрасное наследство (Псалм., 16, 6), и будут стараться, поскольку это от них зависит, сделать все возможное для столь возвышенной цели.

3. И так как это столь великое дело приходится предпринимать рискованным образом с применением собственной мудрости и собственных сил, то прежде всего они смиренно предадут самих себя, свои работы и преуспеяния своих учеников богу, по примеру великого паставника, указывающего, что он достиг одного, что никто из тех, кого ему дал отец, не погиб, и просящего отца соблюсти их в своей добродетели (Иоан., 17, 11, 12).

4. Итак, ближайшая забота будет состоять в том, чтобы мощно увлекать учеников благим примером; ибо нет ничего естественнее, как то, чтобы последующие ступали по следам предыдущих и чтобы ученики воспитывались (*se componant*) по образцу учителя. Руководство только в виде слов и предписаний обладает силой сообщить делу только весьма слабое движение. Поэтому наши учителя должны остерегаться походить на тех придорожных Меркуриев¹, которые только показывают простертой рукой, куда нужно идти, а сами не идут.

5. Наши учителя должны помнить, что юношество, посвященное Христу, должно направлять преимущественно туда, куда хочет привести Христос, именно к небу. Итак, прежде всего должно посвятить души познанию того Отца, который находится на небесах, воле нужно внушить любовь во всем исполнять волю Божию, чтобы нам творить ее на земле так, как творят ее ангелы на небесах, и, наконец, должно возбудить надежду на вечное милосердие его. Всему этому они должны неукоснительно учить своих учеников своею достойною небес ангелоподобною жизнью, остерегаясь примером какого-либо мирского дела соблазнить кого-нибудь из малых сих (ибо тем, кто это делает, Христос предвещает горе).

6. Но так как учителя получают не таких лиц, которых они тотчас же должны вести к небу, но таких, которым предназначено первоначально вести среди людей, здесь, под небом, человеческую и богоугодную жизнь, — они должны приучать вверенных им также и к требуемому от каждого человеческого образованию и к доброму повиновению законам человеческого общества, и опять-таки прежде всего и лучше всего примерами, нежели предписаниями. Следовательно, развитие умеренности и трезвости, а через то — здравого и бодрого духа будет лежать на обязанности всех учителей; пусть пиры платоновские будут им приятнее, нежели пиришества сибаритские². По-

¹ Меркурий, по мифологическим представлениям древних римлян, считается посланником богов, охранителем от опасностей в пути. В честь его ставились придорожные столбы с изображением его с протянутой рукой, указывающей направление пути.

² Имеются в виду пиры, описание которых дал греческий философ Платон (428 — 347 до н. д.) в своем известном произведении «Пир». В этом произведении дается описание не пира, а философской беседы на пиру на тему о сущности любви. Вообще древнегреческие пиры заполнялись значительным литературным, философским и художественным элементом. Под сибаритскими пирами имеются в виду пиры и весь образ жизни жителей города Сибариса, находившегося в Южной Италии при Тарентском заливе. Сибаритские пиры отличались чувственным характером, роскошью и изнеженностью.

добным образом учителя должны заботиться о том, чтобы быть для учеников в пище и одежде образцом простоты, в деятельности — примером бодрости и трудолюбия, в поведении — скромности и благонравия, в речах — искусства разговора и молчания, словом, быть образцом благоразумия в частной и общественной жизни.

7. Наконец, так как успехи в благочестии и нравственности идут лучше, когда ум, оснащенный светом познания, умеет сделать лучший выбор среди вещей, а познание вещей почерпается из наук, то пусть учителя помнят, что их питомцы и в этом должны быть осведомлены. А потому учителя должны знать, хотеть и уметь сделать умы всех своих учеников мудрыми, языки — красноречивыми, руки — искусными для письма и других действий, и опять-таки при помощи постоянных примеров, наставлений и практики.

8. Итак, показывай им так, чтобы они что-нибудь видели, объясняй так, чтобы они понимали, заставляй их подражать, чтобы и они также могли выражать то, что ты можешь. И как только у них явится надежда, что они могут это сделать, заставляй их повторять до тех пор, пока они не будут в состоянии делать это правильно и быстро. Итак, пусть хорошие учителя полагают, что (заметь хорошенько) самые маловажные обязанности — диктовать что-либо, гораздо же более важные — наблюдать, внимательны ли ученики, частым спрашиванием возбуждать силу ума, чтобы они понимали, и в процессе исправления, когда ученики сбиваются, искусно исправлять.

9. Чтобы быть в состоянии выполнить все это без скуки, необходимо относиться к ученикам по-отечески, с серьезным страстным желанием им успехов, как будто бы учителя являлись родителями духовного развития учащихся. При этом они должны все делать более добродушно, нежели строго, помня слова **Г о р а ц и я**:

Все голоса за того, кто приятное свяжет с полезным.

Это возраст, который — не зная еще бремени жизни — измеряет полезное только сообразно с его приятностью и требует скорее сахара и меда, нежели настоящего кушанья.

10. Хороший учитель не пропускает ни одного удобного случая, чтобы научить чему-либо полезному. Итак, если нашим учителям придет на ум научить чему-либо хорошему, то они никогда не упустят такого случая, будет ли то в школе в присутствии всех, или вне ее, частным образом, с кем-либо одним, но в этом последнем случае дело происходит затем следующим образом: то, что ученик усвоил частным образом, он должен повторить в классе перед всеми с двойной пользой, во-первых, чтобы все привыкли внимательно воспринимать также и то, что говорится кому-нибудь вне школы, и уметь передавать смысл воспринятого; во-вторых, чтобы то, что говорится кому-либо одному по какому-либо поводу, служило на пользу всем; ибо школьный учитель должен быть одинаково учителем всех.

11. Как сами они должны осуществлять прежде всего первоначальное и главнейшее, так и учеников своих учить тому же и требовать от них, чтобы они соблюдали это в таком, а не в обратном порядке, т. е. они должны прежде всего учить самому необходимому

благочестию, затем добродетели в обращении с людьми, и, на конец, внешнему украшению жизни — наукам.

12. Итак, прежде всего пусть под страхом вечного проклятия учитель остерегается терпеть, чтобы кто-либо уклонялся от благочестия, но пусть старается держать всех в страхе божием. Если он этого не добьется, то пусть считает весь свой труд затраченным даром.

13. Далее, учителя должны наблюдать, чтобы молитва общая и частная происходила с благочестивыми жестами и с сердцем, вознесенным к богу. Каждую среду должны они заниматься с учениками законом божием, каждую субботу должны прилежно готовить их к воскресенью, каждое воскресенье должны все участвовать в общественном богослужении, каждый учитель с своим отделением на особом месте; они также должны настаивать на том, чтобы все ученики записывали проповедь и повторяли ее затем в понедельник на первом уроке.

14. Сколько раз совершается в церкви святое причастие, столько раз учителя должны готовить учеников с особым чувством благоговения либо к тому, чтобы они приняли достойное участие в священном таинстве, либо к тому, чтобы они благоговейно созерцали столь священное таинство.

15. Из числа нравственных добродетелей особенно настойчиво должен он рекомендовать и внедрять путем упражнений способность переносить труды, больше того, стремление к ним; ибо, достигнув этого, они будут иметь великое сокровище для жизни.

16. Каждый учитель должен в особенности иметь перед глазами цель и задачи своего класса, чтобы, хорошо зная, чего он должен достигнуть, все направлять сообразно с этим; он добьется похвалы, если всех своих учеников доведет до этой цели, заслужит позор, если допустит чтобы кто-либо не достиг ее.

XXII. Законы для ректора.

1. Ректор должен помнить о том, что он является главным светом для всей школы и ее опорой.

2. Поэтому он должен заключать в себе образец добродетелей, благочестия и трудолюбия и во всех отношениях служить живым законом и правилом (по которому легко выправляется все неровное).

3. Свой авторитет перед другими он должен поддерживать чистой в моральной жизни, гуманным обращением с каждым и неутомимой бодростью в исполнении обязанностей; он должен также тщательно следить за тем, идут ли по его стопам все коллеги, учителя и воспитатели.

4. И так как он не имеет собственного класса, то, исходя из того взгляда, что все ученики представляют его класс (что они и суть в действительности), он должен ежедневно освещать всех, подобно солнцу, со всех сторон освещающему небо.

5. От времени до времени он должен скрыто или явно проверять жизнь частных учителей и их занятия со своими учениками.

6. Он должен постоянно заботиться о том, чтобы ничего не делалось против законов и установлений [школы], но чтобы все сохранялось на своем месте, в своем порядке и в своей силе; и если он видит, что

что-либо выходит из своей колен, — он должен тотчас же принять меры к исправлению и предотвратить худшее зло.

7. Особенно он должен сам помнить, и от времени до времени напоминать своим товарищам, что никого нельзя научить через одни наставления, но что обучение происходит через частое показывание и постоянное подражание, чтобы учителя предпочитали быть и были бы лучше возбуждателями, нежели образователями способностей, руководителями, а не диктаторами [молодежи], и чтобы это было не последней из тайн лучшей дидактики.

8. Он должен добросовестно хранить под своим верным попечением, как лучшее сокровище, архив школы (в котором заключаются данные об основании, привилегиях, законах и статутах, а также акты и история школы).

9. Точно так же он должен тщательно беречь матрикулы¹ и записывать туда имена всех вступающих в школу и выходящих из нее или, лучше, пусть заставляет каждого записываться собственноручно с присоединением данных года, месяца и числа.

10. Каждому приходящему и желающему быть принятым в школу он должен сперва прочесть школьные законы и спросить его, обещает ли он соблюдать их, должен также дать понять ему, что права гражданства [в школе] доступны лишь тем, кто готов подчиняться законам и наказаниям школы и кто подкрепит это собственноручной подписью.

11. Он должен быть гостеприимен по отношению к чужестранцам и пришельцам².

12. Желающим уйти из школы и требующим свидетельства о прилежании и честном поведении он должен выставить отметки соответственно с истинным положением дела и по заслугам каждого.

13. Он должен добросовестно позаботиться о городах и школах, просящих учителей для школ, снабжая своими свидетельствами только тех, кто этого заслуживает.

14. Он должен вести историю школы и вносить в летопись ее все главнейшие события. В наиболее важных вопросах, однако, пусть он действует не по своему личному усмотрению, но предварительно созвав сенат и спросив у него совета.

15. Он должен быть убежден, что правильное распределение наград и наказаний есть основа государства, и только соответственно этим пусть и распределяет их.

¹ Матрикул см. выше, примечание к стр. 243.

² Речь идет, очевидно, не вообще об иностранцах и пришельцах, что не имело бы никакого смысла вносить в обязанности ректора школы, а об иностранцах и пришельцах из учителей и учащихся (студентов). Так же как и члены других цеховых организаций, по средневековым традициям, сохраняющимся в некоторых западноевропейских странах и до настоящего времени, учителя и студенты перекочевывали из одного города в другой в поисках лучших учителей для усовершенствования в науках. По отношению к этим иностранцам и пришельцам Коменский и требует от ректора гостеприимства. В соответствии с этим параграфом стоят и два следующих: § 12—о добросовестной аттестации учащихся, выходящих из школы, и § 13—о такой же добросовестной рекомендации учителей для городов, ищущих учителей для школ. И то и другое опять-таки представляет собой естественно сложившиеся права цеховой организации ученых.

XXIII. Законы для схолархов¹.

Когда спартапцы получили от Ликурга хорошие законы, они всетаки не считали еще их имеющими достаточную силу, пока не поставили сверх того номофилаков², т. е. стражей законов. Это было весьма умно, ибо и лучшие законы напрасны, если их не исполняют. А законов не станут исполнять, если нет стражей, которые побуждают к их исполнению. Таким образом, и для наших школьных законов следует назначить номофилаков, чтобы раз предписанное всегда оставалось в силе. И те из нас, кто призван вести борьбу с потоком невежества и варварства и снабжен оружием для победы над врагом, должны вести эту борьбу не пустым бряцанием оружия, но серьезным и решительным натиском. Мы назовем, их «схолархами», заимствуя их имя от школы. Их обязанности следующие:

1. Они должны знать, что им поручена высшая забота о питомнике для государства и церкви (т. е. основы человеческого счастья в настоящем и будущем). Следовательно, они должны серьезно смотреть за тем, чтобы это общественное дело не потерпело какого-либо ущерба.

2. Далее, они должны считать, что школа — их Спарта, которую они должны украсить достойным способом³. Так как другие служат ей больше своей ученостью, а они, скорей, примером и устремлениями, то они должны держать себя так, чтобы быть в состоянии своей бдительностью побуждать одних, закономерностью своих действий приводить к норме других.

3. Они должны заботиться о тех учителях школы, которые отличаются благочестием, ученостью и превосходством перед другими в искусстве ведения дела, как о людях, которые являются как бы созданными для этого призвания знанием и умением посвятить жизнь свою богу и юношеству и принести пользу отечеству и церкви.

4. Они должны знать, что для блага школы будет лучше, если такие люди будут в ней постоянно, чем если то и дело будут происходить перемены, и должны желать и прилагать старание к тому, чтобы умеющие руководить юношеством постоянно стояли во главе [школ]. Итак, господствующий здесь обычай, чтобы в школу были привлекаемы только кандидаты на должность священников⁴, которые вскоре затем покидают школу, следует отменить. Призвание к школе есть нечто особое по сравнению с призыванием к духовной должности; кто способен к этому (а быть учителем есть особый дар божий), тот пусть посвящает этому делу всю свою жизнь. И где бы ни появились такие люди, как будто бы бог указывал на них простертым перстом, следует принимать их с радостью, привлекать просьбами и наградой, поддер-

¹ Схоларх — начальник школы — от греческих слов: σχολή — школа — и ἄρχω — начальствую, управляю, а вместе эти оба слова означают должностное лицо, функции, права и обязанности которого Коменский излагает в этой главе.

² Номофилак — страж законов, от греческих слов: νόμος закон и φυλάττω — охраняю, стерегу.

³ Ср. примечание к «Об изгнании из школ косности», § 19.

⁴ Этот обычай существовал не только «здесь», т. е. в Венгрии, но и во всей Германии вплоть до начала XIX века. Только с введением государственных экзаменов на должность учителя средней школы этот обычай постепенно стал отмирать в Германии, да и в других странах.

живать и ободрять их и, если они расположены остаться при этом занятии, охранять их от несправедливостей.

5. Если все же кому-нибудь, вследствие самой продолжительности, эта деятельность наскучит и он, может быть, захочет перейти к другому роду занятий или уйти на покой, то не следует насильно удерживать его (как раба, прикованного к жерновой мельнице), так как это не принесло бы ни малейшей пользы школе, требующей всего добровольного. Не следует также отпускать его с негодованием или с оскорбительным замечанием; так как по отношению к этому сословию (statum) не допустимо что бы то ни было, нарушающее его честь и достоинство.

6. И так как, по изречению Высшего покровителя мудрости и правды, каждый работник достоин своей награды, то схолярхи, как его представители, должны считать своею обязанностью заботиться о том, чтобы учителя также получали свое справедливое и достаточное содержание чтобы кто-нибудь из них не был вынужден как-нибудь пренебречь своей должностью и заняться чем-либо иным, или, по крайней мере, не имел бы какого-либо повода к небрежности в своих работах или к жадности. (Правду говорят: работа становится противной, если за ней не следует награда.)

7. За утвержденными уже на работе они должны следить, достаточно ли искусно исполняет каждый обязанности своей профессии. Под этим предлогом они не будут находить для себя затруднительным неоднократно (то сообща, то в одиночку) посещать школу, присутствовать при работах и таким образом возбуждать к постоянному прилежанию, в одинаковой мере как учащихся, так и учащихся. Ибо, присутствие Турна воодушевляет в сражении¹, и слушатель при занятиях возбуждает к ревности и пр.

8. С особой тщательностью они должны заботиться о том, чтобы в присутствии учеников сохранить неприкосновенным и чистым авторитет учащихся и предохранить учителей от низкой оценки их.

Пренебрежение к учителям прямо влечет за собой нарушение всей дисциплины.

9. Если же они заметят в ком-либо из учителей, или даже в ректоре, или в самом главном учителе пороки или слабости в жизни, или небрежность в исполнении обязанностей, то они не должны этого терпеть, но дружелюбно увещевать провинившегося, однако наедине, чтобы этого не заметил кто-либо из учеников и не возымел повода к неуважению.

10. Если кого-либо из учителей пужно освободить или принять вновь, то, чтобы, по возможности, предотвратить вторжение в школу слишком больших беспорядков, обыкновенно следует позволить делать это не иначе, как только во время обычной подготовки к новому учебному году, следовательно во время перевода учащихся в новые классы.

11. Под покровом светских властей и церкви надзор схолархов должен простираться на юношество всего города и окрестностей, а также на родителей и опекунов. Они должны наблюдать за тем, как роди-

¹ Это выражение взято из «Энеиды» Вергилия. Турн — древний царь рутулов, враг Энея. Его борьба с Энеем воспета Вергилием.

тели и опекуны воспитывают детей: готовят ли их для школы, посылают ли они детей в общественную мастерскую добродетели, или нет, и почему они иногда удерживают, их дома; они должны иметь право делать [таким родителям и опекунам] увещания, а противящихся привлекать к суду духовных лиц или, если они и на это не обращают никакого внимания, отдавать на суд светских властей.

12. И так как мудро сказано, что охрана человеческого рода должна найти место прежде всего в колыбели (то-есть, что главным образом в юном возрасте нужно удерживать от зла), то схоластики должны обращать свое особенное внимание, чтобы в школу не закралось что-либо такое, что развращает нравственность и благочестие.

13. Если школ будет (и даже должно быть) несколько, то схоластики должны наблюдать за тем, чтобы школы во всех отношениях были единодушны и чтобы тщательно соблюдалось согласие в среде учителей; они не могут терпеть, чтобы в этом освященном обществе мудрости разгорались ненависть и распря или даже зависть и вражда.

14. Праздник освящения школы (когда празднуется день основания школы и память о благочестивой благотворительности ее основателей передается позднему потомству) должен справляться ежегодно, и по этому случаю должны быть торжественно прочитаны все законы. Таким образом, схоластики будут заботиться о том, чтобы возобновлять в памяти весь порядок и поддерживать его в силе.

15. Особенно напоминаем мы о весьма распространенном обычае приставлять к начинающему учиться довольно неученых людей, тогда как тут как раз нужен учнейший человек и мудрейший, чтобы правильно заложить первые основания образования (*eruditionis*). Ибо, кто меньше знает, тот с меньшей ясностью учит. А если самое первоначальное не будет ясно понято, то и в последующем тем меньше будет ясности; и тот не поднимется к большему, кто не силен в меньшем.

16. Наконец, схоластики должны твердо знать, что правильное распределение наград и наказаний есть основа к сохранению этого их государства. Поэтому они должны специально наблюдать за тем, чтобы какая-нибудь добродетель не лишена была своей награды, а порок не остался безнаказанным; таким путем они легко все сохраняют в силе.

XXIV. Законы относительно школьной дисциплины.

1. Никакое нарушение законов не должно быть терпимо ни в ком, начиная с высших и кончая низшими.

2. Однако для наказаний должны быть известные ступени в соответствии с проступками. Наибольшим обычным у нас наказанием будут розги¹, наименьшим — разумный выговор. При побоях следует постоянно предохранять голову.

3. Проступки, происходящие от небрежности, а не от упрямства, не следует строго наказывать, но в то же время не нужно давать им и усиливаться вследствие снисходительности. Одно упрямство следует переламывать со всей строгостью и основательно искоренять как корень всего злого.

¹ Ср. здесь же XI, 20, XVII, 1, XXIV, 5, 8, 9.

4. Если кто-либо, вследствие порока рассеянности, невнимательно слушает, смотрит куда-нибудь в другую сторону, читает или пишет посторонние вещи, болтовней мешает быть внимательным себе и другим и вообще провинится в чем-либо подобном, то его нужно призывать к порядку частыми замечаниями, до тех пор, пока этот порок не будет излечен.

5. Кто нарушает честь ссорой, драками, непочтительным отношением к кому-либо, божбой, проклятием, недозволенной дружбой с предосудительными людьми, того нужно застрашать строгим выговором и, если слова не помогают, — розгой.

6. Нарушающие законы относительно языка подвергаются соответствующему наказанию: кто попадется в том, что он разговаривает не по-латыни, тот должен загладить свою вину заучиванием наизусть латинских слов, предложений, рассказов, историй.

7. Кто приносит ложные жалобы родителям, опекунам или друзьям на своих сотоварищей, воспитателей и учителей, того следует наказывать строго как за то, что он разглашает тайны школы, так и за то, что он говорит ложь и неблагодарен по отношению к своим учителям и своей лживостью нарушает нормальные отношения и смущает настрояние добрых людей.

8. Десятский за свою намеренную провинность должен быть наказан вдвое строже в пример другим. Если он будет замечен в проступках по своей должности (при замечаниях, напоминаниях и донесениях), то его следует или сменить (если можно найти более достойного), или подвергнуть наказанию розгой, так как он не может быть порочным без того, чтобы не вовлечь в пороки десять других, и, следовательно, подрывает школьную дисциплину.

9. Если кто-либо из старших [учеников] распространяет пренебрежение и оскорбление законов и школьной дисциплины, то тот, кому непосредственно подчинен провинившийся, обязан, во-первых, образумить его наедине. Если это не поможет, то он должен высказать ему порицание перед всем собранием. Если и это бесполезно, то следует донести об этом ректору, который обязан, созвав школьный сенат, обстоятельно разобрать дело и присудить дерзкого к телесному наказанию; если же он опять окажется неисправимым, то его следует изгнать из общества его ученых собратьев. Мы не желаем применения более строгих карательных мер кроме самого жестокого и страшного — удаления или исключения, как удаляют паршивую овцу из стада, чтобы не заразить других.

10. Наконец, пусть поддержание дисциплины всегда происходит строго и убедительно, но не шутивно или яростно, чтобы возбуждать страх и уважение, а не смех и ненависть. Следовательно, при руководстве юношеством должна иметь место кротость без легкомыслия, при взысканиях — порицание без язвительности, при наказаниях — строгость без свирепости.

XXV. Законы о соблюдении законов.

1. Так как по опыту известно, что все мы более склонны к злу (особенно в юношеском возрасте) и в течение нескольких часов можем быть до того испорчены праздностью или пороками, что нескоро можем

возвратиться к беспорочности духа, то должна быть налицо постоянная и в высшей степени бдительная охрана законов. Иначе было бы безразлично—не иметь никаких законов или не соблюдать их: гораздо хуже, когда разнузданность бешено срывается с цепей, нежели, когда она совсем не заключена в оковы [законов].

2. И так как за законы приходится бороться больше, чем за стены, как мудро имели обыкновение говорить древние (так как можно жить без стен, но никоим образом государство не может существовать без законов, как это показывает пример и лакедемонян), то нужно считать за нечто непреложное, что все благополучие школы состоит в добросовестном исполнении законов.

3. Однако опять-таки не без основания Архизилай говорит: где много врачей, там много болезней, и где очень много законов, там много и преступлений. Поэтому благосостояние школы следует полагать не столько в увеличении количества законов, сколько, наоборот, в тщательном соблюдении однажды данных. Отсюда следует, что не нужно легко допускать, чтобы к этим нашим законам прибавляли новые, за исключением разве крайней необходимости; лучше твердо соблюдать эти немногие, хорошие, общие, однажды данные.

4. И так как Цицерон сказал: Законы говорят ко всем одним и тем же голосом (Об обязанностях, кн. 2, гл. 12), — то должно стараться, чтобы законы были одни и те же для всех, независимо от личностей. Они не должны являться сетями паука, в которые попадают маленькие мушки, тогда как большие насекомые и шершни их разрывают.

5. Терпеть в школьном обществе кого-либо испорченного (потому только, что он богат или знатен, или из посторонних соображений, потому что не хотят огорчить его или его родителей), тем более не хотеть удалить из школы небрежного, нерадивого, предающегося пьянству или в каком-либо отношении непристойного учителя, — есть несомненный признак расшатанной дисциплины школы.

Послесловие

Эти законы были написаны для школы в Потоке, но не были там приняты (так как усилие создать семиклассную школу не имело успеха). Я все-таки присоединил их сюда¹, чтобы не пропало то хорошее, что здесь содержится. Школа же в Потоке, если в ней когда-либо произойдет ослабление порядка, будет иметь в этих законах напоминание, указывающее правильный путь. Мы не будем завидовать, если они могут принести какую-либо пользу другим [школам].

¹ То-есть к сочинениям, написанным в Венгрии.

Проф. А. А. КРАСНОВСКИЙ.

«ВЫХОД ИЗ СХОЛАСТИЧЕСКИХ ЛАБИРИНТОВ» Я. А. КОМЕНСКОГО.

«Выход из схоластических лабиринтов» Коменский написал уже в Амстердаме в процессе печатания Собрания его педагогических сочинений. В этом трактате Коменский сконцентрировал свои основные дидактические позиции. В частности, здесь с наибольшей глубиной и отчетливостью раскрыто содержание, вкладываемое им в понимание того, что представляет собой его «естественный» «механический» метод.

Как и в других своих работах, и здесь Коменский объявляет природу и назначение человека путеводной нитью в определении задач и путей (методов) школьного образования. Но здесь уже подробнее и обоснованнее, чем в других трактатах, Коменский выясняет сущность и значение, как он сам называет, «подчиненных целей». «Школы, движимые и исполненные потребностями природы, — заявляет Коменский, — должны учить: 1) теории, 2) практике и 3) употреблению всех хороших и полезных вещей». А в качестве «твердо установленной цели» «механического» метода Коменский выдвигает троякую цель: «знание, деятельность, речь, т. е. все *правильно познавать*, все хорошо *уметь правильно исполнять* и то, что необходимо, *уметь сообщать другому*».

Каждую из трех составных частей «подчиненных целей» («теорию, практику и употребление всех хороших и полезных вещей») Коменский предлагает проводить по трем стадиям. Так «теория», или знание, продвигается 1) от элементарного, чувственного знакомства с изучаемым; 2) затем переходит к его углубленному пониманию, т. е. к знанию причин изучаемых явлений; 3) наконец, заканчивается знанием того, как использовать полученные знания. Стадии «практики», называемой Коменским также и «подражанием», протекают 1) от созерцания образца, 2) через воспроизведение отдельных элементов, 3) наконец в виде воссоздания образца в целом. «Применение» в свою очередь протекает по трем стадиям: 1) правил, или указаний, того, как и к чему нужно применять полученные знания, 2) сопоставления, или сравнения, называемого Коменским греческим словом *синкрисис*, случаев наиболее и наименее уместного применения, 3) наконец, самостоятельных опытов применения ко всему лучшему.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что во всех трех составных частях «подчиненных целей» (теории, практики, применения) Коменский требует личного самостоятельного участия ученика. Это личное деятельное участие ученика Коменский называет: 1) в области теории — *автопсией*, или *автофтезией*, т. е. личным

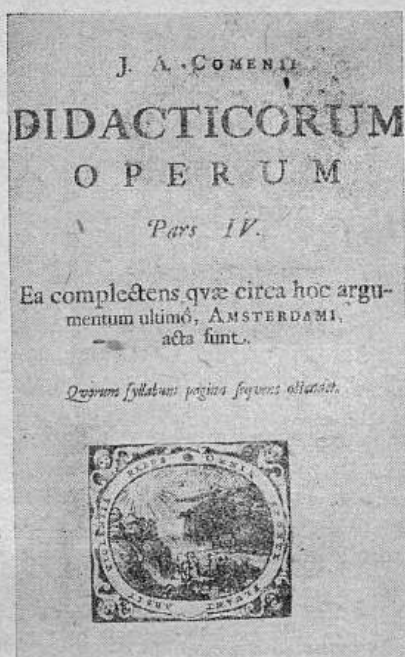
созерцанием, или ощущением, 2) в области практики—автопрактией, т. е. личной самостоятельной деятельностью, 3) в области применения—автохресией, т. е. личным самостоятельным применением, или использованием, знаний.

В этом переходе от теории к живой практической деятельности Коменский и видит один из главнейших выходов из схоластических лабиринтов. Таким именно путем, а не каким-либо другим, знания, приобретаемые учащимися в школах, перестают быть только школьными знаниями и ведут учащихся в непосредственную гущу жизненной деятельности, облегчают им умение овладеть жизненными обстоятельствами и преобразовывать действительность в соответствии с научно-образовательными достижениями и приобретениями.

Вторая особенность этого интересного трактата заключается в том, что в нем Коменский дал более полное, чем в каком-либо другом своем сочинении, оригинальное развитие психологических основ образования и воспитания: десять «дидактических законов», касающихся «просвещения ума» (§ 39) и двенадцать законов, раскрывающих «механику» воспитания воли (§ 40). В основе тех и других законов лежит своеобразно развиваемая Коменским теория интереса и его решающей роли в процессе воспитательно-образовательной работы. Здесь Коменский формулирует зависимость «механики» «просвещения ума» и воспитания воли от богатства и разнообразия учебного материала, его новизны, ограниченного объема, целостности, прочности и достоверности знаний и последовательности продвижения от элементарных знаний к более глубоким...

«Дидактические законы» «просвещения ума» по своему «механическому» методу Коменский формулирует в следующих 10 положениях, сохраняющих свою ценность и до настоящего времени:

1. Нужно предлагать уму многое, но не обманывать его незначительными предметами.
2. Во избежание рассеяния ума, необходимо предлагать одно вслед за другим через известные промежутки времени.
3. Ум увлекается созерцанием разнообразного, а потому нельзя

Заглавный лист IV части Собрания сочинений Я. А. Коменского в Амстердамском издании 1657 г. В переводе на русский язык означает: «Я. А. Коменского ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Часть IV,

заключает в себе те [сочинения], которые по данному сюжету были, наконец, выполнены в Амстердаме.

Перечень их дает следующая страница. (Перевод надписи на виньетке см. выше в заглавии I части).

наскучивать ему однообразием, а следует увлекать ум сменой наблюдений, соединяя приятное с полезным.

4. Так как ум испытывает отвращение к обыденным вещам, нужно ежедневно предлагать ему нечто новое.

5. Склонность ума схватывать вещи в целом нужно удовлетворять предложением созерцать вещи сначала в целом, а затем уже переходить к рассмотрению частей.

6. Ум не терпит ошибок и склонен только к точным, прочным знаниям, а потому нужно остерегаться обманывать ум чем-либо ложным.

7. Ум ищет точной истины, а потому нельзя предлагать уму что-либо возбуждающее сомнение, и нужно скорее разрешать сомнения.

8. Ум требует доказательства, а потому необходимо вести дело так, чтобы в этом не было недостатка.

9. Ум требует несомненных свидетелей, а потому для доказательства следует привлекать самые вещи, а если это невозможно, то свидетельства очевидцев, строгих исследователей истины и т. п.

10. Наконец, «механический» характер «просвещения ума» Коменский видит в том, чтобы проводить познание любого предмета по трем стадиям: 1) простого знания, или знакомства с тем, что что-либо существует, 2) понимания того, что представляет собой предмет или явление сам по себе и по своим причинам, 3) умение использовать свое знание в разнообразных конкретных условиях жизненной практики.

Аналогичные свойства благ (их многообразие, ценность и важность, новизна, прочность и т. п.) являются, по Коменскому, притягательными для действия воли, для склонения ее к свободному выбору этих благ и для направления ее деятельности к последовательному овладению ими.

На службу свободно действующему познанию и воле Коменский ставит также «механические» действия «чувств разума и веры» и предлагает руководить этими способностями в соответствии с их природными свойствами и назначением в познании. Так, для развития деятельности чувств он предлагает предоставлять в полное распоряжение чувств все то, что доступно их восприятию. Для развития деятельности разума он предлагает упражнения в установлении причин и следствий путем внимательного наблюдения доступного восприятию и вывода заключений, которые непосредственно в восприятии не даны. Для использования «веры» Коменский предлагает убеждаться в правильности «свидетельских показаний» и в том, что свидетель заслуживает доверия.

Намеченное Коменским «механическое» действие ума, воли и других способностей предназначается им для того, чтобы выйти из той группы схоластических лабиринтов, которые возникают из неправильных методов преподавания.

«О культуре природных дарований», «Пансофическая школа» «Выход из схоластических лабиринтов» не вошли в имеющиеся в наших книгохранилищах тома последнего, чешского, издания. А потому наш перевод этих произведений сделан по первоисточнику: J. A. Comenii, Opera didactica omnia, Amsterdami MDCLVII.

ВЫХОД ИЗ СХОЛАСТИЧЕСКИХ ЛАБИРИНТОВ НА РАВНИНУ

или

Дидактическая машина, механически сконструированная, для того, чтобы при обязанностях обучения и учения не задерживаться на месте, но идти вперед.

1. Мы взяли на себя двоякую задачу, но с одной и той же целью — доказать, что найден выход из схоластических мелочей (неприятностей), или что освещается путь для того, чтобы наверное найти этот выход. Я предлагаю это показать на примере нити, которую Ариадна дала Тезею¹, и на одной искусной машине, назначенной для движения.

2. Выше² я показал, что этот мир, наша жизнь в нем и профессия представляет для каждого из нас лабиринт, если мы несведущими бродим среди божиих дел, и каким образом дочь вечного царя, Премудрость божия, не оставила нас без совета, поручая нам везде следовать за простым и справедливым (прямым): ср. Псалм., 25, 21; Лука, 10, 42; Матф., 11, 28 и 6, 22; Притчи. Солом., 10, 9; к этим местам следует еще прибавить Эккл. 7, 29: «бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы».

3. Теперь нужно показать: 1) что многие школы до сих пор являются поистине лабиринтами, бесконечно извращающими природные дарования, и 2) что найдена нить — правильный и простой метод, который уже больше не даст запутываться в них до бесконечности.

4. Что школы являются лабиринтами, это очевидно; ибо они не имеют никаких достаточно твердых и определенных целей; для [достижения] целей [не имеют никаких] средств; наконец, для применения средств — [никаких определенных] правил.

5. Ибо, если спросишь: в чем школы полагают свою задачу? следует ответ: [изучение] языков, наук, искусств. Но каких языков? каких наук? каких искусств? и в каком объеме? Все это нигде не определено и вследствие этого шатко. Учат, чтобы учить, и учатся, чтобы учиться, т. е. занимаются для того, чтобы заниматься; никогда не наблюдается уверенности, что будет достигнута цель работы или же, что достигнута именно поставленная цель, которой домогались.

6. А каковы средства? Хватаются за что-то неопределенное; вер-

¹ См. «Похвала истинному методу»

² См. Амстердамское издание 1657 г., III часть, стр. 742—743. В речи «Похвала истинному методу», произнесенной в Поточе 13 февраля 1651 г.

V.
E Scholasticis Labyrinthis
Exitus in planum.

Sive,

Machina Didactica, mechanicè constructa : ad
 non habendum ampliùs (in docendi & discendi munis)
 sed progrediendum.

Uo hic demonstranda
 incipimus, sed eodem fine :
 ut è triticis Scholasticis reper-
 tum esse exitum, aut certe
 ad reperiendum jamjam viam
 patere, pateat. Id quod de-
 monstrare propono exemplo
 hili Ariades Theseo monstra-
 ti: & Machinae alicujus mechanicæ, ad motum pa-
 ratæ.

& Luc. 10. 42. Math. 11. 28. & 6. 22. & Prov.
 10. 9. Quibus locis addi potest Eccles. 7. 29. Deus
 Hominem fecit RECTUM, sed illi misceantur se
 quæstionibus INFINITIS.

3. Nunc duo sunt ostendenda. I Scholæ pias-
 que hæcenus Labyrinthos esse revera, Ingenia distra-
 rentes infinite. II Filum esse repositum, Methodum
 rectam & simplicem, infinite perplexari non am-
 pliùs permittentem.

4. Labyrinthos esse Scholæ patet, quia multos

Заглавие и начало трактата Я. А. Коменского «Выход из схоластических лабиринтов», помещенного в IV части Амстердамского издания Собрания сочинений Я. А. Коменского 1657 года. Перевод смотри стр. 263

Пого ничего нет. Если и считают что-либо за верное средство, то это языческие книжонки, из которых нельзя почерпнуть истинного познания ни бога, ни самих себя, ни вещей; в них блуждали по лабиринтам сами языческие писатели — эти слепые путеводители слепых; посредством этих книг они влекут умы к тем же лабиринтам, водят их кругом и запутывают, не находя выхода.

7. Если же посмотреть на правила деятельности, то здесь ты найдешь все исполненным лабиринтов, по свидетельству мудрейшего Лубина, который сказал: Распространенный способ обучения мальчиков в школах представляется мне таким, как если бы кому-нибудь было поручено, с вознаграждением за его труд и усердие, придумать способ или план, по которому бы учителя доводили своих учеников, а последние доходили до познания латинского языка только чрезмерным трудом, со страшным отвращением, с бесконечными мучениями и только через очень долгий промежуток времени (об этом пространнее в VII главе «Новейшего метода языкознания»). Здесь говорится о том, как запутаны занятия латинским языком, — но нет также другого общепринятого способа для преподавания и изучения и других языков, наук и искусств.

8. Так, следовательно, открыт другой, лучший, более гибкий [способ обучения]? В чем он заключается? Я отвечаю: В естественном методе, который все так представляет внешним и внутренним чувствам, что ученики все воспринимают охотно и с радостью; он основывается на самой человеческой природе, созданной богом в качестве госпожи над вещами, сформированной соразмерно с вещами и тая-

щей в себе самой цель, в себе самой меру и, наконец, в себе самой силу подниматься до совершенства.

9. *Человеческая природа*, утверждаю я, будучи подобием бога, и является такой простой и правильной, гибко проникающей во все извилины Ариадниной нити; она имеет такую длину, что ее хватает для измерения всех лабиринтов; никогда не запутываясь, будучи крепко намотана на клубок (вокруг своего центра), она не распустится. Применение этой пущенной в оборот и размотанной надлежащим порядком нити будет вполне надежно для установления *целей* школы, *средств* и *правил* для их осуществления.

10. Тогда-то станет ясно, что *цель* школ должна состоять в том, чтобы человек соответствовал своему назначению, т. е. чтобы он получил образование во всех тех пунктах, которые совершенствуют человеческую природу. Он должен быть способен сделаться таким, чтобы управлять теми вещами, обладание которыми ему обещано (Быт., 1, 28); он создан, чтобы разумно управлять самим собой и действовать, руководясь разумной и свободной волей, жить разумно, спокойно и пристойно, для взаимных услуг с ближними и, наконец, ходить незапятнанным перед господом и ожидать величайшей награды, именно—от самого бога (Быт., 15, 1 и 17, 1). Все это вместе взятое есть единый клубок целей, который постоянно надо держать в руках и никогда не выпускать, на что бы мы ни направляли наши занятия. Если это соблюдать, то цель школ станет единой, простой и правильной; ее будет достаточно, чтобы (на этой первой ступени) предотвратить все заблуждения, — всесторонне облагородить человека и, какие бы ни изучались частности (в области литературы, нравов, благочестия), изучать совокупное целое, а не нечто уродливое, отрывочное или разорванное. Во всем, что хорошо, прекрасно и полезно, наша природа всегда и везде предпочитает целое части, солидное — пустому, прочное — шаткому, и поэтому-то она и предначертывает занятиям ее культурой школам пределы, до которых они должны облагораживать природу.

11. Но сюда же принадлежат и подчиненные цели: *теория, практика, употребление вещей*. Ибо все, что ни приходится делать нашей природе, она желает, стремится, пытается узнать под собственным же ее руководством, стремится к умению это выполнить и воспользоваться своими знаниями и умениями. Отсюда следует, что школы, движимые и исполненные потребностями природы, должны учить: 1) теории, 2) практике и 3) употреблению всех хороших и полезных вещей. Это значит, что они везде и всегда должны учить: 1) что, чем, как что-нибудь существует, чтобы понимание вещей нигде не встретило препятствия; 2) как в точности происходит, чтобы уметь воспроизвести подобное; 3) чему служит это знание и умение, чтобы предусматривать подходящее употребление каждой вещи. Словом, не следует что-либо изучать, чему-либо учиться и знать что бы то ни было бесцельно, ради любопытства, чтобы только знать; но следует учиться для того, чтобы знать, как что-либо происходит. Но опять же не так, чтобы было все равно, остается ли оно без пользы или служит для злоупотреблений, но чтобы все служило для прекрасного, подобающего, спасительного употребления в жизни.

12. Та же природа показывает и *средства*, ведущие к указанным целям. Ибо, что она желает знать, то она исследует, что желает уметь,

то пытаются воспроизводить, и чем желает воспользоваться, то и приспособляет себе на пользу. Вот постоянный, естественный метод исследовать все, достойное изучения, осуществлять попытки сделать то, что должно быть сделано, достойное применять все, подлежащее использованию. Следовательно, школы будут хорошо снабжены средствами и будут свободны от бесчисленных лабиринтов на этой ступени, если будут иметь для исследования образцы всего, подлежащего познанию, орудия для всего, чем выполняется данная работа, и если относительно правильного употребления всех вещей они будут снабжены указаниями во избежание злоупотреблений.

13. Наконец, та же самая природа предначертывает себе и школам также и правила для деятельности. Никогда не доверяя вполне чужим глазам или сообщениям относительно теоретического познания вещей, она с радостью направляет на все собственные чувства. Поэтому школы должны представлять все собственным чувствам учащихся так, чтобы они сами видели, слышали, осязали, обоняли, вкушали все, что они могут и должны видеть, слышать и т. д., — они избавят, таким образом, человеческую природу от бесконечных неясностей и галлюцинаций, на борьбу с которыми в другое время должна быть направлена вся наша жизнь. А по отношению к практике человеческая природа опять-таки замечательна, так как она сама страстно желает все пытаться осуществить и притом до тех пор (ибо она чрезвычайно деятельна), пока не видит, что вещи подчиняются ей и в ее руках имеют хороший результат. Пусть же школы следует этому и приучают учеников подражать всему, данному им для исполнения, и делать это разумно до тех пор, пока они не овладеют своим делом. Наконец, так как человеческая природа не желает ничего знать, делать и иметь напрасно и бесполезно, то и школы не должны вносить ничего такого, чтобы кто-нибудь из учеников делал или знал что-либо такое, чему он не знает применения. Это значит: уже в школе следует приучать всех учеников применять к делу свои знания и мудрость, держась в отношении к вещам, которые находятся у них под руками, в отношении к ближним, с которыми они вместе живут, и в отношении к богу, под оком которого они ходят, так, чтобы с пользой продолжать в течение всей жизни начатое в школе направление.

14. Вот это и есть путь Ариадны, естественный метод, простой, правильный, легкий и т. д., краткая и смотанная в клубок нить, достаточная, если правильно ею воспользоваться, чтобы вывести из всех извивов лабиринтов. Но, быть может, кто-нибудь спросит: Разве наш метод не таков? Видеть в идее, как что-нибудь должно быть, легче, чем ручаться за то, что так уже есть на самом деле. Я отвечаю: и то, что обозначается как совершенное, имеет свои ступени; следовательно, если оно еще не достигло высшей ступени, то лишается и своего названия. Если я столько лет исследовал пути естественного метода, что могу установить его, то, надеюсь, с помощью божией, я достиг кое-чего.

15. Ибо, во-первых, я твердо устанавливаю универсальные цели, исследуя образование всей человеческой природы, продвигая юношей к тому, чтобы они, преследуя эти цели, чувствовали, что телу, уму и душе в этой и в будущей жизни хорошо есть и будет, а следо-

вательно, если все или многие будут вполне образованы в познаниях, добродетели и благочестия, то семья, государство и церковь будут находиться в полном благополучии. Кто читает и перечитывает все мои работы, тот видит, что все в них к тому и направлено.

16. Но *какими средствами?* Тем, что я открыл глаза на три книги божии: природу, Писание и совесть. Их именно имеют целью, к ним готовят все написанные мною для юношества сочинения (хотя это совершается бессознательно и, повидимому, ради совершенно другого дела). Если кто еще не знаком с моими книгами, пусть ознакомится, — и найдет в них тому подтверждение.

17. Предписываемые и применяемые мной *правила* продвижения суть те же самые, которые предписывает сама природа, именно, — чтобы все делалось посредством *теории, практики и применения*, и притом так, чтобы каждый ученик все изучал сам, собственными чувствами, пробовал все произносить и делать и начинал все применять. У своих учеников я всегда развиваю *самостоятельность в наблюдении, в речи, в практике и в применении*, как единственную основу для достижения прочного знания, добродетели и, наконец, блаженства; яснее, я хочу это показать (в трактате «Живая типография»), на тайнах искусства книгопечатания¹.

18. Если для верного, быстрого и легкого сообщения ученикам я выделил еще не все отдельные предметы ((*materias*)), достойные знания, то еще не следует думать, что ничего не сделано. Хорошо достигнуть хоть какого-нибудь предела, если не дано пойти дальше. Но бог дает другим пойти дальше, если мы не окажемся неблагодарными в отношении к тому, что уже найдено. Я взял на себя задачу разъяснить известные главнейшие отделы, на которых основываются поворотные моменты наук, способностей, красноречия, мудрости, здоровья и которыми в настоящее время можно было бы ограничиться. По *А в г у е т и н у*, больше значения имеет хорошо знать немного, нежели иметь только мнение о бесконечно многом. По *П л и н и ю*, выгоднее меньше сеять, да зато лучше вспахивать. Наконец, по *Сенеке*, лучше знать немного, но делать из него правильное упорствование, нежели знать многое, не имея понятия, к чему оно пригодно.

19. Мой метод, следовательно, освобождает умы от всяких лабиринтов и предлагает им немного, но необходимое для жизни (этой и той); немного, но прочно усвоенное посредством упражнений; немного, но зато такое, что обеспечивает применение его на деле.

20. Но кто-нибудь может вспомнить и возразить мне, что ведь я сам сознался, что мои книги, назначенные для юношества, представляют трудности вследствие слишком большого нагромождения вещей и слов (*Ventilabrum Sapientiae*, § 64). Отвечаю: дело действительно обстоит так, как я сам сознался. Но нить Ариадны открывает путь к уничтожению трудностей, чтобы и здесь предлагалось немного, но много (*Non multum, sed multa*). Руководясь этим правилом, я готов признать подлежащими исправлению и свои книги, даже те, ко-

¹ Трактат «Живая типография» напечатан в IV части Амстердамского издания сочинений Коменского, стр. 85 — 96. В этом трактате Коменский сравнивает работу школы с агрикультурой, с рисованием, скульптурой, архитектурой и особенно подробно останавливается на аналогии школы с работой типографии (ср. «Великая Дидактика», гл. XXXII).

торые будут выходить здесь, в Амстердаме, поскольку в них могли быть отмечены явные недостатки.

21. Это — о легкости метода по Ариадниной нити. Кроме того, нужно желать, чтобы метод человеческого образования стал *механическим*, т. е. предписывающим все столь определенно, чтобы все, чему будут обучать, учиться и что будут делать, не могло не иметь успеха, как это бывает в хорошо сделанных часах, в телеге, корабле, мельнице и во всякой другой, устроенной для движения машине. Как материал, который берет в свою мастерскую слесарь, шляпный мастер, ткач, портной, сапожник, зеркальщик, становится ножом, шляпой, платком, платьем, обувью или зеркалом, так и всякий ребенок, которого мы принимаем в нашу мастерскую гуманности, или человечности, должен выйти оттуда человеком. *Человеком*, говорю я, т. е. истинным образом бога, истинным господином вещей, настоящим властелином самого себя и своих дел.

22. Но может ли метод стать столь надежным? Может, если будет построен механически, т. е. 1) из всех необходимых для этого принадлежностей 2) взаимно подчиненных одна другой и 3) связанных столь крепким сцеплением, чтобы при движении одного все приходило в движение. Если налицо эти три данных, то дело пойдет вперед; и не двинется вперед, если недостает хоть одного из них. Здесь дело происходит таким же образом, как в часах (или в какой-либо другой движущейся машине); если недостает чего-либо необходимого или части расположены ненадлежащим образом, или связи ослабли, машина становится бесполезной, так как перестает совершать движения.

23. Каковы необходимые условия для *дидактической машины*? Каков порядок расположения ее частей? Каково их сцепление? Ответ: При механической структуре какой-либо машины необходимо обращать внимание: 1) на имеющуюся в виду цель — ту работу, которую машина должна произвести; 2) на средства — на то, чтобы она была в состоянии произвести имеющийся в виду результат (*effectum*); 3) на определенные способы такого упорядочения и распределения этих средств, чтобы желаемый результат последовал как бы сам собой. Следовательно, и для дидактической машины необходимо отыскать: 1) твердо установленные цели, 2) средства, точно приспособленные для достижения этих целей, и 3) твердые правила так пользоваться этими средствами, чтобы было невозможно не достигнуть цели.

24. *Твердо установленная цель механического метода* троякая: *знание, деятельность, речь, т. е. все правильно познавать, все хорошо уметь правильно исполнять и то, что необходимо, уметь сообщать другому*. Так как отдельные предметы содержат в себе многое и разное, то этот механический метод требует так поставить дело, чтобы все подлежащее изучению изучалось: 1) легко, 2) скоро, 3) основательно. 1. Легко, — чтобы не запугивать чем-либо умы, а скорее привлекать их. 2. Скоро, — так как нам приходится изучать гораздо больше, нежели нашим предкам, между тем как времени жизни нам отмерено меньше, чем им, и так как жизнь должна быть проведена не в учении, а в деятельности. 3. Основательно, чтобы мы в этот старческий век мира действительно знали то, что знаем, а не только думали, что знаем.

25. Средства, могущие привести нас к этому, суть: три универсальных объекта, которые научают нас всему, три главных субъекта, которые в нас образуются, и тройное орудие этого образования.

26. Три универсальных объекта, созерцая которые мы потом открываем в себе мудрость, суть: бог, мир, человек. Ибо эти три объекта содержат все; вне их нет ничего. Кто знает их, тот знает все; кто знает их правильно, тот мудр. Строго говоря, все это есть бог; но так как он есть сокрытый в себе бог (Иезек., 45, 15), сокрытый в глубинах своей вечности, который, однако, открылся тройным образом: 1) сотворением видимого мира, сделавшись видимым в творениях своего могущества, 2) созданием человека по своему образу и подобию, откуда исходят (при посредстве ума человеческого, как бы канала его истечения) бесконечные образцы его мудрости и, наконец, 3) откровением своего слова, где он дает нам указания своей воли и своего к нам благорасположения, — то выходит, что существуют, как говорится, три божественные книги, из которых все познается: 1) книга мира, или природы, 2) книга ума и познания и, наконец, 3) книга закона, или Писание. Эти три книги учат нас, что мы должны знать и чего не знать, так что для совершенного образования человеческой природы в них ничего не может отсутствовать.

27. Три [стороны] особенно должны подлежать в нас образованию: *ум, воля и способности к действию*. Ум есть внутренний глаз души, который ко всему обращается, воспринимает в себе образы всех вещей, радуясь поэтому свету познания и созерцания. Воля есть внутренняя рука души, простирающаяся за тем, чтобы схватить и усвоить себе все, признанное за благо, и поэтому радующаяся обладанию вещами и ощущению удовольствия. *Способности* [к действию] суть внутренняя сила души, внушающая членам побуждение овладеть вещами, которые познаны умом и выбраны волей; они радуются возможности действовать и движению (среди них способность речи выдается по сравнению с другими инструментами действий). И так как эти три стороны, будучи развиты в нас правильным образом, делают нас блестящим подобием бога, как бы всезнающими, как бы всехотящими (наслаждающимися хорошим) и как бы всемогущими, то для истинного и полного образования человека (к чему стремится механический метод) ни одна из этих трех сторон не может и не должна остаться неразвитой.

28. Орудий для этого образования также три: *чувства, разум и изложение*, или *откровение*. Чувства — это окна души, через которые, посредством зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, ей представляются и дают о себе знать существующие вещи. Разум есть зеркало души, при посредстве которого произносится суждение о какой-либо, где-либо находящейся (вне сферы чувств) вещи, когда она, однако, дает о себе знать посредством какого-нибудь своего проявления. *Способность изложения* есть труба души, посредством которой, благодаря чьему-нибудь сообщению, становятся известными вещи, лежащие вне сферы чувств и соображения (т. е. то, чего нельзя постигнуть ни чувствами, ни силой мышления). Так как посредством трех этих орудий все можно понять (ибо весь внешний мир подчинен чувствам, творения ума исследуются разумом, а Откровение воспринимается верой), то в деле формирования человека при этом

механическом методе не должно быть недостатка ни в одном из этих орудий.

29. Итак, для машины совершенного метода — требуются опять три средства. Теперь следует вопрос: по какому *способу* установить их и использовать, чтобы весь этот аппарат не оказался бесполезным или чтобы он при применении не представлял из себя нечто запутанное, уродливое или слабое?

30. Здесь прежде всего следует заметить, что самые эти средства (в совокупности и отдельности), если рассматривать их в их естественном состоянии, лучше всего показывают и способ их употребления. Я хочу показать это по порядку. Сначала, в каком порядке следует их применять, затем, как следует применить каждое в отдельности и, наконец, как применять их к человеку.

31. Первое правило должно быть таково: Мы должны применять вещи в таком порядке, в каком бог создал их, или как они обычно следуют одна за другой или одна другой предшествуют, а не в ином порядке. Например, в соответствии с целями метода, люди во-первых, должны обучаться *знанию, действиям и речи*, так чтобы прежде всего и больше всего учиться *познавать*, затем *разумно действовать* и, наконец, о том и о другом (когда это необходимо) *говорить*. Основание: потому что в таком именно порядке все одно из другого истекает. Знание есть дело ума, как источника, из которого вытекают ручейки действий и речи; последние чисты, если источник чист, мутны, если источник мутен. Поэтому, учить кого-нибудь (или позволять кому-нибудь) действовать, прежде чем он поймет, что он делает, значит образовывать не человека, но животное; учить говорить о вещах без их понимания, значит делать кого-нибудь попугаем, а не человеком. Таким образом, необходимо, чтобы знание предшествовало действию, т. е. нужно просветить умы, прежде чем требовать от них действий и речей. Но из этих последних действие должно идти прежде слова, ибо оно более необходимо как для себя, так и для ближних, тогда как речь существует только для других. Итак, пусть будет непреложным [следующее правило]: прежде всего следует образовывать умы, потом руки, и, наконец, язык.

32. Между предметами знания первое место занимает *мир*, созданный прежде всего, затем *человек*, введенный в уже готовое зрелище мира и, наконец, обращенный к нему голос божий, раздавшийся уже в раю, а потом неоднократно в Писании. Все это, следовательно, должно быть познаваемо в таком именно порядке. Представляющиеся чувствам со всех сторон произведения мира есть первое; для учеников мудрости они суть как бы первые элементы, доставляющие чувствам упражнения. Затем, человек будет созерцать себя самого с врожденными ему общими понятиями, естественными побуждениями и способностями, заложенными в нем, как в подобии божием, числом мерой и весом вещей, чтобы делать заметные успехи в мудрости, разумно рассматривая все в себе и вне себя. Наконец, он будет с пользою слушать, как бог гремит с неба и разъясняет свои тайны (чему его не могут верно обучить ни мир, ни его собственный ум); это — не говоря уж о полной вере — наполнит наш дух до совершенства, насколько подобное возможно под небом. Итак, прочно установим следующее: движение нашей мудрости должно начинать

книгой природы, продолжать книгой ума и завершать книгой Писания.

33. Между субъектами образования первое место опять-таки занимает ум, второе — воля, третье — способности к деятельности; так как ум освещает путь воле, а воля повелевает действиям. Итак, чтобы действия не попадали на ложный путь, воля должна быть правильно во всем наставлена всему предшествующим факелом ума, а чтобы ум был в состоянии это делать, он должен быть просвещен прежде всего, чтобы, видя истинное различие вещей, он мог судить о том, что можно одобрить и что следует отвергнуть, и предоставить это воле. Так должно быть, а не иначе.

34. Равным образом чувство улавливает и различает то, с чем оно непосредственно соприкасается и что вообще ему доступно; разум — то, что обнаруживает лишь известные следы, в то время как главная часть вещи остается сокрытой; наконец Откровение и вера выводят наружу из бездны вечности тайны, которые иначе были бы скрыты вечностью. Следовательно, более известное следует изучать прежде, затем менее известное и, наконец, самое неизвестное. Чувства мы имеем общие с животными, разум — общий со всеми людьми, вера в бога не дана каждому (2 Фессал. 3, 2). Итак, самое общее должно предшествовать: по закону метода через общее доходят до частного и особенного.

35. Вот что следует сказать о необходимом соблюдении этого порядка в средствах нашего образования. Однако следует также обращать внимание и на то, чтобы мы иной раз и не подались в этом назад, именно когда приходится уяснять или закреплять предыдущее через последующее. Например, говоря о строении речи, полезно, может быть, кое-что напомнить о структуре размышлений и сочинений. И слово божие может (да и имеет обыкновенно) напоминать полезное относительно помышлений сердец наших, а также относительно внешнего мира: откуда он происходит, для чего и как он сотворен, что с ним некогда будет и т. д. Ибо вера иногда исправляет разум, чтобы он не заблуждался, а разум — чувство, чтобы оно не обманывало, и пр. Следовательно, посредством взаимодействия все служит друг другу на обоюдную пользу, хотя при первом начинании и при дальнейшем движении по необходимости удерживается тот естественный порядок, который мы показали в § 31 — 34.

36. Что касается частных, то каждая из них должна быть трактуема так, как допускает или, скорее, требует этого ее природа. Например, так как *знание* (или мудрость) есть ничто без ясного представления воспринятых умом вещей, то и сравнение производится не иначе, как через различное рассматривание различных вещей. А именно. Если бы можно было видеть ум необразованного человека, то представилась бы окруженная мраком пещера, в которой не разберешь ровно ничего или, по крайней мере, ничего отчетливо, в которой все темно и спутано. А если бы можно было проникнуть в ум человека образованного и мудрого, то представился бы ярко освещенный, украшенный множеством картин дворец, способный без конца восхищать глаз. Но откуда все это в таком дворце? Не само от себя: ибо по своей природе и этот ум, как всякий другой, пуст и подобен чистой доске. Если в нем находится что-либо из картин, то их нужно

было нарисовать. Следовательно, если хочешь, чтобы кто-нибудь что-либо знал, то предоставь это ясно его чувствам, и он будет знать это. Ты хочешь, чтобы он знал много? Показывай ему много. Если ты захочешь, чтобы он знал все, тогда и показывай все. Эта внутренняя доска ума обладает безграничной восприимчивостью; она всегда готова воспринять, если кто-нибудь хочет что-либо дорисовать. Но это достигается только тогда, когда ум постоянно многое видит, слышит, испытует.

37. Так как движения так или иначе модифицируются и приобретаются постепенно, то и деятельность может быть усвоена не иным каким-либо способом: чтобы приобрести уверенность и привычку в своих действиях, нужно учиться этому не иначе, как часто повторяемыми опытами и упражнениями, а не через чужое или собственное наблюдение. Следовательно, умения действовать можно достигнуть не иначе, как частыми действиями и многократными упражнениями. Это—неопровержимая истина.

38. Являясь некоторым видом деятельности, речь, или способность говорить, также происходит не иначе, как путем постоянного наблюдения над вещами, для обозначения которых она служит, чтобы они были обозначены совершенно ясно, а не наоборот.

39. Но в чем же будет состоять естественный способ просвещения ума? Этому научит нас определение понятия «ум.» Именно, если ум (как сказано в § 27) есть внутреннее око души, которое ко всему обращается, от всего воспринимает образы, радуясь свету и наблюдениям, то и предлагай ему непрерывные наблюдения, через ясный свет метода, — и он постоянно будет обращаться к ним, постоянно извлекать из них изображения и радоваться украшению себя ими, как дворец—картинами. И так как он есть внутреннее око души, то приводи его в соответствие с внешним оком тела, с его видами деятельности и упражнения, и ты вскоре заметишь, как нужно упражнять ум с механической точностью. Глаз никогда не насыщается зрением (как и ухо—слышанием, говорит Соломон). Следовательно, и ум не насыщается созерцанием. Отсюда проистекают различные дидактические законы чрезвычайной прочности, а именно:

I. Он хочет знать многое? Малым не удовлетворяется? И так, предлагай ему многое и не обманывай его незначительным количеством предметов.

II. Однако он не хочет быть загромождаем и рассеиваем посредством множества впечатлений предлагаемых одновременно; он требует одного вслед за другим. Следовательно, не загромождай и не рассеивай его одновременно многим, но давай ему одно за другим через известные промежутки времени.

III. Ум радуется созерцанию разнообразного? Ему легко наскучивает однообразие? Следовательно, соединяй полезное с приятным и увлекай его сменой впечатлений.

IV. Он постоянно требует новых объектов и чувствует отвращение к предметам обыденным? Старайся же и ты ежедневно предлагать ему как бы нечто новое, чтобы он не встречал вещей, которые ему противны.

V. Глаз (внутренний и внешний) предпочитает изучать то, что предлагается его наблюдению лучше в целом виде, с внутренней и

наружной стороны, нежели одну только часть. Следовательно, если ты ему что-либо показываешь, то показывай сперва в целом виде, потом по частям, с внутренней и внешней стороны; таким путем ты наверно удовлетворишь его стремление к познанию этой вещи.

VI. Что ум знает, то желает он знать твердо; ошибка в какой-либо вещи отпугивает его. Следовательно, предлагай ему только истинное, остерегайся обманывать его ложным.

VII. Он радуется также прочной истине, и сомнение его смущает (сомнение обременительно для духа, как камешек в башмаке — для ноги; всякое сомнение мучительно). Итак, не предлагай ему ничего сомнительного или разреши скорее его сомнение, чтобы его дух, освобожденный от беспокойства, был радостен.

VIII. Ум всегда требует доказательств утверждаемой истины. Следовательно, если ты предлагаешь какое-либо утверждение, делай так, чтобы в доказательствах не было недостатка.

IX. Но ум требует несомненных свидетелей (которые и сами не обманывают и не позволяют себя обманывать), и потому самых ближайших: таких, которых бы он знал, а не только верил в них. А так как ничто не ближе к вещи, чем вещь сама к себе, то поэтому он ценит всего выше показания вещей, а затем — тех, кто воспринимает вещь собственными чувствами, и здесь опять-таки всего больше — самого себя, как самого ближайшего к самому себе; ибо он доверяет самому себе и своим чувствам более, чем другим. Следовательно, если ты хочешь укоренить в учащемся полную веру в какое-либо утверждение, то привлекли таких свидетелей, которых нельзя поставить под сомнение. Прежде всего и главным образом привлекли, если возможно, самое вещь, представив ее собственным чувствам учащегося. Если это невозможно, то возьми тех, кто были самостоятельными свидетелями вещей, строгих исследователей истины и пр. и пр.

X. Но так как ум в познании вещей идет постепенно, то, во-первых, он должен знать, что что-либо существует (это называют просто знанием или ознакомлением); во-вторых, что это такое по своим причинам (это называется пониманием); в-третьих, он должен знать, как использовать свое знание, т. е. знать, для чего это знание полезно). Эту последовательность необходимо соблюдать всюду; повсюду ум должен переходить от исторического познания вещей к разумному пониманию, а затем к употреблению каждой вещи. Этими путями просвещение ума бесошибочно ведет к своим целям — подобно машине с собственным движением.

40. Но как мы будем механически трактовать волю? Так же, как то допускает и даже требует ее природа, что показывает определение понятия. Мы определили волю (§ 27) как внутреннюю руку души, схватывающую и стремящуюся присвоить себе все, признанное за хорошее, удовлетворяющуюся наслаждением вещами и вкушением приятного. Теперь мы посмотрим, как это выражается в дидактических правилах.

I. Как ум (или разум) требует истинного, так воля — благого. Итак, если ты учишь чему-нибудь человека, то сделай так, чтобы он понимал не только истинное, но и хорошее (т. е. честное, полезное, приятное), и ты вскоре увидишь, что его воля обращена на это. Воля является, очевидно, повелительницей своих действий; однако ранее,

чем определить, что должно быть сделано, она слушается своего внутреннего советника, разума или рассудка (который выясняет ей, что хорошо и что дурно, что лучше и что хуже).

II. Большое количество добра побуждает волю более, меньшее — менее. Правильное указание различия между добром и злом воздействует на волю, подобно тому как тяжести — на движущиеся в ту и другую сторону весы. Как весы должны склониться туда, куда перевешивает тяжесть, так и воля — туда, куда тянет тяжесть лучшего.

III. Но так как воля по своей собственной природе свободна, почему она или свободно выбирает то, что представлено ей как нечто доброе, или же предпочитает даже и то, что только расписано как доброе, то с ней необходимо обращаться так осторожно, чтобы она не думала, что ее свободному решению причиняется насилие, и не отвергала из-за этого чего-либо действительно доброго. Следовательно, здесь нужно величайшее благоразумие.

IV. Точно так же, как разум, и воля есть бездна, которую нельзя наполнить немногими благами, но которая жадно стремится ко многому. Нельзя, следовательно, обманывать ее потребности и заставлять ее спокойно довольствоваться малым; наоборот, ее следует поощрять, показывая ей много благ, чтобы она стремилась ко многому; ибо это возбуждает бодрость.

V. Как и ум, воля испытывает отвращение, если ее задерживать на одном и том же предмете, и протестует, если ее постоянно кормить одним и тем же. Поэтому следует увлекать волю разнообразием и заманивать ее, насколько возможно (внешними и внутренними), приманками чувств.

VI. Привлекаемая разнообразием, воля постоянно переходит от одного блага к другому, обращаясь туда, где чувствует что-либо доброе. Поэтому следует озаботиться о том, чтобы, к какой бы области занятий она ни обращалась, она постоянно встречала вещи, которые привлекали бы ее к себе подлинной честностью или полезностью, или приятностью, или всеми этими качествами одновременно. Таким образом, непрерывная цепь благ будет постоянно держать ее в своей власти.

VII. Так как воля предпочтительнее наслаждается благом в его полноте, нежели какой-либо его частью внешней или внутренней, то должно позаботиться о том, чтобы, если какой-либо вещи присуще что-либо доброе, она была предъявляема глазам в полном объеме и во всех своих частях извне и изнутри. Таким путем мы добьемся того, чтобы воля повсюду наслаждалась всеми благами благодаря полноте наслаждения, и мы постоянно будем поддерживать ее в бодрости.

VIII. Воля требует наслаждения действительными благами и отвергает кажущееся. Следовательно, ей нужно постоянно предлагать что-либо действительно хорошее, а не только по видимости.

IX. Она желает постоянно пользоваться своими благами; ей противно быть лишенной их. Следовательно, ей нужно тщательно указывать, каковы те блага, которых у нее нельзя отнять.

X. Воля любит тех, от кого она видит или ожидает удовлетворения своих желаний и, наоборот, ненавидит тех, от кого встречает препятствия, отстраняет их от себя, если только может, или же держится в стороне от них. Поэтому волю следует приучать к изучению того,

чем можно всегда наслаждаться, и к избежанию того, вследствие чего она могла бы лишиться своих радостей.

XI. Воля любит совокупность благ и общее наслаждение благами (сюда относится также поговорка: каждое благо стремится соединиться с подобным себе, или еще: без товарища нет приятности в обладании каким бы то ни было благом), ища и надеясь, таким образом, найти увеличение радости. Следовательно, нужно заботиться о том, чтобы все блага, насколько возможно, стали общим достоянием, так как в этом заключается ручательство их общей ценности и радости.

XII. Воля в стремлении к благам идет постепенно: начало наслаждения составляет погоня за благом; середину составляет наслаждение в обладании им; завершение — прочность постоянного обладания. Следовательно, этой градацией нужно пользоваться везде: воля должна продвигаться сперва к поискам того, что признано за благо, затем к обладанию им и, наконец, к упрочению обладания. При таком способе обхождения с волей склонность ко всякому благу происходит подобно механическому действию чашки весов.

41. Остаются еще *способности*, являющиеся как бы дополнительными инструментами и побуждениями души для достижения и осуществления познанных и желаемых вещей. При правильном трактовании их, механические свойства им присущи несравненно более, нежели функциям (*in munis*) ума или искусству управления волей. Ибо, как механик-ремесленник при данном материале и инструментах искусством того или другого обращения с ним [материалом] достигает того, чтобы безупречно исполнить намеченную работу, так же дело обстоит и при всякой естественной способности (видении, слушании, разговоре, при том или другом действии); при помощи известного, того или другого приспособления органов к объектам — получается результат, к которому мы стремимся. Так как в этом не может быть сомнения, то я не стану больше останавливаться на этом, самом по себе ясном, деле.

42. Относительно механического приспособления *чувств, разума и серы* к предметам следует произнести то же суждение; их следует применять так, как этого требует их природа. Например, чувство непосредственно наталкивается на вещи и, схватывая их, стремится их познать. Сообразно этому следует предоставить ему наталкиваться на все, что оно должно познать, чтобы оно было уверено, что оно схватывает и познает не через доверие к другим, но именно само, путем созерцания, слушания, ощущения вкуса. Пусть оно не только наталкивается [на вещи], но даже владеет ими, останавливает, берет их, поворачивает; оно должно не поверхностно только задеть вещь и затем предполагать, что что-либо существует, но вполне охватить и удержать, чтобы знать, что она существует.

43. А так как разум проникает в то, чего не видит, через надежные показания видимого (именно, благодаря связи, которую он устанавливает с необходимостью между каким-либо признаком вещи и самой вещью), — то следует упражнять его в распознавании признаков вещей (причин и следствий, субъектов и их свойств, различий и противоположностей и пр.); следует повсюду внимательно наблюдать и различать, что из чего следует. Таким путем разум привыкнет

легко, быстро и прочно устанавливать связь с механической точностью, и, укрепившись, не будет заблуждаться.

44. *Вера*, примыкающая к чужому свидетельству о вещах, должна обращать внимание не на что другое, как прежде всего на то, чтобы ум верно понял дающего свидетельские показания; затем, чтобы он был уверен, что свидетель достоин доверия, сам не поддается обману и не обманывает другого. Если эти две предосторожности соблюдены, то будет безопасно с механической уверенностью признать авторитеты и положиться на них с полной верой.

45. О порядке применения учебных средств и о том, как механически обращаться с каждым из них наряду с другим, нужно сказать то, что вытекает [из предписания § 30]. Нужно соблюдать то же самое, что и при применении их к человеку (как в механическом искусстве).

46. Выше мы установили три ступени человеческой мудрости: теорию, практику, хресис; изучать эти три ступени нужно постепенно, при соблюдении, однако, свойственного каждой ступени способа применения. Ибо:

I. Теория разрешается при помощи представления предмета, анализа и автопсии¹.

II. Практика требует образца, синтеза и автопраксий².

III. Хресис³ [обнимает] правила, синкрисис и автохресию⁴.

47. Именно, если хочешь, чтобы кто-нибудь что-либо знал, чтобы он понимал, как что-либо происходит, каким образом, в какой мере, из чего оно составлено и пр., то необходимо: 1) чтобы ты предлагал ему это для наблюдения в целом виде и со всех сторон; 2) затем, ты должен на его глазах разложить это на большие части, каждую из них снова на свои меньшие, из которых оно составлено, прибавив к этому название каждой составной части; 3) но чтобы он присутствовал при этом с участием чувств, сам все созерцая, ощущая, обнюхивая, вкушая, слушая и сам произнося названия. Это и есть то,

¹ Ср. «Великая дидактика», гл. XXI. Термин автопсия заимствован из греческого языка и составлен из двух слов: αὐτός — сам и ὀψέω — желать, видеть, а эти два слова вместе означают стремление к самостоятельному созерцанию предметов или явлений. У Коменского термин «автопсия» применяется в смысле природной склонности человека к самостоятельному, личному, деятельному созерцанию или рассматриванию изучаемого реального материала.

² Автопраксия — термин составлен Коменским из двух греческих слов: αὐτός — сам — и πράττω — делаю; вместе оба слова означают чью-либо личную деятельность. Мы не можем подобрать одно русское слово для обозначения этого довольно сложного и своеобразного понятия. Известный в русской литературе термин самодеятельность — близок к этому понятию, но не тождествен с ним, так как в понятии самодеятельности обычно слишком сильно подчеркивается элемент личной инициативы, в понятии же автопраксии — преимущественно самый процесс деятельности.

³ Хресис — от греческого слова χρησις — употребление, пользование — лучше всего передать русским словом «применение».

⁴ Автохресия — от двух греческих слов: αὐτός — сам — и χρησις — пользование, применение — не поддается передаче на русский язык одним словом. Поэтому мы переводим его двумя словами: «самостоятельное применение».

Синкрисис — от двух греческих слов: σύν-с (предлог) и χρησις — разногласие, спор — означает примирение разногласий путем их сопоставления.

что мы называем «автопсией» или лучше, в более общем виде, автофтезией¹. При наличии этих трех ступеней следует знание вещи с механической точностью; если же хоть одна из них отсутствует или уклоняется от своей нормы, дело не идет вперед.

48. Но ты хочешь, чтобы твой ученик умел что-либо сделать или произвести? Этого ты можешь достигнуть при соблюдении опять-таки трех условий: 1) Покажи ему образчик того, что он должен делать. 2) Покажи ему, как это делается, начиная с самых мелких частей и составляя из них большие, пока не выйдет из этого целое (§ 43). Как анализ исходит из наибольшего, т. е. из целого, и кончается наименьшим, — так синтез начинается с наименьшего и кончается наибольшим, т. е. целым. 3) Но заставляй его самого быстро подражать всему (начиная с самого малого и кончая самым большим) и наблюдай, чтобы он, пробуя подражать, не пошел на ложный путь; сбивающегося с правильного пути исправляй до тех пор, пока он не научится (*sciat*) делать безошибочно. Это мы и называем автопраксией — собственно упражнением. При соблюдении этих трех данных осуществляется без всякой трудности все искусство; при отсутствии хотя бы одного из них ничто не приходит в исполнение, или же, во всяком случае, осуществляется очень медленно, с потерей времени и несовершенно.

49. Но ты хочешь, кроме того, сделать ученика разумным в применении науки и искусства? Соблюдай три следующих условия: 1. Наставляй его посредством правил, чему служит эта вещь. 2. Применяй синкрисис, т. е. сравнение того, каким знанием или искусством воспользоваться хорошо, лучше и всего лучше, или, наоборот, каким дурно, хуже, всего хуже злоупотребить: первое для того, чтобы ему подражать, второе — чтобы его избегать. 3. Вели подражать добродетелям и избегать пороков посредством *αὐτοχρησις* (автохресии), т. е. применять уже добытое знание только на доброе. Ибо кто только видит, как другие хорошо пользуются вещами, не пытаясь подражать им сам, тот станет из сведущего в искусстве — неискусным, из знающего — незнающим; мало того, даже способный правильно мыслить, говорить, действовать, все-таки будет не пригоден к этому вследствие неумелого применения.

50. Наконец, в школах является необходимость учредить упражнения не только в науках и искусствах, но также и во всеобщей мудрости. Этим должен быть устранен тот упрек, который делают ученому сословию, именно, упрек в схоластицизме (т. е. в непригодности к практическим делам).

51. Таким образом, в искусстве обучения все будет как бы механическим: все составные части являются хорошо между собой упорядоченными, крепко связанными и дающими свои результаты. Однако как никакая техническая машина не может быть устроена с таким великим искусством, чтобы не пужно было присматривать за ней и наблюдать, все ли в порядке, и восстанавливать и переделывать, если что-либо расшаталось или пришло в расстройство, наконец, даже усовершенствовать новыми изобретениями (ибо мы — человечики,

¹ Автофтезия — от двух греческих слов: *αὐτός* — сам — и *αἰσθησις* — чувствование, ощущение. Трудно перевести одним русским словом, а поэтому лучше всего передать его словами: «самостоятельное ощущение».

а не боги, способные, подобно творцу-художнику, раз и навсегда производить совершенные творения), — так и эта дидактическая машина постоянно стремится к полному совершенству.

52. А на вопрос, находится ли это наше [изобретение] уже на такой ступени, что оно в состоянии делать успехи и давать свои результаты, я отвечаю — не в моем духе было бы хвалить свои изобретения; я лучше предпочту воспользоваться евангельским изречением: Приди и посмотри! Пусть само дело возбудит веру. Но каким образом? Те материальные машины обыкновенно применяются к различному различным образом, однако все — таким образом, что каждая из них делает то, что она должна делать. Следовательно, и нашу дидактическую машину можно будет применить ко всему, чему где-либо учат, будь то в школах или вне их; в школах частных и общественных, филологических, философских и каких бы то ни было, а кроме школ — к учению в церкви, дома, повсюду. Но так как я обещал дать тройкий выход из лабиринтов, то это и должно быть здесь сделано. Я хочу указать, что может быть открыт тройкий род школ, где эта дидактическая машина даст полные результаты. Именно:

I. Если заблагорассудят основать школу, где будут преподавать и изучать латинский язык (а благодаря ему — и все необходимое для жизни) предпочтительно при помощи практики и привычки, путем подражания древним; форму для этого мы покажем в следующем трактате «Воскрешенный Лациум».

II. Если, сверх всего, нужно присоединить *искусство* и правила, то форму школы, устроенной по подобию типографии, мы покажем и назовем «Живая Типография».

III. Если бы, с привлечением величайшего благоразумия, дух домогался и отважился с божьей помощью достигнуть чего-либо в этом роде абсолютного и совершенного, то я покажу, как может возникнуть, по прообразу первой райской школы, благоустроенная школа, под руководством которой послушные ей будут становиться истинно мудрыми и счастливыми. Относящееся сюда сочинение носит заглавие: «Возвращенный рай церкви».

Эти три [сочинения] следуют далее по порядку¹.

¹ В Амстердамском издании 1657 года.

УКАЗАТЕЛЬ И ОБЪЯСНЕНИЕ ИМЕН¹

Августин Аврелий — Блаженный (364 — 430 гг. н. э.) — виднейший представитель так называемых «отцов» и учителей христианской церкви. После бурно проведенной молодости был профессором красноречия в Римской империи. Затем принял христианство. Будучи епископом, вел решительную борьбу с так называемыми «ересями» христианской церкви. Наибольшей известностью пользуются его сочинения: «De civitate dei» (О граде божием) и «Confessiones» (Исповедь). — «Пансофическая школа», ч. II, стр. 191 «Выход из схоластических лабиринтов», 18.

Александр Великий (356—323 гг. до н. э.) — македонский царь, сын и преемник царя Филиппа, ученик крупнейшего греческого философа Аристотеля. Уже в раннем детстве Александр обнаруживал исключительную способность тактичного обращения с людьми. Во время победоносных войн в Азии и Африке содействовал распространению эллинизма на Востоке, а также ознакомлению греков с культурой Востока. — «Об изгнании тосности из школ», 50, 55.

Акоптий Яков (1500 — 1566 гг.) — философ, правовед, богослов в Триденте. С мнениями Акоптия Коменский считается и в своей «Физике». — «Предвестник всеобщей мудрости», 14.

Альшted (Альстед) Иоган-Фридрих (1588 — 1638 гг.) — профессор философии в Герборнском университете герцогства Нассау, где он был учителем Коменского. Оказал на Коменского исключительное влияние. Впоследствии профессор философии и богословия в Вейсенбурге в Семиградии. Его сочинения «Triumphus bibliorum sacrorum» (Триумф священных книг), «Encyclopaedia in IV tomas divisa» (Энциклопедия, разделенная на 4 тома). — «Пансофическая школа», ч. I, 48.

Андреа Иоган-Валентин (1558—1654 гг.) — был известным духовным сановником на своей родине, в Вюртембергском королевстве. Выступал против механического изучения латинского языка в ученых школах и катехизиса в народных школах. — «Предвестник всеобщей мудрости», 97.

Аппион и Апион (I век н. э.) — александрийский грамматик, пользовавшийся большой известностью во всей Греции в царствование римского императора Калигулы. — «Предвестник всеобщей мудрости», 11.

Аристотель (384 — 322 до н. э.) — крупнейший философ и ученый древнего мира, ученик, но не последователь Платона. Аристотель в действительности был всеобъемлющей головой, был не только философом, но и ученым, заложившим основы как гуманитарных, так и естественных наук. Он основатель своей школы неподалеку от Афин в Ликее (отсюда название учебных заведений — лицей). Оказал могущественное влияние на всю последующую философию вплоть до наших дней. В средние века, да и в начале нового времени, Аристотель был известен преимущественно своей формальной логикой.

«Схоластика и поповщина, — говорит Ленин, — взяли мертвое у Аристотеля, а не живое... из логики Аристотеля (который всюду, на каждом шагу ставит вопрос именно о диалектике) сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов». (В. И. Ленин. Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 332). Энгельс в

¹ При составлении объяснения имен, кроме общих справочных пособий, использованы аналогичные указатели в Veškery Spisùo Iana Amova Komenského. Svazek I, IV Brno 1913—1915, и Указатель имен в издаваемой Учпедгизом под моей редакцией «Великой дидактике» Я. А. Коменского.

логике Аристотеля указывает на ряд прекрасных образцов диалектики (См. Фр. Энгельс, Анти-Дюринг, ГИЗ, 1928, стр. 80, 213, 214, 357; см. также «Диалектику природы» Энгельса, «Философские тетради» В. И. Ленина, и К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I). Сочинения Аристотеля принято разделять на 4 группы, 1) логика, 2) метафизика и естествознание, 3) этика и политика, 4) поэтика и риторика. — «Предвестник всеобщей мудрости», 1, 26, 58, 59; *Пансофическая школа*, ч. II, V, 1; «Законы хорошо организованной школы», стр. 233.

Архезилай. Остается невыясненным, кого имел ввиду Коменский, ссылаясь на Архезилая. — «Законы хорошо организованной школы» XXV, 3.

Архимед (287 — 212 гг. до н. э.) — величайший математик и механик древнего мира. Жил в городе Сиракузах; родственник сиракузского царя Гиерона-младшего. Арифметику обогатил трактатом «Псаммит», геометрию — трактатом «О шаре и цилиндре», «Об измерении длины окружности»... Он считается творцом механики. Во время осады Сиракуз римлянами он строил приборы, причинявшие огромный урон неприятельским силам. Так, огромными зажигательными стеклами он сжег римский флот. Убит римским солдатом при взятии города римлянами. — «Предвестник всеобщей мудрости», 47.

Безольд Христофор Тюбингенский (1577 — 1640 гг.) — мудрейший праведный своего времени. — «Предвестник всеобщей мудрости», 112.

Брайт Тимофей (1551 — 1615 гг.) — медик и естествовед, заслуживший похвалу среди изобретателей за краткость и ясность своих сочинений. — «Предвестник всеобщей мудрости», 100.

Бэкон Франциск Веруламский (1561 — 1626 гг.) — английский философ и государственный деятель. По выражению К. Маркса, Бэкон — истинный родоначальник английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени. По его учению источником всякого знания являются чувства; данные чувств — непогрешимы. Главными средствами научного метода служат, по Бэкону, индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент. «В Бэконе», — пишет К. Маркс, — как первом творце материализма, в наивной еще форме скрыты зародыши всестороннего развития этого учения. Материя улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку. Но изложенное в афористической форме учение Бэкона еще полно теологической непоследовательности». (Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. III, стр. 157). Главным произведением Бэкона является его «Новый Органон» (1620), названный им так в противовес Аристотелевскому «Органону», пользовавшемуся непререкаемым авторитетом в течение всего раннего средневековья. Критика Бэконом феодального мировоззрения, его эмпиризм и материализм, новые методы познания, были одной из форм классовой борьбы восходящей буржуазии, расчищавшей идеологическую почву для утверждения капиталистических отношений. Коменский неоднократно обращается к Бэкону, называя его «мудрым», «славнейшим», тонким знатоком природы, славным «восстановителем философии». «Предвестник всеобщей мудрости», 47, 55, 63, 87, 97.

Верденхаген Иоганн-Ангелий (1581 — 1652 гг.) — праведник и советник Гельмштадский. — «Предвестник всеобщей мудрости», 13.

Веруламий. См. Бэкон Веруламский.

Вивес Людовик (1492 — 1540 гг.) — крупнейший ученый-гуманист своего времени; в философии — предшественник Бэкона и Декарта. Родился в Испании. Занимался воспитанием дочери английского короля Генриха VIII; затем поселился в Брюгге. Первый писал о воспитании девушек. Из многочисленных его сочинений наиболее известно «De anima et vita» (О душе и жизни) (1538). Педагогический характер носят следующие его сочинения: «De ratione studii puerilis epistolae II» (Два письма об основе обучения юношества), «De tradendis disciplinis, sive de institutione christiana» (О преподавании учебных предметов или о христианском воспитании), «De institutione feminae christiana» (О воспитании христианской женщины), «Satellitum animi, sive symbola Principum institutioni potissimum destinata» (Помощники духа, или символы, обозначающие наилучшие принципы воспитания). Некоторые книги Вивеса современники называли «золотые книги».

(libelli aurei). — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 12; *«Пансофическая школа»*, ч. I, 83.

В и р г и л и й Публий Марон (70 г. до н. эры—19 г. н. э.), крупнейший римский поэт Августовской эпохи. Из его произведений наиболее известны: *«Bucolica»*, или *«Eclologiae»*, — десять идиллий из пастушеской жизни с аллегорическим содержанием; *«Georgica»* — дидактическая поэма в четырех частях, трактующая о различных отраслях сельского хозяйства: земледелии, садоводстве, животноводстве и пчеловодстве. Наибольшей известностью пользуется до сего времени его поэма *«Aeneis»* — *«Энейда»*. В этой поэме Вергилий подражал гомеровской *«Одиссее»*, выводя происхождение римлян от троянцев, а римского императорского дома Юлиев — от вымышленного героя Энея. — *«Пансофическая школа»*, ч. II, VI, 7.

Г а л е н Клавдий (Claudius Galenus) (131—202, или 210 гг. н. э.) — один из наиболее известных врачей эпохи римских императоров. Родился в Пергаме, там же провел свою юность и начал изучать философию и медицину. В философии природы — один из первых выразителей телеологического взгляда: возникновение и строение каждого органа, по его мнению, зависят от его назначения в организме. В его сочинениях заложены основы анатомии и физиологии, фармакологии и диагностики. Как врач пользовался большим авторитетом до конца средних веков. Из его сочинений дошло до нас около 200; эти сочинения представляют собой сводку мнений и цитат из различных философов и ученых древнего мира по вопросам медицины. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 31, 77.

Г а л и л е й Галилео (1564 — 1642 гг.) — знаменитый итальянский математик, физик и астроном. Считается одним из основателей нового естествознания. Открыл спутников Юпитера и солнечные пятна. Высказался в защиту системы мироздания, установленной Коперником, но, по настоянию инквизиции, вынужден был отказаться от своего согласия со взглядами Коперника. Галилей открыл закон движения падающих тел. Ему же принадлежит установление принципа, что понимание качественных изменений возможно лишь в том случае, если мы представляем их себе как количественные изменения. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 26.

Г а р т л и б и й С а м у и л (родился в конце XVI века) — выдающийся меценат и общественный деятель Англии. Высоко ценил заслуги Коменского. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, Предисловие, стр. 60.

Г е з и о д (Гесиод) (VIII — VII вв. до н. э.) — один из ранних поэтов древней Греции. Известен своей поэмой *«Труды и дни»* (русс. перевод В. Вересаева). В этой поэме Гезиод выступает в качестве первого идеолога трудовой жизни в противоположность идеалам аристократии, поэтизированной правдой. — *«Пансофическая школа»*, ч. II, VI, 8.

Г е й л е р из Кайзерберга (1445 — 1510 гг.) — известный в свое время страсбургский проповедник. — *«Материнская школа»*, IX, 6.

Г е л л и й Авл (Gellius Aulus) (130 — 170 гг. н. э.) — римский писатель второй половины II века новой эры. Живя в Риме и Афинах, занимался философией и ораторским искусством, поддерживая близкие отношения с учеными своего времени. Написал известное сочинение *«Noctes atticae»* в 20 книгах (Сумерки аттического мира), представляющее собой ряд заметок по поводу бесед автора с современными ему учеными, а также ряд извлечений из малоизвестных греческих и римских писателей. — *«Материнская школа»*, V, 10; *«Пансофическая школа»*, ч. II, стр. 187.

Г е л ь в и г Христофор (1581 — 1617 гг.) — профессор богословия и восточных языков гиссенского университета. Прекрасно владел еврейским языком. Занимает выдающееся место среди методистов. На методическую тему известны его сочинения *«Grammatica universalis, continens ea, quae omnibus linguis sunt omnia»* (Универсальная грамматика, содержащая в себе то, что есть общего во всех языках). Гельвиг был одним из тех двух ученых, которые представили в 1612 г. Дармштадтскому ландграфу Людвигу похвальный отзыв о методе Ратихия. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 97.

Г и л ь б е р т Вильгельм (1540 — 1603 гг.) — лондонский философ, медик и физик. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 26.

Г и п п о к р а т (460 — 365 гг. до н. э.) — знаменитейший ученый-врач в древней Греции. Потомок рода Асклепиадов, славившегося целым поколением врачей. Во время своих путешествий в молодые годы изучал меди-

цину у местных врачей. Первый поставил медицину на научные основы. Его выводы основываются на точном наблюдении и изучении болезненных симптомов. Наиболее известны два его сочинения, — переведенные с греческого языка на латинский: «De aere, aquis et locis» (О воздухе, водах и местах), «Epidimiorum libri septem» (7 книг об эпидемиях). — *«Пансофическая школа»*, ч. I, 20.

Г л а у м и й Филипп (1580 — 1650 гг.) — франкфуртский правовед и адвокат. Автор опубликованной в 1621 году в Гиссене книги о методе наиболее быстрого усвоения языков. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 97.

Г о р а ц и й Квинт Флакк (Horatius Quintus Flaccus) (65 — 8 гг. до н. э.). Главнейший представитель римской литературы — поэт Августа века. Родился в Венузе (откуда название «венузийский поэт»). Образование получил сперва в Риме, а затем в Афинах. При помощи своего покровителя Мecenата приблизился ко двору Августа. Писал сатиры, эподы (переход к лирической поэзии), послания и письма в стихотворной форме. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 1, 23; *«Пансофическая школа»*, ч. II, VI, 7; *«Законы хорошему организованной школы»*, XX, 9.

Г у с Ян (1369 — 1415 гг.) — чешский богослов и религиозный реформатор, поднявший большое движение в Чехии против папской власти и за национальную и культурную независимость Чехии. В своей борьбе с католическим духовенством и немецкой аристократией опирался на настроение чешского крестьянства, городских ремесленников и части чешского дворянства. Обвиненный в ереси был отлучен от церкви и, несмотря на данные ему охранные грамоты, по приговору суда на Констанцском соборе (1415 г.) был сожжен на костре. — *«Материнская школа»*, XII, 6.

Г у с т а в Адольф (1594 — 1632 гг.) — с 1611 по 1632 г. шведский король под именем Густава II. Вел многочисленные удачные войны, успешно боролся с немецкими императорами Габсбургами во время Тридцатилетней войны; был смертельно ранен при Люцене в 1632 г. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 13.

Дидакус Аполефес — псевдоним автора «Развлечений, состоящих из 2100 избранных веселых историй», Лейпциг 1624. — *«Материнская школа»*, V, 11, 13.

Диоген из Синопа (404 — 323 гг. до н. э.) — знаменитый философ циник. Жил частью в Афинах, частью в Коринфе. — *«Об изгнании косности из школ»*, 48.

И с о к р а т (Isokrates) (436 — 338 гг. до н. э.) — знаменитый ритор и учитель красноречия в Афинах. Не обладая необходимыми физическими данными, сам никогда не произносил речей. Над подготовкой лучших из своих речей работал годами: над «Панафинейской» речью 3 года, а над «Панегириком» — 10 лет. Школа Исократа дала лучших представителей греческого красноречия, оказав влияние на развитие римского красноречия, в частности на Цицерона. — *«Пансофическая школа»*, II, V, 8.

К а л и г у л а Кай — римский император (37 — 41 гг. н. э.). — *«Материнская школа»*, V, 12.

К а м п а н е л л а Томмазо (1568 — 1639 гг.) — итальянский философ, один из коммунистов-утопистов, в юности принял монашество. За свое свободомыслие Кампанелла подвергался преследованиям. 27 лет просидел в тюрьме, конец жизни провел во Франции. Коменский считает Кампанеллу «славыным восстановителем философии». Кампанелла — один из первых непримиримых критиков Аристотеля в схоластическом истолковании. Выступил защитником Галилея. К числу его выдающихся произведений принадлежит «Государство солнца», в котором он дал картину коммунистического строя, в частности, систему воспитания, пригодную для укрепления этого строя в том виде, как его понимал Кампанелла. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 26, 97.

К а р л Великий (742 — 814 гг. н. э.) — сначала король франков, а затем папой Львом III коронован как император западной римской империи. Рядом военных походов и административными мерами создал огромное государство с отчетливой организацией. Учреждал школы; призывал к своему двору таких крупных ученых своего времени, как Алкуин, Павел Диакон и др. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 27.

К а с т а л и й св. Себастьян (1517 — 1563 гг.) — профессор греческого языка в Базеле, автор многочисленных сочинений. — *«Пансофическая школа»*, 1, 83.

К а т о н Марк Порций Старший (234 — 149 гг. до н. э.) — родился в Тускуле (оттуда нередко его называют тускуланским), еще в молодых годах переселился в Рим. Славился строгим поведением, мужеством на войне и неподкупностью в мирной обстановке. Был избран цензором (блюститель нравов) римской республики. Непримируемый враг роскоши и пристрастия к иноземным влияниям в особенности к прогрессивным греческим влияниям. Непримируемый враг могущества, соперничавшего с Римом Карфагена. Считается основателем прозаической римской литературы. До нас дошло небольшое его сочинение «De re rustica», содержащее практические наставления по сельскому хозяйству. — «Пансофическая школа», ч. II, III, 5.

К в и н т и л и а н Марк Фабий (род. в 35 г. н. э., год смерти неизвестен) — один из наиболее ярких представителей педагогической теории своего времени. Известно его сочинение «Institutio oratoria» (Наставление в ораторском искусстве). Открыл первую общественную школу ораторского искусства, в которой получали высшее образование молодые люди, готовившиеся к государственной деятельности. Он же был первым профессором, получавшим содержание в размере 100 000 сестерций (на наши деньги 5 000 руб.) из государственной казны. — «Пансофическая школа», ч. I, 76; «Об изгнании роскоши из школ», 17.

К о л у м б Христофор (1446 — 1506 гг.) — бесстрашный, неутомимый мореплаватель, открывший Америку и ряд островов (1492 — 1502). По проискам врагов, неоднократно подвергался тюремному заключению. — «Пансофическая школа», ч. II, стр. 188.

К о п е р н и к Николай (1473 — 1543 гг.) — известный математик, философ и астроном. Впервые высказал гипотезу, что не Солнце и планеты вращаются вокруг Земли, как об этом до него учили представители религиозной схоластической астрономии, а наоборот, Земля и планеты вращаются вокруг Солнца. Основатель новой астрономии на принципах оптики. — «Предвестник всеобщей мудрости», 26.

К р а т е с из Фив (IV — III в. до н. э.) — философ-пинтик, последователь философа-пинтика Диогена. — «Материнская школа», II, 3.

К у р ц и й Квинт Руф — римский писатель, автор сочинения «О подвигах Александра Великого», современник императора Клавдия (41 — 54 гг. н. э.). — «Пансофическая школа», ч. I, 83, ч. II, V, 7.

Л а м п р и д и й Элий (IV в. н. э.) — римский историк. Полагают, что ему принадлежат биографии нескольких римских императоров. — «Материнская школа», V, 12.

Л и к у р г — легендарный законодатель для Спартанского государства древней Греции, относимый историками к X в. до н. э. — «Законы хорошо организованной школы», XXIII.

Л у к р е ц и й Тит Кар (99 — 55 гг. до н. э.) — римский поэт-философ. В своих произведениях излагал и защищал материалистическое учение Эпикура и призывал к разрушению религии. Лучшая его поэма «О природе вещей» переведена на русский язык (См. примечание к тексту). — «Предвестник всеобщей мудрости», 37.

Л ю т е р Мартин (1483 — 1545 гг.) — вождь церковной реформации в Германии, представитель умеренной бюргерской партии. В процессе борьбы за реформу церкви уделял серьезное внимание организации народного образования. Защищал идею всеобщего образования по мотивам религиозного порядка, чтобы все могли читать Библию. Наиболее важно в этом последнем отношении его послание к бургомистрам и дворянству: «An die Burgermeister und Rats herrn aller Städte Deutschlands dass Sie christliche Schulen aufrichten und halten Sollen» 1524 г. — Перевел Библию на немецкий язык и тем, по замечанию Энгельса, «дал в руки плебейскому движению мощное орудие» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, Гиз, 1930, стр. 135). Подняв общее движение против феодализма, Лютер, перед лицом революционного движения плебеев, отступил в сторону умеренной реформы. В начале своей реформационной деятельности предлагал омывать руки в крови пап, кардиналов, епископов и всей остальной своры римского Содома (там же, стр. 133). Перед лицом революционного движения плебейских элементов Лютер занял реакционную позицию: «Их (крестьян — А. К.) нужно бить, душить и колоть, тайно и открыто, так же как убивают бешеную собаку», — восклицает Лютер (там же, стр. 135). После этого и в вопросах народного образования Лютер проводит весьма

умеренные взгляды, далекие от идеи всеобщего обучения. — «Пансофическая школа», ч. II, стр. 192.

М а н и л и й Марк (I в. н. э.) — автор латинского сочинения по астрономии. — «Предвестник всеобщей мудрости», примечание к § 4.

М а н у ц и й Павел — итальянский писатель XV в. «Пансофическая школа», ч. I, 83.

М е л а н х т о н Филипп (1497 — 1560 гг.) — в молодости — гуманист, позже реформатор церкви, сподвижник Лютера, крупнейший ученый своего времени, знаток классических языков. По выражению Ф. Энгельса — прообраз филистерского и чухлого кабинетного ученого (С. М. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, Гиз, 1930, стр. 140). 17-ти лет от роду он уже с университетской кафедры объяснял произведения Вергилия, Теренция и Цицерона. Обосновал классическую систему образования, особенно настаивал на изучении греческого языка. Из его педагогических сочинений наиболее известны: «De corrigendis adolescentiae studiis» (Об исправлении научных занятий юношества), «Ratio scholae Norembergae, nuper institutae» (Устав школы, основанной в Нюрнберге), а также употреблявшиеся в течение нескольких столетий учебники греческого и латинского языков. Именуется почетным званием Praeceptor Germaniae (наставник Германии). — «Материнская школа», 1, 8; «Предвестник всеобщей мудрости», 42.

М е р к у р и й Трисмегист — название египетского божества, соответствующего греческому Гермесу. — «Предвестник всеобщей мудрости», 55.

М о н и м — противник епископа Фульгенция. — «Предвестник всеобщей мудрости», 63.

М у р е т — гуманист XVI в. Известен своим прекрасным стилем на латинском языке. — «Пансофическая школа», ч. II, VI, 7.

Н е п о т Корнелий (94 — 30 гг. до н. э.) — римский писатель, автор частично дошедшего до нас сочинения — «О славных мужах». — «Пансофическая школа», ч. I, 83, ч. II, V, 7.

О в и д и й Публий Назон (Ovidius Publius Naso) (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — один из наиболее даровитых римских поэтов эпохи Августа. Был приближен ко двору Августа. За неизвестную вину в 9 г. н. э. был сослан в г. Томы (теперь Кюстанджы) на берегу Черного моря, где и умер в заточении. Наиболее известны следующие его сочинения: «Methamorphosae» (Превращения) в 15 книгах, написанные гекзаметром «Fasti» — римские хроники — легенды о происхождении римских празднеств, — «Amores» — (Песни любви), «Ars amandi» (Искусство любви). — «Пансофическая школа», ч. II, III, 5.

П а р м е н и д (конец VI и половина V вв. до н. э.) — греческий философ, ученик Ксенофана. Представитель элейской школы. Выработал метафизическое понятие бытия, как единого, вечного, неизменного, непрерывного, неподвижного, самосовершенного и самодовольного. Написал поэму «О природе», из которой дошли до нас многочисленные отрывки. — «Предвестник всеобщей мудрости», 26.

П и ф а г о р (вторая половина VI в. до н. э.) — известный греческий философ. Родился на острове Самосе. По преданиям, в юности много путешествовал и будто бы позаимствовал основные черты своих математических и религиозно-политических взглядов от халдеев, египтян, финикийцев, евреев и др. В зрелом возрасте поселился в южной Италии (Великая Греция) в г. Кротоне. Основатель школы последователей, организовавшихся по типу монастырской общины. Внес значительный вклад в математику и музыку. Он рассматривал число, количественную определенность, как сущность вещей (Энгельс. Диалектика природы. Партиздат, 1936, стр. 82), оставляя, однако, без объяснения, как происходит движение и как без движения и изменения совершаются возникновение и гибель (там же, стр. 105 — 6). Создал теорию переселения душ. Его учение о числе и гармонии оказало большое влияние на крупнейшего греческого философа Платона. — «Предвестник всеобщей мудрости», 90.

П л а т о н (429 — 349 гг. до н. э.) — выдающийся философ древней Греции, ученик Сократа, учитель Аристотеля. По основному философскому направлению наиболее яркий представитель идеализма. Педагогические воззрения Платона теснейшим образом связаны с его философскими и полити-

ческими взглядами. Наиболее полно развиты эти взгляды в его сочинениях политического характера «Государство» и «Законы». Занятия со своими слушателями Платон вел в своем имени неподалеку от Афин, называвшемся Академа, отсюда произошло название высших учебных заведений — академия. Большинство его сочинений представляют собой непревзойденные образцы художественной литературы, излагающей самые глубокие философские вопросы. — «Материнская школа», IX, 12, 16; «Предвестник всеобщей мудрости», 26; «Пансофическая школа», ч. II, 5; «Законы хорошо организованной школы», X, II.

Плиний Гай второй, старший (23 — 79 гг. н. э.) — писатель в области естественной истории. Погиб при наблюдении извержения Везувия. Ему принадлежит сочинение «Historia naturalis» (Естественная история) в 37 книгах. — «Предвестник всеобщей мудрости», 114; «Пансофическая школа», ч. II, IV, 6; «Выход из схоластических лабиринтов», 18.

Плутарх (около 46 — 120 гг. н. э.) — известными его сочинениями являются сравнительные жизнеописания выдающихся людей древнего греко-римского мира и его трактаты по нравственности. — «Пансофическая школа», ч. II, V, 8.

Рамус Петр (Pierre de la Ramée) (1515 — 1572 гг.) — пользовался большой известностью, как математик и гуманист в Парижском университете. Ратовал за реформу преподавания. Составил учебники латинского и греческого языков, принятые в школах в эпоху Коменского. За свои философские взгляды неоднократно подвергался преследованиям. Убит в Варфоломеевскую ночь 24/VIII 1572 г. — «Предвестник всеобщей мудрости», 13.

Ратихий (Ratichius Ratke) Вольфганг (1571 — 1635 гг.) — виднейший немецкий педагог-теоретик. Родился в Голштинии. Обучался философии и богословию в Гамбургской гимназии, затем в Ростове. Бросил занятия богословием и изучал еврейский язык, а затем математику в Амстердаме. После выступления с проектом реформы преподавания на франкфуртском съезде немецких князей в 1612 г. делал попытки реформы образования в ряде немецких княжеств, вступал в переговоры по тому же вопросу с канцлером Швеции Оксенштирной, но нигде не доводил дело с успехом до конца, отчасти из-за неуживчивого характера, самомнения и самонадеянности, отчасти из-за того, что сумел указать болезни школы, но не мог найти лекарства против зла. Оставил ряд методических сочинений и несколько учебников для средней классической школы (по грамматике и логике). Оказал значительное влияние на оформление дидактических взглядов Коменского. — «Предвестник всеобщей мудрости», 97.

Рений Иоганн (1574 — 1639 гг.) — педагог и ректор школ. — «Предвестник всеобщей мудрости», 97.

Риттер Стефан (? — ум. 1620) — ректор школ, автор элементов грамматики для школ. — «Предвестник всеобщей мудрости», 97.

Росций — знаменитый актер древнего Рима; друг и учитель Цицерона в искусстве декламации. — «Пансофическая школа», ч. I, 89.

Сакс Юнгий-Иоахим (1587 — 1657 гг.) — профессор логики и физики в Гамбурге. — «Предвестник всеобщей мудрости», 47.

Саллюстий Гай Крисп (96 — 35 гг. до н. э.) — римский историк, составил римскую историю от смерти Суллы до заговора Катилины, историю заговора Катилины, историю войны римлян с Югуртой. — «Пансофическая школа», ч. II, VI, 7.

Сенека Люций Анней (ок. 54 г. н. э. — ок. 39 г. н. э.) — один из выдающихся римских философов-стоиков, воспитатель Нерона. Направление философии Сенеки весьма близко к христианству. Оставил множество сочинений: трактатов, трагедий, 124 письма к Люцинию о различных вопросах философии. — «Предвестник всеобщей мудрости», 2, 19, 21, 72. — «Пансофическая школа», ч. I, 17, 83; ч. II, стр. 191. «Об изгнании косности из школ», 17, 70; «Выход из схоластических лабиринтов», 18.

Скрибоний Гильгельм Адольф (1506 — 1620 гг.) — философ, медик. — «Предвестник всеобщей мудрости», 100.

Сократ (469 — 399 гг. до н. э.) — греческий философ. По происхождению и занятию — ремесленник-ваятель. Вторую половину своей жизни посвящал педагогической деятельности внешнего порядка среди афинской молодежи. Центральной проблемой его философии было учение о добро-

детели, выводимой им из мудрости и знания. В противоположность новейшим философско-политическим течениям своего времени, Сократ опирался на старину — нравы и обычаи предков. В теории повнания и в общих принципиальных философских позициях — он идеалист. Своими выступлениями против отдельных личностей вызвал большое раздражение против себя со стороны руководителей политической жизни; был приговорен к смерти и казнен. Оказал исключительное влияние на дальнейшее развитие греческой философии, в особенности на своего юного слушателя, впоследствии крупнейшего мыслителя — Платона. Сократ ничего не писал. Его философское учение известно по сочинениям Платона и Ксенофонта. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 55; *«Пансофическая школа»*, ч. II, стр. 192. *«Об изгнании косности из школ»*, 14.

Стрезо Каспар (около 1640) — богослов реформатской церкви. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 87.

Текстор — прозвище французского филолога начала XVI в. (умер в 1524 г.), являвшегося автором диалогов и писем. — *«Пансофическая школа»*, ч. I, 83.

Теренций Публий (190—159 гг. до н. э.) — выдающийся римский писатель комедий. По сравнению с комедиями Плавта, его комедии отличаются более тщательной отделкой и изяществом. В средние века его комедии не только читали, но и представляли в школах. — *«Материнская школа»*, IX, 11.

Тертуллиан Квинт Септимий Фларент (150 — 230 гг. н. э.) — выдающийся писатель христианской церкви. Особенно известно его сочинение «Apollogia» (Защита), опровергавшее возводившиеся на христиан обвинения в непочитании ими императоров и непризнании государственного строя. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 77.

Тиберий Клавдий Нерон (42 г. до н. э. — 37 г. н. э.) — римский император (14 — 37 гг. н. э.) — *«Материнская школа»*, V, 12.

Тибулл (ок. 55 — 19 гг. до н. э.) — римский поэт, автор эллегий; лучшая из них — к возлюбленной Делии. Полный перевод эллегий Тибулла на русск. язык Фета (второе издание 1897 г.). — *«Пансофическая школа»*, ч. II, III, 5.

Тит Флавий Веспасиан (39 — 89 гг. н. э.) — римский император, — *«Материнская школа»*, V, 12.

Фаворин — философ и оратор времени римского императора Адриана (117 — 138 гг. н. э.). — *«Материнская школа»*, V, 8.

Фемистокл (ум. 461 г. до н. э.) — известный афинский полководец. Его жизнеописание дано Плутархом. — *«Материнская школа»*, VII, 1, X, 19; *«Пансофическая школа»*, ч. II, 5.

Флавий Иосиф (37 — 97 гг. н. э.) — еврейский историк и военачальник. Принадлежал к секте фарисеев. Вместе с соотечественниками принимал участие в восстании против римлян. Попал в плен. Затем вместе с императором Титом участвовал в осаде Иерусалима. После разрушения Иерусалима жил в Риме. Главнейшими его сочинениями являются: «История первой войны римлян с иудеями», «Древнейшая история Иудей», «Автобиография», некоторые из его сочинений переведены на русский язык. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 11.

Форций Иоахим (около 1536 г.) — ученый филолог и математик, родом из Антверпена. Воспитание получил при дворе императора Максимилиана I. Из его сочинений наиболее известна «De ratione studii liber» (Книга об основах занятий). В 1659 г. Кюменский переиздал эту книгу под заглавием «Fortius redivivus» (Воскрешенный Форций). — *«Об изгнании косности из школ»*, 2, 4, 25, 27, 50.

Фукидид (470 — 404 гг. до н. э.) — греческий историк — прагматик. Дал совершенно научное для своего времени описание «Истории Пелопоннесской войны» (431 — 411 гг. до н. э.) между афинянами и спартацами. Русский перевод проф. Ф. Мищенко. — *«Пансофическая школа»*, ч. II, VI, 8.

Фульгенций (ок. 500 г. н. э.) — писатель христианской церкви, живший частью в Сев. Африке, частью на о. Сардиния, частью в Риме. Его сочинения посвящены борьбе с так называемыми ересями того времени — арианством и пелагианством. — *«Предвестник всеобщей мудрости»*, 63.

Цезарь Гай Юлий (100 — 44 гг. до н. э.) — знаменитый римский

полководец и государственный деятель. Автор «Записок о Галльской войне», «О гражданской войне». — «Пансофическая школа», ч. II, V 7.

Фрей Ян Цецилий (ум. в 1631 г.) — профессор в Париже. Занимался философией и медициной. Защищал метод изучения латинского языка практическим путем. — «Предвестник всеобщей мудрости», 107.

Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — величайший из римских ораторов и выдающийся писатель. Получил прекрасное образование и скоро добился известности. Во время его консульства раскрыт был плебейский заговор, во главе которого стоял Катилина. Политическая линия Цицерона была неустойчива. В его сочинениях мы находим и довольно развитую теорию воспитания применительно к потребностям его времени. — «Материнская школа», стр. 10. «Предвестник всеобщей мудрости» 1, 2, 55; «Пансофическая школа», ч. I, 89, ч. II, III, I, VI, 7, II, V, 7; «Законы хорошо организованной школы», XXV, 4.

Шопп Каспар (1576—1649 гг.) — известный в свое время немецкий ученый в области классической филологии, политик и дипломат. Отличался большой сварливостью, почему и был прозван *canis grammaticus* (грамматическая собака). — «Об изгнании косности из школ», 71.

Штурм Иоганн (1507—1589 гг.) — знаменитый ректор Страсбургской гимназии, прекрасный организатор школы, положивший прочные основы классического образования, независимого от церкви; основой этого образования служило усвоение классической латыни в противоположность так называемой «кухонной» латыни средневековья. Школа Штурма служила образцом классической гимназии в европейских странах до начала XIX в. — «Предвестник всеобщей мудрости», 31.

Эвклид (около 300 г. до н. э.) — математик в Александрии. В своих «Элементах» привел в научную систему известную в то время так называемую чистую математику. — «Предвестник всеобщей мудрости», 47, 90.

Элиан (III век до н. э.) — софист. Оставил 13 книг различных историй и 17 книг по истории развития животных. — «Пансофическая школа», ч. II, IV, 6.

Эпиктет (жил в I в. н. э.) — распространял учение стоиков в Риме, Никополе, Эпире. Занимался изложением своих взглядов, по примеру Сократа, на площадях и в портиках храмов. Учение Эпиктета изложил его ученик, историк Ариан. Эпиктет занимался, главным образом, практическими вопросами этики: о терпении, воздержании и т. п. стоических добродетелях. — «Предвестник всеобщей мудрости», 55.

Эразм Дезидерий Роттердамский (1467—1536 гг.) — главный представитель немецкого гуманизма. Родился в Голландии. Жил в Германии, Франции, Англии, Италии. Приобрел европейскую известность, как реформатор науки вообще и в особенности филологических наук. Издал многих классиков античного мира и «Новый Завет» на греческом языке. Известен также своей борьбой с схоластами и католическим монашеством. Ему приписывают известное сатирическое произведение под названием «*Encomium moruae*» (Похвала глупости). Сначала поддерживал Лютера, затем вступил с ним в полемику. По своему отношению к практическим политическим вопросам своего времени принадлежит, по выражению Фр. Энгельса, к «благоразумным филистерам, не желающим обжечь себе пальцев» (Фр. Энгельс, Дialeктика природы, Партиздат, 1936, стр. 87). — «Пансофическая школа», ч. I, 83; «Об изгнании косности из школ», 25, 26.

Эрпений — издатель сочинения Форция в Бельгии. — «Об изгнании косности из школ», стр. 195.

Ювенал Деций Юний (ок. 60—130 гг. н. э.) — великий сатирик своей эпохи. Получил риторическое образование в Риме. В своих сатирах беспощадно бичевал римское общество своего времени. — «Материнская школа», X, 20.

Юстин, — римский писатель II в. н. э., составил извлечения из всемирной истории Помпея Трога. — «Пансофическая школа», ч. I, 83, ч. II, V, 7.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
I. Предисловие	3
II. Проф. А. А. Красновский. «Материнская школа» Я. А. Коменского	5
III. Я. А. Коменский. Материнская школа. Перев. проф. Д. Н. Королькова	10
IV. Проф. А. А. Красновский. «Предвестник всеобщей мудрости», Я. А. Коменского	52
V. Я. А. Коменский. Предвестник всеобщей мудрости. Перев. проф. Вл. И. Ивановского и Н. С. Терновского	59
VI. Проф. А. А. Красновский. Отдельные произведения Коменского из опыта его педагогической работы в Сарос-Потоке	108
VII. Я. А. Коменский. О культуре природных дарований. Перев. Н. С. Терновского	118
VIII. Я. А. Коменский. Пансофическая школа. Перев. проф. Вл. Н. Ивановского	146
IX. Я. А. Коменский. Об изгнании из школ косности. Перев. Н. С. Терновского	194
X. Я. А. Коменский. Похвала истинному методу. Перев. Н. С. Терновского	213
XI. Я. А. Коменский. О пользе точного наименования вещей. Перев. Н. С. Терновского	219
XII. Я. А. Коменский. Правила поведения. Перев. проф. А. А. Красновского	224
XIII. Я. А. Коменский. Законы хорошо организованной школы. Перев. проф. А. А. Красновского	233
XIV. Проф. А. А. Красновский. «Выход из схоластических лабиринтов», Я. А. Коменского	260
XV. Я. А. Коменский. Выход из схоластических лабиринтов. Перев. проф. А. А. Красновского	263
Указатель имен	279

Ян Амос Коменский, т. II.

Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1939 г.

Редакторы В. Н. Вишняков и И. Е. Рыкина. Уполн. Главлита № А-16991
Технический редактор М. И. Натанов. Корректор Т. Н. Ростовцева.

Сдано в набор 14/III 1939 г. Подписано к печати 16/IX 1939 г.
Индекс У-3. Учпедгиз № 11566. Тираж 10.000 экз. Печ. листов 18. Учетно-Издат. листов 21,93. Формат бумаги 80×92/32. Бум. л. 9. Заказ № 19272.

Тип. 1-я Трансжелдориздата. Москва, В. Перяславская, 46.